



№ 20 - 22`
Июль 2002 Г.



УХТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ

КОНКУРС ФАНТАСТИКИ
“СТОУН” !



Алексей МИЛЬКОВ
ЧТО В ТЕЛЕ МОЕМ ТЕБЕ

(научно-фантастический роман)

ВНИМАНИЕ! **ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС!**

Высокая культура возвышает нацию, низкая – принижает. В России каждый двадцатый житель страны сам стремится к авторству, пробует своё перо. 20% из них пишут прозу; поэтов, разумеется, больше – 60%; 15% работают над детективами и научно-фантастическими произведениями; 5% сочиняют эссе по разным поводам, сценаристы для собственных постановок и драматурги; а также создатели во всех остальных жанрах, включая комиксы.

Есть отчего удивиться, встревожиться и... обрадоваться.

И с этой жаждой творческого самоутверждения нужно считаться.

Фирма “Стоун”, газета “Ухта”, журнал “Ухта литературная”, Управление Культуры г.Ухты проводят Открытый конкурс по Республике Коми на лучшее произведение в жанре научной фантастики.

1. Название конкурса

“Стоун”.

2. Цель

б). Определить творческие силы нашей республики в литературных формах науки и техники для прогрессивной оптимизации жизни.

3. Участники конкурса

Постоянные жители республики Коми, приславшие подтверждение своего литобъединения.

4. Номинации конкурса

- а). За роман;
 - б). За повесть;
 - в). За короткую повесть;
 - г). За рассказ;
- д). За произведение на тему “Технология рачительности и энергия ресурсосбережения;

5. Жюри

Председатель – директор Фирмы “Стоун” Ачилова Тамара Иозасовна.

Писатели, журналисты, почетные граждане Ухты.

6. Поощрение победителей

Победители по номинациям получают премию “Стоун” (в материальном выражении). Также присуждаются 3 поощрительные премии.

Рукописи любого объёма до конца декабря 2003 года присылать в электронном виде на адрес электронной почты E-mail: burgui00@online.ru или на дискете по адресу: 169 319 г.Ухта, ул. Куратова, 10 – 68, Милькову Алексею.

Лучшие произведения будут опубликованы на страницах газеты “Ухта” и журнала “Ухта литературная”.

Тел. для справок: . (8-247) 1-74-91.

С пожеланием удачи
ОРГКОМИТЕТ КОНКУРСА

Алексей МИЛЬКОВ

ЧТО В ТЕЛЕ МОЕМ ТЕБЕ

(научно-фантастический роман)



ЭПИГРАФЫ

Что ты, и я то был; ты будешь то, что я.

А.Сумароков

Дано мне тело, что мне делать с ним?

Таким единым и таким моим?

О.Мандельштам

Бурум-шурум,

Шалты-балты.

Кто ты? Кто я?

Был – я, стал – ты.

С.Лагерлеф

Глава 1. На лихачей должной управы нет

Утреннее солнце играло на блестящих поверхностях эргомобилей, но с трассы они назойливо жужжали как мухи.

Пуальфина Руга к этому неудобству ещё испытала озноб от сквозящего окна и прикрыла форточку. “Это изоляция от внешнего мира”, – ещё подумала она. Суббота принесла одиночество, но и от дней недели, предшествующих ей, Пуальфина была не в восторге – всё то же томительное ожидание работы, всё то же стремительное накатывание уныния, всё то же ощущение, что она сходит с ума. Это первоклассного специалиста разведки судьба испытывала на прочность.

Пуальфина равнодушно посмотрела вниз. В отличие от неё – никуда неспешающей – там кипела работа множества коммунальных и строительных служб. Одновременно во дворе скопились мусорщики, сантехники, электрики, три чиновницы рисовали руками в воздухе перспективу детской площадки. К подъезду подъехал грузовой эргомобиль, и двое рабочих открыли задний борт. Они явно не торопились приниматься за разгрузку, о чём свидетельствовала их перебранка, распределявшая роли. Наконец, один взобрался в кузов. Пуальфина изнывала от скуки и переживала щемившее грудь разочарование. Второе было явно следствием первого, а первое – давили обстоятельства – от вынужденной на этот день безработицы.

В этот момент колыхнулся небосвод и ленивый, но пытливый взгляд девушки выхватил высоко в небе вспышку...

Вспышка была продолжительной. Значит, процесс стабильный, размеренный, упорядоченный. А свет, сначала слабый, становился всё сильнее и красочнее. Непривычный, намного мощнее, чем создают местные летательные аппараты, но намного слабее, чем от молний.

Что же это могло быть?

Мало ли что может случиться в небе Мингалы, перевернутого в главную транспортную космическую магистраль. Всё что угодно.

Между тем, белая полоса пересекала небосвод с северо-востока на юго-запад и стала столь ослепительной, столь впечатляющей, что Пуальфина испугалась и прикрыла глаза руками. Тотчас же на ум пришли подозрения – это след от столкновения, или неудачной попытки запуска ракетолета, что часто случается с плохо сконструированной, недоработанной, недотянутой испытанием или передержанной техникой. Или кто-то из пилотов потерял ориентировку и нашел слепую смерть во время тренировочного полета. Конечно же! И на лихачей должной управы нет. Не иначе! В конце концов, просто они не избежали погребального пламени. И если сегодня кто-то стал трупом или пеплом, то кто-то вдовой, и очередные дети осиротели.

Пуальфина еще раз с опаской взглянула на небо. Эти вспышки были ни в какое сравнение! Яркие, но ровные, продолжительные и последовательные.

Возможно, более калорийное и качественное топливо! Характер излучения говорил об этом.

Пуальфина задрожала. К её удивлению, на этот раз у неё на глазах не выступили слезы. Она интуитивно чувствовала – всё в порядке вещей, и надо сохранять спокойствие.

А на улице не было по случаю ни воя сирен, ни криков женщин, ни визга резко тормозящих эргомобилей.

Интуиция ей подсказывала, что эта мощная полоса широкой световой гаммы не могла быть ракетолетом обычного класса внутренних сообщений. Только неизвестного, более высокого. Без сомнения экспериментальная модель с ещё не разрекламированными техническими данными.

Что это, что, что же тогда?

Может быть, межпланетный корабль, несущий людей и свежую информацию?

Это было ближе к истине.

Пуальфина проследила весь путь светящейся ленты, уже начавшую терять свою яркость, что говорило об

уменьшении скорости. Полоса была уже не столь ослепительна, что девушка даже убрала ладонь от головы, и посмотрела вниз, наблюдая за тем, как рабочие таскают мешки, разгружая грузовик. Двое других размешивали в бетономешалке цемент. Ещё двое, стоя на коричневой крафт-бумаге, положенной поверх будущих ступеней у входа в здание, делали разметку рулеткой. В пустых глазницах открытых окон мелькали люди. Рабочие делали свое дело, была простая деловая суতোлка на стройке, такая же обычная, какая не предвещает ничего сколь угодно знаменательного.

Значит, сила света была такова, что аппарат даже не освещал тени.

Из сопла раздался прострел, затем второй. Прострелы следовали один за другим, как салюты при торжественном марше. И вдруг эти искусственные облачка превратились в буквы ЗЕМЛЯ ПРИВЕТСТВУЕТ МИНГАЛУ.

И тут четверо рабочих внизу задрали головы, к окнам прильнули многочисленные лица, в их выражениях появились растерянность, озабоченность и страх, которые только что прочитывались на Пуальфине.

Взглянув на часы – пол десятого утра – Пуальфина вздохнула: ритм её сердца был явно нарушен, скорее всего, в городе творится неладное, сродни хаосу.

Светящаяся полоса продолжала раскручиваться в сторону и нырнула к югу. Объект пропал без хлопка при приземлении, скрывшись за домами, где-то в районе дворцовых комплексов Кар-Кор и Кор-Кар. Там находился космодром. Небо теперь казалось мирным, словно вообще ничего не случилось.

Зная, что распускаться просто глупо, Пуальфина подавила подступившую истерику и попробовала более спокойно переварить то, что увидела. Свет уже исчез, мир вокруг принял привычные очертания, такие же обыденные, как и во все эти дни её непроизвольного бездействия.

Ей действительно почти хотелось, чтобы это и в самом деле оказался чей-то свет, суливший что-то полезное и перспективное. Её неугомная, деятельная натура испытывала сейчас какую-то тревожную взволнованность, противоположную разочарованию.

Пуальфина поплотнее закуталась в плед, хотя было не холодно, и ещё раз с надеждой подняла взор к небу. Но оно приняло первозданный облик. Она уже твердо знала – вот оно секретное задание, распутать которое доверят именно ей. Это новая, интересная работа, и прочь сидение дома без определенных занятий, сходя с ума от скуки. В доме тепло и светло, здесь ей было вполне уютно и внешне комфортно, но было что-то намного важнее, чем просто оставаться под защитой стальной двери в этом автоматизированном доме.

Космический корабль! А в корабле мужчины. А мужчинам нужны красивые женщины в элегантной упаковке в утилитарно-прикладном значении. Мужчины не видят в женщине высокую материю, видят прежде всего куклу, а потом уже домработницу, затем живородящую модель, и прочее-прочее, когда входят во вкус своего мелкого стяжательства. А кто на Мингале самая симпатичная кукла, то есть девушка на неё подобная, кто лучше всех может бросить томный взгляд, от которого начинают дрожать мужчины и могут сойти с ума? Без сомнений! Она – Пуальфина!

Она перешла на кухню и включила плиту, затем достала из морозилки картонную упаковку, вскрыла пирог с курицей, сунула его в духовку. Тяготиться бездельем – это было что-то невыносимо. Хватит ипохондрии! С утроенной энергией она стала чистить картошку.

Глава 2. Мингала! Это было начертано в Книге судеб

Ну что ж, Мингала так Мингала! Перст судьбы! Это название планеты пробудило в Дмитрие сложную цепь воспоминаний...

Из всех запросов о работе одним из первых ответ на резюме пришел из Института Развития Передовых Технологий.

Он шел тогда на собеседование и рассуждал:

“Я Дмитрий Сорокопяттов. Во всем мире мало найдется людей, знающих кто я. Остальным это знать необязательно. Ибо никто, в своих же собственных интересах, не пожелает насильно открыть мою тайну. Есть три вещи, до которых никому нет дела: моя физиономия, мое происхождение, моя нравственная устойчивость. Я питаю отвращение ко всякой аффектации и хочу дать понять всем дотошным, что тут нет попытки с моей стороны создать какой-то противовес мнению о себе. Но есть некий рубеж, который никто не может перейти безнаказанно. Я не знаю в себе ни чёрного меланхолика, ни розового оптимиста. Но я бываю иногда и тем и другим. По обстоятельствам. Ситуации вынуждают нас быть не только такими. Всякому свойственна и отвага, и робость, и легкомыслие, и крайняя нерешительность, и зависть, и великодушие, и скупость, и широта натуры. Важно найти в себе культурные колоски этих качеств и взрастить их, а сорность выполоть”...

Его рассуждения здорового человека имели под собой почву.

Он воспитывался в традициях семьи, которая в течение нескольких столетий влияла на политику и науку в регионе. Согласно традиции своего дома, он провел три года в одной из известных гимназий, которая подготовила его в один из старинных классических университетов. Пробыв там ускоренных шесть семестров, он экстерном сдал экзамены, получил ученую степень по кафедре философии и медицины, при этом прошел военную подготовку. Это недурно для малого, не достигшего и двадцати одного года. Дмитрий всегда любил заниматься и имел склонность к наукам и изучению языков. Как-то играючи он в три месяца основательно изучил язык мингалетов, который рано или поздно очень пригодится в будущем. Дмитрий верил в это, как в себя и в многое другое, свойственное молодости.

По окончании университета Дмитрий вернулся домой. И тут его ждал удар. Родители откровенно сказали ему:

– С этой минуты ты взрослый. У тебя начинается своя жизнь, мы не имеем права сдерживать твою индивидуальность и продолжать учить жить. Свободен на все четыре стороны...

Он понял – почему. Он всегда был неуправляемым и своенравным, и теперь, впитав в себя воспоминания не лучшего порядка, неприятные, в общем-то, воспоминания о несправедливостях, творимых по отношению к

нему в семье отцом и матерью, через зубовный скрежет отчасти согласился с ними. Конечно, полный впечатлений свободной университетской жизни, он позволял себе поступки, которые не могли нравиться родителям. Так как Дмитрий не обращал никакого внимания на протесты в виде их постоянных поучений, и продолжал действовать в том же направлении, пренебрегая их наставлениям и советам, то вскоре его родители признали за лучшее избавиться от строптивого сына, предать его полному и окончательному забвению, предоставив абсолютную свободу самому себе.

И вот теперь, будучи единственным сыном, он был очень быстро и основательно ограблен в материнском тепле, а в интеллектуальном и бытовом плане лишен того привычного положения в жизни, которое должно бы быть своим, но никогда своим не стало. И когда теперь только будет? Он уже привык иметь высокие устремления, но не осуществившиеся надежды разбили многие его идеалы. Первый тяжелый удар судьбы сделал из него фаталиста, и теперь он только пожимал плечами. Ему пришлось самому устраивать свою жизнь, и, обсудив всё с самим собой, он радовался этому. И всё же, спасибо родителям за науку – к двадцати одному году он вынес больше жизненной школы и впечатлений, чем приходится на долю полдюжины средних юнцов.

Он умер для родителей окончательно и бесповоротно, а родители для него, и Дмитрий нашёл, что это даже к лучшему, потому что мир велик. Порвав все семейные связи, Дмитрий стал вести скитальческий образ жизни, благо помогала университетская практика. Он побывал во всевозможных уголках сначала земного шара, а потом и ближайшей галактики. Пространство осваивал с любовью и жадностью перелетных птиц. Ему пришлось наблюдать много такого, что очень пригодилось в его последующей карьере. Туземцы, обитатели западной и центральной части галактики, всегда привлекали Дмитрия больше, и он скоро узнал, чем можно легко обезоружить их подозрительность и завоевать доверие, а это очень трудно давалось для любого землянина. Дмитрий никогда не бывал в восточной галактике, но по тому, что ему пришлось слышать и читать, он представлял себе, что жизнь там наиболее походит на яркую, здоровую жизнь туземцев в единении с природой, чем в какой-нибудь иной стороне.

Дмитрий находился в Департаменте Директив и Консультаций. Во всех из многочисленных бесед с очередным работодателем, они говорили о его личных качествах. И сегодня будет то же самое.

Хозяин кабинета встретил его сильным рукопожатием.

– Я Осмоловский – директор проекта Института Развития Передовых Технологий, – представился он.

Но затем, как бы прицениваясь, он, как ребенок, гоня белую жвачку из угла в угол рта, долго разглядывал Дмитрия, временами показывая розовый испод языка.

– Отныне вам предстоит взяться за труд куда более осмысленный. Карьера, вы понимаете меня? Будущее призвание. Дело всей вашей жизни.

– Вы правы.

– Вам, значит, на сегодняшний день двадцать три?

– Да.

– Всего ничего. И вы что-то там закончили?

– Университет, кафедра философии и медицины.

– А экономика, литература, история?

– Экономике меньше, истории больше, литература – так себе.

– Юриспруденция?

– Юриспруденция в той форме, в которой необходима.

– Вы что, специалист-универсал?

– Ну, не так чтобы совсем...

– Вы изучали политологию?

– Да.

– Философия вам зачем?

– Обязательный предмет.

– Психологию?

– Непременно.

– Так, погодите минутку. Естественные науки?

– В первостепенном порядке и основной упор.

– Значит, медицинское образование превалирует над остальным.

– Основа основ.

Работодатель выказал живейший интерес к наукам и горячую симпатию к Дмитрию.

– Присовокупим сюда ещё два года практики.

– Да.

И тут прищурил глаз.

– Как вы смотрите на возможность поступить к нам на службу в качестве космического секретного научного сотрудника по связям с восточной и иной галактикой?

Дмитрий задумался – торопиться с ответом никогда не поздно.

– Работа требует дисциплины, самоотдачи и самопожертвования, отказ от женщин, – перечислял тот.

Этот тезис вызвал усмешку у Дмитрия.

– Всё, что было присуще членам средневековых монашеских орденов? – спросил он.

– Да, по иным суждениям, жизнь космического секретного научного сотрудника сродни жизни монаха.

– Меня трудности не страшат, – твердо заверил Дмитрий.

– Секретный – это о! О! – сделал работодатель упор на восклицательный знак.

– Почему – обязательно секретный? – спросил Дмитрий.

– Это большая узкая программа, пока не в рамках государства, ускользающая от его недремлющего ока, – не нашел ничего лучшего объяснить Осмоловский. – Так пожелало одно частное бюро. Объемная информация стоит дорого, а добывается с боем и секретно, потому что ничто открыто не лежит на поверхности.

Дмитрий с интересом слушал.

– И ещё, в информации встречается много бестолковой мишуры, как говорится, не верь глазам своим.

– А чьим? – спросил Дмитрий.

– С красным дипломом и уже опытом жизни вы смотрите исключительно специалистом.

Дмитрий попросил:

– Объясните, что от меня требуется?

Но тот уклончиво ответил:

– Прежде чем приступить к изложению программы, будьте любезны сказать мне, согласны ли вы поступить к нам на службу?

Вопрос был поставлен и косвенно и прямо, и Дмитрий ответил:

– Да, если только от меня не потребуется ничего такого, что будет противоправно всякой нормальной этике.

Какая-то особенная ослепительная улыбка скользнула по розовому лицу работодателя. Потом, смотря на переносицу молодого человека, он заговорил сухим, резким официальным языком:

– Мы пользуемся тем же оружием, которое употребляют против нас. Мы не можем себе позволить брезгливости, а наука тем более не терпит её, как и ваша специальность – медицина. На карту поставлены слишком крупные программы, и частные и государственные стратегии, для того чтобы личные этические вопросы могли стать препятствием на пути. Прежде всего, от вас потребуется, чтобы вы доставляли те сведения, которые мы ищем. Набор, а тем более, выбор средств, при помощи которых станете добывать эти сведения, будет целиком зависеть от вас. Нас интересуют конечные результаты. Мы предоставим в ваше распоряжение все наши разработки по интересующему вопросу. Наш институт всецело окажет помощь, но вы должны понимать, что мы не в состоянии всем космическим секретным научным сотрудникам помогать выпутываться из затруднительных и сомнительных положений, в какие каждый может попасть. Будьте добры точно запомнить это. Работа сложная и опасная, и никакая официальная помощь не может быть вам гарантирована ни при каких обстоятельствах в силу удаленности от Земли и неимения круга знакомств. Вы представительный молодой человек, прилетите на чужую планету, вас могут встретить с радушием, почтением и подобострастием, что желательно, а есть вероятность... вышвырнуть вон.

– Лучше не говорить о последнем варианте.

Дмитрий со своей стороны, будучи на других планетах, уже имел горький опыт убедиться в том, что это была чистая правда. Он был молодой, но уже искушенный. Ну, что ж, хорошо!

Они ещё не упомянули о финансовой стороне вопроса, и Дмитрий спросил:

– На какую зарплату можно рассчитывать?

– Это всецело зависит от исполнения программы. Во-первых, ежегодное жалование, проездные, командировочные, и за каждую оформленную информацию, приобретенную вами из нужных источников, вы будете получать премию, размер которой будет колебаться в зависимости от ценности добытого материала.

Дмитрий был польщен и доволен.

– Конечно, – продолжал Осмоловский, – такой размер вознаграждения практикуется только вначале. По мере того, как будет возрастать ваша полезность для нас и важность поручаемых вам миссий, будет увеличиваться и вознаграждение. Но это зависит полностью от вас.

– Работа какого рода?

– Представьте себе, что некто только что собрался совершить продолжительное путешествие, но вдруг узнает, что на некоей планете, известной под каким-нибудь названием, например, Мингала, как нарыв, растет революционная и эволюционная энтропия социального прогресса, которая может привести к одним из тех необычных событий, трактуемых историей, как неоднозначные, и которые при всей своей кажущейся неестественности, совершенно изменяют всё спокойное течение жизни и планов любой планеты.

– Неужели, опять грозит вмешательство России?

– Но в чем конкретно, можно только догадываться. Скажу следующее: в принципе из Института Развития Передовых Технологий пойдут дальнейшие программы, зависящие и от ваших сведений.

– Значит, Мингала? – догадался Дмитрий.

– На Мингале, – сказал Осмоловский, – положение, скорее всего, изменилось и динамика нам неизвестна. Девяносто процентов за то, что война или ей подобная ситуация уже захлестнула планету. Ваша работа с молодой активностью, задором, с вашим медицинским образованием и умением обрывать связи в обществе даст прирост знаний и влияние над теми научными силами, которые пока ставят наш институт в неуважаемое положение в глазах академического мира.

Его предложение стало представляться Дмитрию в благоприятном свете. Следовательно, Мингала. Это забавно! Это прелестно! Последний довод и знание языка этой планеты имели решающее влияние на решение связать свою судьбу с этим институтом. Это было то, что надо для честолюбивого молодого человека.

– Вот скажите, Дмитрий, если сеешь семена репы, вырастает обязательно репа. А если целенаправленно запускается деза...

– Что такое деза?

– Дезинформация.

– О чём?

– Ну, например, что у нас на Земле достигли уровня обмена телами.

– Но у нас нет и в помине обмена телами.

– Правильно, мы топчемся на месте. А, предположим, что есть.

– Но ведь нет.

– Вы, как биолог, лучше меня знаете, что такое попасть нуклеиновой кислоте на благоприятную почву безжизненной планеты. Планету захлестнет небывалое развитие: сначала появятся примитивные организмы, а потом высокоразвитые...

Что-то в этом постулате было забавное.

– Дмитрий, зарони в умы первобытного человека идею колеса, он тут же его изобретет. Правильно?

– Согласен. Когда идея витает в воздухе, она приобретает масштабы вселенского значения, становится всё понятно, что произойдёт дальше.

– Следовательно?..

– Следовательно, сама мысль является той самой нуклеиновой кислотой на благодатной почве.

– Открытия всегда находятся рядом. И вы, Дмитрий, сами нашли ответ.

– Я тоже считаю, что это интересная теория.

– Помните, что сказал Карл Маркс: “Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма”.

– И стали происходить революции.

– Вы правильно произнесли это слово. Революционность есть во всем. Вот здесь нас ждут необозримые горизонты неожиданностей.

– Для чего это надо?

– Наука не должна стоять на месте. Заодно проверяется вероятность воплощения идей в реальность – от мысли до готового образца.

Работодатель вопросительно поднял брови.

– Если вы любите путешествия и приключения, то я обещаю вам, что вы встретите много интересного. Я тщательно взвесил за вас “за и против” и нахожу, что это

будет работа, выгодная для обеих сторон, – вкрадчиво сказал он.

– Хорошо! – сказал Дмитрий. – Я согласен!

– Прекрасно, – обрадовался Осмоловский, – чтобы иметь возможность быть полезным, вам нужно будет ознакомиться с известными особенностями планеты Мингалы. Мингалеты – очень хитрый народ, как, впрочем, и все остальные на свете. Сколько вам дней хватит? В состоянии ли вы начать собираться в дорогу в ближайшее будущее?

– Я могу вылететь в любой назначенный вами день.

Он протянул руку.

– Вы решились быстро, это замечательно.

– Таков мой характер. Я или соглашаюсь, или отказываюсь.

– Это мне нравится, молодой человек. Вы решительный человек. – По-видимому, Дмитрий действительно произвел на него впечатление.

Конечно, Дмитрий готов был окунуться в новую работу хоть сейчас. Они поговорили ещё о некоторых незначительных деталях.

– Заявление необходимо подать немедленно, скоро отправляется корабль.

Через неделю Осмоловский спросил:

– Как скоро вы могли бы отправиться?

Приятное волнение переполняло Дмитрия.

– Как скажете.

– Понедельник, – Осмоловский заглянул в календарь, – вторник, по большому счету всё равно, но среда последний срок.

– Меня среда вполне устраивает.

– 40-й причал.

– Не перепутаю.

– Великолепно! – воскликнул он. – Чем скорее, тем лучше. Я желал бы, чтобы вы всегда были скоры на подъем и руководствовались этим принципом.

Напоследок разговора Осмоловский вручил пакет.

– Договорились. Вскрыть на месте. Там все инструкции секретного научного работника. Будьте осторожны.

Дмитрий чуть не забыл задать главный вопрос.

– Есть между землянами и мингалетами какие-нибудь анатомические различия? – спросил он.

– Так, мелкие различия, как между неандертальцем и кроманьонцем, незначительный обезьяний атавизм, кажется, на лице, в остальном они, как и мы, такие же люди. Разберетесь на месте.

Всё, вопросы исчерпаны.

Мингала! Это было начёртано в Книге судеб, и Дмитрий быстро собрался в дорогу.

Дмитрий Сорокопатов на этот раз сжал в кулак свое благоразумие и сжег за собой мосты ненависти к родителям перед дальней дорогой. Он сел на корабль, отправлявшийся на Мингалу, которая по сводкам была арендой кровавой борьбы и противостояния неизвестно пока каких сил, и высадился там, не прошло и полгода.

Прежде всего, вскрыл пакет. Это была обычная памятка. Текст был таков: “Обострённая наблюдательность, внимание к мельчайшим деталям. Помните, это первое путешествие, затем последуют ещё. Никаких нестандартных ситуаций. Ограничиться типовыми правилами. Не верить аборигенам. Не рисковать. Не следовать обычной практике и дурной привычке совать свой нос,

куда не следует. Исполнить свой долг перед наукой, во что бы то ни стало”.

Глава 3. Ваши желания опережают самые дерзновенные мечты

Дмитрий решил представиться под видом доктора естественной истории и ботаники. Все эти науки и медицинское образование давали ему познания и возможности, необходимые для того, чтобы олицетворять собою то или другое лицо по обстоятельствам.

Путешественник поднял вместительный, довольно тяжелый чемодан с медицинским инструментарием. Открыв разгрузочный люк, он выглянул наружу. Вокруг собиралась толпа.

– Привет! – он сделал усилие на лице и улыбнулся.

Улыбнулся по этикету нормальных людей, а не по поводу того, что увидел. Мингалеты обоего пола ничем не отличались от земных собратьев, только и в самом деле проглядывался незначительный обезьяний атавизм у каждого на лице. Весьма удивительны были волосы на лицах, зрительно увеличивающие размер головы! Волосы росли в одной фокальной плоскости, были редкие, но не короткие и не длинные, и судя по всему жесткие и колючие, как у дикобраза. Даже стрелообразные. Их стрижкой они придавали лицу любую форму от круглой до продолговатой. Волосинки, растущие как бы из общего центра, искрились и выглядели как минерал турмалинового солнца. Цвет волос на лице и на голове в большинстве совпадал. А так – характерные лики, не отталкивающие, слава богу, не с лошадиными челюстями, опять же, может быть чуть обезьяньими. Так же заурядны были причёски на голове. Одежда была основательной и давала крен в сторону свободного покроя.

– Добро пожаловать на Мингалу, – сказал представительный человек, и мингалеты сразу понравились Дмитрию за их веселые, звонкие голоса и открытые чистые глаза. У него даже сложилось убеждение, что они умны, проницательны, прозорливы и начитаны.

Дмитрий спокойно выпрямился и стал смотреть на мир планеты перед ним: на тупоконечные башни, светящиеся краской даже днем в дальней дымке, на прохладную зелень деревьев, на синее, где-то алое буйство цветов в садах и на наклонных террасах холмов.

Прибыв на планету, Дмитрий остановился в гостинице “Феасант”.

К нему подошел мужчина, державший в руках красочные проспекты и анкеты с женскими фотографиями. Первым делом он сунул Дмитрию несколько штук в руки, сказав при этом:

– Ваши желания опережают самые дерзновенные мечты. И все это произойдет благодаря фирме “Пиэлт”. У нас большой опыт работы с недвижимостью и с движимостью тоже, и спектр предлагаемых услуг многообразен: обмен, купля-продажа, аренда, кредит.

– Вы что-то желаете предложить? – спросил Дмитрий.

– Чего скрывать. Вы, землянин, прилетели сюда с одной единственной целью. Мы знаем.

– С какой?

– Обмен телами.

– Мое тело – предмет купли-продажи? – спросил Дмитрий, недоумевая.

– С вашим нам всё понятно, и мы не в претензии, мы предлагаем свой встречный ассортимент, – сказал мужчина.

– Так вы коммивояжер?

– Да, наше дело искать клиентов.

– Тело у вас действительно первосортное, – с иронией отметил Дмитрий.

– Я не про свое.

– Почему бы и нет?

– Нам нельзя на работе отвлекаться и заниматься личными делами.

– А вам собственно это зачем?

– Я получаю процент от сделок.

– Сколько одна такая стоит?

– Зависит от значимости обмена, так сказать, от статуса обменивающихся сторон. Например, банкир идет лучше сантехника.

– А кто выше: банкир или криминальный авторитет?

– Это как посмотреть, скорее, даже не коммерческая тайна, а договорная процедура.

– Вы получаете большие деньги?

– От желающих нет отбоя.

– Тогда зачем нужен я?

– С сегодняшнего дня вы в списке кандидатов значитесь под первым номером. Наши граждане с воодушевлением смотрят на вас.

– А если я ценю свое тело выше всех?

– Ну что ж, у вас есть шанс, как у той мечтательной девушки у окна, которая осталась на всю жизнь в девках.

– Вы пугаете?

– У меня есть чутье, что сделка состоится.

– Я вижу, на фотографиях мелькают только женские личики.

– Какой мужчина не кинет вождельный взгляд на них, поэтому дураков отказать нет! – воскликнул коммивояжер.

– Предлагаете только женские тела? Вы, что, считаете меня маньяком, падким только до всего женского?

– У мужчин к женщинам особый, можно сказать, сугубо предметный интерес с научно естественным уклоном!

– Я ещё молод, чтобы глубоко думать о них.

– Вот тут не надо горячиться, но надо поторапливаться, мы предлагаем и мужские.

Коммивояжер веером распластал новую пачку анкет.

– Спасибо-спасибо! – Дмитрий отмежевался от них, потому что был не в восторге от обилия бородатых личностей.

– Можно бы предложить и детские, но это криминал.

Это было сказано невзначай, так осторожно, что Дмитрий понял, что существует чёрный неформальный рынок.

Он уже успел осмотрительно прикинуть.

– А если навести справки и выяснится, что упомянутое тело принадлежит находящемуся в розыске. Действительно, можно попасть в неприятность.

– Анкеты проверенные, люди что надо.

– Тела отвечают всем предъявленным им требованиям?

– О да, конечно.

– Какие?

– Если честно, то никакие.

– Странно.

– Больше требований – больше торга, и, следовательно, мало перспектив и много тупиковых ситуаций.

Коммивояжер перевернул анкеты, на которых с тыльной стороны приводились весьма интересные данные о субъектах, расположенные в графы: “возраст”, “род занятий”, “вредные привычки”. Все на любителя. Поразила графа “процент изношенности”, где были представлены проценты: минимум – один, максимум – пять.

– Но у кого тело идеально или кто признается, что у него плохое тело? – прокомментировал мужчина. – Вот каждый из кожи и лезет. Лучше ошибаться в практическую сторону.

В графе “отдельные отметки” в основном значилось: “без недостатков, красивое, физически развитое”.

– А что за комиссия, которая имеет право выставить проценты? – спросил Дмитрий.

– Обычная инвентаризационная комиссия, начисляющая амортизационные сроки. Раньше она нужна была в применении только к станкам, оборудованию, а теперь и к человеку.

Дмитрий покачал головой.

– А многое ли из этого правдоподобно?

– Простите?..

– Большинство подобного рода документов – просто липа.

– Наша фирма на рынке движимости показала себя с лучшей стороны, пока ни одного прокола.

– Стоп! Вот тут объясните, что такое движимость?

– Это всё, что движется. Дом – это недвижимость, а автомобиль уже движимость.

– А я причём?

– С недавних пор к катерам и яхтам у нас причислили и человека, раз на него пошёл экономический бум.

– Чем ещё может заинтересовать ваша фирма?

– Ещё есть клиенты с опытом...

– Что вы имеете в виду?

– У некоторых за плечами два-три обмена.

– А кто больше в цене?

– Я знаю, вы сразу подумали о женщинах, побывавших много раз в разных руках. В данном случае цена только растёт от каждого совершенного случая.

– О да! Человек, познавший обмен телами, заслуживает большего почтения, – напыщенно дал дань уважения Дмитрий.

Коммивояжер нетерпеливо произнес:

– Насколько наши предложения для вас любопытны?

– Я вам позвоню. – Дмитрий отвернулся в сторону.

– Позвольте кое о чём спросить. Если бы мы предложили тело, которое бы вас устроило, вы бы согласились взять его, предположим, в аренду, скажем, на пять лет?

Дмитрий покачал головой.

– Вопрос чисто гипотетический, не так ли?

– И всё же, – не отставал тот.

– Это новая форма услуги?

– Да, разновидность, всего лишь связанная с функцией времени.

– Это, конечно, заманчиво... – протянул Дмитрий.

Но коммивояжер вцепился мёртвой хваткой.

– Однако, вернёмся к обмену телами, господин Дмитрий, может быть, у вас есть своё мнение на этот счёт?

– Ничего не могу сказать по этому поводу. Видите ли, я чувствую себя здесь несколько чужим.

– Чужим? Ах, ну да, конечно. Ведь вы из космоса. Если не знать, вы были заключены чуть ли не в замкнутую капсулу кабины корабля, но пройдёт время, и вы проникнитесь свободным ощущением приобретательства и накопительства, как частных случаев предпринимательства...

Дмитрий выпроводил надоедливого коммивояжера за дверь.

Через час, почувствовав себя достаточно уверенным для прогулки, он решил осмотреть окрестности вблизи города. Предусмотрительно захватив с собой маленькую лопатку для выкапывания червей и сачок для ловли бабочек, принялся путешествовать по холмам, многочисленно окружающих город Миао-Чао.

Дмитрий навел трубку на город. Он находился на большом полуострове и лежал на длинном валу из холмов. С зюйд-веста его омывает уходящий далеко вдаль среди фиордов и островов залив; с норд-оста – озеро вкрапилось зеркалом среди полей. Крестьяне в полях были смуглы и красивы. Под солнцем зрели кукуруза, виноград, табак.

Стоял мирный, солнечный день. Преобладали расстроенные верхушками кипарисы, увешанные бороатым мхом. В деревьях носились птицы, солнечный свет просеивался кронами и рисовал на поросшей мхом земле дрожащие узоры. Змеей резвилась речушка. Вокруг было тихо, если не считать щебетанья птиц, да шуршали его собственные шаги, приглушенные мхом.

Дмитрий обратил внимание, что здешняя атмосфера являла собой одну особенность: в ней присутствовало нечто такое приятное, притягательное, что не поддается объяснению, а потому двигало к обаянию и разнеженности в чувствах к природе, а не раздражению. Дмитрий не знал, как это лучше выразить словами. Пожалуй, как сторонник сезанизма, не считаясь с красками радуги, между словами “импрессионизм” и “сюрреализм” он отдал бы предпочтение первому, находящемуся по словесному значению ближе всего, а потом бы и второму.

Вдруг сзади он ощутил прикосновение. Почему-то более чем мерзкое. Из древесных крон порхнули в небо стаи встревоженных птиц. Проводив их взглядом, Дмитрий зашагал дальше. Вынырнув сзади, перед ним перегородил путь старик. Он явно скалил редкие жёлтые зубы и как-то неуклюже сутулился, и было непонятно, то ли он под тяжестью годов сгорбился, то ли его скрутил запущенный сколиоз. У него лицо покрывала густая седая борода, но волос на голове было совсем мало. Лицо выделялось загаром – видимо, он много времени проводил на свежем воздухе.

– Я буду в тебе, а ты во мне, – вкрадчиво прогнусавил старик. Он тянул в сторону Дмитрия пальцем с набухшим суставом и отрывисто произнес дальше:

– Счастья без обмена телами не бывает. – Между прочим, голос был понятным, мягким и вместе с тем дос-

таточно уверенным. – Наш великий философ Вирликам сказал: “Человек не есть тот, кто он есть на самом деле”.

Дмитрий заметил, что в глазах его поблёскивал непонятный огонёк. Такого нечитаемого блеска он никогда не видел. При этом старик интенсивно занялся морганием одним глазом.

“Нервный тик!”

Что-то оно было похоже на обычное подмигивание. Но артритом старик точно болеет.

Дмитрия пробрала дрожь, затем он почувствовал легкую конвульсию по телу и спазм в желудке. Его вдруг затошнило, и он опрометью бросился к ручью. Старик даже не подумал отстать. После рвоты стало немного легче. Дмитрий пил воду маленькими глотками, и желудок пришел в норму.

– Пора возвращать природе наши долги! – прокрипел старик.

Дмитрий присмотрелся к попутчику, он был с худым лицом аскета и рельефными, тщательно выбритыми скулами, без следа от турмалинового солнца волос – гордости каждого мингалета. Время от времени приступы кашля перекашивали его лицо.

– У вас очень больной вид, устойчивый артрит, возможно сколиоз. Может быть, я могу вам чем-нибудь помочь?

– Очень буду рад, – ответил старик. – Я хоть и старый и инвалид, но я еще ого-го! Могу совершать восхождения на несложные скалы и хребты для собственного удовлетворения. При достаточной практике я могу частично восстановить функции искаленной правой ноги и затем уже в одиночку преодолевать более сложные вершины и даже восьмитысячники...

– Лучше отступить перед высокими вершинами. У меня есть лекарства... – вставил Дмитрий.

Старик почему-то не заинтересовался ими и произнёс:

– Лучше лекарств может быть только обмен телами.

Пока Дмитрий ловил бабочек, юродивый старик с подобными словами не отставал ни на шаг и лез в душу. Дмитрий корил себя, что поступил опрометчиво, необдуманно далеко отойдя от города, и только следил, чтобы в руках старика не оказался тяжелый предмет, способный нанести увечье.

Между тем старик убеждал:

– Жизнь изменится к лучшему! Обмен телами – о, какое счастье! Ради него стоит жить, верно? Подумайте о том, какое значение это может иметь для вас в общественно-политическом смысле, о росте вашего личного влияния, о том, что вы будете занимать возглавляющие высшие посты. И это приведет вас к руководящим должностям быстрее, чем любая другая деятельность, о которой вы только можете мечтать. Никакая другая способность, которой может обладать человек, не даст ему возможности в плане роста карьеры и добиться признания, как обмен телами...

Дмитрий прислушивался к его сбивчивой, но понятной речи. Что-то осмысленное и подкупающее звучало в ней.

– Это достижение, к которому стремится каждый образованный человек. Это придаст вам ощущение силы, ощущение могущества. Это вселит в вас гордость своими успехами. Тем самым вы опередите других людей и выиситесь над ними...

Продолжая ловить бабочек, Дмитрию было интересно слышать такое.

– В принципе, мы напоминаем друг друга слепого, ведущего другого слепого. Нелепая ситуация. Никакого прогресса. Мы поняли, что распоряжаясь действием, которое находится под непосредственным контролем воли, мы можем косвенно управлять собой особым чувством, не находящимся под этим контролем.

Дмитрий приостановился, приподнял дерн и из-под него складывал в банку живность. Преобладали нематоды¹, жуки и красные личинки.

– Пойдем, Дмитрий Сорокопатов. – Все не отставал старик. – Но только честным путем, без обмана, и перед вами, молодым человеком, откроются чудесные перспективы.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Из светской хроники, радио и телевидения. Срочно вышла газета “Экстренная Миао-Чао”. Я даже вырезал вашу фотографию и приколот над своей кроватью, чтобы вжиться в ваш образ. Поэтому я вас, вероятно, и вижу. Я очень хотел бы познакомиться с вами на самом деле. А лучший вариант знакомства по нашим обычаям – это обмен телами.

– Вы, судя по возрасту, профессиональный, многократный обменщик телами.

– Я бы не стал называться этими помпезными словами. Как видите, уже почтенный возраст. В силу его, количество обменов стремительно падает. Скорее всего, в настоящий момент, обычный, как и вы, ответственный телосъемщик своего тела, потому что рано или поздно надо возвращаться в первоначальное свое родное.

– Бог дал тело, – сказал Дмитрий и хотел продолжить фразу: “он и может забрать его”, но побоялся запутаться по меркам мингалетов в софистике, возможно, она не приличествовала данной ситуации.

– Бог дал тело и благословляет на следующее. У нас так говорится, – сказал старик, увидев замешательство на лице Дмитрия.

– Приятно слышать от местного жителя. А вы кто?

– Меня зовут Калпор Лер, я работаю в лавке. С навывками резки зеркал и оконных стекол, продаю хозяйственные товары.

Старик поведал свою незамысловатую историю:

– Мне восемьдесят два года от роду, и как видите я вполне бодрый. Очков ещё не ношу, у меня густая шевелюра, не имею лишнего веса. Я всю жизнь пекся о своем здоровье, а в последнее время удвоил усилия, и теперь выгляжу, так как есть. Получаю приличную пенсию. Кроме пенсии есть ещё социальное страхование, есть льготы и кое-какие сбережения. Все это позволяет не сводить концы с концами, полностью содержать себя, и сосредоточиться на обмене телами. Но в последнее время я захандрил, мне часто кричат дети: “Старик, не мешайся под ногами, помирай скорей! Почему ты до сих пор коптишь небо? Почему переводишь воздух, свет, воду и пищу?” Даже такое: “Почему портишь молодых девок? Уми достойно, как подобает старикам”. Они издеваются надо мной. У меня не хватает сил схватить палку и побить их. Это что же получается: на бумаге с законами всё гладко, всё красиво, а правовая практика желает быть лучшей. Я не хочу коротать время с другими старикаш-

ками за игрой в покер, а потом снова и снова отправляться на боковую. Есть право, так дайте воспользоваться этим правом. Я проишачил более полувека, а потому красиво отдыхать не умею и не хочу.

– Вас не устраивает сыворотка долголетия?

– Никакая сыворотка не поможет, если есть панацея грандиознее. Я имею в виду обмен телами, который прописали мне, как последнее средство, медики из государственного здравоохранения. Мне сказали, что иначе я умру, что от меня и следа не останется.

– Зачем он вам, вы и так, несмотря на сколиоз, нормально выглядите – потянете на долгие годы.

– Не скажите. Впервые за свою жизнь я почувствовал себя неважно, здоровье мое пошатнулось, и на одном глазу началась катаракта. И здесь самое время воспользоваться обменом телами и снова приносить пользу людям, обществу. Но в сравнении с тем, что я рассказал, это мелочи. У меня сердце выдохлось, артерии растянулись и ослабли, уже не выдерживают давления крови, все остальные органы тоже рассыпаются на глазах.

Его здоровый глаз засверлил путешественника. Дмитрий покачал головой.

– Может вам обойтись имплантацией нового глаза и сердца – вот и решение всех проблем?

Старик покачал головой.

– Не стоит. Легче найти другое тело, предоставив тому хозяину мои заботы.

– Но у вас, возможно, появятся другие, например, одна нога короче другой, энурез, псориаз.

– Чему быть – того не миновать.

– А смерть?

– Если обменом телами можно биологический возраст отодвигать до бесконечности, то само слово “смерть” отомрет за ненадобностью.

– Без смерти и жизнь становится бессмысленной.

– Не скажите! Это во вселенском масштабе, а так каждый держится за жизнь как за последние штаны.

– Не желаете что-нибудь заменить из органов?

Старик загорелся оптимизмом, а потом, на секунду задумавшись, упал духом.

– Если только все подряд... Нет, это не решение. Всё взаимосвязано. Сердце, даже молодое и сильное, не разрешит локальную задачу. Мои артерии как натянутые струны – ещё чуть потянуть и они лопнут. А это нескончаемые метры кровеносных сосудов!

– Если ещё учесть вены и капилляры, то точно километры набегают...

– Зайдите в любой магазин. Сплошная реклама, а полки пустые. Даже так называемых образцов органов предложить не могут. Но я скажу так, если облаченные властью люди не трансформируют существующий порядок, то найдутся решительные силы, которые изменят его насильственным путем.

– В стране предкризисная ситуация?

– А сколько можно терпеть? Страна на грани гражданской войны. Правительство с поспешностью черепахи решает проблему обмена телами.

Старик продолжал сетовать на жизнь:

– Чёрт побери! Вы правильно задаете вопросы, да, в моем возрасте главным образом, как и раньше, приличествует думать о смерти и следует быть всегда готовым к её появлению на горизонте. И государственное здраво-

¹ Нематоды – черви.

охранение, как вам известно, не обеспечивает замену всего тела, а частичность меня не интересует.

– Как доктор, осознаю это, – грустно сказал Дмитрий.

– Так, значит, вам на Земле тоже не всё по силам?

– Увы, – только и сказал Дмитрий.

Старик понимающе кивнул.

– Разумеется, я многое на свете повидал, а ещё больше не видел. Я по утрам читаю свежие газеты и про всё это знаю.

– Что же вам теперь делать?

– Если государственное здравоохранение расписалось в своем бессилии, я намерен воспользоваться конституционным правом.

– То есть?

– Правом обзавестись новым телом.

– У вас есть подобного рода конституция?

– Ого, ещё какая! С недавних пор...

– А раньше что мешало?

– Возраст-возраст... Молодой был и зелёный.

– Порочный круг...

Дмитрий вздрогнул от неожиданности. Мальчуган лет двенадцати повис на его спине и по-взрослому важно сказал:

– Что прохлаждаешься, дядя? Так и жизнь пролетит без пользы и без толку. Предлагаю обмен телами, пока у меня есть желание и настроение.

– Мальчик, иди, поиграй в куклы, – сказал Дмитрий, попытавшись сбросить его со спины.

– Это не мальчик, а девочка, – подсказал старик. – Ученая девочка.

– Доктор наук? – съязвил Дмитрий. – Сколько будет 365 в квадрате, детка?

– 132125.

– Ого! – Дмитрий изумился.

– Вам предлагают не лишенный смысла обмен, – напомнил старик.

– Я и ребенок? Разные весовые категории.

– Ну, как сказать. Взрослые часто впадают в детство, а дети рано становятся академиками.

– Понимаю, она может у меня многое перенять полезного. Но я то, что у неё? – спросил его Дмитрий.

– Можно ещё глубже и целенаправленно изучить психологию ребенка, вспомнить детство. Будут дети – легче их воспитывать.

– Ребенок всегда хочет быстрее стать взрослым, но взрослый вряд ли захочет обратно стать ребенком.

– Сейчас всё иначе. Проигрываешь в одном, выигрываешь в другом. Всегда можно обнаружить положительные стороны любого обмена.

Ребенок слез со спины, и в самом деле это оказалась девочка: рыженькая и в конопушках, с длинными косичками.

– Разве вам не хочется побыть этой славной девочкой? – спросил старик.

– А какую должность она занимает? Директор банка?

– Никакой.

– Вот как!

– Ей ещё надо получить аттестат зрелости, закончить университет, поступить на службу, набраться опыта. Вот тогда...

– В полной мере проявится её полезность обществу?

– Вы правы. Нельзя предвосхищать события.

– А почему ученая?

– У неё есть небольшой опыт обмена телами, пока в своем узком ребячьем кругу и в игровом режиме.

– Такая маленькая, а уже...

– У нас это нетипичный случай, из ряда вон выходящий, можно сказать – криминальный, с попустительством взрослых.

– Почему?

– Сенат не желает снижать планку возраста на обмен телами.

– Так как тебя зовут, детка? – спросил Дмитрий девочку.

– Мелли Брит.

– Мелли Брит, а сколько тебе лет?

– Уже двенадцать, – похвасталась она.

– Слишком юный возраст.

Старик расхохотался.

– Может быть, где-то такая девочка и считается слишком зеленой, а у нас говорят, что она как раз созрела, пальчики оближешь.

– Сколько раз ты совершила обмен телами?

– Семнадцать раз.

– Неужели, правда? – удивился Дмитрий.

– Правда, – подтвердила Мелли.

– Я же сказал, в игровом режиме, – разъяснил Карпор Лер. – Девочки любят играть в дочки-матери, а все дети – во взрослых, а где реальность и где вымысел – для них всё размыто.

– Да будет на то воля человечья, – пропела писклявым голосом девчушка.

– Соглашайтесь. Этим вы отодвинете свой биологический возраст на ещё какой-то срок... – Старик задумался.

Дмитрий прикинул:

– Мои двадцать три и её двенадцать, итого: на одиннадцать лет.

– Не так уж плохо. – Старик погладил девочку по головке.

– Опять криминальный?

– Вам, землянину, все позволительно.

– Если очень хочется, то можно, – протянула девочка.

– Нет, это неравноценный обмен, – окончательно отказал Дмитрий.

– Неравноценных не бывает. Каждый получает свою долю удовлетворения.

Так же деловито девочка пошла рядом. Старик чуть выступал впереди.

– Вы смогли преодолеть пространство и время. Не может быть, чтобы у вас на Земле не было обмена телами. Понимаю, вы не желаете этим заниматься в чужой стране, что-то скрываете, долго осматриваетесь, осторожничайте. Я бы на вашем месте, возможно, поступил бы точно также. Я завидую, на Земле вы уже пережили всеми возможными жизнями и теперь охватываете чужие территории и можете ставить свои условия.

– Правильно ли я понял, – начал Дмитрий, – что именно я тот самый, с которым вы желаете?..

– Да, – радостно перебил старик, – вы, вы!

Воображение Дмитрия разыгралось, и даже врожденный оптимизм не в силах был его унять. У Дмитрия закружилась голова от ужаса и отвращения, когда он

представил, что сует в рот пальцы, а там зубов нет – пальцы нащупали мягкую поверхность сморщенных десен.

Вид старого тела Карпора Лера охладил его.

– Но почему вы выбрали именно меня? – наконец выговорил Дмитрий.

– Вы для меня приемлемая фигура, – ответил Лер.

– А кроме фигуры?..

– Я буду иметь честь носить ваше имя.

– А я буду иметь честь, что вы будете носить моё имя?

– Конечно, честь честью, – ответил старик.

Дмитрий не ответил ни слова. Он отвернулся, сделал вид, что поглощен раскопками.

Прокричала испуганная птица – и девочка отвлеклась на неё и пропала. А вслед старик, убедившись в бесполезности уговоров.

С грузом первых образцов Дмитрий возвращался в город.

– Я сегодня – я, или вы? Что-то не помню, – сощурив воспаленные от белой горячки глаза, за Дмитрием увязался пьяный. Зрачки сверлили из-под подстриженных аккуратным полукружьем курчавых волос.

– Не совсем понятно. Я – это кто? – спросил Дмитрий.

Глаза пьяного и в самом деле торопливо блуждали в пространстве.

– Привлекательная молодая девушка, одетая в вечернее платье по самой последней моде, – пробурчал он.

В том, что у того в голове не все в порядке, что это были не просто начальные галлюцинации, а настоящие глюки, Дмитрий ничуть не сомневался, не будь он с медицинским образованием. Их порождает горячка. Сама по себе элементарная пьянка уже представляет относительную опасность, но сколько людей погибает от горячки?

В том, что у бедняги видения ещё продолжались, Дмитрий убедился, как только ещё внимательнее заглянул в глаза: да, они были опустошенные и бесцветные.

Дмитрий понимал, что всё происходящее у пьяного – непременно расширенный галлюциногенез, вызванный белой горячкой от последней стадии алкоголизма. Тем не менее, он продолжал выслушивать его торопливые бредни.

– Добрый день, – сказал пьяница, как ни в чем не бывало, и тут же перестроился, – точнее, добрый вечер. Или просто здравствуйте, госпожа Лилан Би.

Личность, о которой шла речь, приобрела конкретные очертания. Какая-то Лилан Би.

– Я не Лилан Би.

– Боитесь признаться? О, как много тех, особенно женщин, кокеток во всех поколениях, кому внешняя красота принесла несчастье и даже гибель!

Дмитрий дал бы голову на отсечение, что умное восклицание мужчины не соответствовало его пустым глазам.

– Я не Лилан Би, – ещё раз повторил он.

– О женщинах можно говорить бесконечно.

– Что, конкретно?

– Они, как всегда, тверды и вежливы, но уклончивы.

– Я не знаю никакой Лилан Би. – Дмитрий решил закончить разговор.

Пьяница опешил, что удивительно было в его состоянии с отсутствующим взглядом.

– Я теряюсь. Кто вы? Разве не...

– Даже приблизительно...

– А кто же вы?

– Я – ваша галлюцинация, – ответил Дмитрий.

– Я готов поспорить, что вы Лилан Би.

– Уж я то знаю точно, что я настоящий.

– А кто же стоит передо мною?

– Не будем спорить, я и есть Лилан Би! – Дмитрий не устоял под напором пьяницы.

– А я что говорил? Я не мог ошибиться.

– Да, я – женщина...

– А мне показалось, что вы мужчина...

Бессмысленный спор выходил на новый виток и предвещал оказаться бесконечным, и Дмитрий благоразумно постарался скрыться в чаше.

– Но кто бы вы ни были, мы должны иметь с вами хорошие отношения, – донеслось до него.

И только вдали он вспомнил, что от пьяницы не разило перегаром. Да это же запутавшийся в чем-то, но нормальный человек! Дмитрий бросился назад, но того след простыл.

Есть же странные люди!

Глава 4. Нигде в мире у женщин нет столь энергичных и атлетически волнистых подвижных губ, как у этой мингалки

Дмитрий почувствовал, что глубоко углубился в лес и вдруг насторожился. Он слышал сквозь стук своего сердца обрывки фраз, доносящиеся к нему:

– Революция!

– Достоинство!

– Честь!

Дмитрий подошел ближе на голоса.

– Роскошь и помпезность укорачивают существование системы, – услышал он совсем рядом.

Группа людей бурно обсуждала какой-то животрепещущий вопрос. Раздавались решительные голоса.

– Зачем предоставлять себя собственной судьбе?

– А это, значит, погибнуть!

– Правильно! Мы обязаны проявить волю!

– И уйти от этого мы не можем!

Острая боль пронзила Дмитрия – колючка вонзилась глубоко в плечо. Он вскрикнул. Возможно ещё и отравленная. Тело, ставшее вдруг неловкое, громоздкое, неуклюже свалилось в цветущие кусты у ручья. Преодолевая боль, он смочил свежей водой пересохшие губы и прилег на траву.

Некоторое время он провел в апатии, пока не услышал шаги.

К нему приближались офицер и девушка. На нём была плотная куртка сине-красного цвета и обширные брюки, стянутые у тяжелых ботинок кожаными ремешками. Он был с мягкими, даже женственными чертами. А эти чуть видимые скулы, этот прямой нос? Весь его облик указывал почти на славянский вид! Девушка быстрыми птичьими движениями головы откидывала от глаз длинные волосы. Покрытая бижутерией, она блеснула в проникающих сквозь листву лучах, словно грудь покрытого медальми пса.

Адским напряжением воли Дмитрий приподнялся и протянул к незнакомцам руку. Офицер поднял Дмитрия и понес на себе до эргомобиля.

Дмитрий очнулся от разговора. Женский голос с оттенком отстаивания своей жесткой позиции спросил:

– Скар, ты когда-нибудь по-настоящему философствовал о насущных проблемах?

Мужской голос возразил:

– Извини, Нециния, но...

– Да, об обмене телами, – перебила женщина.

– Размышлял ли я?..

– Думал когда-нибудь по-настоящему, Скар? Что это такое?

– Не знаю, – ответил он слегка раздраженно.

– Знаю, не знаю, – передразнила Нециния. – Не смотри на меня сердито, ты лишился способности здраво рассуждать.

– Как можно оценить слово “любовь”? – стал оправдываться Скар.

– Единственными словами нельзя, но трактат в несколько томов написать можно.

– Вот и я вообще об этом не возношусь. Я воспринимаю обмен телами так, как он есть на самом деле, и всё.

– Как объективную реальность?

– Ну, построим квартиры размером с футбольное поле, поставим кровати с балдахинами, как для королей, отделаем ванные комнаты, как для кинозвезд, а дальше – тупик. На обмен телами сегодня нельзя смотреть, задрать головы и раззявив рты.

– Нас призывают проявлять терпение, а мы не желаем отсиживаться в норах. Ты хоть это понимаешь?

– Если ты хочешь узнать, что я думаю о том, что тебя интересует, знай: я вообще не хочу об этом что-нибудь слышать, до поры до времени, – ответил он.

– Хорошая, безопасная позиция некоторых трусов.

Дмитрий открыл глаза и увидел над собой нежное девичье лицо, обрамленное локонами. Что-то едкое, спиртовое смочило его губы, заструилось по горлу горячо, и стало легче. После двух глотков туман в голове стал прозрачным. Теперь люди вокруг существовали не как за стеклом, а звуки стали отчетливыми.

Он осмотрелся. Прекрасная комната, правда, обставленная весьма скромно. Обыкновенные стулья. Такой же стол, а на нём несколько иллюстрированных журналов. Чудесный светильник под потолком.

И тут же мягкий женский голос спросил:

– Больной, как вы себя чувствуете?

У девушки были длинные каштановые волосы с медным отблеском. Внимание Дмитрия привлекли её губы. Нигде в мире у женщин нет столь энергичных и, он бы даже сказал, атлетически волнистых подвижных губ, как у этой мингалки. Именно такие были у неё: и роскошные, и унитарные, и аппетитные. Они медленно открылись и растянулись в ослепительной улыбке. На вид ей было лет двадцать пять. А улыбка была как у артистки “а ля Голливуд”, только переходящая в грусть.

– Кто ты? – спросил офицер.

– Дмитрий Сорокопатов, – механически ответил Дмитрий.

– Откуда? – спросила девушка, поправляя подушку. У неё жемчужно блеснули белые зубы.

– С планеты Земля.

– Слышала. Правда, это далеко отсюда...

– Нециния, это та самая планета, где люди с обменами телами достигли наибольшего прогресса! – напомнил Скар.

– О, родоначальники обмена телами! – Восторгу девушки не было предела.

Настроение её тут же поменялось.

– Землянин, да? Приехал за золотом? Хотя золото для вас презренный металл.

Ее ирония не наносила вред Дмитрию, и потому он с интересом слушал её.

– Ах да, за тридевять земель ищите интересный вариант с обменом телами.

Тем не менее, её ирония была беспощадна.

– Здесь вы найдете то, что ищите.

– Если захочешь встретиться, ты найдешь её в ресторане “Нескафт”, а в ночное время – ещё и в кабаре “Упитанный жираф”, – сказал Скар Дмитрию, кивнув на Нецинию. – Она знаменитая танцовщица.

– Ну, уж, – зарделась девушка от похвалы.

Глава 5. Нет, это квинтэссенция разума

Дмитрий проголодался основательно. Но свежий воздух ещё более поспособствовал втянуть живот в штаны, и они болтались на бедрах. Один ресторан находился в гостинице на первом этаже, другой на последнем. Сегодня дымки не было, что предвещало красивый вид на город, и Дмитрий поднялся наверх. И правда, вид сверху на длинные широкие улицы и архитектуру больших форм был изумителен. Скоро в ресторан после него приехала дама в плаще с капюшоном, накинутым на платье, из-за своей широты похожее на нарядное балльное. Она была в маске на глазах. Дмитрий был заинтригован чёрным фоном на белом личике. Щечки розовели и выпячивались от края маски, а свободный рот разворачивался в улыбке. Свернув плащ и положив его в сумочку, тихо опустившись на стул рядом с ним, она, вставляя ему розу в петлицу, мягко улыбаясь, сказала:

– Здравствуйте, Дмитрий.

– Откуда вы меня знаете?

– Вас все знают.

– Очень приятно.

– Вам этим вечером – хотите или не хотите – придется вытерпеть мое общество.

На что он ответил равнодушной улыбкой.

– Если я вам в свою очередь не помешаю.

– Не мешаете.

– Тогда прошу за стол, – пригласил Дмитрий.

Незнакомке не надо было повторять дважды, она расправила платье по всему стулу.

– Ну что, нашли вы то, что искали? – спросила она.

– А что я искал?

– То, за чем на Мингалу приехали.

– И за чем я сюда приехал?

– Я так полагаю, как и все мои соотечественники мингалеты, за хорошим, добротным телом.

– Кто вы?

– Это вам безразлично. Достаточно, что я вас прекрасно знаю.

Вероятно, её маска удивления под настоящей маской была превосходна.

- Что вам нужно от меня?
- Сегодня вы не отделаетесь от меня.
- Шутить изволите?

Дневной свет в помещении был слабым, и потолочные светильники, не все включенные, при скудости освещения придавали всем присутствующим нездоровый синюшный вид, а потому незнакомка казалась ложкообразной женщиной, и не пряталось ли за маской лицо кухарки, желающей переделать весь мир? Вот какого комплекса боялся Дмитрий.

Впервые он увидел человека в маске и очень удивился – мингалеты были открытой нацией.

– Борьба с избирательностью взглядов от излишне назойливых претендентов, – заметила посетительница, поняв его недоумение.

- Человек в маске – это что-то значит?
- Этим он показывает, что при всех обстоятельствах не хочет обмена телами с кем попало.
- Это защита ещё и от гипноза?
- Обязательно. Я решила себя обезопасить от домоганий на чисто рациональном уровне.

Дмитрий смотрел на женщину сбоку, с выражением удивленного сострадания.

- От кого?
 - От всех: поклонников, почитателей, блюдолизив, даже от собственного мужа...
 - От мужа?!
 - Это не секрет, я с ним часто сплю в маске...
 - Говорите.
 - Я пришла к мысли, что я попросту не существую.
- У неё был такой разнесчастный вид, что она была готова, вот-вот, пустить слезу.

– Ну и что? – Дмитрий сделал безразличное лицо.

Тогда она попробовала заговорить по-другому, но Дмитрий глядел на неё без смущения и замешательства. Наконец, она заговорила на хорошем, образцовом мингальском языке:

– Я пустилась в объяснения сама с собой с одной-единственной целью: сделать предельно ясным свое поведение. И что вы думаете, разом была шокирована, но ни капли удивлена, хотя было противно и, одновременно, приятно, что я ощутила в себе мерзость...

Дмитрий, не понимая, пожал плечами, а она продолжала:

– Мне показалось, что мое теперешнее состояние незадачливости и незавершённости, то есть, безусловной недвижности и напряжённости, не кажется верхом блаженства и торжества счастливого благополучия, во мне не растёт, не крепнет, не побеждает страстная, неудержимая жажда жизни. Положение, заметьте, не ахти, радостное.

– Но почему? – вырвалось у Дмитрия.

– Мы приближаемся максимально к тому, что тема смерти уходит прочь вглубь прошлого, и всё больше вступает на авансцену тема жизни. Мы приходим к мысли, что смерти нет, есть одна бесконечная жизнь, а это диктует иной подход к её толкованию.

– Это ваше личное мнение, или государственная политика правительства?

– Личное и государственное. Так оно и есть с точки зрения философии, её закона единства и борьбы противоположностей.

– Что-то тут не совсем так.

– Но, к сожалению, не покидает сожаление, что всё это происходит без меня, без моего участия, и каждый неудовлетворённый собой мингалет подпишется под этим.

– Почему же так?

– Вам, землянам, это не понять.

– Так чего же вы хотите?

– О, только бы жить, жить и жить, сквозь годы мчась!

– Прописная истина.

– Я хочу продолжения своего существования.

– Все хотят.

– Только бы обретаться, обретаться и обретаться в других сердцах!

– В памяти людей, вы имеете в виду?

– Тоже неплохо, но главным образом в телах, в чужих!

Разговор оживил лицо Дмитрия, он привык к тусклому свету и впервые подумал о собеседнице, как о привлекательной женщине.

“Бессмысленные слова”, – подумал он и чуть не выпалил: “Я вам не верю”, но слова застряли в горле.

– Вы долго живете в прошлом, – сказал он, – а хотите жить в настоящем. Что тут плохого. Из данного обстоятельства с одинаковым успехом можно легко выкарабкаться, если не впадать в панику.

Дама в маске на несколько секунд взяла тайм-аут. Это было связано с тем, что она пригубила немного вина.

– Дмитрий, – начала она, – как может человек с вашим знанием света и психологии людей быть не у дел! С вашим образованием и опытом путешественника вы могли бы быть очень полезны в чем-то конкретном.

– Не у дел? Человек без определенных занятий? Вы имеете в виду моё временное нетрудоустройство?

– Нет, что вы!

– А что?

– Наконец-то, после многих лет нерешительности, мы стали, по меньшей мере, частично цивилизованным обществом... А при помощи вас мы могли бы ускорить...

– Договаривайте.

– Это не более чем вопрос определения политики обмена телами.

– Хорошо, я слушаю вас.

– Дмитрий, не хотите, я знаю ещё одно отличное тело, – выпалила она.

Он в недоумении уставился на неё.

– Какое тело?

– Здесь и сейчас.

– Не вижу.

– Которое вы ищете.

– Ну да! И где же оно?

– Оно перед вами.

Он равнодушно пропустил фразу мимо ушей.

– Вам придется поставить на карту всё, – продолжала она.

– Да-а, вы оптимистка!

– Я реалистка. Речь идет не о каком-то заурядном теле. Речь идет о настоящем сокровище.

– Вам не откажешь в скромности.

– Тем не менее, я скромнее, чем вам кажется.

– О, реклама – двигатель торговли! – не удержался от комплиментарного возгласа Дмитрий.

– Вы не возражаете, если я попытаю счастья с вами?
– Какое счастье вы хотите попытать?
– Объяснить наш, доморощенный принцип обмена телами?

Дмитрий, как врач, представил всю натуралистичность процедуры, и ему стало не по себе.

– Но зачем вам всё это? – спросил он.

Тогда она, не скрывая, вырвала из себя откровение.

– Всего лишь? Ну, хотя бы на три дня...

– Что?

– Ваше тело.

– Излагайте подробности, я слушаю. – Дмитрий чувствовал, к чему клонится дело, но всё же попросил её объясниться конкретно.

– Есть краткосрочные соглашения, – ещё сказала она, – а есть долговременные проекты.

– У вас деловое предложение или всё же очередная идея фикс? Женщины по этой части непревзойденные интриганки.

– То, что хочет женщина, для неё это всегда деловое предложение. А если мужчина сомневается, оно превращается с его легкой руки в идею фикс.

– А потом?

– Разбежимся каждый в свое.

– Это меня не волнует, – сказал Дмитрий, лихорадочно перебирая в мозгу все наиболее возможные объяснения происходящему, но так и не находя ответа. И чтобы хоть что-то сказать, предложил:

– Здесь есть оригинальные овощные салаты.

– Я больше склоняюсь к мясным и рыбным!

– Вы не возражаете?

– Нисколько.

Заказанные салаты и в самом деле были соблазнительны, и, ковыряя их вилкой, дама в маске всё смотрела на Дмитрия, желая его решения на деловое предложение. А тот всё не торопился пролить свет на него.

– Ваше условие весьма загадочно и заманчиво, – тянул он время. – Благодарю за доверие.

– Обмен телами, как побудительная мотивация, сидит в каждом мингалете, – ещё раз напомнила дама.

Теперь всё понятно, слишком большая прелюдия к основной просьбе. Дмитрию стоило невероятного труда мускулами лица не выдать готовый сорваться с губ смех. С большой серьезностью он спросил:

– Расскажите, по возможности подробно, что вы будете делать с моим телом?

– Ну, доктор, право не знаете? У вас не хватает фантазии там, где всё понятно.

– В моём сознании эта процедура ассоциируется с насилием. Интересно, она больше от садизма или мазохизма?

Дама только свободнее тряхнула головкой.

– Скажите, когда пальчик порежешь – это садизм или мазохизм?

– Трудно объяснить. После боли наступает облегчение.

– Вот я и призываю вас досконально познать себя.

Дмитрий притворился, что его тоже заинтересовало её предложение:

– Простите, тогда что я буду делать с вашим телом.

Это его недоумение ещё больше развеселило её.

– Если не знаете, я вас научу.

– Вы, женщины, больше на выдумки горазды, чем мужчины.

– Потому что женские фантазии психологичны, а мужские – прагматично неуклюжи, а потому нелепо примитивны. И всё сводится, не мудрствуя лукаво, к пониманию, что они по-скотски физиологичны.

– Тут все зависит от капризов и размеров фантазии, только вот афишировать свои фантазии и тем более свои ощущения иногда бывает опасно. Особенно если они становятся “самодовлеющими”, а затем перерастают в твердое убеждение, – со знанием психологии сказал Дмитрий.

– Что касается мира ощущений, то ощущать себя можно кем угодно и даже чем угодно, – не согласилась дама.

– Это можно и без обмена телами.

– К сожалению, вы себя неверно понимаете, поэтому преднамеренно поддаетесь ограничению.

– Представляю, самое изысканное чувство – это воплощение эротических женских фантазий! – воскликнул Дмитрий.

– Это вы, мужчины, по каждому поводу больше страдаете такими фантазиями.

– Любые фантазии, как доктор вам говорю, – это

больше плод большого воображения.

Дама была воплощением стойкости в диспуте.

– Это больше норма, чем отклонение.

– Это девиация пороков, – настаивал Дмитрий.

– Нет, это квинтэссенция разума.

Их громкий разговор позволил повернуться к ним всем присутствующим. А они, тем не менее, продолжали спор.

– Я так не думаю, – сказал Дмитрий.

– Скоро вы убедитесь в моей правоте.

Дмитрий придал своему лицу выражение каменного равнодушия. Он уже привык к подобным разговорам на этой забавной планете.

– Как вас звать?

– Проципена, дочь своих родителей, – быстро сказала она, как бы предупреждая дальнейшие расспросы о фамилии.

– Проципена, – сказал Дмитрий, – я пока не устроивший даже свой быт и не в состоянии заниматься этим сейчас. Кроме того, у меня здесь в плане работа. Я так думаю, мне придется пыхтеть в госпитале целый год.

– Давайте заключим контракт на год. Через год я обязуюсь вернуть в целостности и сохранности ваше тело, а вы мне мое.

Дмитрию не понравилась её манера. Эта Проципена стала надоедать ему.

– А если обманете? – спросил он.

Он ненавидел людей, в особенности женщин, которые навязываются и хотят большего от мужчин, чем те могут осилить.

Проципена смотрела на Дмитрия с вызывающей улыбкой рта.

– Но зачем же смотреть так мрачно? Обмен телами, и почему бы нам от него не быть по-настоящему счастливыми? – спросила она.

Но не дождалась ответа.

– О! – воскликнула она, нетерпеливо топая ножкой по полу. Помолчав немного, она добавила: – Тогда я уезжаю... Ну?

– Это большое несчастье для меня. – Дмитрий артистически изобразил искусственное недоумение, а затем и разочарование.

– И только?

– Если я скажу нечто большее, это вас ранит и причинит вам лишнее страдание. – Дмитрий вел себя безупречно стойко.

Их ответные взаимные взгляды, улыбки и реплики продолжали привлекать насмешливое внимание большей части ресторанной публики, но уже не настолько. Для них это было естественно, потому что тот, кто не играет и не флиртует в ресторане, вызывает подозрение.

Итак, флирт под видом обмена телами – так растолковал народ воркование парочки.

Это, по-видимому, разочаровало Проципену. Она взглянула на Дмитрия озабоченно, и её манера обращения бессознательно изменилась, она, по-видимому, что-то взвешивала. Казалось, что это начала говорить совсем другая женщина – властная и деспотичная.

– Я уезжаю.

– Ну и уезжайте.

Глава 6. Разрешать обмен телами с шестнадцатилетнего возраста, вместо восемнадцатилетнего

“Ну и чокнутая планета, все словно с ума посходили с этим обменом телами, – подумал Дмитрий. – А на Земле тишь да гладь, да Божья благодать”. Он не стал развешивать легенду о превосходстве землян в этом аспекте, наоборот, решил укрепиться в намерении сохранить её, что будет и впредь выдавать желаемое за действительное, если мингалетам так того хочется. В этом есть некоторая прелесть и даже удовольствие – показать, что ты знаешь то, что на самом деле не знаешь; представлять другому миру, какие высокие технологии существуют на Земле, которые покруче, чем на Мингале.

Подобно земной на Мингале чувствуется, что цивилизация глубоко въелась во все поры общества, проникла в умы и нравы жителей; на всем лежит печать цивилизованного колорита. Кругом жандармерия, бойцы спецназначения в масках и при оружии. Какой пришелец не возрадуется за спокойную жизнь мингалетов.

Но через час под усиленной охраной Дмитрий был доставлен к премьер-министру.

Итак – премьер-министр Джоба. Гм! Хотя Дмитрий его ещё не видел, но уже много слышал о нём раньше. Это обещало быть интересным. Дмитрий начал раздумывать о том, к каким последствиям может привести эта встреча, но его размышления были прерваны...

Пресс-секретарь премьер-министра встретила Дмитрия в представительском зале, стены которого были в бежевых тонах. Это был большой зал, по краям подпертый толстыми колоннами, вместо кресел каменные скамьи, соседствующие с большими окнами; посреди стены громадный камин, дым которого по витиеватым отводам выходил в отверстие, проделанное в коническом потолке.

– Доктор Дмитрий? – она вопросительно смотрела на него.

Первой мыслью Дмитрия в этот момент, когда пресс-секретарь подошла, было: до чего же она красива!

Высокая, с медовыми волосами, настоящая мингалка с утренним загаром, стройной фигурой и прекрасными длинными ногами. Дмитрий понял, что можно потерять голову. Кивнув, он подошел к ней.

– Пожалуйста, сюда.

Дмитрий проследовал за ней по пустому облицованному мрамором коридору, мимо ряда деревянных резных дверей. Между ними висели светильники в виде старинных фонарей, зажатых в руках бронзовых героев. Перед очередной дверью она остановилась и предупредила:

– Премьер-министр в данный момент занят. Он просит извинить его. Будьте добры, подождите в соседней комнате.

Пресс-секретарь повернулась и провела Дмитрия к другой двери. Он, не спеша, следовал за ней, любуясь её подтянутой фигурой в строгом костюме. Эта, не скажешь, вовсе не миниатюрная мингалка, неволью знала себе цену. Она открыла дверь.

– Почему вы не носите форму? – спросил Дмитрий.
– Вам бы подошла.

– Какую?

– Например, полувоенную.

Она отреагировала коротко.

– Стилист так решил. Посидите здесь. Если вам что-нибудь понадобится, скажите мне.

Она села в кресло, затем поднялась, прошла к стене и стала поправлять плакаты, оставшиеся от последней выборной кампании. Дмитрию нравилось, как она двигается, привставая на носки, как держит себя, как наклоняет голову вбок, демонстрируя наглядную агитацию и себя на её фоне. Должно быть, она спиной почувствовала заинтересованный взгляд. Внезапно повернувшись, она улыбнулась.

– Джайна, – сказала она, дружески протянув руку. Голос напоминал морозный перезвон золотых колокольчиков. – Рада познакомиться с вами, Дмитрий. О вас только и разговоров.

Ее кисть замерла в руке еле дотянувшегося до нее Дмитрия, а он смотрел в темно-синие, почти фиолетовые глаза, и они казались бездонными озерами. Лицо было овальным, с высокими скулами, нежным, мягким ртом, скругленным подбородком, чуть вздернутым носиком, ровными жемчужными зубами – неужели собственными, а не искусственными?

– Джайна – не очень распространенное имя. – Она снова улыбнулась, и комната озарилась дополнительным светом.

– Д-жа-и-на, – повторил Дмитрий за ней нараспев, – что оно означает?

– Всего лишь аббревиатуру “Даёшь жаропрочности в настроении”.

– Ого-го! – присвистнул Дмитрий.

– Имя? Не я выбрала его наобум, а мои родители, для удобства. Должно же у человека быть хоть какое-то имя. С таким же успехом я могла назваться Госден – это наша императрица, или Шарлет – это наша премьер-министрша.

Он перевел дыхание и подтянул животик. Внезапно пожалел о том, что слишком мало занимался физкультурой во время полета, образовав маленькое брюшко.

– Называйте меня Дмитрий, – в свою очередь сказал он.

Джаина села на стул и выложила руки на стол – белые, тонкие, с нежно-перламутровым лаком на ногтях. На левой руке у неё было кольцо с крупным бриллиантом.

– Вы так мило улыбаетесь, словно очень счастливы. Может ваш секрет в этом? – спросил Дмитрий.

И ужаснулся. “Какой глупый вопрос, – подумал он. – Неужели ему ещё не внушили, что никогда нельзя спрашивать женщину, счастлива ли она, да ещё при первом знакомстве?”

– Улыбаться пресс-секретарей заставляет этикет. А так мы, женщины, всегда проявляем недовольство, правда, не всегда его показываем.

– Почему?

– Даже женская красота нагоняет неудовлетворение, вы согласны со мной?

– Наверное, на кого как?

– Не встречали таких людей? Вы не знаток женской психологии.

– Никогда бы не подумал!

– Потому что знаешь, что она быстро проходит, и хочешь её удержать – и не можешь!

– Такое простое объяснение?

– Не знаю. По-моему, этого достаточно.

– И на вас лично ваша красота тоже лежит тяжким бременем и наводит грусть? – с иронией спросил Дмитрий.

– На меня наводит грусть совсем другое.

– Я вас, Джаина, не понимаю.

– Мы на Мингале ставим большие цели и задачи и не всегда их выполняем.

“Солдафонка”, – подумал Дмитрий.

– Мы давно предупреждены о вашем визите, – Джаина перевела разговор в другое русло.

– На Мингалу?

– Нет, сюда, во дворец.

– Вас прикрепили ко мне?

– Меня выбрали для связи с общественностью, то есть с вами тоже. И я подумала, что вы можете мне спланировать дальнейшее рабочее время, мое и ваше, для большей его эффективности.

Она выжидающе посмотрела на Дмитрия.

– Буду рад помочь вам, Джаина.

Она устала на него с некоторым удивлением. Её глаза выражали недоумение по поводу той легкости, с какой землянин дал согласие.

Раздался звонок, Джаина открыла дверь и придержала её для Дмитрия. Она провела его прямо в кабинет премьер-министра, оставив его один на один с ним.

Дмитрий окинул взглядом кабинет – лакированные полы, рассеянный свет проливался с потолка через подвесной проем из стекла. Это была огромная комната в старинном стиле. Премьер-министр Джоба смотрел в сторону, за его спиной виднелась приоткрытая дверь, ведущая в сад. Дмитрий заметил при встрече с ним, что тот был в крайне возбужденном состоянии. Он сидел за громадным, покрытым зеленым сукном письменным столом. Кабинет напоминал собой библиотеку с книжными стеллажами от пола до потолка: на полках масса книг, красных папок законодательных актов с золотыми застёжками, с торцов тисненые гербы, масса бумаг хаотично заполняла полки, стулья, подоконники. Премьер-министр изучал в это время какой-то документ и, словно

не замечая присутствия Дмитрия, продержал его так около минуты. Только время от времени Дмитрий обнаруживал, как он бросал на него испытывающие взгляды. Как это знакомо – показать, что между ними существует значительная дистанция по иерархической лестнице. Наконец, он отложил бумаги, привстал и с чувством пожал Дмитрию руку.

Но тут же внезапно он резко показал на кресло возле себя.

– Предлагаю сесть.

Дмитрий из скромности ответил:

– Предпочитаю стоять.

Премьер-министр ещё раз повторил приглашение:

– Всё равно, садитесь.

Выдвинув ящик из стола, премьер-министр вынул оттуда какую-то папку и начал взглядом пробегать её. Дмитрий заподозрил, что это был отчет о его первых шагах пребывания на планете. Здесь премьер-министр снова как бы забыл о присутствии гостя, и Дмитрий воспользовался этим, чтобы лучше взглянуть на него. Премьер-министр оказался одним из тех властных, холодных бюрократов, которыми наводнена вся вселенная, и которых, кажется, ничуть не хуже умеет выдвигать Мингала на первые роли.

– Император весьма недоволен! – премьер-министр плохо скрывал свое раздражение. – Проклятие! Доктор, мы потеряем вас! Вы спокойно разгуливаете по улицам... Очень премило с вашей стороны и неприятно нам. Мы не уверены, как поведёт себя народ по отношению к вам, встретит приветливо или в штыки? Я не хотел бы лишиться нашего дорогого гостя.

– Я могу защитить себя сам.

– А кто защитит гражданина Мингалы от вас? Я утрирую.

– В любом случае мой след не затеряется здесь.

– Хотелось бы верить. С этого времени, – сказал премьер-министр, – вы будете под усиленной охраной, ограничены в беспрепятственном передвижении. Ни при каких обстоятельствах вы не должны подчиняться никому лицу, как бы ни было высоко его официальное положение. Не идти на поводу, на соблазны, не поддаваться на провокации... Понимаете?

– Не совсем.

Появилась Джаина с кофе в руках. Она поставила перед ними чашки и вышла. Премьер-министр Джоба выпил свой кофе залпом и начал расхаживать по кабинету, словно тигр в клетке.

– В целях вашей же безопасности, пока вы хорошо не узнаете наши законы, никаких встреч и личных контактов, – сказал он.

– У вас мирная страна, добродушное население, доброжелательное настроение, – не понял Дмитрий. – И я нашел первое дружеское понимание.

– Не в этом дело.

Дмитрий с упоением встал на защиту чужого народа:

– У человека, впервые попавшего на Мингалу, может сложиться впечатление, что здесь вообще нельзя встретить мрачных, озабоченных лиц. Мингалеты отличаются по-детски радостным отношением к жизни, к тому же склонны к дружелюбию, заразительному безудержному смеху, оптимистическому восприятию по любому поводу. Теперь я убедился, что есть даже некое

“мингальское” выражение лица – что-то вроде умильного, ликующего и удивленного восторга от всего, что происходит вокруг.

– Да-да, наш народ весьма любезный, – ответил премьер-министр. – Но прежде ему пришлось через какие только муки пройти в своей истории?

Премьер-министр был выше среднего роста. Немигающим взглядом своих бледно-голубых глаз он пронзал собеседника насквозь. И голос у него был таким же холодным, как он сам. Дмитрия страшно интересовало, что за причины его страхов, ведь насколько ему рассказали на Земле, это очень миролюбивая страна. Правда, с тех пор по космическим меркам прошло много времени, но миролюбивость так и осталась национальной чертой мингалетов. Дмитрий теперь был настолько опытен, что не задавал вопросов. Его Высочество сам стал их задавать.

– Сколько вам лет, доктор?

Дмитрий должен был признаться себе, что благодаря своей молодости этот вопрос был для него не всегда приятен.

– Двадцать три с половиной, Ваше Высочество

– Это уже по нашим суткам?

– Нет, в земном исчислении.

– Что почти одинаково. Очень молоды, очень молоды.

Он опять взглянул на Дмитрия и после непродолжительной паузы снова начал:

– Мы о вас хорошего мнения, и ваша молодость, как нельзя лучше, говорит о вашей осторожности и уме, свойственных более зрелому возрасту.

Дмитрий сделал поклон головой в знак благодарности, а премьер-министр Джоба продолжал.

– Молодость – не порок. Разница между правильным и неправильным образом мыслей состоит в следующем: правильный образ мыслей основан на анализе причин и следствий, он приводит к логическому, конструктивному планированию; неправильный образ мыслей часто ведет к напряжению и нервным срывам, к ложной посылке отправной точки...

Впечатление было такое, что он распекал Дмитрия.

– Беда наша не в неграмотности, а в бездействии. И ещё, при обмене телами лучше использовать свое время для решения проблем завтрашнего дня, чем даже сегодняшнего. Не надо сожалеть о том, что произошло вчера. В этом подлинный смысл и триумф жизни. В отличие от некорректных незрелых мыслей...

Премьер-министр Джоба рассуждал с таким жаром, что чувствовалось – в нём говорит настоящий государственный деятель.

Поправив свои волосы, премьер-министр спросил:

– Как с вами обходятся здесь?

– Мне не на что жаловаться.

– Надеюсь, перед посещением Мингалы вы были хорошо ознакомлены с нашей жизнью?

– Неплохо.

– Как обычно, с однобокой стороны.

– Почему, с однобокой?

– Вы принесли сюда свои мировоззрения, мироощущения, не удосужившись ещё преломить их через нашу особенность сегодняшнего дня.

Хотя он не сказал ничего прямо, Дмитрий всё же догадался, что он хотел выразить всё беспокойство государственного деятеля.

Он пододвинул к глазам Дмитрия документ.

– Я позволю себе привести параграф:

“Всякое новое лицо для его же блага и пущей безопасности должно пройти биологический интеграционный карантин. В случае его не прохождения, лицо является виновным в нарушении этого параграфа. Обвиняемому выносятся приговор – семь лет тюремного заключения”.

– Ваше Высочество, на вашей планете до меня были когда-нибудь пришельцы?

– Были, давно.

– Тогда зачем этот закон?

– У нас самое передовое прогрессивное законодательство. Оно идет впереди жизни, а не плетется в хвосте. Как и должно быть. Прилетит пришелец, а у нас готовый закон под него.

“Поэтому нечего говорить, какое страшное оружие получило благодаря этому закону в свои руки мингалетское правительство”, – подумал Дмитрий.

Внезапно в комнату вошел высокий, худой, седой господин, как показалось Дмитрию, типичный бюрократ или чиновник.

– Ваше Высочество, поправка к закону № 341 не прошла. Доработка потребует два-три месяца.

– Не помню о чём она?

– О верхнем потолке. Разрешать обмен телами с шестнадцатилетнего возраста, вместо восемнадцатилетнего.

– Это же прогрессивная поправка, как можно не понимать. Неужели в нашем парламенте настолько одиозные тупорылые сенаторы? Дождутся, что их народ распнет на фонарных столбах или император распустит раньше времени это сборище недоумков.

Премьер-министр метал гром и молнии, затем, руки за спину, он подошел к окну и некоторое время молча смотрел на улицу. Из окна открывался вид на залитую солнцем огромную площадь под названием Дворцовая и в продолжении ее, уносящийся вдаль, зеленый сквер, в нем гуляли молодые.

Глава 7. Униформа отделяет от мира, но не от себя самой

Час интенсивной тренировки.

Пуальфина стояла перед манекеном и кулаками в маленьких перчатках наносила массирующие удары. Манекен уж очень походил на субъекта, фотография которого лежала на столе, и своими набитыми конскими волосами ахал, охал и ухал, как мужчина при принятии наслаждения в парилке бани от берёзового веника. В перерыве, вспомнив о еде, сержант государственной безопасности Пуальфина Руга вытерла руки и подошла к плите. Она попробовала густой суп, в котором плавали куски мяса и сушеные грибы – это была не вся её пища. Достала из духовки пирог с курицей. Суп был ещё не готовый и источал соблазнительный запах. Она выключила плиту, оставив кастрюлю докипать и настаиваться, помыла руки и привела себя в порядок, как давным-давно её научили делать перед едой.

Ее комнатка была крохотной уютной коробкой на пятом этаже в огромном современном здании на Красно-

Бардовой улице, в котором было шестьдесят этажей и пятнадцать вспомогательных уровней, не считая паркинга для эргомобилей. Комнатки нижних этажей представляли собой именно такие, как у неё, квадратные коробки с телефонами, водопроводом, единственными лампами, свешивающимися с потолка, и совмещенными с ванной туалетами. С высотой этажей росло количество богатых апартаментов, число отдельных ванн и туалетов. Жилища последних двух верхних этажей состояли из восьми и десяти комнатных люксов с индивидуальными санузлами и предназначались для чинов высшего ранга. Распределение квартир было строго по званиям, и сержант Пуальфина Руга должна была дослужиться до лейтенанта, капитана, майора, подполковника, генерала прежде, чем достичь верхнего эдема на шестидесятом этаже.

Но она была вполне довольна своим нынешним положением. Жалованье, собственная квартирка, дешевая еда и одежда из ведомственного магазина, постоянно бесплатные билеты в оперу, балет и кино, посещения ресторанов и кабаре, из закрытых кабинок которых хорошо было наблюдать за посетителями, командировки по спецзаданиям в разные города, ежегодно оплачиваемый отпуск, неограниченный во времени, если совмещался с заданием. Но главное – постоянная работа с хорошими перспективами в Миао-Чао, а не в скучной провинции, где из месяца в месяц ничего существенного не происходит.

Конечно, за службу в государственной безопасности приходится расплачиваться. Иногда жизнью. Униформа отделяет от мира, но не от себя самой. Глядя на форму, люди начинают тебя остерегаться, что, конечно, не по душе большинству девушек, и поэтому они вынуждены проводить время в обществе мужчин и женщин из собственного круга. За одного из этих мужчин, когда подойдет пора, надо будет выйти замуж, чтобы остаться на службе. Да и работать приходится чёртовски напряженно – и днем и ночью. Особенно выматывают ночные дежурства с приключениями. Но зато это – плотные обеды и затяжные ужины с вином и хорошими мужчинами до самого утра, что позволяло сэкономить, чтобы однажды присмотренная соболиная шуба заменила несколько раз носеную ондатровую.

Вытираясь полотенцем, Пуальфина изучала свое отражение в овальном зеркале над умывальником. Один из её последних возлюбленных сказал однажды, что она похожа на саму Нецинию. Что за чушь! Ну и сравнение?! На эту публичную фиглярку? Не комплимент, а оскорбление.

Ее счастье с ним не достигло стремительного накала романтического характера. Она ещё не успела втянуться в что называемое начало взаимной любви, не вкусила ласк, как они расстались. Пуальфина вся кипела, и даже хотела наложить на себя руки. Почему, – думала она, – как только появляется безоблачный горизонт, сразу же откуда-то берётся разлука и ещё не свинцовые тучи слез враз застилают последние надежды. Приказ оставить объект поражал своей несуразностью. Но приказ есть приказ – он должен выполняться, даже самый нелепый, даже на полпути. Возлюбленный как неожиданно появился, так же таинственным способом и растворился в тенетах новой любви.

И её спокойствие, её безропотность вновь породило удивление на коллег, и даже почтение в начальстве, ко-

торое вознамерилось в перспективе наградить её медалью. Но начальство менялось каждый день как в калейдоскопе, и с каждым днём отодвигалось награждение. Спокойствие и безропотность – хороши для некоторых категорий профессий. И для агента внутренней безопасности не меньше. На самом деле эти черты характера укрощали в человеке тихое, уютное, первоначальное чувство подавленности, превозносили защищенность и создавали возможность уверенно смотреть в будущее. Очень часто хорошее настроение дополняли некоторые конкретные детали: например, нынешние комплименты координатора, профессора курсов подготовки и одновременно куратора группы слушателей Туранда Мерка, ставящего всем пятерки, несмотря на все прегрешения в учёбе, но, тем не менее, двигавшего вперёд повышение квалификации. Будущее для Пуальфины не оставалось сомнительным и сегодня, и определялось запахом готовящегося на плите хорошего обеда; любимой увертюрой к опере “Пианикавола”, которую исполнял Императорский оркестр по телевидению, а главное – тем чудом, что, наконец-то, дождливая зима с затяжной весной уже позади и что стоит лето.

Сеть за стол и приступить к обеду ей помешали. Внезапно зазвонил телефон. Она подняла трубку.

– Сержант Руга? – это был голос Туранда Мерка, профессора курсов, однако вне службы он обычно называл её Пуальфиной.

– Да, слушаю.

Голос на другом конце провода звучал сегодня холодно и странно.

– Через пятнадцать минут вы должны явиться в кабинет № 364. Ясно?

– Сейчас пообедаю и...

– Бросайте все, к чёрту...

– Но для чего?..

– Это всё, Сержант Руга! – Её напряженный голос был обрублен на корню.

– Алло, алло! – Пуальфина уставилась на умолкшую трубку, но та словно бы в отместку молча насмеялась над ней. “Даже поесть нормально не дадут!” Пуальфина с остервенением глотнула таблетку, не запивая глотком воды, – профессиональная болезнь язва желудка от ночных смен и неразборчивости в питании в последнее время замучила её. Сжав кисть так, что заныли мышцы руки, девушка медленно повесила трубку. Застыв, она глядела на чёрный аппарат. Может, перезвонить? Нет, этого делать нельзя. Профессор знал – да и она тоже, – что каждый телефонный разговор в этом здании прослушивается или записывается, потому он и не произнес ни одного лишнего слова. Это было государственное дело. Когда передаются сообщения такого рода, это делают как можно быстрее, четче и короче, а потом – Пуальфина от этой мысли обижалась – кое-кто часто умывают руки. Тебе передали, ты передал, он передал, концов не найдешь нигде, и у каждого руки чисты.

Уставившись на телефон, девушка покусывала кулаки. Чего они от неё хотят? Что она натворила или что сделала не так? В отчаянии она стала вспоминать последние дни, месяцы. Чаще всего она переигрывала свою роль – на службе её, именно, ценили за это умение, воспринимаемое, как рвение. Может, она в чем-то чудовищно ошиблась на работе – и это обнаружили? Какой курирующий отдел? Может, она сболтнула что-то не то,

как-то пошутила не так, и об этом донесли? И это друзья-товарищи! Но тогда у неё должно было возникнуть чувство вины или страха. Однако совесть её была чиста. Что же это могло быть? Она вспомнила: как-то надела в музее на голову грабителя экспонат. Ценная ваза из малахита весом в десять килограммов! Говорили подарок его Императорского величества владельцу музея! Тогда не знали, то ли её наградить, то ли привлечь к суду. Поступок вызвал брожение в кругах общества, но всё кончилось благополучно, и награда в несколько тысяч мингалей нашла героиню, а вазу склеили и она красовалась на прежнем месте.

Что же ещё могло быть? Внезапно она припомнила, что в ресторане разбила о голову приставалы высокую подставку из-под фруктов на трёх ножках. Не менее ценный хрусталь! И тоже говорили: подарок его Императорского величества владельцу ресторана! Надо срочно возместить убыток! Впрочем, нет – это преступление слишком незначительно и трудно доказать за давностью времени. Случилось что-то намного худшее.

Девушка взглянула сквозь слезы на свои дешёвые часики. Осталось всего десять минут! Её охватила паника: ещё не хватало опоздать! Надо пулей! Вытерев слезы рукой, она стала натягивать свою парадную униформу, в спешке застегивала белую хлопчатую блузку, а сама, одеваясь, на ходу расчесывая волосы, все время думала о том, что же за промашку она совершила? Натворила – не то слово, все вытворяют, и взрослые и дети, но какова цена ошибки? Какой бы ни была малой её вина, само прикосновение щупалец Отдела по борьбе с террористическими обментами тел ужасало.

А вдруг это новое задание?

Уже веселее, она прорабатывала в уме, как попасть её эргомобилю в “зеленую волну” светофоров и накатить вместе с нею прямо к подъезду. И ей удалось это.

Глава 8. Обмен телами запрещается на пешеходных переходах, в тоннелях, на мостах, путепроводах, эстакадах, на железнодорожных переездах, на взлетных полосах, на стартовых площадках

Дмитрий первый подошёл к чёрному эргомобилю и похлопал его по дверце.

– Машина для вас словно лошадь, – заметил премьер-министр Джоба.

Первый выезд Дмитрия в город высокий сановник облек в демонстрацию технического превосходства своего эргомобиля. Под стеклянным куполом в хорошо защищенном бронированном варианте он являл собой верх превосходства технической мысли. Дмитрию не пришлось долго удивляться, когда неслышимо открылся купол, потому что не мог в полной мере насладиться тем воздухом, который питал прекрасную растительность в парках Миао-Чао. А общение с местными жителями, за которое он ратовал, как настоящий исследователь, отодвигалось на неопределенное время. Но эргомобиль был хорош своей скоростью и приемистостью. Веселый, солнечный полдень сверкал на улицах. Впечатление, что ехали не торопясь. Проплывали, оставались позади дворцы, зеленые сады, узорчатые чугунные мосты, гранитные

набережные. Пьяный от солнца ветерок тоже веселил шевелюру.

Навстречу проносились громадные щиты рекламы:

“Человек всегда тяготеет телом своим!”

“Вам не наскучило собственное тело?”

“Обмен телами – решение всех ваших проблем!”

“Прямое участие в обмене телами, и вы несчастливый свидетель”

“Как? Когда? Где? Ответ один – всегда и везде!”

Дмитрий засмотрелся на последнюю фразу.

– Это и есть ваша социальная гармония?

Но премьер-министр предупредил:

– Не доверяйтесь первому впечатлению. До идеала ещё далеко. Эпатаж. Обмен телами запрещается на пешеходных переходах, в тоннелях, на мостах, путепроводах, эстакадах, на железнодорожных переездах, на взлетных полосах, на стартовых площадках. Везде, где создается аварийная ситуация для транспорта и пешехода. В других местах, пожалуйста, никакими правилами не регламентируется.

Город привлекал внимание своей раскрепощенной архитектурой, размещенной последовательно по берегам каналов, направленных в сторону моря и служащими артериями чистоты и спокойствия.

Миао-Чао не был похож ни на один город, в которых Дмитрию доводилось бывать раньше. Город площадей и зеркал. “Миао-Чао – как зеркало экспрессивной архитектуры!”, – так охарактеризовал город Дмитрий. Зеркало неудержимо преобладало, создавая комфорт многообразия, множественности и величия, между тем обманывало грациозной помпезностью, но по-хорошему, заставляя ощущать человека не потерянным на обширном постпространстве кубического объёма, когда он, проходя по улицам, прослеживает весь свой путь и поступки. Куда только зеркало не втягивали неугомонные архитекторы. Правда, оно было монолитом и в несколько слоев, так что любая щербина, легко потом восстанавливаемая, не давала повода к мысли о безобразии.

Машина повернула назад к дворцу и двигалась по оживленным улицам мимо одного из щупалец городского рынка, затем вдоль широкого бульвара. Все чаще стали попадаться грузовики, стоявшие поперек и перегораживающие улицы. Приходилось постоянно сигналить “фа-фа”, чтобы согнать с дороги отчаянных водителей.

– Ещё вчера такие тихие и довольно патриархальные улицы, а сегодня... – нервно сказал премьер-министр Джоба. – Похоже, начинают подтверждаться самые худшие предположения.

После высокой арки эргомобиль свернул вправо и выскочил на широкую красивую площадь, в центре которой стояли, подобно космическим ракетам, каменные исполины, олицетворяющие своей высотой и массивностью неограниченную власть монархов.

– Площадь Равенства, – сказал премьер-министр Джоба, – самая монументальная, одна из пяти вокруг дворцового комплекса.

Вся площадь была запружена людьми и машинами. Дмитрий увидел рабочих в синих куртках с светоотражательными обшлагами; моряков с лицами цвета выветренного белого мрамора на фоне синих бескозырок; офицеров с ментиками; обеспеченных горожан в малиновых жилетках, с их женами, у которых юбки походили на разноцветные абажуры; торговцев с лотков бижутерии,

продавцов мороженым; тощих и толстых актеров, стоявших своими кучками; клоунов в желтых и пестрых комбинезонах, как будто сшитых из лоскутного одеяла; детей с животными на руках. Весь многоцветный спектр народа. Турмалиновые солнца их лиц освежались ореолом, стоило им попасть под косой источник света.

Все толпились перед воротами дворца, но они были наглухо закрыты. “Фа-фа”! Народ расступился на сигнал, давая эскорту машин зеленую улицу. Приветственные крики заполнили площадь.

– Да здравствует Его Величество Государь Император Люстиг Мост!

– Да здравствует премьер-министр Джоба!

– Да здравствует депутатский корпус!

– Да здравствует Народ!

– Да здравствует обмен телами!

На машине раздвинулся стеклянный верх, и премьер-министр поднялся с сиденья. Он вытянул руку, приветствуя присутствующих людей. Среди многочисленных криков его голос выделялся своей хорошо поставленной речью.

– Народу Мингалы, ура!

Народ подхватил:

– Ура! Ура! Ура!

– Опять манифестация. – Премьер-министр Джоба недовольно повернулся к Дмитрию. – Но эту муниципалитет города разрешил, если, конечно, они не перейдут границы дозволенного.

– По какому поводу она?

– А вы прислушайтесь.

Среди моря рук, среди моря голосов поднялась девушка, и площадь охнула дружным взрывом, приветствуя её. Она выступала с критикой правительства:

– Самое худшее совершают прогневшие царедворцы, те, что ничего не делают. Предаются праздности... Ничего не слышать, не видеть и ничего не делать – вот это самое ужасное. Уклоняться, не быть ни за что в ответе – это разложение, гниение заживо...

– В прошлый раз она тоже говорила скверные речи. Одна из крамольных женщин на свете, – с сожалением произнес премьер-министр. – Какое будущее её ждет?

– Кто они – эти люди?

Премьер-министр поморщился.

– Ещё одни новые патриоты. Не много ли их?

– А чего они хотят?

– Помните мое слово, они выберут подходящий момент и сделают решительный шаг, и это обернется настоящей гражданской катастрофой.

– Они расширяют свое влияние с каждым часом?

– Мы делаем всё для народа, а они призывают к свержению правительства.

– Им все чего-то мало?

– У нас не трогают собак, если они ведут себя спокойно. Но если они лают и кусаются – их пристреливают.

Подъехав ближе, как позволяла плотность толпы, Дмитрий узнал в девушке Нецинию, а рядом стоял Скар.

– А кто эта девушка? – спросил он премьер-министра.

– Звать её Нециния. Смазливая бабенка. Исключительно опасная личность. Фанатичка, одним словом. Я знаю таких, они невменяемы...

– А почему её захватила политическая деятельность?

– Трудно сказать. Артистка в пятом поколении. Нециния не была замкнута, и она совершенство в воспитании. Цвет культуры, не истеричка, настроения не меняются то и дело, не верит любому слуху, не плачет, когда что-то не удается. Тем опаснее вдвойне.

– При такой-то положительной характеристике отрицательное к ней отношение...

– Моя жена Шарлет и я были на концертах Нецинии. То что она демонстрирует – древний вид развлечения. По-моему, он очень примитивен и даже развратен, но моя жена просто захвачена её искусством, говорит, доказывает, что Нециния на Мингале самая тонкая художественная натура, а посему – достояние нации. Что не позволяет применить против неё своевременные воспитательные санкции.

– А можно мне остаться на площади?

– А распоряжение императора есть?

– Но я уже общался с вашими людьми, и как видите...

Премьер-министр Джоба задумался, и Дмитрий уловил это, добавив:

– Я ещё не изучил вашу Конституцию, но, думаю...

– Мы уверены, что у нас не слаба законодательная база и исполнительная тем более по части предупреждения преступлений. Поэтому... вы вольны поступать, как желаете.

– Значит, можно?

– Можно, под мою ответственность.

Глава 9. Я училась в балетной школе

Пуальфина взглянула на часы. Ещё одна минута. Третий этаж не такая высота, чтобы ждать лифт, но уж пройдя по прямому длинному коридору мимо кабинетов, в которых она уже не однажды бывала, с каждым шагом уменьшая скорость, она остановилась у высокого, в рост человека, зеркала на тумбе, чтобы перевести дух. Поправила волосы на голове, при этом, от взмаха рук кверху, бугры на месте груди поддались в стороны. Пригладив руками униформу, она посмотрела в зеркало на свое раскрасневшееся лицо, распрямила плечи и подняла высоко нос. Быстрый взгляд в зеркало с поворота, любясь собой, и удовлетворение видом. А вот и кабинет № 364. Здесь она не была, но очень много о нём слышана. Кажется Отдел по борьбе с террористическими обмена телами. Точно! Толкнула дверь и вошла внутрь.

Сегодня её встретили вставные линзы в квадратной форме очков и сплюснутый нос. С этой начальницей до сих пор судьба миловала встречами. Бенигна Клабб! Ужасная женщина! Слухами полнится земля. Пуальфина могла в любое время дня и ночи пересказать невероятные слухи о ней, исходящие из самых безнадежных закоулков жутких подвалов.

Конечно, это сущая нелепица, чистейшая неправда. Или частичная правда? Говорили о мрачных казематах, что Бенигна Клабб была садистка на все руки виртуоз и своим заместителям не разрешала пытаться в свое отсутствие. Когда она шла по глухим подвальному коридорам с группой боготворящих её студентов, которым она параллельно преподавала мастер-класс, даже сотрудники почтительно и со страхом расступались перед ней и сжимали в карманах пальцы в кулак. Ей подавали её собственный

забрызганный кровью халат и придвигали кресло на высоких ножках прямо к изголовью жертвы, лежавшей на пыточном столе. Она подходила к делу по научному и разбила пытки на категории сложности: от слабых к более чувствительным. Она с полужакрытыми глазами следила за допросами и изредка поднимала пальцы. Комбинация пальцев означала перемену пытки и её способ. Начинала обычно с легких пыток, и продолжала усложненными по нарастающей боли и психологического воздействия. Она подобрала профессиональный штат пыточных дел мастеров, понимающих её с полуслова, их не надо было подгонять и учить, что нужно делать в данный момент. Они уже с остервенением тащили щипковые инструменты, кипящую воду или раздували огонь. Бенигна смотрела в глаза истязаемой жертвы и ждала, когда в них исчезало выражение стойкости к сопротивлению и вместо страха появлялись мольба и мука. Тогда она обращала на это внимание учеников: “Смотрите, ярко выраженный блеск на мокром месте в глазах!” Далее обиженно говорила, как бы распекая за нерасторопность: “Принесите же человеку воды!” Затем в голос рекомендовала возвратиться к предыдущей пытке, более слабой, а бедный истязаемый воспринимал новое мучение с облегчением и был благодарен ей за этот благородный поступок и подарок судьбы, и даже готов был целовать Бенигну Клабб ноги. И таким циклическим приемом кнута и пряника она ломала сопротивление самых крепких и упорных. А если не ломала, приводили прокаженного – всего в язвах. Угроза насильственного обмена телами с ним была последней каплей стойкости пытуемого. Смотреть на пытки было не менее героическим занятием. Тем, что она получала эстетическое удовольствие и психологически переносила пытки прекраснотушно, позволяло называть её садомазохисткой. Терпение у Бенигны было поистине титаническим, её хватало на многие часы, если таковые понадобятся. Она уходила на отдых после того, как признание было вырвано. Сотрудники и ученики тогда смотрели на неё с благоговением, переводили дух и начинали торжественное чаепитие с конфетами и тортами, превознося её имя за умение форсировать допросы и получать нужные результаты.

– Вы оторвали меня от обеда, – сказала Пуальфина. – Надеюсь, причины на то крайне веские?

Бенигна была холодна и немногословна: очевидно, она была не в восторге, что какой-то младший чин делает ей замечание.

Полковник Бенигна Клабб заговорила мужским голосом:

– Сними свой пиджак, Пуальфина. Повесь на стул. Разденься до пояса. Разведи в стороны руки и сведи их над головой.

Коричневые соски послушно поднялись вверх и также послушно сошлись близко, резко обозначилась тонкая талия, а длинные волосы зашевелили спину.

Бенигна Клабб любила этот тест для женщин, что давало ей повод выбраковывать агентов. Они готовностью номер один должны быть неотразимы прежде всего телом. Ум не всегда обязателен, изучить несколько языков, немножко научиться вести светские разговоры, чуть-чуть флиртовать, только и всего. Тест для мужчин был посложнее. Мужчина провисал с опорами головы и ног между двумя стульями животом вверх, а она медленно раздвигала их, наблюдая, как страдалец пытит, налива-

ется кровью, напрягая мускулы, чтобы не свалиться. Пока не падал. Расстояние между стульями являлось наглядным показателем мужской силы и, по большому счёту... плоти.

Бенигна Клабб гордилась своим агентом Пуальфиной, внимательно всматриваясь в её чёрные, глубокие, красивые глаза. И даже обнаружила, что радужную оболочку окантовывал странный золотистый круг, как... как ни у кого. Позавидовала. Она посмотрела на освещение в кабинете – нормальное.

– Подними руки над головой, – приказала она. – Выше! Теперь нагнись и достань руками носки ног. Повернись вправо. Влево.

Пуальфина выполняла приказы автоматически.

– А теперь в темпе отожмись пятьдесят раз. Чтобы тело вжималось в пол, а груди не мешали.

Видимо девушка делала не так, и получила предупреждение:

– Лёгкое соприкосновение с полом мне не нужно.

Дальше Пуальфина уже и внимания не обращала, что и как поступает с ней Бенигна Клабб. Поворачивалась перед ней то грудью, то спиной, коротко отвечая на расспросы, приседала, прыгала, дышала, не дышала по команде. Снова поворачивалась, подпрыгивала, снова доставала носки ног.

– Задержи выдох... – Бенигна Клабб взяла в руки секундомер.

Накопец, увидев, как набухли щеки у сержанта Ру- ги, не отводя глаз, сказала:

– Пошла третья минута.

Лицо у Пуальфины стало на глазах багроветь, а Бенигна словно ждала момента, когда сосуды лопнут.

Она сделала отмашку.

– Отбой!

Проверив пульс, Бенигна осталась довольна.

– Физическая подготовка у тебя в норме. Легкость и четкость динамики гимнастики, атлетки и водолазки!

Еще Пуальфина прошла по кабинету как по подиуму и заработала полновесные очки для новой похвалы.

– Ты и впрямь красивая девушка. Помимо миловидности лица ты обладаешь высокой, стройной фигурой. Твои движения изящны. Ты где училась?

– Я училась в балетной школе. – Пуальфина не могла унять дрожь.

– И почему бросила занятия?

– Вынуждена была оставить их из-за того, что переросла на три сантиметра положенный лимит роста.

– Понятно, партнерам трудно манипулировать такой жердиной в воздухе.

– Потом я тренировалась на центральном катке “Ретистал” и благодаря этому вошла в команду лучших фигуристок.

Следующие команды снова поставили Пуальфину в тупик.

– Накинь лифчик, – приказала в чем-то неудовлетворенная осмотром Бенигна Клабб.

– Девочка, твои бедра и крепкие здоровые груди безупречны, – задумчиво произнесла она и ревниво подумала, что в ближайшем будущем если они не послужат живописцу или скульптору моделью, то кто-нибудь из высших офицеров максимально извлечет из этого товара несомненное удовольствие.

– А теперь приступим к делу. Одевайся.

Туфалона поправила очки и попыталась рассмотреть что-нибудь в большом окне. Это был её способ зеркально наблюдать вокруг и сзади себя. Однако увидела она свое отражение, но только не Пуальфины, и отвернулась от окна, не очень заинтересованная им.

Пока Пуальфина приводила в порядок волосы, Бенigna наставляла:

– Мне нужна подробная информация о нашем госте с Земли: недостатки, привычки, приятели, подруги, недруги, увлечения. Понятно?

– Да.

– Тебе предоставлена полная свобода действий.

– Я хочу знать, что мне делать конкретно?

– Следить за каждым его шагом.

– Слушаюсь.

– За работу. На случай изменения обстановки информируй немедленно.

Пуальфина нервно прикусила губу, затем расправила плечи.

– Как я землянина узнаю?

– Узнаешь. Не ошибешься. Рослый, молодой человек. Зовут Дмитрий Сорокопятов.

– Да. Теперь, пожалуй, пойду ужинать.

– Ничего, ещё успеешь даже пообедать.

Глава 10. Он настаивает на женитьбе, я – на обмене телами

Прилет Дмитрия совпал с разгаром клубничного сезона.

Дмитрий скоро убедился, что высший свет следует всем причудам мингалетского общества. Одна из них в особенности возбудила интерес в нём. У них было принято каждый день ходить в ресторан и есть там клубнику. И Дмитрий стал большим её гурманом из-за ее, в отличие от земной родственницы, утончённой смеси неизвестных духов, лекарств и наркотиков – настоящая лесная аптека.

Ресторан “Нескафт”, один из многочисленных, находился недалеко от дворцового комплекса Кор-Кар премьер-министра, и представлял собой во время клубничного сезона колоритную картину праздномастных людей. Сюда собирался весь знатный бомонд Миао-Чао. Это была выставка мод и красоты, беззаботная, пустая болтовня сидящих за столиками посетителей, перебрасывающихся веселыми шутками, – все это очень интересно для изучения легкомысленной жизни. Можно ещё сидеть на стеклянной террасе, прикрытой полупрозрачным тентом, и любоваться рекой с плавающими по ней грузными барками и буксирными катерами.

Внимание Дмитрия было приковано к меню, которое он листал. Его пальцы медленно переворачивали плотные гляцевые страницы, чувственно лаская каждую из них.

– Вы уже выбрали?

Дмитрий вздрогнул и вытер потные ладони друг о друга. Его побеспокоили. Он поднял затуманенный взгляд и бессмысленно уставился на стоявшую перед ним рыжую девушку с длинным красивым лицом. Она была в строгом белом костмчике с белым воротником и манжетами, в накрахмаленном переднике. В руках де-

вушка держала серебристый поднос, накрытый бумажной салфеткой, из-под которой выглядывали два небольших фастфуда. Стояла ещё чашка с кофе.

– Это для всех посетителей бесплатно, – деловито сказала она, и составила всё на стол.

Дмитрий неуверенно закрыл меню и двинул его на середину стола.

– С вами всё в порядке? – настороженно спросила официантка.

– Да, благодарю вас... – пробормотал он и добавил: – Разве что голова немного кружится.

– Не отошли ещё. Мы знаем, вы недели две как прилетели с Земли.

– Да нет, от ярких впечатлений, – признался он.

– Приятного вам аппетита, – сказала официантка и с достоинством направилась к другому столику, откуда на неё пялилось трое новых посетителей.

Медленно вдыхая аромат кофе, Дмитрий впал в какую-то созерцательную мечтательность.

Уже сразу по прилете у него появилась масса приглашений от общественных организаций и частных лиц. Получалось, что желали заполучить только для декорума и как свадебного генерала. И сегодня. В этот вечер его ждали театр, библиотека. А он выбрал способ уединиться в кабине ресторана.

Но даже сюда стремительно вошел мужчина с перекинутым через руку плащом. Принимая Дмитрия за особу, приближенную к нему, воскликнул:

– Умоляю, устройте мне свидание с Дмитрием Сорокопятовым, всего на три минуты. Я заплачу.

– Я не знаю никакого Дмитрия Сорокопятова, – ответил Дмитрий.

Подлинным бичом для него были корреспонденты, вторгающиеся в его жизнь. Он всегда нервничал при виде нахально проталкивающих к нему с вопросами:

“Как давно вы в медицине? Кто ваш кумир? Какие наработки вы привезли сюда с Земли? Какое место в вашей жизни играют женщины? К какой медицинской школе вы себя причисляете? Какие ваши любимые дисциплины? Почему вы затворничаете, вероятно, к императору легче попасть, чем к вам?”

На эти вопросоизвержения трудно ответить даже нормальному человеку, поэтому Дмитрий отвечал одно и то же:

– Я никому интервью не даю и впредь давать не буду.

Объективы подлавливали Дмитрия в самых неожиданных местах, поэтому его изображений по всей Мингале было хоть отбавляй. И под многими краткая биографическая справка. Текст её Дмитрий подобрал сам, поняв, что при столь неслыханном интересе к его персоне, непрерывно подогреваемом прессой, необходимо какие-то минимальные сведения о себе дать. И всё равно, в результате родился коллаж, где-то близкий к подлиннику, но с преувеличением от третьей силы – “четыре университета”, а где-то придуманный портрет от злопыхателей – “недоучка”.

Звонили также из Военной Коллегии с настойчивой просьбой выступить у них. Затем на будущее напрашивались школы, университеты, государственные учреждения, даже детские сады.

Бедные корреспонденты! Отчаявшись вступить в личный контакт, они стали искать окольных путей, но

Дмитрий был верен себе, не попадался на удочку и никому и никаких интервью не давал.

Мужчина ждал и не уходил.

– Извините, я никакого отношения к нему не имею! – и на этот раз осадил Дмитрий посетителя. Тот снова перекинул через руку плащ и ретировался.

Дмитрий сидел один и был свободен для наблюдений. Его задача состояла в том, чтобы увидеть так рекламируемый у мингалетов обмен телами. Эти многочисленные парочки, группы выпивающих, смотрящих жадными глазами друг на друга. Неужели он лишится чудесного зрелища?

Но ничего не мог заметить.

Сегодня некая дамочка, туалет которой был особенно блистательным, с неким господином премило бодались лбами, при этом они мычали как полоумные.

– Килин, Килин Клер, душечка! – повторяла она громко.

– Аскаванасия – женщина моей незлоупотребленной воображением мечты! Я давно искал тебя! – выкрикивал он пошлятину.

Но не она привлекла внимание Дмитрия, а этот самый высокий, с признаками военной выправки и командирского голоса мужчина в светлом щеголеватом костюме, поменявший в течение вечера несколько столов... и дам... Этот красавец всегда был в компании.

В этом ресторане очень остроумно сервировали клубнику. Её приносили прямо плотными кустиками в серебряных горшках аккуратные официантки. Высшая степень утонченности. Тут же они подавали сливки. Остается срывать свежие ягоды и макать в блюдечко. Одно-го кустика достаточно для среднего посетителя.

Рыжая официантка поставила клубнику с каким-то равнодушием. Похоже было на то, что сейчас она не в духе, что её раздражают неприятные чувства. Дмитрий решил вывести её из гнетущего состояния.

– О, как я завидую вашему мужу. Он самый счастливый мужчина в мире.

– У меня жених. Снова и снова я не устаю смотреть на него, я чувствую, что он со мной неразрывно связан, – похвасталась она. – Является частью меня, мной. Надо только узаконить отношения его согласием, затем документально.

– Ему мои симпатии, что у него такая красивая и умная невеста.

– Я постоянно напоминаю ему об этом. – Видимо ей открылась приятная страничка в их отношениях, и она обворожительно улыбнулась.

– Как вас звать?

– Сюэмель. – По случаю, она забавно приподняла с головы фирменный колпачок.

Дмитрий смотрел на Сюэмель, в особенности на её ставшие распущенными рыжие волосы. Волосы блестящие, как вычищенная проволока из бериллиевой бронзы, и, едва блик от света касался затылка, словно загорались огнем.

– Ваша жизнь наверно приятна?

– Всего нашего народа?

– Нет, лично ваша.

– Вы имеете в виду моего жениха-офицера, с которым я танцевала в последний раз?

– Да, нет...

– А, понимаю, вы здесь впервые и его не видели.

– За столько времени второй раз, – с гордостью ответил Дмитрий. – В прошлый раз вы не работали, наверное, были в отгуле.

Сюэмель говорила насмешливым тоном, скрывающим, однако, некоторую озабоченность.

– Я привыкла к этому, – сказала она. – Офицер, как муж, не лучший вариант, чем купец или промышленник. Офицеры сегодня злые, как собаки, они смертельно устали от закулисных интриг, связанных с разработкой законов об обмене телами. Что ни день, то новый закон. И конца им нет. Тут поневоле растеряешься, потеряешь голову, и на какие только революционные мысли не потянет.

– Вообще для меня становится очевидным, что теперь настало время для замены правительства, – осторожно поддакнул Дмитрий.

Она мягко и с какой-то с гордостью добавила:

– Для свержения... Надо называть вещи своими именами. Офицеры сейчас марионетки, но скоро будут определять будущий курс политики.

– А политика не помешает вашей свадьбе?

– Не в ней дело, а в нём – в женихе. Расстроить её другое ничто по силам.

– А что с ним?

– Я вижу, что с каждым днем я проникаю в него всё глубже. Всё яростнее. Но всё безнадежнее.

– Он ни рыба, ни мясо! – решительно сделал вывод Дмитрий.

– Да! – ни секунды на размышление ответила она.

– Имеются ли в вашем распоряжении какие-нибудь средства воздействия, которыми вы могли бы заставить его жениться на вас?

– Кроме соблазна на обмен телами, никаких.

– Сюэмель, вы перед дилеммой?

– Да, надо выбирать: или брак или обмен телами.

– Нет взаимопонимания, взаимности?

– И они есть.

– А чего нет?

– Решительной воли идти навстречу с его стороны.

– Он – трус?

– Скорее – безрассудный.

– Возможно, у него грандиозные планы. И вы не вписываетесь в их круг...

– Если бы...

– Испытайте его ценой освобождения от собственного тела в одностороннем порядке.

– Мудрено говорите...

– Попробуйте шантажировать его.

– Ну, как-то неудобно.

– Донести его командованию...

– Я об этом ещё не думала.

– А чего он больше всего боится?

– Видите ли, война его интересует превыше всего.

– Вот и используйте его слабость.

– Каким образом?

– Война хороша, когда происходит на импровизированном поле сражения. Надо создать ему достаточные условия.

– Не хотите сказать, что будуар – поле сражения между мужчиной и женщиной?

– Да, что-то в этом роде.

– Эти сражения не в счет, когда сознание общества поражено болезнью, называемой обменом телами.

Через пять минут она принесла новый заказ. Дмитрий хотел переменить тему разговора, но Сюэмель сама первая произнесла:

– Он настаивает на женитьбе, я – на обмене телами. Уступить мне, женщине, он не хочет ни на вот столечко. – Она показала на конец своего мизинца. – Я ненавижу его. С этой минуты обмен телами – это моя форма протеста. – Она, окрыленная, скрылась от Дмитрия, не попрощавшись.

Через следующие пять минут она появилась снова. Видимо ей нравилось говорить с новыми людьми.

– Вы не нашли пока к нему ключи? – спросил Дмитрий.

– Я его знаю больше заочно или, как сейчас говорят, виртуально.

– У нас на Земле есть выражение: стерпится – слюбится.

– Говорят, советовать легко.

– А почему у вас нет желания совершить сделку с женихом?

– Это огромное, толстое, грубое животное, глухое к музыке, слепое к красоте, лишённое души?

– Возможно, вы преувеличиваете.

– Впрочем, я не уверена ни в том, ни в другом. Я не уверена даже, что теперь он сможет просто на мне жениться, – добавила Сюэмель.

– Он водил вас в театр?

– Многократно.

– Провожал до дому?

– Очень даже скрупулезно и как-то галантно.

– И даже гладил вашу ладонь?

Она замялась.

– Мы ходили под руку... Но это ни о чём не говорит.

– Он попался, он ваш! Теперь он обязан на вас жениться, – возразил Дмитрий.

– Почему?

– Он – офицер, и этим словом всё сказано.

Сюэмель глубоко задумалась, взвешивая свои шансы. Дмитрий всё же дал ей совет:

– Зачем вам обмен телами, обойдитесь малой кровью, своими чарами во что бы то ни стало заставьте его жениться на себе – вот ваше общее решение. Вы можете это сделать – вы красивая и утончённая. А потом развитие отношений пойдет само по себе дальше брака.

После некоторого колебания она вскочила, выбежала из зала и вернулась с пачкой писем.

– Хотела бы я знать, что скажете на это вы, доктор? Он подонок, сволочь, каких мало!

Дмитрий не стал читать чужих писем. Но надо было ковать железо, пока горячо, иными словами, пока не остыл её гнев. Он предложил ей сесть и обсудить всё спокойно.

– Это очень печально, – сказал он, утешая её, – но у вас, действительно, даже нет возможности сделаться его женой. Его не сегодня-завтра перекинут на какой-нибудь театр военных действий.

Наступила гнетущая пауза. Значит, Сюэмель была такого же мнения.

– Но что мне делать? – спросила она.

– Во время чумы надо смеяться.

– Вы кощунствуете?

– Ввиду нашей дружбы, – сказал Дмитрий, – я буду считать за большую честь, если вы разрешите мне действовать в ваших интересах и от вашего имени. Я думаю, что я смогу вам помочь.

– Каким образом? Будете стреляться из-за меня на дуэли?

– Я оцениваю по-настоящему всю щекотливость положения, и вы поймете, что необходимо мужчине взять это дело в свои руки.

Она покачала головой и нервно ударила рукой по пачке писем.

– Нет! Это невозможно! – сказала она. – Об этом нечего и думать. Меня пугает его огромное, ненасытное тщеславие и отсутствие гибкости. Я уже сказала, в противовес мне он выступает против обмена телами. Объявил временный мораторий.

Дмитрий понял, что необходимо действовать решительно. Он стал выдумывать чудовищную ложь, которая не может сравниться ни с чем, что он выдумывал до сих пор.

– Но, посудите сами, – говорил он. – Он – офицер, и знаете, что такое театр военных действий. Бывает, не то, что вы полагаете. Он должен был быть здесь возле вас, как настоящий жених. А где он? Не хотелось бы думать плохое. Он не приехал. На театре военных действий? А если нет? Значит, что-то тут нечисто.

Сюэмель свергла внимательные глаза в Дмитрия.

– В течение каких-нибудь пяти минут вы, Дмитрий, обрисовали моего жениха такими ужасными красками, что в сравнении с похождениями господина офицера ваш расхожий персонаж Дон-Жуан должен быть признан святым, – заметила она.

– Ваш жених заслуживает самого жестокого порицания, какое, как пострадавшая женщина, вы можете только придумать для него.

– Это правда? – задумалась она. – Подать ему пис-толет? Даже харакири? – Мысль о некоем наказании, как ни странно запала, оказалась наиболее приемлемой там, где все другие предложения потерпели бы крушение. Оскорбленная гордость женщины – ужасная вещь, если не самая страшная.

Музыка стала другая. При звуках кларнета у Дмитрия забился пульс. Музыка стиснула болью ностальгии сердце. А сцена была пуста, темна... и внезапно он увидел её... в неясном свете. Тонкий лучик выхватил Нецинию откуда-то из глубины. Она плавно двигалась, и платье, оттененное серебром, напоминало бледно-розовый бархат, и временами мимолетно приоткрывало немислимо изящное, безупречное голое бедро.

Чем больше она танцевала, тем всё более скорбным становился танец, и сидевшие впереди видели, как пульсирует жилка на стройной шее.

Каждый ловил её взгляд, представляя, что Нециния дарит его именно ему и никому больше.

Ее танец напоминал то расплавленную лаву, то струящееся по горам золото. Волосы сверкали, точно вечерний закат, зеленые глаза на лице цвета слоновой кости искрились, как изумруды. Нециния полностью растворилась в звуках, которые все дальше и дальше уносили её душу. Тонкий ручеек пота струился у неё по виску. Она полностью окунулась во вдохновение, и теперь Дмитрий понял, что танец сегодня сложнее, чем она, видимо, до сих пор демонстрировала. Этот танец по струк-

туре был сродни пирамиде, устойчиво стоящей благодаря её искусству на вершине, требуя от неё на исполнение всех колоссальных наличных сил.

После каждого танца зрители орали так долго и неистово, что она исполнила ещё пять или шесть “на бис” и лишь после этого покинула сцену.

Когда, наконец, Нециния закончила, она была мокрая от пота, руки и ноги дрожали от усталости и огромного напряжения.

– Нециния! Bravo! Bravo! – кричал Дмитрий, поднимая бокал. – Прекрасно исполнено!

– Bravo! – поддержал кто-то из зала с явным удовлетворением. Они складывали пальцы щепоткой и посылали воздушные поцелуи.

– Вот видите, – сказал Дмитрий, когда она подпорхнула к его столику, – искусству нет предела. И вы только что это наглядно продемонстрировали всем.

Их взгляды встретились, и Нецинию охватил такой восторг, какого она никогда прежде не испытывала от похвалы.

Этим вечером запомнившийся высокий мужчина Килин Клер уже калякал с Сюэмель. Глаза Дмитрия не обманывали, а его говорили, что он сделал её предметом внимания... и даже в неё влюблен... С такими, вдруг резко протрезвевшими глазами не тащатся за женщинами.

Когда тот постучал в дверь кабинки, Дмитрий приветливо сказал:

– Входи, Килин Клер!

Вообще Дмитрий старался придать себе самый добродушный вид, насколько это было возможно.

– О какой большой стол, и как мало за ним людей! – Клер явно своей разнуданностью брал быка за рога.

Тем не менее, Дмитрий указал на стул.

– Дмитрий, она словно пламя, возникшее после взрыва, – сказал Клер, бесцеремонно подсаживаясь к Дмитрию очень близко на расстояние вытянутой руки, и даже не удивившись, что его знают по имени, как и он сам его. Это Сюэмель бежала впереди паровоза.

– Ты о ком?

– О Нецинии. Артистка милостью божией. Апофеоз, как она танцует! Отброшено всё искусственное, наигранное. Вакханка! Полубогиня! Она делает нас богами.

– Прошу! Хорошая сигарета, – предложил Дмитрий.

Как не подобает его положению, вызываясь к Дмитрию, он положил её себе в карман.

– О, нет! – воскликнул Дмитрий. – Кури, кури! Мне скучно одному. Не желаешь ли выпить вина?

Дмитрий решил подпаивать Клера, чтобы он находился навеселе, чтобы у него развязался язык наравне с другими посетителями.

Он закурил, затем принял благообразный вид

– Как ты, доктор, думаешь, почему я стал завсегдаем этого ресторана?

– Могу только предположить – из-за Сюэмель.

– Надо же, угадал! Почему?

– Она всем нравится.

– Вот эта... рыжая... конопатая... дамочка? – Он показал на официантку.

– Да.

– Ну, с тобой, доктор, не интересно, всё-то ты знаешь.

– Она – достопримечательность этого ресторана.

Килин неожиданно объявил:

– А знаешь, доктор, чего ты и знать не знаешь, я же нуюсь!

– Полагаю, что на Сюэмель. И еще обменяетесь телами, – добавил Дмитрий.

У Килина расширились глаза.

– Поженимся – она и я! У тебя, Дмитрий, наметанный острый глаз. Я сегодня со многими дамочками таскался. А почему бы не Аскаванасия, красивая толстушка?

– С ней шуры-муры.

Пока Килин усаживался, двигал приборы на столе, он тут же напевал:

– Раньше девки были другие – “да” и “нет” не говорили...

Дмитрий весь превратился в слух – как тесен мир и чего-нибудь в этом роде он ждал.

– Килин, ты хотел что-то сказать? – остановил он исполнителя.

– Есть много “но”. Извини, доктор, я в поисках истины. Я разрываюсь: любить ее или...

– Другую, – подсказал Дмитрий.

– Да, нет. Тут другое – любить ее или ее тело?

– А это разве не одно и то же?

– Дмитрий, раньше бы я не искал ответ на этот вопрос. Но не то чтобы обстоятельство, ситуация на Мингале резко изменилась. Сегодня как-то неприглядно думать о любви, жить любовью, ставить ее во главу угла.

– Из-за этого ни потаскаться, ни выпить? – пошутил Дмитрий.

– Взгляд в корень! – Килин приложил палец к губам. – А пока моя мечта – завести своё дело. Это будет пример, достойный всех молодых людей, да и всех людей планеты. Я не хочу быть олигархом, внезапно разбогатевшим на производстве дамских корсетов или на фальшивом ликере. Я мечтаю о крупномасштабном проникновении обменов телами по всему миру. Я готов стать проводником этих технологий. Свобода, которую я всем подарю, будет маленькая толика выхода из бесконечного тупика, в котором мы живем...

– Килин, конкретнее можно? – остановил поток его слов Дмитрий.

– Пожалуйста, – с готовностью ответил Килин. – Я и Сюэмель откроем свое дело. У меня есть мозги, у Сюэмель – кое-какие сбережения. Не знаете ли небольшой гостиницы, которую можно было бы купить по дешевке?

– Ого, дружище, – сказал Дмитрий, – желаете приобрести недвижимость, а?

Он многозначительно кивнул.

– Отельчик, само собою.

– Но может лучше сначала устроить личную жизнь, жениться, затем обменяться с невестой телами? – предложил Дмитрий. – Это вас ещё больше скрепит и...

– Прости, не разобрался...

– Круговая порука в любви, знаете ли, играет не последнюю роль.

– Но почему не жениться только? Почему я должен делать то, что ей хочется? – Налет развязности у мужчины пропал.

– Как я понял, на Мингале другие приоритеты, – произнес Дмитрий.

– Чем сильнее семья, тем сильнее государство! – последовало восклицание.

– Хотелось бы думать.
– Современные семьи разваливаются как карточные домики, ты это имеешь в виду?

– Совершенно верно.

Подошедшая Сюэмель превратилась вся в слух.

– Килин Клер, только обмен телами, только он, снимет между нами все противоречия, – решительно сказала она.

– А я хочу жениться! Что, я не могу себе позволить эту малость? – встал в позу он.

– Если я тебе равнодушна, ты сделаешь то, что я скажу.

– Я в меньшей степени хочу быть женщиной, чем она мужчиной, – засмеялся Килин, обратившись к Дмитрию.

Тот на ухо шепнул:

– Не зря говорится “не буди в женщине мужчину”.

Официантка, даже не слышав эти слова, аж вся взвилась.

– Мне всё равно, кем быть: мужчиной или женщиной, но не всё равно, когда меня оскорбляют!

– Есть ещё третий путь, если в вас нет согласия, – таинственно сказал Дмитрий.

– Какой?

– Наш метод Монте-Карло.

– А он чем знаменит? – спросил Килин Клер.

– А вот. – Дмитрий закрыл глаза и стал сводить указательные пальцы навстречу друг другу. Они не сошлись.

– Что это значит? – осведомилась Сюэмель.

– Надо было сначала загадать, – ответил Дмитрий.

– Загадываю: сведённые пальцы означают, что она не права, – с готовностью сказал Клер.

Пальцы не сошлись.

– Ага, что я говорила! – воскликнула радостная Сюэмель.

– А мы поженимся и ещё, вдобавок, обменяемся телами. Убьем сразу двух зайцев. – Килин Клер положил свою руку на ягодицы невесты.

Она расцвела улыбкой, ей понравилось высказывание жениха, и она подхватила:

– Килин, ты душечка!

– В принципе, это уже существенная уступка друг другу, – отметил Дмитрий.

– У нас с Килин Клером появляется законный предлог в то же время остаться самими собой.

Дмитрий уловил в этой фразе желание Сюэмель оставаться независимой при всех обстоятельствах, что при одном выходе замуж или обмене телами было противоречием.

– Что-то необыкновенное вами движет, что объяснить очень трудно. Неужели наличие какой-то третьей силы? – спросил Дмитрий.

– Магнетизм. Правда, Килин? – Сюэмель посмотрела на него влюбленно. – Невеста лепит образ своего воображаемого жениха, жених – невесты. В сознании всегда идет лепка второй личности, которая уже в сущности отделилась от основной и настаивает подчас на безусловном появлении на свет с правом признания при наличии тождества и единства. Она требует воспроизведение себя, для рождения нужна только повивальная бабка. Вот обмен телами она и есть – как существенная связующая сила.

– Какая ты умная! – Килин Клер хвастливо потрепал официантку за щечку, причем она бросила на Дмитрия немного испуганный взгляд. Как видно, она понимала, что её будущий супруг не в меру разболтан.

– Ты эти замашки брось, – заявила она.

– Всё-всё, не буду, – оторвал он руку оторопело.

– И ещё, Килин, ставлю условие, мне не нравится, как ты алчно смотришь на других женщин. Я не могу этого больше переносить. Тебе обязательно нужно раздеть глазами каждую, кто проходит мимо тебя. С меня довольно!

Килин встрепенулся, и голос его даже протрезвел.

– А когда тебя взглядом другие раздевают, когда я тебя мысленно раздевал, ты почему-то не возмущалась. Значит, соглашалась на эту процедуру? А во мне происходило следующее, сравнимое с бурей чувств: ты выходишь с подносом к моему столу, пока раскладываешь блюда, я, как бы, пристраиваюсь сзади, расстегиваю на тебе молнию, ладонью проникаю под юбку. Потом целую за ухом. В шею. Где только можно. Я наклонялся так низко, разве что не доставал до пяток, и они бы тоже от моих поцелуев обязательно порозовели. Мне казалось, апофеоз(!), что ты выходишь из зала голой. Это правда. И ты была невозмутима и произносила слова, обращенные мне, как призыв к продолжению любви.

– Бес в ребро! – зашипела Сюэмель.

– Вот неблагодарные женщины! – воскликнул Клер.

– Их любят даже мысленно, а они, вместо того, чтобы источить восторг и помочь мужские фантазии превратить в реальность, всё норовят устроить демарш непонимания несогласных!

– Также молчания и неповиновения, – уточнил Дмитрий.

Сюэмель настиг спазм горла – ни продохнуть, ни выдохнуть.

– А вы, женщины, разве не раздеваете мужчин? – Килин был явно в ударе красноречия, чем не преминул воспользоваться, продолжая монолог дальше. – Вот ты, Сюэмель? Распахиваешь свои бездонные глаза и в какой-то момент с удивлением осознаешь, что некий мужчина – часть твоей жизни, и часть довольно внушительная, если не существенная. На фоне которой настоящая твоя жизнь бездарна, пуста и бессмысленна. Ты говоришь себе: “Переступив через себя, я хочу обогатить свои ощущения, приобрести себе то, что пока было немислимо”. Дальше – больше. В нем, озорном, могучем и неотразимом, появляется смысл жизни, и женщина становится на мужчину стяжательницей с правом частнособственнических устремлений. Признайся, с тобой это было неоднократно? И с какого молодого возраста?

Инициатива явно перешла от оторопевшей Сюэмель к, похоже, протрезвевшему Килину.

– Мне не нравится – продолжал он, – что ты работаешь официанткой – это своего рода стриптиз. Ты не скидываешь одежду, это правда, но ты продаешь душу дьяволу, когда сексуально несешь поднос и составляешь блюда клиентам. Ты поворачиваешься каждый раз таким боком и так выгибаешься, что невозможно равнодушно проглотить слюну.

– У нас на Земле есть средство Макропулоса, – произнёс Дмитрий.

– А чем оно знаменито?

– Рецепт вечной молодости. Объяснение следующее: если в какой-то момент в себе возникает что-то такое чёрное, страшное, неприятное, завистливое, даже нежелательное приятное к чему-то кому-то, надо в этой мизансцене к источнику напастей или соблазнов просто повернуться спиной. С равнодушием. Вот и весь рецепт.

– Растолкуйте.

– Попросту, все неприятности остаются сзади, а впереди счастливое будущее.

– То есть, показать свой зад и признать свое поражение? – усмехнулся Килин. – Я так не могу!

– Но это последнее усилие сделать хорошую мину при плохой игре, – объяснил Дмитрий.

– Килин, – обратилась к нему Сюэмель, – глаза бы мои на тебя не смотрели, но обернуться к тебе задом я тоже не могу. Не хочу, чтобы ты снова запускал свое богатое воображение.

– А что здесь скверного? – спросил он. – Я никого не убиваю, не вору.

– Килин, но ты каждой женщиной хочешь физически обладать. Это не одно и то же, что глазами. Надорвешься! – снова накинулась на жениха окончательно отошедшая от спазма Сюэмель.

– А ты не прочь отдаться любому прокажённому!

– А ты... А ты... – Сюэмель глушила слёзы, больше от поражения.

Килин Клер потер переносицу.

– Ты ревнуешь. Вот, значит, как... А по-моему, ничего плохого в этом нет.

– Как же, довёл меня до слёз.

– Сюэмель, как пример, у меня в постели десять женщин, я – что, должен лапать только одну, если они меня все удовлетворяют? Ты сводишь на нет мою мужскую роль.

– Я защищаю своё женское начало!

– Не будь такой душой, дорогая. Пока я смотрю на других женщин, я смотрю на тебя. Это мой показатель мужской боеготовности, – сказал Килин Клер покровительственным тоном. – Всё остальное – это твои подозрения и глупости. Сейчас у тебя просто плохое настроение, но завтра ты будешь другая – мягкая и покладистая.

– Нет, завтра ничего не изменит.

– Я тебя уверяю, что ты утром проснешься белая и пушистая, и вся в шоколаде, встанешь с нужной ноги, плюнешь через левое плечо и сама посмеешься над собой.

– Килин, ты действительно сукин сын!

– Я знаю.

– Ты знаешь это? – официантка ошарашено смотрела на него.

– Мне ли себя не знать.

Дмитрий решил прекратить перепалку, предложив еще одно испытанное средство. Он поднял руку с открытой ладонью, говорящей о том, что требуется миролюбие, и сказал:

– Есть такое понятие, как “молчаливое согласие”.

Так на биржах играют честные трейдеры. В народе даже женятся по этому принципу. Вам подходит именно этот вид отношений.

– Как? Молчать на ее ужимки! – взметнулся Килин.

– У него остроумие, как у свиньи, – огрызнулась Сюэмель.

– У кого? Это у меня-то? – опешил Килин Клер.

– Так оно и есть на самом деле.

– Я ухожу от тебя!

– Скатертью дорога, – ответила Сюэмель.

Дмитрий постарался унять будущих супругов.

– Говорят, разлука укрепляет чувства, – сказал он.

– Она ещё прибежит ко мне! – воскликнул Килин.

– Килин Клер, иди домой, не приставай к посетителям. – Официантка пыталась остановить его, но его в подпитии распирало благодушие и желание высказаться.

– Вздор, моя ненаглядная; я ведь рассказываю не кому-нибудь, а лучшему другу.

– Дмитрий, не стоит принимать его слова всерьез.

Сюэмель взяла Килина за плечи, но силы были неравны.

– Ты придаешь нашим отношениям чрезмерное значение, – сказала она ему.

– Драматизирую ситуацию?

– Зачем же? Опошляешь.

– Почему же? Твои слова... ты же придаешь им изначальное значение.

– Необязательно.

Создавалась тупиковая ситуация, и Дмитрий был в её эпицентре.

– Килин, – обратился он к нему, – чтобы не было между вами кривотолков, надо заводить каждый год по ребёночку, и через десять лет, уверяю, Сюэмель забудет, что такое подставлять бока для всеобщего обозрения. Тебе тоже будет недосуг роптать, и, более того, засматриваться на женщин.

– Это как же так? – взъярился Килин Клер, и его сигарета замелькала перед её носом.

– Никаких сигарет, – вдруг сказала она ему.

– Прости, Сюэмель, не понял.

– У нас в ресторане не курят. Погаси её.

– Эй, полегче, крошка, полегче.

– Погаси.

– Нет, – заартачился он.

Дмитрий превратился весь в слух – новый спор предвещал быть интересным. Мужчина – есть мужчина, он не потерпит власти женщины над собой.

– Выбрось её, – твердо сказала Сюэмель.

– Не выброшу, я люблю курить, – голос его стал визгливым.

– Чудесно, – сказала официантка, – тогда до свидания, мы не сошлись характерами. Я рву с тобой отношения. Во всяком случае, об обмене телами со мной впредь не заикайся.

Всё встало на свое место, и предмет спора стал явен.

Килин Клер понял, что с ним говорят серьезно. Помедлив, он затоптал сигарету ногой.

– В силу нелепых обстоятельств, а чаще, когда женщины делаются стервами, мужчины в противовес им становятся совершенно ручными! – объяснил он.

Дмитрий удивился:

– Вот что такое стимул, чтобы бросить курить!

– Так-то лучше, – сказала довольная официантка и отошла.

Килин Клер важно поднял палец.

– А всё почему? Обмен телами и какой-то там прозаический секс нельзя ставить на одни весы! Ни какого сравнения, только в пользу обмена телами... Таким образом, зависимость людей друг от друга возрастает в геометрической прогрессии.

Глава 11. Утвердить прилагаемые Правила обмена телами

Премьер-министр Джоба отсутствовал. Пресс-секретарь Джаина провела Дмитрия в приемную.

– Можно, доктор, мне называть вас Дмитрий? – спросила девушка.

– Конечно, называйте меня по имени, Джаина. К “доктору” я так и не привык. У докторов должны быть с собой фонендоскопы, стетоскопы, рентгеновские трубки, катетеры, зонды и ещё чемодан для оказания первой медицинской помощи, а у меня на сегодня запланированы сачки для ловли бабочек.

– Ну уж, неправда, и вы это знаете, – вздула губки Джаина. У неё сегодня прекрасно смотрелись темно-каштановые волосы и коротко постриженная спереди челка.

Внезапно Джаина почувствовала себя свободной от предрассудков и условностей, и тут не удивилась этому. Раньше она не думала об обмене телами, сегодня с утра уж точно, и вчера, кажется. Сейчас точно прорвало. Теперь он казался ей чем-то само собой разумеющимся; она не могла представить себе жизни без обмена телами... с Дмитрием. Это не было ни беспочвенной романтикой, ни сентиментальностью; просто жизнь без этого казалась ей сейчас бесконечно однообразной, как полет в одиночку в космосе.

Подсознательно она подумала о терпении, о железной выдержке. Она откинула прочь эти предательские мысли – смиряться она не желала. Всегда найдутся люди, которые проявят хитроумную расторопность и которым с землянином повезет больше.

Джаина посмотрела на окно. Она почувствовала, как свет правильным потоком падает ей на лицо. Неожиданно через секунду она уже вольготно устроилась на коленях у Дмитрия, словно всю жизнь провела на них, и Дмитрий почувствовал жар её тела.

– Не думайте доктор, что я жутко развратная, и не говорите себе: “осторожно – шлюха!”

Он не то что растерялся, но не был готов к такому развитию событий.

– Ну, что вы... у меня и в мыслях такого нет, – тем не менее, ответил он не сразу.

– Вы же доверяете, прежде всего, своим внутренним ощущениям, а не внешним впечатлениям...

– Без сомнения.

– Но разве пресс-секретарь премьер-министра не может быть ею? – кокетливо спросила она.

Дмитрий замаялся.

– Конечно, не исключается...

– Я же не знаю, как вы рассматриваете женские эскапады? Решила проверить.

– Нормально. Правильная девушка тоже может прыгнуть на колени кому угодно, – успокаивающе сказал Дмитрий и в шутку добавил, – хоть самому чёрту.

Но шутка осталась без ответа.

– Каким-то образом ведь ей надо знать о мужчине все, как он реагирует на подобное поведение, согласиться? – вкрадчиво сказала она.

– Это прелюдия к чему?

– К большому разговору.

Джаина, расположившаяся у Дмитрия на коленях, также неожиданно обвила его шею руками и прижалась к нему грудью. Она дотянулась губами до его лица и стала целовать мочки ушей.

Он не почувствовал самого главного, которым терзался от любопытства до последнего дня. Её волосы на лице, выглядевшие как иголки у дикобраза, не кололи. Впрочем, это с виду они казались такими, на самом деле они были мягкими и нежными как пух, поэтому мингалеты никогда не избавлялись от них. Как на Земле ресницы считают красотой, так и мингалеты холили каждый волосок. А чтобы волосы на лице выделялись и создавали особый фон или даже геометрическую фигуру, они делали их объемными, пользуясь определенными кислотками, нанося ими ту или иную краску.

Но уже на шее волос не было, и Дмитрий понял, что ношение одежды эволюционно убрало их с тела.

Он только подумал: “А что будет, если взять Джаину на руки и отнести на диван”. Подумал, но не собирался это выяснять. Он прилетел на Мингалу не для того, чтобы бросаться в пучину любовных приключений, и вообще не для того, чтобы его интимная жизнь раскрашивалась в яркие цвета, стала богаче и разнообразней. Но как иначе рассматривать активное поведение пресс-секретаря, как проигнорировать его. Это были нормальные притязания хорошей женщины к нему, тоже хорошему мужчине. Дмитрий боялся последующего развития событий с его окончательной фазой – сексом... или обменом телами. Похоже, что у неё пока не было тяги к этому. А может всё же у неё идея фикс – далеко идущий обмен телами? Где та грань приличия? Для мингалетов обмен телами – норма жизни, для него – потеря своей сущности. Хотя... в любом примитиве есть своего рода величие.

– Ну так как же, я ставлю на ваш здравый смысл, – услышал он и ответил:

– Можете ошибиться.

– Иногда я ошибаюсь, но с вами, думаю, нет.

– Я не настолько интересен, как кажется.

– Я начну с вопроса – слышали ли вы когда-нибудь слова “обмен телами”?

Свет придавал глазам Джаины мягкий блеск, а лицу – нежное оживление.

– Обмен телами – это... – замаялся Дмитрий.

– Ещё раз браво, доктор! – улыбнулась она. – Вы неподражаемы в своей закрытости! Значит обмен телами для вас ещё не совсем за семью печатями? Но я имею в виду более современное звучание этого словосочетания.

– Обмен телами – это... Сдаюсь! – он поднял руки вверх.

– В таком случае разрешите мне несколько расширить ваши представления.

– Готов слушать.

– Обмен телами – это реальность, это позитивная сила, это нарастающая тенденция.

– Общие слова.

– Прочувствуете, когда поживете на Мингале достаточное время.

– Откуда вы это знаете?

– Я уже ответила на ваш вопрос.

– Понимаю, согласен, только давайте без поцелуев, – Дмитрий увертывался от них, как мог.

– Человек находит в обмене телами то, – продолжала она, – что раньше ускользало от него. Свежий воздух в душной атмосфере ограниченного пространства.

– А вы, Джаина, сами готовы к обмену телами? – решил взять инициативу в свои руки Дмитрий.

– Я достаточно молода и достаточно зрела, чтобы совсем не думать об этом.

– Джаина, почему вы хотите обмен телами?

– Знаете, я, как любая девочка, жила точно в тумане, в полном марева из послушания, не имея практики обмена телами со дня рождения. Я просто спала себе и спала, продолжала спать как потухший вулкан. До тех пор, пока не задымила, встретив вас.

– Чудесно сказано, – похвалил Дмитрий. Хотя прозвучало банальной некуда,

– Да, вас...

Он понял, куда она клонит, и сразу возразил:

– Но я просто не вижу нужды общаться с кем бы то ни было на данном этапе.

– С женщинами тоже? – спросила она.

Дмитрий с интересом посмотрел на девушку и сказал менторским тоном:

– Вы бы лучше вышли замуж, стали дородной мадонной с кучей детей. Вам к лицу.

– Жизнь диктует иные условия.

– Почему вы так говорите, Джаина?

– Ничего хорошего. Любовные связи, которые начинаются в постели, переходят в психологическую зависимость, и мешают обмену телами.

– И все равно – это называется семья.

– Одно другому не противоречит, но и смотрит сквозь пальцы.

– Вы – настоящая феминистка, Джаина.

– Ничего общего! – возмутилась она.

Ответ девушки был небыстрен. Хотя прозвучал резонно в условиях мингалетской действительности. Где-то это хорошо, а где-то плохо с точки зрения морали. В самом деле, почему он сам, нет-нет, да приценивается к женским формам, вместо того, чтобы присматриваться к обмену телами, выводя себя на более высокую ступень отношений? С высоты понимания мингалетов, не отнесутся ли они с подозрением, например, к его возможной женитьбе?

– В каком-то контексте вы правы, – согласился он.

– Мы очень благодарны вам, что вы есть, – похвалила Джаина.

– Да уж, – ответил Дмитрий.

– Нет, правда.

– Не льстите.

– Ваше явление Бога народу на Мингале превосходит все наши самые смелые чаяния и надежды.

– Вчера я смотрел фильм о моем прилете, – кисло сказал Дмитрий.

– И как?

– Там совсем другой конец. Невероятный. Витает дух войны и вероятный передел.

– Вы не поняли – любовь и согласие.

– Значит, аллегория?

Они услышали, как открылась и закрылась входная дверь. Вот-вот должен был войти премьер-министр. Словно повинувшись условному рефлексу, Дмитрий сжался в пружину.

Джаина продолжала как ни в чём не бывало.

– Все хотят с вами строить определенные отношения.

– Я хочу нормальных...

– Это и есть естественные.

Дмитрий с ужасом смотрел на дверь.

– Потом была пьеса... – промямлил он.

Джаина, тем не менее, не обращала внимания на его испуг, видимо, она хорошо знала привычки премьер-министра.

– Я читала эту пьесу раньше, чем видела.

– И там другой конец.

– Совершенно.

– Я подам в суд, – решительно сказал Дмитрий.

– Проиграете. Автор имеет право на вымысел.

Джаина рассчитала минуту точно, она сползла с колен, и очень своевременно.

– Дорогой Дмитрий, прошу уведомить меня, как только у вас появится ко мне конкретное желание относительно обмена телами, – шепнула она напоследок. – Тогда я сделаю все, что вы захотите, выполню любую вашу прихоть.

Вошел премьер-министр Джоба.

– Вы занимались спортом? – сразу же спросил он Дмитрия.

– Обязательно.

– Когда-нибудь и к вам подойдут с предложением на обмен телами. Готовьтесь, у вас прекрасное тело.

– Уже подходили.

– Ну и как?

– Ни прямо, ни косвенно я не хочу влиять на жизнь вашей планеты.

– Уже повлияли.

– Что вы говорите?!

– Например, обнаруживаю вдруг, что мой любимый пресс-секретарь Джаина от вас без ума, а её брожение передаётся на всё общество.

Дмитрий замялся.

– Не имею права ей запрещать, – сказал премьер-министр Джоба.

– Я бы хотел узнать предысторию или эволюцию обмена телами на вашей планете? – задал вопрос Дмитрий.

– Идея обмена телами витала в воздухе и поэтому требовала претворения в жизнь. Многие люди стали страдать от безысходности.

– В чем это выразалось?

– Появилась новая форма психической болезни.

– И что эта за болезнь?

– Тоска по чужому телу. Людям просто наскучили свои собственные тела, пусть и достаточно хорошие.

– С чем это можно сравнить?

– С очередной, как снег на голову, закомплексованностью.

– Приобретение ещё одного комплекса. О да, как это серьезно, – с долей ехидства сказал Дмитрий.

– Все началось с наблюдений, – не заметил ехидства премьер-министр. – Ученые обнаружили, что первые зачатки обмена телами происходят среди транссексуалов. Их искусственный обмен полов навел ученых на последующую мысль о перспективности вести научные разработки в плане начала долговременной программы по обмену всего тела, а не просто его составляющих.

– Далее?..

– Следующий пример – слияние тел мужа и жены? Спросите супругов в один из моментов их близости, “кто есть кто” на самом деле? Они вразумительного ответа не дадут.

– Занятые своими чувствами и позами, они забывают обо всем на свете.

– Но не о самом главном! – с пафосом воскликнул Джоба.

– И что же это такое, что они контролируют даже в самый неподходящий момент полного отключения? – спросил Дмитрий.

– Только одно – существующий обмен телами!

– Все новое обычно встречается в штывки! – заметил Дмитрий.

– Человеческая мысль всегда двигалась вперед и природа сильнее нашего сознания, – возразил премьер-министр.

– А дальше, что явилось толчком для обмена телами?

Премьер-министр подошел к окну.

– Ещё я не сказал, что всему предшествовал хирургический обмен органами. Начиналось с малого. Можно было договориться прямо на улице продать или произвести бартерный обмен, например: почек, сердец, легких.

– Из этого и возникло ваше новое мышление? – спросил Дмитрий.

– Был выпущен джин из кувшина, и теперь, не иначе, как реальной необходимостью обмен телами не назывешь.

– История независимо стала писать новую главу?

– Параллельно с духовным поиском, – премьер-министр сделал акцент на последние слова.

Цепь вопросов Дмитрий хотел завершить главным.

– И как следствие, вы почти решили проблему смертности? – спросил он.

– Глобально этой проблемы не было никогда. В мировом масштабе. Представитель одного пола ищет представителя другого. Появляются дети. В целом человечеству вымирание не грозит, когда есть такой механизм. А если взять каждого отдельного человека? На его уровне эта проблема только сильнее звучит. И мы её теоретически, и, в общем-то, практически преодолели. Каждый старик, предчувствуя, что он, вот-вот, уйдет в мир иной, старается препятствовать этому и найти более молодое тело.

– Но ведь молодой в старом теле рискует многим, если не самой жизнью.

– Нет-нет. Это другой образ жизни, новый стиль. Идет как бы омоложение. Молодые мысли в старом теле создают огромное подспорье и гигантский запас прочности, и отодвигают дряхление, переключают процесс дряхления с минуса на плюс, точнее, с плюса на минус.

Премьер-министр подозвал Дмитрия к окну. Из эргобуса на площадь выплеснулась не вяжущая с их резвостью группа мальчишек, громыхающих костылями по асфальту. Дмитрий изумился тому, что несколько больных мальчиков, фехтующих ими, ухитряются шуметь не хуже взвода здоровенных солдат. Тем не менее, они влачили грустное впечатление.

– А вы посмотрите на этих мальчиков-калек изначально. Они веселы и общительны. Почему?

Этот вопрос для Дмитрия был легким.

– Сначала ребенок сознает, что останется калекой на всю жизнь, бывает даже потрясен своей уродливостью, а затем, когда это состояние у него проходит, он обычно покоряется своей судьбе и становится счастливее самых здоровых детей.

– Логично. Сразу виден почерк специалиста. Вы не хуже нас разбираетесь.

Ответы порождали всё новые вопросы, и Дмитрий спросил:

– С какого возраста ваши граждане способны к обмену телами?

– Уже с детства.

– Я слышал разрешено с восемнадцати лет.

– Это закон предписывает, а функционально границ не существует.

– Кажется, что всё так просто! – выразил восторг Дмитрий.

– Заметьте, человек всегда хотел быть равным среди равных. И этот момент наступил.

– У вас коммунистическое общество?

– Все коммунистические общества не достигли своих целей. Не хочется хвастаться, только не наше.

– Ваши многочисленные нормативные акты – настоящее движение вперед. – Дмитрий позволил похвалу.

Он просматривал стопки томов документов и выхватывал цитаты. Они говорили о грандиозной проделанной работе на Мингале, что в целях обеспечения порядка и эффективности улучшения и повышения числа обменов телами премьер-министр постановил в свое правление многое, например:

1. Утвердить прилагаемые Правила обмена телами;
2. Всем префектурам обеспечить условия для обмена телами в соответствии с требованиями Правил;
3. Министерствам и ведомствам привести нормативные и законодательные акты в соответствие с Правилами и Основными положениями;
4. Разработать порядок организованного допуска граждан к обмену телами. Ввести регламенты и стандарты;
5. Министерству Печати и Информации обеспечить издание Правил;
6. Исполнение Правил возложить на Министерство социального обеспечения;

– А началось все, как обычно, с банальностей – с запретов на обмен телами, – премьер-министра охватило подобие ностальгии, словно он окунулся в глубокую старину.

– Неужели запреты и есть – движущая сила?

– Да, они привели к тому, что, несмотря на жесточайшее преследование, люди стали искать выход из тупика. И тогда власти, пока ситуация не стала безнадежно криминальной, встали перед дилеммой: запрещать или разрешать? Главным препятствием обнаружила себя Конституция. Свобода слова была, свобода совести, свобода передвижения, а свободы тела – нет. Для этого в конституции остановились перед поправками. Надо было пройти через многочисленные рогатки противоречивых, взаимоисключающих друг друга ряд одиозных положений. Мы их привели в соответствие с запросами жизни. У нас их не стало. А какая происходила борьба мнений? Например, левые акцентировались на варианте, что каждый гражданин имеет право на отказ от обмена телами.

Правые решительно отстаивали формулировку, что каждый имеет право на осуществление обмена телами. Существенная разница, не правда ли? Остановились на последнем.

Дмитрий старался быстро запоминать. Информация в папках была удивительна.

– Зря вы ломаете голову, – произнес премьер-министр. – Эти документы уже вчерашний день. Я сказал, что мы пошли не совсем по этому пути. Жизнь и теория разошлись в направлениях. Бюрократическая машина росла как снежный ком и грозила нас захлестнуть. Но мы не хотели превращаться в бюрократическую планету и вовремя остановились, отменив порочные нормативные акты. И так всё понятно. Остался работать один аппарат по борьбе с преступностью.

– В анналах истории наверно хорошо описан первый случай обмена телами?

– К сожалению, история – ветреная девка, и мало что нам достойного оставила. Но я лично предполагаю следующее: природе безразлично, какая молекула взаимодействует с другой молекулой, как и в случае, какой мужчина живёт с некоей женщиной. Была эйфория по поводу открытия, отсюда упущено время, но положительного было больше. Конечно, начиналось с малого. Некоторые элементы из периодической таблицы, у вас – Менделеева, а у нас – Прокса-Патека-Масоры, в первый раз были открыты в количестве одной частицы, некоторые живущие в продолжении долей секунды. Сейчас эти химические элементы тоннами лежат на складах, никого не удивляя. Так и обмен телами приобрёл энергию массового характера.

– В детстве вы, наверно, мечтали стать премьер-министром? – спросил Дмитрий.

– Впервые я захотел быть рыбаком. Я поставил цель поймать кита.

– Сколько вам было лет?

– Сколько помню, два с половиной.

– Ну и стали?

Премьер-министр недовольно поморщился.

– Жаль, что детство быстро кончается. Я всё ещё помню умиленную беспомощность детства. Тогда я с остротой ощущал свою неспособность ходить и тогда же свободно проявлять себя. И когда я осознал свою телесную беспомощность, из моей души начали изливаться целые волны критики и бичеваний. Эта сильная эмоциональная жизнь выражалась во многих протестующих словах. Среди такого смещения фраз я постепенно привык слышать звуки обмена телами, языка моего народа. О, как обманчива глубина детского ума, которую взрослые ограничивают лишь игрушками и сказками.

– Наступила пора, когда рано начинаешь сталкиваться с реалиями жизни? – спросил Дмитрий.

– Да, мне уже не казалась безукоризненной статья в конституции, что всё разрешено, что не запрещено законом. Я понял, что реалии бывают выше этого постулата, когда видишь несовершенство общества; а возраст был уже не тот, чтобы предаваться детскими иллюзиями.

– А как на это смотрит Академия Наук?

Премьер-министр подал Дмитрию книгу.

– Однажды я пошел в библиотеку и обнаружил, что об обмене телами не написано ни одной сколько-нибудь стоящей полезной книги, между тем о бабочках числится 2173 книги, о слизняках – 196. Поразительно, не так

ли? Ни одной вразумительной книги! Ведь обмен телами – одна из самых важных проблем, стоящих перед жителями планеты, и, вероятно, в любой средней школе и колледже нормального государства должен читаться курс “Как заниматься обменом телами”. Как премьер-министр, я должен был помочь прежде всего ученикам решить их проблему. Мы вступаем в период зрелости такими же неподготовленными к жизненным испытаниям и сложным ситуациям, как краб не подготовлен к выступлению в балете. Мне необходимо было сделать каждый урок ярким и впечатляющим, чтобы пробудить у школьников, как у нового поколения, стремление жить по-другому.

Я вызвал к себе ведущих писателей и ученых и озадачил их целью выпустить книгу, и чтобы она не была бесполезна, и чтобы эту книгу не выбросили в мусорный ящик.

– Вы объявили конкурс?

– Да, победила книга “Обмен телами. Сущность и преимущества”. Я прочитал книгу запоем и члены парламента тоже. Мы поняли, что жизнь движется семимильными шагами и нельзя от неё отставать.

– Книга впитала в себя весь ваш многовековой человеческий опыт?

– Это именно тот уникальный случай, когда закон работает и ему ничего не мешает.

– Её можно назвать как “Библию” Книгой книг?

– Я отвечаю за это.

– Первые впечатления всегда ошибочны.

– Что не помешало нам двигаться в нужном направлении.

– Книга книгой, а что предприняло правительство?

– Сначала были робко установлены сроки на обмен телами последовательно на 1, 2, 3 дня. Потом мы увереннее пошли дальше – приходило позднее прозрение, что есть некоторое запаздывание с законами. На основании почерпнутой информации из книги, я заметил, что чем больше соприкасаешься с чужим телом, тем сильнее адаптируешься в привычном ощущении пользователя. И другая сторона, удовлетворенная новым телом, не испытывает желания возвратиться в свое прежнее. И потом, нельзя недооценивать казусы тройного, четверного обмена телами. Это положение надо было разработать и узаконить.

– Я уже понял, что параллельно росла законодательная база, – сказал Дмитрий.

– Да, была увлекательная нормотворческая деятельность. Я стремился к своей цели упорно, с энергией бультерьера, преследующего проезжающий эргомобиль. И я полюбил свою работу ещё сильнее. Я поражался, как люди, до того неграмотные, завоевывали новое самосознание, как быстро приобретали уверенность в себе, как стремительно многие из них продвигались по служебной лестнице и их заработки росли. Успех намного превзошел мои самые оптимистические ожидания. Сначала мы давали гражданам ряд рекомендаций по обмену тел, и просили применять эти рекомендации в жизни, а затем сообщать о достигнутых результатах. Каждый, взрослые и дети, давал дельные советы, как бы они сами хотели преобразовать жизнь. Эта игра “как реформировать планету” в итоге принесла свои положительные плоды.

– Я заметил, что обмен телами происходит везде на моих глазах. – Дмитрий пошел ва-банк.

– Не забывайте, ещё раз напоминаю. Везде, только не на пешеходных переходах, в тоннелях, на мостах, путепроводах, эстакадах, на железнодорожных переездах, на взлетных полосах, на стартовых площадках.

– Забота о безопасности людей – это хорошо.

– И в результате появились достижения. Теперь, как говорится, и у нас есть свое “золотое правило”, и “золотое сечение”, и своя Нагорная проповедь, и своя клятва Гиппократата, которую нарекли моим именем – заветом Джобы. Но это не главное, и я сейчас готовлю ещё один закон. Это будет эпохальный закон.

– Какой? – вырвалось у Дмитрия.

– Пока он секрет. Нельзя вот так сразу в карьер, можно травмировать психику народа. Его надо предварительно психологически подготовить, а на это уйдет не один месяц кропотливой работы.

Вошла Джаина и сказала премьер-министру:

– Вас просит к себе император Люстиг Мост.

Глава 12. Женщины нанизывали на дубинки кумачовые лоскутки

Прерванный разговор с премьер-министром ждал своего продолжения неделю.

– Вам почта. – Этими словами его встретили на входе в Кор-Кар.

– Почта! – удивлённо воскликнул Дмитрий.

“Родители! Конец непониманию!” Дмитрий почувствовал прилив счастья, он не получал корреспонденции, и это была первая пачка из десяти писем.

Конверты были с местными адресами. Хорошо, что не из фискального ведомства. Он облегченно вздохнул. Первое письмо, которое Дмитрий выбрал наугад, вскрыл ногтем. Вот что написала ему о себе Оберта Дзарги: “Вы молодой и красивый, с развитой мускулатурой. Восемь с половиной лет назад я была приговорена к смерти – медленной, мучительной смерти от неизвестной болезни. Самые лучшие врачи страны терялись в догадках и подтвердили этот приговор. Я была на краю бездны, глубокая пропасть разверзлась передо мной! Я была молода. Я не хотела умирать! В отчаянии я позвонила своему врачу и выплакала перед ним всю боль своей истерзанной души. Довольно нетерпеливо он отчитал меня: “В чем дело, Оберта, разве вы глубокая пессимистка, не способны бороться за свою жизнь до конца? Конечно, вы умрете, если будете плакать. Хватит заниматься меланхолией – она похожа у вас на кривляние. Да, вас постигло самое худшее. Если так, смотрите фактам в лицо! Перестаньте волноваться. А затем что-то предпринимайте! Под лежащий камень вода не течет”. В тот самый момент я дала себе клятву. Я вложила в неё все скрытые силы моей истерзанной души, так что словно когти глубоко впились мне в тело, и озноб пробежал по спине. Я приказала себе: “Я не буду волноваться! Не буду плакать! Буду хранить спокойствие! Пересилию себя! И если я могу что-то предпринять, я должна одержать победу над собой! Я собираюсь только жить!” И вот я прошла рекомендуемое в таких случаях рентгеновское облучение с большой дозой радия. Очень болезненный процесс. Меня облучали ежедневно по три сеанса в течение ста дней. Я не позволяла себе отвлекаться и беспокоиться. Я ни разу не заплакала! Я улыбалась сквозь боль! Но кости ещё больше выступи-

ли на моем истощенном теле, как пики среди пустынных холмов, и ноги казались налитыми свинцом. Врачи посоветовали последнее средство: обратиться к вам и поменяться с вами телами. Мне сказали, что вы доктор, и у вас есть клятва Гиппократата, по которой вы не имеете права изменить ей и отказать больному в помощи. Я сказала себе: “Хватит болеть – мир прекрасен!” Я поборолась в себе робость и написала это письмо. Убедительно прошу вас выполнить мою просьбу...”

Писем было множество, а Дмитрию хотелось многое знать. Лучше всего не только от первых лиц. Он вскрыл следующее. От Сирены Эйкей.

“Я много лет преподавала иностранный язык. Семь лет назад потеряла мужа, он ушел в одночасье – обширный инфаркт миокарда. Тогда-то я перенесла гипертонический криз. В день вашего прилета меня постиг новый удар. На этот раз намного серьезнее – поставили диагноз “ишемический инсульт”. Правая рука и нога практически перестали служить мне, с трудом могла я пошевелить лишь пальцами, и то еле заметно. Язык тоже онемел. И это в неполные 60 лет. Обычный в таких случаях курс восстановительной терапии: таблетки, уколы, капельницы – не помог. Выздоровление моё казалось недостижимой мечтой. Я чувствовала себя обузой для родных. Стало подкрадываться отчаяние. Моё изначально заложенное, животное начало, которое, наверное, есть в каждом живом существе, цеплялось за жизнь, а человеческий рассудок всё чаще говорил о бессмысленности такого существования. Я не хотела прогибаться ни перед чем, и мой внутренний голос произнес: “В богадельню я не пойду! Рано сдаваться!” Этот момент я считаю переломным в своей судьбе. Линия моей жизни, уже опустившаяся до самой глубокой отметки боли и отчаянья, опять начала подъём при мысли, что вы та самая палочка-выручалочка, которая совершит чудо перевоплощения меня в вас с вашим молодым и здоровым организмом...”

“Если бы я был чуть помоложе, то, наверное, поступил бы также. Но я слишком стар и ленив, чтобы искать себе обмен телами на стороне, когда вот оно решение, лежащее на поверхности...” Третье письмо тоже было очередной трагической историей. Дмитрий понял, что автор решал свои проблемы за счёт него, желал привлечь внутренние резервы его красивого тела.

Человеческие судьбы! Это интересно, но не сейчас о них читать. Дмитрий сунул письма в карман, обогнул две античные колонны и направился в дальний конец зала, к столу у окна. Джаина – девица с характером. Он решил ничего не скрывать от неё, и ему стало легче. В приемной было много народу, кресла стояли очень близко к столам, что можно было открывать пресс-конференцию.

– Дмитрий, у меня сегодня хороший день! – услышал он.

Джаина смотрела на него, подняв высоко руку. Эту неделю она провела в лихорадочном ожидании ответа от Дмитрия.

– Эмоциональный плюс? – с улыбкой спросил он.

– Скорее, интеллектуальный, – ответила она.

– Для такой симпатичной женщины в силу её непознанной природы лучше подходит физиологический.

– Всё шутите. Лучше скажите, обмен телами – это возможно? – спросила Джаина громко, несмотря на присутствие множества людей сразу навостривших уши, когда он подошел.

– Возможно, – у Дмитрия двух мнений не было, а уж в этой стране подавно.

Наверное, люди в этот момент кому-то позавидовали.

– С вами, с вами...

А этого Дмитрий не ожидал.

– Со мной?

– А то ещё с кем? – усмехнулась пресс-секретарь.

– В принципе, это, конечно... – замямлил он.

– В чем тогда загвоздка?

– Сегодня у меня насыщенный день. Завтра... – Дмитрий заглянул в календарик.

– Доктор, вы бюрократ!

– Ох, извините. – Спрятал он его в карман.

– Вы давали слово.

– Я давал слово, что сделаю всё возможное, и я не собираюсь брать его назад.

– Так как же?

– Джаина, вы ставите меня в неудобное положение.

– Дмитрий, вы, точно, глухой слепец! Только что давали слово, а мы всё кружим на одном месте.

– Я не такая важная птица. Вы говорите, что знаете обо мне всё, в таком случае вы знаете и то, что я человек мелкотравчатый, не стоящий внимания.

– Вы, земляне, слишком прагматичны и рассудительны, боитесь остаться в невыгодном положении. Я так понимаю, что вы торгуетесь. Это хорошо, что вы выставляете свой товар на показ, считаете лучше моего и преподносите высшим сортом, но можно погрязнуть в бесконечных вариантах, хотя все равно в любом случае покупатели и продавцы сходятся в цене.

– Позвольте не согласиться, не всегда.

– Всегда! – На лице Джаины была решительность.

– Нарисовали картину правильного торга, тем не менее, он не подкупает меня.

– Вот вы стоите весь передо мной, словно на витрине. Как я должна еще рассматривать вас, как не демонстрацию ваших недостатков и преимуществ. Меня всё устраивает.

Дмитрий смягчился.

– И что, есть четко установленная такса?.. Что вам об этом известно?

– Что значит – мне известно? – Джаина сделала наклон к Дмитрию. – Мне известно, что существует элементарная сделка – обмен телами и, следовательно, реальная цена на него. А что тут ещё может быть другое?

Дмитрий, думавший только о том, как бы высвободиться из мертвой хватки Джаины, сказал:

– А что, если я не смогу ответить на ваши вопросы? Вы же подумаете, что я лгу.

– Хуже вам от этого не будет. Ассимиляция – штука полезная, и для пришельцев тоже. Попробуйте – сами увидите. А на Земле вас встретят как национального героя.

– Или героиню, если я окажусь в женском теле!?

– Неужели на Земле это предмет для глупого юмора?

Дмитрий улыбнулся.

– На Земле всё является предметом для юмора.

Джаина выразила глубокое недоумение.

– Если пробавляться постоянно юмором, когда же заниматься серьезными делами?

– Одно другому не мешает.

– А у нас мешает.

– Джаина, насколько широко практика с обмена телами распространена?

– Что можно ответить на это? Скорее всего, всюду. Нет такого места на Мингале, где бы они не произошли.

– Вы хотите сказать... – сделал удивленное лицо Дмитрий.

– Да, да, да, – утвердительно сказала Джаина.

– Неужели?

– У нас нет белых пятен.

– А в моем представлении тишина и покой.

– Тоже мне – нашли новость, мы же не на необитаемом острове.

– Для меня – новость.

– Вы, земляне, не видите дальше своего носа.

– И все же, я ни разу не заметил обмен телами.

– Вы приступили к работе?

– Ещё нет.

– Ординатура и семинары?

– Об этом рано. Все вопросы организационно не разрешены.

– Вы просто не знаете, что сейчас делается вокруг. Пройдитесь по городу, присмотритесь, соберите информацию, будьте наблюдательны.

– Я уже живу на Мингале два месяца.

– И правильно, как можно увидеть сразу? Дмитрий, разуйте глаза!

– А вы ведете статистику обменов телами?

– Нет. Вы что же хотите, чтобы каждый обмен телами просматривала Государственная инспекция Мингалы на предмет качества и выдавала свой сертификат, а фискальные органы изымали налог? У нас существует полная свобода личности, и мы не имеем права вмешиваться в частную жизнь граждан.

– Джаина, честно сказать, во всяком случае, я к обмену телами не желаю иметь отношение.

– Давайте на минутку абстрагируемся, остановим мгновение, – заторопилась она.

– Зачем?

– В наших интересах.

– Объясните, Джаина, за каким чёртом люди этим занимаются, какой дьявол их тащит в преисподнюю?

– А зачем они сексом занимаются?

– Некорректное сравнение. Ну не ради хлеба насущного, прежде всего ради удовольствия и воспроизводства населения.

– Дмитрий, берите планку выше.

– Какая-то в этом корысть?

– Берите ещё выше планку.

– Каждый поступает, как ему заблагорассудится?

– Слушайте, цель определяют средства.

– Джаина, я всегда думал, что, наоборот, цель определяет средства.

– Если честно, Дмитрий, женщины всегда выступают за первое изречение.

– А мужчины – за второе! – усмехнулся Дмитрий.

– Женщины более практичны.

– Не слишком ли вы умны, чтобы так думать?

– Все так думают.

– Судя по вам, это неконтролируемая эйфория в масштабах страны.

– Дмитрий, хорошо, пусть эйфория.

– Джаина, только не повторяйтесь в одном и том же.

– Говорить о хлебе насущном никогда не лишне. Хлеб – всему голова. Он означает полный желудок, достаток, а это свобода, это авторитет у порядочных людей, такие рычаги власти, как суды, медицина и полиция. Весь даже благополучный ход вашей жизни изменится ещё к лучшему.

– Джаина, я не могу ответить положительно.

– Не можете или не хотите?

– Не могу и не хочу.

Дмитрий удивлялся. Пресс-секретарь самого премьер-министра спокойно беседовала с ним, словно обсуждала капризы погоды, при зрителях, которым они преподали урок.

– А я думаю, доктор, что и можете и хотите, для вас вопрос решенный, вы только торгуетесь. Не так ли?

– Откровенно говоря, всё это меня немного забавляет.

– Что именно?

– Джаина, вы нахрапистая женщина.

– Иногда надо наступать на чужие пятки.

– Вы хорошо усвоили – сила солону ломит.

– Чтобы врываться на плечах противника в стан неприятеля!

– О, вы какая!

– Иногда надо уступать покупателю, иначе можно потерять его доверие.

– Джаина, ваши познания говорят о том, что вы окончили торговый университет!

– Международных отношений...

– А я не продавец.

– Есть люди, которые нуждаются в помощи. Я прошу о соучастии. – У Джаины вдруг навернулись слезы.

– От вас, Джаина, никуда не спрячешься.

Слезы были натуральные. Они скатывались по волоскам на лице и останавливались на концах.

– Дмитрий, вы играете со мной, как снежный барс с раненой козой.

– Но это беспредметный разговор. Он заводит нас в тупик.

Дмитрий пожалел, что сказал это слово. Женщины не любят слово “тупик”. Это он понял сразу, увидев её злое лицо.

– Приглашаю вас в загородный клуб, – вдруг заявила Джаина и промочила платком глаза. Они загорелись лучами.

– Вот за это предложение я вас уважаю. Загородный клуб? С чем его кушают? – Дмитрий придал вопросу чуть иронический оттенок.

– Плавательный бассейн, теннис и кое-что другое.

– И что это такое – “кое-что другое”?

– Увидите...

Разговор прервал премьер-министр Джоба, пригласивший в кабинет. Джаина кофе принесла хороший: обжигающе горячий и крепкий. Пригубив чашку, премьер-министр спросил:

– Дмитрий, я вижу, вы у нас несколько месяцев заняты с ознакомлением планеты – дело полезное, очень даже нужное. Полагаю, что вы уже достаточно хорошо владеете здешней ситуацией, а чем будете заниматься дальше с профессиональной точки зрения? Пора окончательно определиться.

– Я думаю, что вы дадите мне клинику, где я смогу свободно практиковать, а дальше видно будет.

– Конечно, человеку такого положения, как вы, будет оказана самая полная помощь.

– Благодарю.

– Во сколько обойдется клиника?

– 52 тысячи мингалей.

– О, вы уже подсчитали?

– Это не так сложно.

– Прекрасно, прекрасно, – произнес он своим четким, немного гортанным голосом. – Я думаю, расходные статьи, представленные вами, нас удовлетворят. Мы даем эти деньги, но справитесь ли вы с объёмом работ?

– Постараюсь.

Премьер-министр Джоба поднял трубку телефона.

– Подготовьте клинику для принятия дел новым главным врачом. Его фамилия – Сорокопатов.

– Вас не утомляет свободное перемещение по стране? – Положил он трубку.

– Спасибо, – ответил землянин.

Премьер-министр посмотрел на часы.

– Ах, заговорились! Меня ждет сенат. А во вторую пятницу вас соизволила пригласить в гости моя жена. Принимаете приглашение?

– Принимаю.

Стекла колыхнулись звоном. Снаружи, будто из тысяч глоток воплем вырвалось: “Да здравствует обмен телами!” Дмитрий и премьер-министр Джоба испуганно подбежали к окну. Впечатление было такое, словно на Дворцовую площадь вышел весь Миао-Чао.

Шеренги солдат с дубинками наперевес пятились назад. Женщины нанизывали на дубинки кумачовые лоскутки, и Дмитрию показалось, что площадь превратилась в маковое поле.

Звуки набатов, сигнальные ракеты, рокот труб, возгласы гнева и бешенства, казалось, помогали рассеять дым от слезоточивых газов.

Премьер-министр Джоба с пафосом воскликнул:

– Вот, Дмитрий, неадекватная реакция народа на хорошую политику правительства! И так, в чем главный смысл обмена телами? И кто его настоящие герои? Сильные мира сего? Наверное, нет. Или может быть гениальные аферисты? Конечно, нет! Народ! Только народ! Обмен телами знал лучшие и худшие из времен, фимиам восторгов и холодное презрение. Наступают грядущие перемены, и надо полагать, они не заставят себя так долго ждать!

К солдатам уже прибывало подкрепление.

Глава 13. Вы не доктор, а патологоанатом

Пресс-секретарь почти вбежала в кабинет. Голос Джаины был взволнован:

– Дмитрий, вам срочно надо быть в клинике!

Неторопливые встречи и приемы, жизнь без определенных занятий и приложения своих знаний угнетали Дмитрия тягучим бездействием. И он обрадовался, что наконец-то сегодня он получит удовлетворение от настоящей работы. Эргомобиль в считанные минуты перенес его через спокойную Триумфальную площадь к тихому лесному массиву, оставленному чуть ли не в центре города. Его уже ждали.

– Везут много пострадавших! – услышал он.

Дмитрий в последний раз взглянул на себя в зеркало и, выйдя из раздевалки, пробираясь между ранеными и умирающими, прошел весь длинный коридор, который привел его в операционную.

– Давайте начнем со знакомства. Меня зовут Дмитрий Сорокопяттов, – торопливо сказал он персоналу.

– А я – Пуальфина, – представилась ближайшая медсестра. Она тянула звук “у” из-под марлевой маски. – Друзья зовут меня просто Пуфа.

Дмитрий встал и вытянул вперед руки. Они слегка дрожали, что не помешало Пуальфине в мгновение натянуть на них резиновые перчатки. Дмитрий никогда не мог избавиться от предоперационного волнения. Такое волнение испытывают настоящие хирурги. У него засосало под ложечкой, сердце учащенно забилося. “Ну почему я так завожусь?” – спрашивал он себя, хотя ответ ему был известен заранее. Он взял в руку скальпель, и, словно по мановению волшебной палочки, от его нервозности не осталось следа. Казалось, над больным стоял совершенно другой человек – спокойный, уравновешенный, полностью уверенный в себе.

Когда стоявшая у окна женщина в импровизированной желтой чалме, низко надвинутой на глаза, и белом халате, накинутом только на плечи, зеленых бахилах и в белой марлевой повязке увидела действия Дмитрия, она ощутила какое-то неотразимое очарование от него. “Я обменяюсь с ним телами, – капризно подумала она. – Я это решила”. Она откинулась на подоконник и окунулась в магические движения хирурга.

– Оперировать будем прямо на каталках, чтобы не травмировать лишний раз больных, переключивая, – объявил Дмитрий.

Операционная буквально “забурлила”. Персонал делал всё для того, чтобы вырвать из лап смерти очередную жертву.

– Мужчина примерно тридцати пяти лет, лицо разбито в кровь, – произнес Дмитрий. – Это даже не лицо, а месиво. Нос свернут на сторону, значит, есть перелом костей носа; губы смяты, глаза заплыли, веки вздулись и обрели красно-багровый цвет; рот приоткрыт – все передние зубы выбиты, возможно пострадала челюсть... Дыхание тяжелое прерывистое... Пульс слабый... Записали? – спросил он сестру.

– Записала. С ума сойти! – Пуальфина покачала головой. – Вот ведь досталось в манифестации!

– Настоящая уличная мясорубка, – сказала вторая сестра.

– А началась на Дворцовой площади.

– По существу, обычной, мирной. Ирония судьбы, народ просто вышел на улицы, чтобы поглазеть и выразить свое полное согласие с правительством.

– Грандиозная получилась давка.

– Народ, что стадо неуправляемых слонов.

– Кто-то был провокатор?

– Виновных должны найти.

– А куда смотрит венценосная семья?

При этих словах женщина у окна вздрогнула.

Дмитрий продолжал осмотр, вода рентгеновской трубкой.

– Пишите дальше: кроме обширной травмы в области лица, перемятость грудной клетки, травма органов брюшной полости, перелом основания черепа... ну и... открытый перелом правого бедра...

Тут с женщиной в чалме случился шок и она начала сползать по стенке на колени. Шум падающего тела вывел Дмитрия из глубокой сосредоточенности. Он не сразу заметил, что женщина закатила глаза и упала в обморок. Дмитрий бросился к ней, чуть не опрокинув операционный столик. Переключив все усилия на неё, он сделал укол, и пульс постепенно нормализовался.

– Кто это? – спросил он у Пуальфины.

– Только не из персонала, – прошептала она Дмитрию в ухо. – Свободный доступ в операционную. Скорее всего, инспектор из министерства, но упрямые глаза и крупный лоб очень напоминают мне одну женщину.

– Какую?

– Тсс! – Пуальфина приложила палец к губам.

– Вам нельзя смотреть на это, – сказал женщине Дмитрий, когда она на кушетке пришла в себя. – Вы очень впечатлительная натура.

Женщина привстала и повелительным голосом приказала:

– Продолжайте.

Через пять минут парня удалось вернуть с того света. Губы Пуальфины всё это время причитали над телом, обращаясь сразу ко всем богам на Мингале.

На каталке вкатили следующего пострадавшего.

– Закрытый перелом правой плечевой кости, повреждение спинного мозга, перелом костей черепа и шеи. Многочисленные ушибы, разрывы и ссадины; кожа шеи растянута. На ней кровоподтеки.

– Спецподразделения отвели душу! – услышал Дмитрий.

– Как же, с беззащитными мы всё можем!

Очень хорошо помогала операционная сестра Пуальфина. Её ловкость и реакция поразили его. Даже вид крови не смущал её. Инструменты так и летали в её руках, стоило ему только подумать. Мягкая кожа на скулах напоминает цветом слоновую кость. Широко расставленные глаза мерцают под прямыми натуральными бровями глубинным чернотурмалиновым светом. Она закрывала глаза, и длинные ресницы рассекали воздух, как две хлопущки.

Привезли нового пострадавшего, и Дмитрий, осматривая его, стал перечислять:

– Сдвиги грудинно-сосковой, пластырной, трапециевидной и различных мелких мышц шеи. Перелом позвоночника. Сдвиг передних и задних связок спины...

– Как же, у него ни дыхания, ни пульса на сонной артерии! – взвизгнула инспектор.

– Систолическое давление – 50, – вмешалась Пуальфина.

– Доктор, он останется жить? – спросила инспектор.

– Измученное сердце не хочет больше трудиться, но мы его заставим. Пока больной дышит, все шансы на жизнь, – ответил Дмитрий. – Прямой массаж сердца и адреналин из шприца прямо в миокард, а разможенные ткани внутренних органов мы полностью удалим...

– Вы не доктор, а патологоанатом, – возмутилась инспектор.

– Разве от меня несет за версту формалином и смертью? – спросил он.

– Нет, конечно, но ваша работа напоминает мне мертвецкую, – твердо произнесла она.

– Они все будут живы, по крайней мере, большинство, – заверил Дмитрий.

– Всё равно вы мясник! – бросила инспектор и вышла.

– Страдалец! – тускло сказала Пуальфина. – Потеря крови – 70 процентов...

Всё чаще Дмитрий обращал на операционную сестру в розовых курточке и длинных брючках внимание. Как мгновенно она крючками стягивала края ран и накладывала повязки из липкой ленты, при этом не запутываясь в ней. Впрочем, и к концу дня она выглядела свежей, тогда как у него пот тек ручьем и уже начали пульсировать тремором пальцы. Не последним фактором была выносливость. Стоять часами над столом в полусогнутом состоянии надо иметь мужество, особенно для хрупкой женщины. Как знать, насколько у неё затекли ноги, болят бёдра и поясница? Усталость, конечно, не минула её, и все же она держалась молодцом, довольно элегантно двигалась, её жесты не лишены были изящества – и то, как она держит инструменты, как протягивает их, и как выдыхает ему в затылок воздух, не позволяя нарушиться рабочему ритму в этом марафоне. И как недурна, когда сняла маску и головной розовый колпак. Шелковистые темно-коричневые волосы зачесаны с высокого лба назад и спадают почти до плеч, завиваясь на кончиках. Она повернулась в профиль. Прямой, немного простоватый нос. А рот – что сказать о нем? Может, он слишком широк? Или потому что пухлые губы хорошо очерчены? А в их уголках таятся улыбка? Усталость интенсивной многочасовой работы всю ночь не превратила её в шарж, как других, вот что значит мобильная и выносливая женщина.

Временами у Дмитрия возникала мысль, что медсестра Пуальфина слишком настойчиво наблюдает за ним. Но это смущение терялось в потоке изувеченных.

Под конец она скорчила рожицу, и эта рожица оказалась намного милее её увлеченного состояния в работе. Их глаза наконец-то полностью встретились в тот момент, когда поток увечных стал иссякать.

– Спасибо вам, Пуальфина, вы продлили шансы больных, вы очень помогли мне, – сказал он именно ей.

Привычным жестом засунув руки в карманы курточки, она слабо улыбнулась.

– Что вы, доктор! Это вам спасибо. Если бы я сидела без дела, то, наверное, сошла бы с ума.

– В самом деле?

– Я не успокаиваюсь, пока не сумею убедиться, что для пациента всё уже сделано.

– Вы, Пуфа, не простая медсестра.

Пуальфина словно отпартовала:

– Однажды мне разрешили присутствовать на операции и наблюдать за удалением опухоли. У больного была медленно развивающаяся злокачественная опухоль – на правой стороне мозгового полушария. И как это иногда случается, началось кровотечение в опухоли. Стало нарастать черепное давление. Это было действительно невероятно. Тогда-то я и решила, что должна изучить медицину. В конце концов, я остановилась на хирургии.

– Любопытная история.

– Если вы не можете примириться с фактом, что, несмотря на все ваши усилия, некоторые из ваших пациентов потеряют ребенка, или ногу-руку, или то и другое, или случится что-либо более страшное, то тогда рано или поздно это занятие поглотит вас полностью.

– Понимаю.

– Жаль, но современная медицина настолько закопалась в науке, технологиях, фармакологиях и фармакопеех, что её постиг тупик, теперь она приносит больше вреда, чем пользы.

– Вы о чём?

– О пользе обменов телами.

Интересный разговор хотелось продолжать, но Дмитрия пригласили к телефону.

– Пуальфина, – сказал он, – в отсутствие меня сделаешь полноценное дренирование полости плевры, то есть удалишь кровь, далее, проведешь мероприятия по скорейшему расправлению легкого, обеспечишь проходимость дыхательных путей, затем степлером зашьешь раны.

– Приемная императора Люстига Моста, – услышал он.

– Я слушаю. – Дмитрий напрягся.

– Политический резонанс с последним трагическим происшествием ставит нас в неловкое положение...

– С кем имею честь разговаривать?

– С вами говорит император Люстиг Мост.

– Я весь внимание, – немного смешался Дмитрий.

– Меня информировали, что вы оказали большую помощь клинике.

– Благодарю за доверие.

– Спасибо вам, Дмитрий, – сказал император Люстиг Мост величественным голосом. – Проследите, пожалуйста, как независимый наблюдатель, чтобы с мертвыми телами обошлись должным образом.

– Да, конечно.

– Царствие им небесное! В обмене телами они видели не торжество глупости, а победу разума.

– Я понимаю.

– Вы, наверное, едва держитесь на ногах, – заметил император. – У меня есть предложение: давайте перенесем эту часть беседы, скажем, через неделю у меня во дворце.

– Я согласен, – бодро ответил Дмитрий и вернулся к операциям.

Усталость доктора не осталась незамеченной, и Пуальфина обратилась к нему.

– Массаж приведет вас в норму, – посоветовала она нерешительно, и Дмитрий понял, что ему на сегодня предложили свои услуги.

Тяжелая прядь волос закрыла её правый глаз – пришлось их зачесать. Взяв гребень, она стала водить им по всей длине. Манипуляции с волосами не оставили равнодушным Дмитрия. Да, она мила, подумал он, наверное, многие мужчины говорят ей об этом, а девушки нередко приходят посоветоваться с нею о своей внешности.

Он ждал её у бассейна. Голубая с зеленым хвостом стрекоза вылетела из куста роз у самой дорожки и зависла в нескольких сантиметрах над его спиной. С моря подул ветер, и стрекозу сдуло к левому плечу. Он повернул голову, и она отпрянула.

А глаза уже увидели, как Пуальфина спустилась по ступенькам. Не дойдя до Дмитрия несколько метров, она бросила сумку на траву и сняла свои дешевые, начищенные туфли. Затем расстегнула белую хлопчатую блузку, сняла её и, аккуратно свернув, положила рядом. Под блузкой был один купальник. Её тело покрывал прият-

ный, насыщенный загар, плечи и прекрасные груди источали здоровье.

– С боевым крещением! – произнесла она поздравление.

– Спасибо, – устало ответил он.

– Вы работали как машина.

– Но я до сих пор не опомнюсь, Пуальфина, – проворчал он.

– Пуфа, – тихо поправила она, смотря неподвижно и прямо большими, чёрными, чуть матовыми глазами.

Но Дмитрий все ещё колебался, нащупывая почву.

– Я до сих пор не осознаю, Пуальфина, – сказал он искренне, разводя руками.

– Да нет, Пуфа, просто Пуфа, – повторила она так же тихо и настойчиво и вдруг улыбнулась ему. От улыбки этой у него сразу зашла голова, стало холодно и жарко и неудобно стоять. Она взяла его за руку выше локтя – он не сопротивлялся – и сказала: – Ложитесь.

Опустившись рядом с Дмитрием на колени, она вылила меж его лопаток немного оливкового масла, приправленного частью розового. Это была новинка для Дмитрия. Затем, размяв пальцы, как пианист перед началом игры, она стала массировать его спинные и шейные мышцы.

– Знаете, больница полна слухов о том, как были проведены вами операции. Медсестры из хирургического отделения говорят, что вы великий хирург, что многие раненые наверняка бы умерли, если бы не подключились вы.

– Но я не чувствую себя победителем, Пуфа.

– Потому что вы настоящий доктор, – сказала она. – У вас есть сердце. Вы чувствуете страдания и боль других людей.

– Спасибо.

– Разрешите, я скажу вам ещё кое-что?

– Конечно.

– Мне показалось, что вы даже слишком близко восприняли трагедию к сердцу. Отнеслись ко всему лично.

– Вы так считаете?

– Да. И другие из медперсонала. Но они пошли дальше. Вы знаете, что любимое занятие людей – перемывание чужих косточек. Я беспокоюсь за вас.

– Пуфа, – обратился к ней Дмитрий, – мне бояться нечего, если бы я всегда не думал о том, что бы ещё сделать для больного, у меня совсем иначе сложилась бы жизнь.

– Что вы имеете в виду?

Дмитрий невольно рассмеялся.

– Скорее всего, я оказался бы на другой обочине.

Массирование было не из легких. Дмитрий был необыкновенно плотен, и его выпуклые мускулы с трудом поддавались нежным пальцам девушки, даже когда она наваливалась всем телом. Разогревшись, она расстегнула короткую юбку и так же аккуратно сложила её рядом с блузкой, оставшись в выгоревших голубых плавках. Пуальфина по-хозяйски расположилась за спиной. Она дышала в затылок, она не просто высилась над телом Дмитрия, она сидела на его задней части и её ножки, сгибаясь в коленях, стекали по разные стороны.

Показывая деловитость, она пыхла как паровоз, на всех парах не способный стронуться с места, но, тем не

менее, эффект от манипуляций сильных пальцев Дмитрий ощутил поневоле.

В то время, как её руки работали в автоматическом режиме, думала она совсем о другом. Её пронизывал безотчетный ужас перед этим самым прекрасным из когда-либо виденных и осязаемых ею тел. Снова, в который раз за сегодняшний день, она удивлялась, почему ей так непротивно это незаурядное тело, и вновь пыталась разобрататься в своих противоречивых чувствах.

– Пуальфина, вы не сказали, эта инспекторша – что за женщина? – спросил Дмитрий.

Девушка смешалась.

– Не поверите! Сама императрица! Но я не совсем...

– Вы уверены? Что ж вы мне сразу не сказали?

Дмитрий вскочил как ужаленный. Массаж не имело смысла продолжать делать дальше.

Глава 14. Как, вы ещё в своем теле?

Эскорт из нескольких служащих проводил Дмитрия через ворота по самшитовой аллее к подъезду дворца Кар-Кор. Он прошел через главный портал и, как лунатик от восторга, побрел по длинному красному ковру к двустворчатой двери из нанесенного золота, которая автоматически открылась, когда он приблизился. За ней простирался огромный зал. Многочисленные люди стояли перед высоким тронном, а справа и слева – вооруженная охрана.

Рядом в тронах пониже и скромнее сидела императрица и четыре её дочери возрастом от шести до двенадцати лет. Даже для сестер они были поразительно похожи друг на друга: одинаковые зеленые глаза, одинаковые чёрные волосы, одинаково высокие скулы. Они были в розовых платьях из шелка. Волосы блестели чёрным лаком. Кожа на лицах была нежной и гладкой, как драгоценный фарфор. Зеленые, как малахит, глаза женщин смотрели непосредственно и сразу же обратились в сторону Дмитрия. Легкие, едва заметные улыбки, свидетельствовали о проявлении явного интереса к нему.

Дмитрий мог поклясться, что в это мгновение каждая из дочек думала об их встрече, несмотря на то, что не обращали на церемонию внимания и приводили в порядок кукол. Их было у каждой по две. В зеленых глазах девочек он увидел тот важный женственный, нежный блеск. И ещё: императрицу он где-то видел.

Ах да, инспектор в клинике!

Еще один многочисленный круг приглашенных вступил в тронный зал. Дмитрий заметил, что сегодня у всех женщин волоски на лицах были сложены пополам, концы подклеены к основанию, и лица выглядели фонариками. Зрелище впечатляющее! Даже во время прилета он такое не видел – не успели, видимо, подготовиться или фонарики делают только по поводу праздника. Последовало оказание взаимных почестей, зазвучали приветственные речи ведущих и лобызания среди гостей.

И тут вошел император Люстиг Мост, высокий, импульсивный, но не нервный, одетый в форму полковника гвардейского гренадерского полка. Он был из тех людей, которых запоминаешь с первого взгляда и на всю жизнь.

Императрица тотчас встала и, распростерши руки, пошла ему навстречу. Огромные рукава великолепного голубого платья свешивались до колен.

– Как ваше здоровье, Госден? – спросил он быстрой речью и обратил на неё юношеские глаза.

– Мы рады вас видеть, славный император, – ответила она.

Обменявшись словами, они поцеловались и, обнявшись, вместе направились к трону. Рядом сидели дочери, и он каждую расцеловал, приподнимая на руки.

О, совершенно приятное он производил впечатление любящего отца и мужа.

Император всегда старался быть ближе к народу, чем соизволил выслушать нескольких челобитчиков. Дмитрий стоял впереди в общей толпе, а к трону вышла женщина, которая поведала свою печальную историю:

– Меня зовут Шерл Обрамон. Четыре месяца назад я потеряла мужа, – начала она дрожащим голосом. – Я была глубоко опечалена. У меня почти не было средств к существованию. Я написала письмо своему бывшему работодателю владельцу фирмы “Рач – Поул” в Кантис, и мне не повезло – не была принята на работу. В прошлом я неплохо зарабатывала себе на жизнь продажей журналов и газет. За два года до этого мы продали свой новый эргомобил, когда серьезно заболел мой муж и нуждался в лечении. Однако мне удалось наскрести достаточно денег, чтобы приобрести подержанный эргомобил, внося плату частями, и начать продавать уже книги.

Я думала, что, очутившись вновь на скоростной автостраде, ощуцую радостное мелькание домов и деревьев, смогу преодолеть депрессию, но одной водить машину и жить в одиночестве оказалось выше моих сил. В некоторых местах мне не удавалось достаточно продать, чтобы заработать. Оказалось, что трудно платить остальные взносы за эргомобил, хотя они и были небольшими. Книги трудно раскупались, дороги желали быть лучше, эргомобил постоянно выходил из строя. Мне казалось, что выйти из кризиса, добиться успеха невозможно. Жизнь потеряла для меня всякий смысл. Я боялась всего на свете. Одолевали страхи, что я не смогу уплатить очередные взносы и плату за комнату, что мне будет нечего есть. Я боялась заболеть, ведь у меня не было денег, чтобы заплатить врачу. Я была так одинока и разочарована в жизни, что одно время даже решила на самоубийство. Но представив себе, как ужасен акт предстоящей смерти, она наполнила меня ужасом. Смерть – великий враг, и не только тем, что прекращает бытие человека, а тем, что уже за гранью смерти он уже ничего не может изменить. Меня удерживали от самоубийства лишь мысли о том, что мои соседи будут глубоко огорчены, и что у меня не останется достаточно денег, чтобы оплатить расходы на похороны.

– Вы можете короче? – спросил император Люстиг Мост

Женщина смешалась, но бодро продолжила:

– Однажды я прочитала вашу фразу, которая помогла мне преодолеть отчаяние и придала мне мужества, чтобы... чтобы продолжать жить. Я всю жизнь буду благодарна вам за эту фразу, вдохновившую меня на борьбу с трудностями и на эту встречу. Вот эта фраза: “Для мудрого человека каждое утро открывается новая жизнь через обмен телами”. Я перепечатала эту фразу и приклеила листки в доме и к ветровому стеклу своего эргомобиля. Таким образом, сидя за рулем, я каждую минуту видела эти слова. Оказалось, не так уж трудно заботиться о том, как прожить лишь один день. Я научилась забывать

о прежних днях и не беспокоиться о дне завтрашнем. Каждое утро я говорила себе: “Сегодня передо мной открывается тропинка в новую жизнь”...

Нетерпение переполняло императора от длинных фраз выступающей и он меланхолично стучал ладонью по поручню трона.

– Но проза жизни оказалась сильнее меня, – продолжала она, – мне не удалось до конца преодолеть страх одиночества и страх нужды. Я по-прежнему несчастлива и, в общем, мне не до преуспевания, хотя я полна энтузиазма и любви к жизни. И всё же в одном я уверена: теперь-то уж точно знаю, что никогда не буду испытывать страх в любом его проявлении, что бы ни ждало меня впереди, я избавлюсь от боязни будущего, не буду думать и о сегодняшнем дне, потому что выбираю из множества изречений только ваше “Для мудрого человека каждое утро открывается новая жизнь через обмен телами”. И я стала мудрее и сделала главный для себя вывод.

– Это прекрасно, а вывод какой? – Императору не терпелось узнать главное.

Шерл Обрамон, обратив внимания на вопрос, гордо подняла голову

– Итак, у меня не было достаточно денег, поэтому я пришла сюда.

– И правильно поступили, – сказал император. – Здесь во дворце вы найдете полное понимание.

– Я слышала, что вы – сама добродетель.

– Мы выделим необходимую сумму.

– Но я задумала обмен телами...

– Люди, бывает, всю жизнь проводят в поисках нужного тела и находят совершенно неожиданно, какое пожелают, там, где даже невозможно себе представить...

– ...С вами, мой дорогой, любимый император.

Люстиг Мост изменился в лице, но ответил с присущим спокойствием:

– Ничего страшного в этом нет. Да, каждый гражданин имеет право на обмен телами даже с императором. Я открытый для общения человек для всех. Но сегодня у меня что-то разболелась голова.

Она решительно схватила его за руку.

– Я подумаю и скажу вам ответ. Не сегодня... – отвечал он ей, насилу отрываясь от её цепких пальцев.

Ее непринужденно отвлекли ценным подарком и отсекли от императора, а вперед вышла девушка лет восемнадцати. Она была прехорошенькой, в ярком свитере и минимум-юбке.

– Я Киита Кийка. Если бы вы были не мужчина, а женщина, я бы вам предложила себя в качестве обмена телами. Вы не такой старый, по-своему великолепы, но мне нужно женское тело без изъянов. Когда я впервые попыталась пробиться в кино, я была встревожена и напугана. Я провинциалка и никого не знаю в столице. Я побывала у нескольких продюсеров, но ни один из них не предложил мне сниматься в кино, ссылаясь на то, что у меня личико, мягко говоря, не ахти какое, не привлекательное, не фотогеничное, простецкое. “Единственное, чем может привлечь к себе девушка, это хорошеньким личиком, которого у тебя, увы, нет”, – сказали они. Небольшие деньги, которыми я располагала, постепенно иссякли. В течение двух недель я питалась исключительно только сухими галетами, запивая их водой. Теперь я была не просто обеспокоена. Я была голодна. Я подошла к зеркалу. И когда я посмотрела на себя, мне сделалось

дурно. Я увидела, что сделали судьба и голод с моей внешностью! Я увидела морщины, которые появились на моем лице, дерматит и прыщи. Я увидела обеспокоенное отвратительное выражение лица. Тогда я сказала себе: “Может быть, ты дура. Может быть, ты никогда не пробьешься в кино. В конце концов, у тебя нет опыта”. И ещё я сказала себе: “Ты мокрая курица, ты должна немедленно это прекратить! Ты не имеешь права на такую жизнь. Ты не можешь волноваться. Нет некрасивых женщин – есть глупые женщины! Ты обязана стать красивой!” Так мысль о личике перевернула всю мою сущность. И вот теперь я ищу дружбу с красивой девушкой или женщиной, которые бы не посмотрели на то, что я некрасива. Я выхожу с просьбой совершить обмен телами с любимой, обожаемой мной императрицей, которая не сходит с газетных полос и экранов светской кинохроники.

Император Люстиг Мост подошел к девушке и опустил руку на её плечо.

– Естественность – ваша сила. Сегодня вы гадкий утенок, а завтра – прекрасный лебедь. Мы вам завидуем, а пока крепитесь...

Это был отказ, но девушка смотрела счастливыми глазами на императора и украдкой на императрицу.

Девочка с длинными косичками встала на приступку, чтобы её было лучше видно. Дмитрий узнал в ней когда-то встреченную в лесу Мелли Брит.

– Ваше Величество Государь Император, – стала жаловаться она, – посмотрите на меня. На лице постоянно высыпают веснушки, я устала бороться с ними разными мазями и пилюлями. Мальчики зовут меня конопаткой. Моя мама убеждает: как это замечательно – веснушки. Я посмотрела на себя в зеркало. Действительно, они не такие уж и крупные на щеках, а на лбу ещё меньше. И довольно милые, особенно на носу. Все уверяют, что крапчатость терпимая. Ну и что, я не верю ни матери, ни себе, ни другим доброжелателям. Я слышала, что лучшее избавление от них, это обмен телами, который вы широко поддерживаете. У ваших дочек нет веснушек, и это мне нравится. Призываю вас разрешить с одной из них обмен телами...

Императрица рукой обняла своих дочек, как бы защищая своим телом от врагов, а император Люстиг Мост сказал:

– Девочка, верь прежде матери, веснушки на носу придают тебе очаровательную непосредственность.

– Не хочу – непосредственность, – захныкала Мелли Брит.

– Иди домой, девчужка, наша канцелярия рассмотрит твой вопрос и даст ответ.

– Бюрократия, как ржавчина, разъедает наше общество, и мешает обмену телами! – раздался возмущенный голос из толпы и продолжал: – А всё почему? Сенаторы занимают диаметрально противоположные позиции. По существу, на протяжении почти всей своей политической карьеры они находятся в разных лагерях. Одни сенаторы решительно поддерживают программы, другие – отсутствие программ. Когда закончится эта вакханалия! Когда важный законопроект будет вынесен на всенародный референдум? Если в начале следующего года, то нас не устроит такая практика затягивания. Председатель собрания Соломот так же решительно выступает против. Сенаторы – что! Вот конфронтация между политически-

ми партиями, между премьер-министром Джобой и императором доставляет хлопоты нации. В том, что все названные люди оказались по разные стороны баррикад, нет ничего нового, однако, в данном случае это будет иметь для всех серьёзные политические последствия...

– Согласно принципу единогласия, – вступил в спор император Люстиг Мост, – в особых случаях, когда вопросы выносятся на всеобщий референдум, его результаты должны быть единодушно одобрены Сенатом. Повторяю – единодушно.

– Но разве мы не знаем наших продажных сенаторов, каждый думающий о своей шкуре!

– Так, если в результате референдума проект будет принят, – мягко оппонировал император, – председателю собрания Соломоту придётся оговорить, что он тоже проголосует в Сенате в поддержку последнего проекта. Если он этого не сделает, ему придётся сложить с себя обязанности.

– В этом случае будут проведены специальные выборы, чтобы заполнить освободившееся место. Ничего хорошего народу это не сулит.

– Правом выставить свои кандидатуры для участия в этих выборах будут обладать только те достойные сенаторы, кто ранее принял на себя обязательство поддерживать это решение.

– Догадываюсь, это скорее всего сенатор Хортон. А если опять большинством голосов проект будет отвергнут, в подобном невыгодном положении окажется следующий председатель собрания. И так до бесконечности...

Император сделал попытку остановить словопоток мужчины и сказал:

– Известны случаи, когда некоторые сенаторы сохранили в такой ситуации свои места, проголосовав в поддержку прежде отвергаемых ими предложений.

– Однако, по мнению народа и тех немногих честных обозревателей, ни сенатор Соломот, ни сенатор Хортон не пойдут на это. Каждый из них поставил на карту свою политическую карьеру и репутацию. Они придерживаются прямо противоположных политических взглядов, и с годами их взаимная личная антипатия стала просто притчей во языцех.

– Так, чего вы предлагаете? – сделал попытку условить челобитчика император.

– Я ничего не хочу особенного, я хочу, чтобы председатель собрания Соломот обменялся со мною телами, чтобы поставить его на своё место, чтобы он не отрывался от народа, от его нужд. Как новый председатель собрания, я обязуюсь сделать всё от меня зависящее, чтобы не допустить развитие ситуации по выше нарисованному сценарию.

Этот голос был единственным протестом.

– Я передам ваше желание сенатору Соломоту, – сказал император.

Император увидел Дмитрия и, как старому знакомому, жестом предложил подойти ближе.

– Да, Ваше Величество Государь Император. – Дмитрий выступил вперед и назвал его полный титул.

Первый вопрос императора оказался неожиданным.

– Как, вы ещё в своем теле? – изумление пробежало по его лицу.

– Да.

– Меня пугает ваше равнодушное отношение, Дмитрий, – пожурил он. – Человека определяет постоянный поиск. Неужели вам, представителю родоначальников, можно сказать, промыслителей обмена телами, неинтересно быть кем-то другим?

– Интересно остаться самим собой.

– Индивидуализм, знаете ли, служит плохую службу...

– У нас на Земле превыше всего ценится свобода личности.

– У нас гордычество быть самим собой называется эгоизмом.

– Удивительно, но у нас на Земле тоже.

– Сколько вам лет, Дмитрий?

Дмитрий с любопытством смотрел на царствующую особу.

– А зачем вы это спрашиваете?

– Человек в вашем возрасте не имеет права замыкаться в своей личной скорлупе.

– А я и не замыкаюсь, я весь на людях.

– Вы или большой прагматик или трус в ущерб молодости.

– Я ничего не боюсь.

– Тогда в чем дело? Не нравится чужое тело? Есть полная безопасность, и даже большая гарантия возврата в собственное.

– Если вам что-то говорит – мне двадцать четыре года.

– О, всего двадцать четыре года!

– Да, у меня всё впереди.

– Вам известно, почему я пригласил вас сюда?

– Мне казалось, да, – честно сказал Дмитрий. – Но сейчас я теряюсь. В общем-то, меня все приглашают.

– Вы приступили к работе?

– Да.

– Вы довольны ею?

– В общем-то, она захватила меня.

Император благодушно улыбнулся.

– Не люблю ходить вокруг да около. Так что не будем тратить время понапрасну. Надо полагать, что вы прилетели сюда не за большими деньгами?

– Конечно, – чистосердечно ответил Дмитрий.

Император доверительно подался вперед.

– Земля ориентируется на Мингалу в целом? Желает видеть дружбу с нами?

Дмитрий кивнул.

– Даже больше.

– Какую?

– На все времена.

– В нашем плане Земле тоже отводится много благоприятствования. – Император поднял в величественном жесте руку. – Видите ли, Дмитрий, посмотрите на мой дворец – это только надводная часть айсберга: искусство, архитектура, культура. Наша сила – в народе. Многие люди не одобряют моих методов, но меня это не останавливает. Важно то, что я превращаю мечту в реальность. Я живу мыслями об обмене телами для народа с утра до ночи.

Император внашл почтение. В его голосе звучал пафос проповедника, и он продолжал:

– Но многие воспринимают мою политику как личный эгоизм. И вы обвиняйте меня в нём сколько хотите, вы будете совершенно правы. Я не собираюсь оправды-

ваться. Мне уже поздно меняться. Я должен остаться в собственных глазах и глазах народа незыблемым. Но я доведу дело до конца.

– В чем оно заключается?

– В безотлагательности решения вопросов, поставленных народом.

Затем он откинулся на спинку трона.

– Вы мне понравились, Дмитрий, – тихо произнес он. – Вы похожи на меня в юности: энергичный, распространяющий авангардные идеи, ищущая натура. Мой отец Великий император сказал, что “самая большая ошибка людей состоит в их невежестве”. И вот появились вы. Я узнаю себя в вас. Всю жизнь я ждал подобного момента встретиться с представителем братской Земли. Теперь, когда он настал, я начинаю верить в потенциал происходящего.

Очевидно, император принял удивленное молчание Дмитрия за знак согласия воспитанного собеседника. Благодарная улыбка вновь появилась на его лице. Он заговорил снова:

– Мы испытываем глубокое уважение к вашим профессиональным способностям.

– Благодарю.

– Вам известно, что вы должны делать, доктор?

– Да, – коротко ответил Дмитрий.

– У нас много для вас работы.

– Я сделаю всё, что смогу, – заверил Дмитрий.

– Трудитесь в области эндокринных гормонов, повышайте роль искусственных ферментов. В общем, я думаю, исследовательская работа вас захватит.

– Я мечтал об этом.

– Остается внести ясность в один мелкий вопрос: насколько долго вы будете находиться на Мингале?

– Насколько мне позволят дела.

– Ну и хорошо, не надо торопиться. Осваивайтесь, привыкайте, адаптируйтесь, а, главное, надо не витать в облаках, а заниматься каждый не только своим, но и чужим телом.

– Это вы говорите в конкретном смысле?

– Совершенно верно. Искать и искать новое тело.

Дмитрию трудно было не согласиться.

– У нас на Земле говорят: поиск – двигатель прогресса.

– А как у вас относятся к тому, что душа и тело представляют собой единое целое, и их нельзя разделить порознь? – спросил император Люстиг Мост.

– Ваш вопрос строится на утверждении, что смертное тело – оболочка, в которой якобы спрятана нетленная идеалистическая сущность?

– Да, человек, как личность, есть совокупность духа, души и тела.

– А почему вы спрашиваете?

– Хочу узнать, как у вас разрешено разногласие между ними.

– Развитие на Земле шло двумя путями – в борьбе идеалистов и материалистов. Победило второе – материалистическое мировоззрение, – объяснил Дмитрий.

– Возможно, это невежи так говорят?

– Настоящие невежи пытаются на первое место поставить душу, забывая о теле. Это их большое заблуждение, – ответил Дмитрий.

– Я так понимаю, это, к слову, не столько о душе, сколько...

– Да, совершенно верно, сколько о теле.

– Вот вы – материалист, ответьте: мужчина и женщина – это тоже целое или две половинки одного целого?

– Ни то, ни другое. Это две индивидуальности, – ответил Дмитрий.

Император Люстиг Мост от этих слов неистово бросился в пучину спора.

– Невежи – это наша общая боль. Самым поразительным является то, что люди, имеющие меньше всего оснований быть довольными своими достижениями, зачастую компенсируют это чувство шумливостью, суетливостью и чванством, которые производят неприятное, буквально омерзительное впечатление. Планету, если не захлестнули безнадежность, разгул страстей, фрустрация, протестация, беспокойство, страх, пораженческие настроения, отчаяние, то скоро захлестнут. Количество жертв этих эмоциональных расстройств увеличивается с катастрофической быстротой, так что люди понимают – скоро от их сущности ничего не останется. Забывая о душе и возносясь к телу, или наоборот, мы зачастую мечаемся между ними...

– Атеисты – не любят говорить о духе и душе, – спокойно напомнил Дмитрий.

– Хорошо, не буду.

– Извините. Такой спор напоминает снежный ком, под которым можно несклади оказаться.

На лице Люстига Моста проявилось согласие.

– Я вас понимаю. А медицинской науке на Земле сколько потребовалось столетий, чтобы осознать эту великую истину?

– Много. Школу слепого котенка Земля до сих пор проходит.

– Доктор, давайте в таком случае помирим идеалистов и материалистов фразой: человек в сущности своей представляет душу, воплощенную в теле.

– Ваше Величество Государь Император, под этими словами подпишутся все от мала до велика, – радостно провозгласил Дмитрий.

Люстиг Мост от удовлетворения вспыхнул краской.

– Вот вы, земляне, если летаете на такие длинные расстояния, во всяком случае, владеете обменом телами, поэтому избавились от эмоциональных расстройств. Это так?

– Вы думаете, что эти слова у нас исчезли, испарились, отмерли за ненадобностью?

– Хотелось бы думать.

– К сожалению...

– Глядя на ваше спокойствие и в то же время желание остаться самим собой, мы завидуем вам. Мы желаем братской Земле здоровья и процветания.

– Я принимаю ваши пожелания.

Они ещё перебросились незначительными фразами, пытаясь каждый по-своему найти канву разговора.

На этом торжественная часть по поводу приема представителя Земли закончилась.

Глава 15. Здесь исторический центр нашей демократии

Работа захватила Дмитрия, и он особо не горел желанием встретиться с Джайной, но сегодня принял её настойчивое приглашение.

– А, привет! – Она махнула рукой ещё издали, а, приблизившись, поцеловала в щечку и премило шепнула: – Мне по душе только одно место.

Снаружи не было ничего особенного. Десять ступенек под цвет замшелости вели вниз. Джаина тянула Дмитрия за руку уверенно.

– Ближе к полуночи, – сказала она, – придут обстриженные девицы и волосатые молодые люди в очках аля премьер-министр. А сейчас здесь серьезная публика. Люди с богатым внутренним миром. И серьезно рассуждают о кино, книгах.

Их встретили стены зала, облицованные деревянными плитками, не слишком потемневшие от времени, зато внутри дышало дипломатичным интерьером. Узорчатый потолок выглядел привлекательно. Между столиками тянулись вытопанные дорожки.

Джаина обвела пространство рукой, требуя от Дмитрия внимания.

– Эти залы для поклонников обмена телами, – она говорила как экскурсовод, – были вырублены погребями в скале, возвышающейся исполином в центре города. Когда-то, на её громаду собирались любители пива. Это произошло в самом начале столетия, какого? – это никто не помнит. Тогда богатые меценаты не жалели денег и пива на сборища тайных обществ, что, естественно, способствовало развитию определенного националистического толка в образе жизни. Места на скале не хватало, строились террасы, но и это оказалось недостаточным, и начался стихийный бум – захват её утробы. Жители в прямом смысле вгрызались в скалу, отколупывая священную породу, создавая при этом штольни, веками уходящими всё глубже и вширь. Пивом они напивались вдрызг, и их тошнило по углам до утра. Затем пиво было вытеснено игрой в мингалетские шахматы. Тысячи людей в накрахмаленных воротничках и галстуках прошли здесь чередой различные церемонии и посвящения в какие только немислимые члены братства. Какие только не произносились тайные клятвы, какими только не обменивались необычными ритуалами, согласно наставлениям всегда суровых старших братьев.

Джаину не поразило множество зажженных свечей на входе и в прилегающих залах, а Дмитрий был в восторге.

– Между прочим, здесь исторический центр нашей демократии, уходящей корнями в глубокую старину, – сказала она.

Скромная обстановка не способствовала отвлечению внимания на неё. За деревянным столиком Дмитрий отпил первый глоток.

– Пиво по-настоящему вкусное – одно из немногих утешений в этой жизни, – сказала Джаина. У неё была самая милая улыбка на свете.

Раздался звук громыхающегося о помост железа.

– Зря я предупредила, что в это время здесь не бывает экстремисткой молодежи, – произнесла Джаина.

Дмитрий смотрел в оба глаза, наблюдая за разворачивающимся перед ним обрядом.

Несколько закованных молодых людей гремели цепями, пытаясь освободиться от них.

– Облагораживать народ и нравствовать! – для заправки из противоположного угла была громко произнесена первая фраза.

Джаина тут же втянула Дмитрия в отдельную кабинку.

– Символический ритуал. Молодежь выбирает свободу. Не смотрите и не слушайте! Подальше от политики, – подсказала она, – иначе мы попадём в большую передрагу.

– Я хотел только немного увидеть, – воспротивился он.

– Нечего смотреть, слышите, там сейчас идёт настоящее побоище.

– Так чего они хотят?

– То, чего вы не хотите. И со мной тоже.

– Гмм, – поперхнулся Дмитрий. – Джаина, вы всё за старое, ну сказали бы что-нибудь новенькое об обмене телами.

– Хорошо, – согласилась она, – я расскажу маленькую притчу о вас. Сидит человечек на подоконнике и смотрит, как скользят внизу лакированные спины эргомобилей. Между машин лавирует человек в сером плаще. Его давят, он увертывается. Вот он под днищем, а вот его голова показывается снова. Так этот упертый человек – вы. А переживающий за него человечек на подоконнике – я.

– А машины – это всё население Мингалы? – догадался Дмитрий. – Желаящие меня подмять под себя?

– Эх, доктор, когда лед тронется, как говорят у вас на Земле? – с разочарованием протянула пресс-секретарь.

– Сначала лед надо взорвать, – ответил он.

– Станный вы человек! – она привычно села на его колени, подперла по-женски щеку. – Слоняетесь инкогнито по городу, сидите в ресторанах в закрытых кабинках, прячете свое лицо за марлевыми повязками в клинике. И думаете, вас никто не видит? Человек-невидимка, так думаете?

Зашёл официант и Дмитрий спросил:

– У вас тут есть что-нибудь другое выпить, кроме пива?

– Что? Ах, да... конечно, есть. Вино, производящее своим дыханием шумящий водопад, хотите, принесу ещё ревущую сирену?

– Нам хватит водопада.

Дмитрий с удовольствием разглядывал открытую скульптурную грудь Джаины. Он первый поднял издающий звуки бокал.

– Прислушайтесь, это скорее похоже на шорохи реализующих себя в обмене телами, – обратила она внимание.

Дмитрий прислушался.

– Кажется, похоже на вздохи влюбленных, – не согласился он.

– Нет, это шорохи от обмена телами, – надула губки Джаина.

– Вздохи влюбленных! Я не совсем глухой!

– Что-что, а отличить звуки друг от друга я могу.

Только тут до Дмитрия дошло, и он с укором спросил?

– Джаина, получается, что вы свою линию гнете, а я свою?

– А что вам мешает свести эти линии в одну точку?

– Ее глаза и в самом деле сверлили одну точку, и эта точка была он – Дмитрий.

Он заметил хищное выражение лица. Ему от ее пронизывающего взгляда стало тоскливо. Чтобы не поддаться гипнозу, Дмитрий сделал невозмутимое лицо и поднял бокал.

– А я слышу стук вашего сердца. Поэтому за ваше здоровье, Джаина!

Она недовольно надула губы.

– В чем дело? – спросил Дмитрий.

– Доктор, почему вас всё к медицине тянет? Почему не за мое тело? Оно вам не нравится?

– Нравится. Но у нас на Земле пить за здоровье самый первый гост.

– А чем плох гост “жить долго и счастливо”?

– Если ваше тело пребывает в здоровье, то остальное приложится. Или, как в шутку у нас говорят: “Есть здоровье, остальное можно купить”.

– Пока вы почему-то настроены враждебно к обмену телами, и со мной тоже.

– Да, это, как бы, открытый вопрос между нами.

– А я пью за ваше уникальное тело! – рассмеялась Джаина и подняла фужер. – Пусть оно сыграет значительную, ключевую роль в наших отношениях!

– Это и есть любимый гост вашего народа? Вы всем его говорите, даже пришельцам?

– От судьбы не убежишь, – важно напомнила Джаина.

– Надо же! Этот принцип живуч во всей вселенной! – воскликнул Дмитрий. – У нас он звучит: от тюрьмы и от сумы не зарекайся.

– Может быть, это и хорошо, но, в общем-то, вы ведете себя некорректно по отношению к жителям Мингалы.

– Прошу извинить меня, если что не так. Но я не за тем приехал на Мингалу. Я полагаю, вам это известно.

– Это всем известно.

– Просто поразительно, как все равнодушно принимают участие в моей судьбе, – сказал Дмитрий. – Множество людей знает за меня, что мне делать сию минуту, завтра, через год, чем я сам. За меня все думают, чуть ли не решают. Даже вы.

Джаина смеялась и допивала вино. Оно уже еле пыхтело. Ещё она стала весьма словоохотлива.

– Это же абсолюто! В век развитой цивилизации за обмен телами хватаются обеими руками, – восторженно говорила она. – Им свободно делятся, он лежит в основе жизнедеятельности, также отношений в различных сферах...

– Я не раз размышлял о том, должен ли я в моем положении гостя срастаться с мыслью об обмене телами. Но ни один из аргументов не показался мне достаточно весомым.

– Не беспокойтесь, доктор, у вас всё впереди.

Дмитрий неторопливо потягивал сок.

– Вряд ли я приехал сюда, чтобы рассказать вам, что на Земле не применяют обмен телами.

– И это нам известно – почему. Ваше заявление было бы рисовкой, что сиюминутные пристрастия преобладают над истинным положением вещей.

– А почему, Джаина, вы не хотите обмен телами об-
лечь в праздник с кем-нибудь другим?

– Я хочу только с вами. Это как в сексе, хочешь по-
знать предмет вожделения поближе, вот и ставишь перед
собой конкретную цель, начинаешь его обхаживать и
лелеять.

– Я разделяю ваше нетерпение, – язвительно сказал
Дмитрий.

– За чем же дело остановилось?

Он поднес бокал к уху девушки.

– Теперь вы не отвертитесь, бокал переполнен вздо-
хами влюбленных. Я могу предложить вам только выше-
названный секс, – открыто сказал Дмитрий.

– После обмена телами, пожалуйста, – мило улыб-
нулась Джаина. – Для меня прибавятся новые ощущения.

Было совершенно очевидно, что мысль об обмене
телами, доставляет ей большее наслаждение.

Дмитрий забавно взглянул на Джаину.

– Так может получиться, что вы будете заниматься
сексом сама с собой!

Само по себе удивительное высказывание отключи-
ло на время её мозг, затем заставило задуматься надолго.

– Да, это потешно, – пожалала она плечами. – Нашим
мудрецам такое не снилось, а философам этот парадокс
не по зубам.

– Вот бы разобрались в нём, и я со спокойной сове-
стью вернусь на Землю.

– Тогда вам надолго придётся обустроиться здесь.

– У вас, Джаина, ко мне богатое воображение.

– Не угадали. Я практичная, не развратная, не ради
развлечения, любопытства или большого воображения
вас неволю. В общем-то, я прошу вас о простом одолже-
нии и готова за это заплатить.

– Своим телом?

– Можно и реальными услугами – вы сейчас больше
нуждаетесь в них. Я окажу вам любое содействие.

– Я же вам сказал – вы обратились не по адресу.

– Ничего-то вы, Дмитрий, не поняли. Жизнь пере-
ходит в другое качество с приличным капиталом в виде
новых кредитов: связей, впечатлений, ну и материальных
поощрений.

– Вы не знаете мою щепетильность. А если человек
погряз по горло в болото в виде болезней, дурных при-
вычек, долгов и прочих неожиданных откровений, и
представьте, что его тело случится на вашу долю, то как
быть? Вам достанется, не позавидуешь, богатое наслед-
ство.

– Так это взаимно происходит, на равных – за что
купил, за то продал.

– Не увещивайте меня. Что такое кот в мешке мне
известно, – сказал Дмитрий.

– Не потому ли что нет идеальных людей, спраши-
ваю я?

– Конечно. Человек хоть и венец природы, на самом
деле нет более противоречивого создания, чем он. Ему
присущи все существующие предрассудки: жестокость,
злорадность, зависть, ненависть, ревность и так далее. И мешок
недугов.

– Иначе он был бы скопищем ангелов.

– Получается, Джаина, что способом обмена телами
не улучшить человеческую сущность.

– Как вы, Дмитрий, не правы. Вот тут-то и срабаты-
вает принцип: клин клином вышибают.

– Вы за то, – удивился он, – чтобы, избавившись от
своих, ходить с чужими пороками?

– Люди равны между собой. А вы задавались вопро-
сом, чем одни пороки лучше других?

– Почему же? Например, равнодушие страшнее
жестокости. Если от жестокости ещё мучаешься в кон-
вульсиях продолжительное время, то равнодушие людей
убивает сразу наповал.

– Значит, бесчеловечность убивает постепенно? Не-
ужто, Дмитрий, вы считаете, что это позволительно рав-
нодушие считать страшнее бесчеловечности?

Дмитрий почувствовал, что попал впросак от своей
же софистики,

– Когда меняешь шило на мыло, многое упускаешь
из вида, – удручённо сказал он, как бы извиняясь.

Джаина считала себя примерной женщиной, которая
может терпеть от мужчины всё, но тут она взбунтова-
лась.

– По отношению ко мне – тоже недооценка?

– На это я отвечу следующее: на Мингале все жен-
щины красивы. Отсюда делайте вывод для себя.

– Что все вороны белые?

Да, Джаина была сегодня по логике на высоте, и со-
ревноваться с ней дальше ему не хотелось. И он спросил:

– А как вы, Джаина, относитесь к тому, что свои де-
ти гениальнее чужих.

– Это несправедливо.

– Зато примечательно, по крайней мере.

– Дмитрий, никому такое не говорите, у нас не при-
нято, это ненормально. Не поддерживается и пресекается
любая подобная постановка вопроса. И вот почему...

– Знаю, это расизм.

Видимо Джаина уже плохо соображала после вина,
когда уныло высказала свое подозрение. Но это был ещё
и разнос.

– Потому Дмитрий, говорю относительно вас, что
вы влияете на выбор неправильного умонастроения на-
шего народа. Что, если все будут брать с вас пример и
зарядятся вашей гнилой философией?

– Джаина, вы пропагандируете мрачный, прагма-
тично-примитивный взгляд “как бы чего не вышло”.

Джаине бы подумать, а она скоропалительно сдела-
ла вывод, перейдя на визгливый тон.

– Вы пренебрегаете лучшими телами Мингалы, вы
брезгаете нами! Вы оскорбляете наше достоинство,
ущемляете наше самосознание!

Дмитрий возмутился.

– Вы коммунистка?

– Не угадали.

– Националистка.

– Маленькое уточнение – социал-националистка!

Да, я горжусь, что отношусь к самой патриотической
партии.

– Прежде чем взять ваше тело и оставить вам свое, я
должен узнать всю подноготную вашей жизни. Первое
условие, Джаина, вы обязательно должны быть здоровым
человеком. Я должен знать вашу наследственность, при
каких обстоятельствах умерли ваши родители, а также
бабушки и дедушки, желательно до седьмого колена...

Дмитрий задумался, а не прогадал ли он с седьмым
коленом. Это было немаловажно.

– Всё генеалогическое древо у меня безупречно, – с
гордостью сказала Джаина. – Они умерли своей смертью.

– Ещё я должен иметь полное представление о вашей нравственности.

– Здесь я тоже, как и жена Цезаря, выше всяческих подозрений.

Когда они вышли из погребов, Дмитрий сразу почувствовал холод ночи. Он стал нервно озираться, стараясь, чтобы это было не очень заметно Джаине. Когда они переходили улицу, он взял её за руку и уже не отпускал. Они шли, изредка перебрасываясь фразами, и каждый понимал, что происходит теоретическая борьба между ними. У влюбленных происходит по такой же схеме. Так бы и идти, держа её за руку! За последнее время он встречался со многими женщинами, но ни с одной из них не ходил, держа её за руку.

Дмитрий мысленно поздравил себя с маленькой победой, что ему удалось, хоть и косвенно, уйти от неприятного разговора.

Сзади подъезжал какой-то эргомобилль. Дмитрий напрягся, Джаина, казалось, ничего не замечала. В нескольких метрах от них он замедлил ход и еле пополз. Дмитрий теребил среднюю пуговицу на пиджаке, встревожившись за Джаину больше, чем за себя. Внезапно двери машины распахнулись, и оттуда выскочили в их сторону четверо юнцов: две девушки и два парня. На лбу у Дмитрия выступил пот. Но они пронеслись мимо них в ночную закусочную.

– Какие-то неприятности, да? – спросила Джаина.

– Не совсем. Только не нужно спрашивать.

– Ну что же, сегодня, как и раньше, когда присутствовали у премьер-министра, вы были просто очаровательны... своим упорством отметать любые инициативы, – с улыбкой сказала она.

Дмитрий сбросил оцепенение.

– Дальше я не смогу составить хорошую компанию.

– Спокойной ночи, Дмитрий, – притворно надула губки пресс-секретарь.

– Спокойной ночи, Джаина. Прости!.. Я не хотел обидеть.

Она послушно кивнула и, прежде чем исчезнуть, бросила на Дмитрия уничтожающий взгляд.

Глава 16. Превращение в крестьянина – факт не обмена телами

Дмитрий потер переносицу, но до спины достать было невозможно. Он попросил Пуальфину почесать ему любым зажимом между лопатками, от удовольствия постанывая. Пятница был такой же насыщенный операционный день, как и другие дни недели кроме выходных, и пятницы не угнетали его и не волновали. Слава богу, что самый обычный рабочий день прошел очень похоже на остальные. Дмитрий вспомнил, что ему сегодня необходимо быть у императора Люстига Моста.

Не обращая внимания на моросящий дождь, пересек мостовую, прошел под каштанами. Поглубже засунув руки в карманы плаща, он шагал по темной улице туда, где удивлял своим ансамблем дворец Кар-Кор, светящийся золотой крышей. Императорский дворец был пышнее Кор-Кара премьер-министра со скромной серебряно-молочной. Дмитрий путал их названия.

А на улицах происходил водоворот людей, бурлящий подобно беспокойному морю, и стремящихся победить его своим задиристым горлопанством.

Дмитрий встречал множество людей, которые не хотели радоваться даже погожему дню. Но вот эти самые были, как бы мягко сказать, не в себе... Он испугался мысли, что не выберется из толпы недовольных, а его могут вызвать на операции каждую секунду. Ещё бы не вызвать... И как бы не пришлось торопиться на собственную операцию...

Через полчаса он находился уже в личном кабинете императора, который размерами походил на танцевальный зал. Возможно, так оно и было – в перерывах между государственными делами император предавался страсти местной хабанеры. И в самом деле, вбежал учитель танцев, и император стал взлетать в сложных антраша. Это длилось ровно тридцать минут, потом он перешел на лирическое па-де-де и завершил занятия глубокими реверансами, сгонявшими усталость. Затем император, взмокший от пота, нырнул в невзрачную дверь. Принявший душ и поменявший чёрную сорочку на белую, он выглядел уже свежим. Затем он нырнул в другую комнату.

Император Люстиг Мост, входя, вежливо улыбнулся, обнажив великолепные белые зубы.

– Я подумал, что гость не откажется выпить чашку кофе, – сразу предложил он.

Император, облаченный в официальное платье, закрыл окна, и подошёл к большому письменному столу, на котором громоздились кипы книг и журналов. Здесь же лежала аккуратная пачка почтовых сообщений, с которыми ещё предстояло ознакомиться. За его спиной из большой золочённой рамы строго взирал внушительный образ его отца императора Аветиста I. Благородный благообразный белобородый лик с пронзительно яркими и умными глазами небесного цвета и в самом деле внушал глубокое почтение. Вдоль стен кабинета, покрытых гобеленами самых фантастических расцветок, тянулась галерея портретов работы известных художников, увековечивших облики императорской фамилии.

На столе лежали не просто книги. Краем глаза Дмитрий фиксировал названия:

“Всё, что вам следует знать об обмене телами”.

“Как обмен телами воздействует на сердечную недостаточность”.

“Высокое кровяное давление и его связь с обменом телами”.

“Может ли обмен телами спровоцировать ревматизм?”

“Как обмен телами вызывает простудные заболевания и кариес зубов”.

“Обмен телами и щитовидная железа”.

“Содержание сахара в моче и крови от обмена телами”.

Эти названия говорили сами за себя. Дмитрий взял одну книгу и заглянул в неё. Она называлась “Человек против самого себя” и была посвящена проблеме отношений полов при обмене телами.

Император заметил его интерес.

– Мы исследовали, что обмен телами ни к каким пагубным нарушениям или структурным изменениям в организмах не приводит.

– Вы высказали абсолютную мысль, которую нельзя опровергнуть, – сказал Дмитрий.

– Даже эмпирическим путем? – изумился император.

– Я даю вам рубль, а вы мне ваш мингаль... Меняется хозяин, но с деньгами ничего не случается. Они как были – ими и остаются. Не так ли?

Люстиг Мост задумался.

– Как очевидно...

Видимо, это было грандиозное упущение их философов, что означало лишние затраты на исследования.

– О, судя по названиям, несмотря на перспективность обменов телами, вы не забываете о медицине! – воскликнул Дмитрий.

– Нельзя уповать на новые горизонты, какие бы радужные они не были. Мне думается, что лучше обмены телами сравнить с медициной, возвращающей частично утраченное здоровье.

– А как вы относитесь к врачам? – спросил Дмитрий.

– Врачи были и остаются заметными фигурами в таких делах?

– А это что за книга?

– Хорошо, что вы обратили внимание на книгу доктора Пеннингера “Меньше думайте об обмене телами, больше действуйте!” Обыкновенный средний человек имеет очень слабое понятие о том, что представляет собой в действительности обмен телами. Обмен телами схож на обмен веществ, только на более высоком уровне. Не молекулярном, а энергетическом. Если второе идет хорошо, то и первому почему бы не быть? Обмен телами происходит настолько естественно, настолько вписывается в рамки привычной физиологической потребности людей, что я не могу добавить к предыдущим сообщениям ничего существенного.

– О чём она?

– Книга является ответом на собрание заблуждений, поразительным открытием того, какой вред мы наносим сами себе, игнорируя обмен телами и ограничивая себя им. Прочитайте её, и сравните, насколько вы, земляне, или мы отстали в понимании реалий жизни.

Император Люстиг Мост надавил кнопку, и мгновение спустя перед ним стоял секретарь. Император молча выслушал о беспорядках на улицах, учинённых представителями “за” и “против” обмена телами, и что-то записал в своём календарике, затем сказал:

– Прикажите исполнить, проследите за приготовлениями к вечернему празднеству. Не скупитесь на огни, дворец должен сверкать в честь нашего дорогого гостя. Всю ночь до утра.

– Да, мой император.

– Кстати, как там моя супруга? Справляется с благотворительной миссией?

– Она сама добродетель. Сегодня она выступила третейским судьёй между конфликтующими сторонами.

– Ну и как?

– Первые результаты обнадеживающи. Думается, завтра всё будет спокойно на улицах и площадях.

– Так на чём мы остановились? – спросил император Дмитрия.

– Вы можете рассказать об одном из первых существенных случаев с обменом телами? – сразу же спросил он.

– Пожалуйста, историческая справка. Речь идет об освободительной войне, провозгласившей наше государство. Войска Грума осаждали крепость Раеколь девять месяцев. Отряды генерала Листа, оборванные и голодные, были разбиты. Они заперлись в крепости. Женщины кричали, плакали и бредили. Конец был близок. Армия Грума неотступно преследовала остатки неприятеля, атакуя с обеих сторон, в то время как кавалерия Браманта наносила фронтальные удары, взрывая на своем пути железнодорожные полотна и перехватывая поезда со снабжением.

Генерал Лист наполовину ослеп от многочисленных ран и приступа ужасной головной боли. Он провел ночь, опустив ноги в горячую воду с горчицей и приложив перцовые пластыри к запястьям и затылку. Он надеялся вылечиться к утру. Но боль не проходила, и он понял, что она психического порядка. Первый вопрос, который он задал сам себе, был следующий: “Какие эмоциональные потрясения вызвали мое отвратительное состояние здоровья?” Пока я не спасу свой народ, боль не пройдет, сделал он вывод. И тогда он переоделся крестьянином и незаметно вышел из крепости. Ещё не начавшееся утро и темнота между кострами способствовали тому, что Лист выявил “коридоры” в охране и незаметно вывел остатки своего народа через кольцо окружения. Он моментально выздоровел, а раны затянулись, как только его эмоции приняли положительную окраску, когда он почувствовал уверенность в себе и радость от достигнутого успеха и победы.

– Превращение в крестьянина – факт не обмена телами, – заметил Дмитрий.

– Театральной реминисценции – хотите сказать?

– Можно всегда влиться в чужой образ, как это прекрасно делают актёры при помощи грима и своего таланта.

– Вжиться в роль, как они говорят?

– Да, при этом так правдоподобно внушить зрителям, что те начинают верить.

– Но это был тот самый первый прообраз в самый трудный период приобретения свободы и становления демократии, давший толчок обмену телами, – упорствовал император Люстиг Мост.

– И этого достаточно?

– Этот факт стал отправной точкой, чтобы мы, последующие поколения, задумались.

– Я бы хотел поподробнее узнать о правовой стороне обмена телами.

– А это лучше спросите у премьер-министра, он занимается законотворчеством и у него вся процессуальная база.

Император дал знак, что аудиенция закончена, и попрощался с Дмитрием. Откланявшись, Дмитрий удалился в коридор, а монарх и отправился в аудиенц-зал, где его уже ожидали послы и уполномоченные представители. Массивная дубовая дверь захлопнулась без единого скрипа.

Дмитрий вышел из дворца, сопровождаемый расцвеченной праздничной иллюминацией.

Похоже в эту минуту горожане объявили мораторий всем выступлениям и устроили минуту молчания. На их лицах Дмитрий читал выражение искренней к нему любви и уважения.

Глава 17. Удивительно, на Мингале тоже есть свое средневековье

Зачем он только принял предложение быть в гостях у премьер-министрской четы? Дмитрий был в нерешительности.

В комплекс дворцов Кор-Кар и Кар-Кор можно было попасть легко, достаточно только пересечь любую из пяти площадей. Бледно-желтое небо темнело, вечерние сумерки сгущались над Дворцовой площадью.

– Свежие креветки! Не желаете свежих креветок? – услышал он.

Уличный торговец подбежал с двумя корзинками.

– Сегодня у меня на выбор устрицы и креветки.

– Устрицы, говорят, отходят? – спросил Дмитрий.

– Ещё есть.

Дмитрий вспомнил, куда направляется, и сказал:

– Нет, не надо.

– Вам розовых или зеленых креветок? – не отставал торговец.

Дмитрий, не оборачиваясь, прошел главные ворота. Встретивший Дмитрия премьер-министр Джоба был один. На правах хозяина и гида он двадцать минут водил Дмитрия по дворцу.

– Вам надо провести совместный семинар с нашей заслуженной профессурой, – предложил он. – Клиника сдерживает ваши возможности. Поэтому мы решили, что лучше будет, если наш Медицинский Центр окажется в вашем распоряжении.

Дмитрий обрадовался.

– Я давно мечтаю основательно заняться медицинскими проблемами на научном уровне.

– Мингала и Земля, на этом стыке столько возможностей! – улыбнулся премьер-министр.

– У меня условие: часть персонала хирургического отделения переходит со мной.

– Центр достаточно укомплектован, и там кадры высшей категории. Даже с количеством медсестёр и санитарок всё утрясено. А кто эти сподвижники?

– Хирургическая сестра Пуальфина Руга...

Премьер-министр поморщился:

– Низко квалифицированный персонал... Я не против, но не хочу, чтобы этот переход сравнился с вселенским потопом.

Откуда только пришла смелость перед высшим сановником, но Дмитрий резко сказал:

– Только это условие: Пуальфина следует со мной – мы понимаем друг друга с полуслова. Даже без слов.

– Ваше законное право подбирать персонал, – мягко ответил премьер-министр, – у вас была прекрасная возможность наблюдать за ней в деле, если только вы не переоценили её профессиональные возможности.

Комната, в которую они попали, Дмитрий сразу же определил гостевой.

В этот момент другая дверь открылась, и в комнату впорхнула жена премьер-министра, как не следовало ожидать, в невысокой юбке и прозрачной шелковой блузке, свободными складками лежавшей на её высокой груди. Она сделала реверанс, несмотря на свой высокий статус и улыбнулась бесхитростной улыбкой.

– Я так рада, что вы пришли.

– Шарлет, дай гостю освоиться, – сказал премьер-министр.

А Шарлет уже тянула Дмитрия за руку.

– Пойдемте наверх. – И не дав Дмитрию опомниться, она повела его по лестнице. – Жуткая лестница, скрипучая, хранит причуды прошлого. Но что поделаешь – такова цена, которую приходится платить, чтобы накачать мышцы.

– Что за причуды?

– Мы до сих пор не можем опровергнуть, что во дворце нет привидений.

– Я думаю, в таком случае качаться полезно, – сказал Дмитрий.

– Муж тоже так объясняет, и я чувствую, что у меня уже развились на ногах огромные мускулы.

– Премьер-министр знает, что говорит, – подтвердил Дмитрий, поглядывая на мелькавшие перед его глазами на ступеньки выше вовсе не мускулистые, а тонкие, щедро выставленные для обозрения ноги.

Тренажерный зал оставил благоприятное впечатление, и они спустились вниз. В гостиной на причудливом столе уже стояла тарелка с ломтиками сыра и миска с соусом.

Премьер-министр сел на диван рядом с женой, и они, сами того не замечая, обменялись довольными взглядами.

“Какая любящая парочка”, – подумал Дмитрий.

– По-моему, моя жена Шарлет поставила вас в затруднительное положение, – улыбнулся премьер-министр.

– Она больше располагает, чем отталкивает, – дипломатично ответил он.

– Напрасно вы, Дмитрий, так думаете, не зная её!

– Неужели вы с Земли? – вмешалась в разговор Шарлет.

– Да, далекое путешествие.

– Полагаем, ваше появление у нас не случайно? – Она сидела на диване, не сводя с Дмитрия настороженного, то ли восхищенного взгляда.

– Конечно. Медицина на Земле переживает свой бум. – Дмитрий говорил спокойно, его голос звучал восторженно. Он хотел производить впечатление учителя, объясняющего ученикам закон Ньютона.

– Это правда, оживление? От обмена телами?

– До некоторой степени да. Не стану вас обманывать.

– Дмитрий, у вас отличная голова и умелые руки. Настоящая находка для наших докторов. Иначе, зачем бы мне предлагать вам совместный семинар.

– Спасибо за доверие. Я готов показать все лучшее, чем владеют врачи на Земле.

– Наоборот, может быть, это вы делаете нам одолжение.

У премьер-министра Джобы был взгляд человека, чей мозг и тело привыкли к постоянной на пределе работе и показывали полное служение народу.

– Дмитрий, вы очень добры. Я страшно тронута. Правда, – сказала Шарлет.

На низком столике лежали толстые книги с названиями, составившими единое общее: “Государство”, “Народ” и “Право”. Но автор был один – премьер-министр Джоба. Он говорил:

– Если бы интеллектуалов всё время сдерживали ограничительными рамками, запрещали бы им думать и экспериментировать только потому, что их мысли не доступны пониманию большинства граждан, великих достижений в искусстве, технике, политике не было бы вообще. Мы до сих пор жили бы в средневековье.

“Удивительно, на Мингале тоже есть свое средневековье”, – подумал Дмитрий.

– Мы с каждым днем прогрессируем. Можете нам поверить, – подтвердила Шарлет и включила музыкальную систему.

Муж предостерегающе сжал ей руку повыше локтя.

– А насчет семинара, Дмитрий, – будем держать связь.

– Это лишь начало поистине прекрасной дружбы. – Шарлет медленно откинулась на спинку дивана и захихикала. Извиваясь, как змея, она положила правую руку на голову мужа и игриво спустила ему редкую челку на лоб. Премьер-министр рассмеялся. Вино разогрело даже таких серьезных государственных людей.

Ели и пили. Дмитрий рассказывал о своём путешествии, супруги о том, какие театры посещают, что читают кроме законодательных актов, о предстоящем спортивном шоу ракетолётных аппаратов.

К одиннадцати вечера, когда было уже выпито немало вина под горячее мясо по старинному рецепту, Дмитрий понял, что пора откланяться. Он не знал, как это делается по этикету или ритуалу, и счел за благо довериться случаю. Все оказалось проще, пробили часы, премьер-министр встал, и Шарлет вслед за ним.

– Я думаю, Дмитрий, что ужин был весьма полезен и продуктивен, – сказал он.

Дмитрий в последний раз с интересом взглянул на Шарлет. Голос у неё модулированный, чем-то похож... Ах, да, невероятно, как у Проципены! Внешне она была полной противоположностью мужа: склонная к полноте блондинка, намного ниже мужа-каланчи – её макушка едва доходила ему до плеч. Но она обладала важными для жены премьер-министра достоинствами – умела подвигнуть мужа заниматься государственными делами, отдаваясь без остатка. А когда появляются такие гости, как Дмитрий, такое достоинство женщины всех подключать к работе становится неопределимым.

Глава 18. Эгоизм развивает понятие “я” до ущербности

Сон у Шарлет был непродолжительным, но вместили в себя всю яркость впечатлений. Она стояла в шелковом белом воздушном платье с высоким воротом и короткими рукавами “фонариками”. На голове у неё кольцами была сооружена высокая хитроумная прическа в восемь этажей. Из драгоценностей были только нить жемчуга на шее и жемчужные сережки, соответствующие низкому статусу партнера. В руках держала букет белоснежных рилет. Напротив в элегантном чёрном фраке, что соответствовало высокому статусу партнерши, стоял Дмитрий. Ритуал был близок к завершению, и многочисленные гости готовились поздравить их с обменом телами.

Свидетельница Госден, уставшая звать Шарлет к здравому смыслу (зачем тебе обмен телами?), заговорила о предрассудках:

– Знаешь, говорят, что встречаться с партнером в день обмена телами до того, как окажешься у регистрационного стола, дурная примета.

– Мы настолько желаем друг друга, – отвечают Шарлет и Дмитрий в один голос, – что нам некогда об этом задумываться.

– Как? Вы не осознаете всей тяжести поступка! – Госден в отчаянии развела руками. Она была возмущена до глубины души.

Шарлет оцепенела от ужаса, у неё остановилось дыхание и перестало биться сердце.

– Значит... значит, между нами все кончено? – прошептала она Дмитрию, и из огромных перламутровых глаз закапали слезы. – Из-за какой-то условности может расстроиться наш обмен телами?

– Госден права, – ответил Дмитрий. – Лучше перенести этот день на другой. На всякий случай.

Шарлет проснулась вся в слезах, машинально оделась и уже через полчаса была в Медицинском Центре.

Дмитрий настраивался на операцию. Он услышал, как за его спиной открылась дверь. Он обернулся. Пуальфина направлялась к нему.

– Кажется, я просил меня не беспокоить, я ещё не готов, – выпалил он.

– К вам пришла женщина в маске Чоки Чад, – невозмутимо произнесла Пуальфина, не замечая его раздражения. – Очень настаивает на встрече.

Дмитрий растерянно уставился на неё.

– Чоки Чад? Кто это?

Пуальфина посмотрела на визитную карточку, которую она держала в руке.

– Чоки Чад. Она сказала, что вы её знаете.

– Какая она из себя?

– Блондинка, глаза скрыты за чёрной маской, лицо немного припухшее. Кажется, от слез.

Дмитрий взял визитку и посмотрел на неё. Непонятно. Хотя описание внешности было характерно для Шарлет. Если судить по маске – это Проципена. А маски? Они все чёрные, красные, зеленые... И у многих...

– Я ни с кем не договаривался о встрече, – раздраженно сказал он. – Специально освободил первую половину дня, чтобы поработать над сложной операцией.

Как-то странно поглядев на него, Пуальфина забрала карточку.

– Что мне сказать ей? – спросила она.

Дмитрий пожал плечами.

– Скажите что хотите. Что я ушел в город или провожу семинар, наконец. Я хочу закончить работу.

– Вы что, не видели её прежде? – выдохнула Пуальфина с усмешкой.

– Нет, – выпалил Дмитрий. – И надеюсь не видеть в будущем.

Теперь Пуальфина рассмеялась, не таясь.

– Спорю, что вы измените свое решение. Если этого не случится, я поверю тому, что вы решили окончательно отказаться от общения с больными.

– Она не больная.

– Тогда вообще, с женщинами.

Дмитрий покачал головой.

– Хорошее начало дня.

– Вы что-то имеете против женщин? – спросила Пуальфина.

– Дамы все одинаковы, жаждают встречи со мной. Они осадили меня со всех сторон и своими стенобитными орудиями пробивают во мне брешь.

– Так что?

– Объясните ей, я работаю, я занят...

– Она очень возбуждена.

– Чем я обязан последним? – спросил Дмитрий.

– Не поняла, она говорила сбивчиво.

– Так, чем я обязан её посещением?

– Просто хотела, видимо, посмотреть на работу нашего заведения.

Дмитрий опешил.

– Как, она изволит оторвать меня от дел? Никаких посетителей, Пуальфина, – раздраженно буркнул он. – Больница не место для любопытных. Прошу ее покинуть Медицинский Центр!

Шарлет получила от ворот поворот, но уже пришла в норму, и спокойно вернулась во дворец.

– Джаина, вызовите Дмитрия Сорокопята ко мне, – приказала она.

Операция началась минута в минуту. Для Пуальфины наступили сложные минуты.

– Лоботомия? – спросила она Дмитрия и напряглась.

– Старинный метод, но другого не дано.

– Что вы предлагаете, доктор?

– В подобных случаях приживление небольшого участка мозга дает поразительные результаты.

– Без вмешательства на мозг не обойтись?

– Его жизнедеятельность никак не нарушится, больше того у больного будет больше функциональных ремиссий.

Пуальфина стояла, не в силах побороть оцепенение. “Зачем лоботомия, когда есть другие способы, тот же обмен телами...”

– У нас на Мингале осторожны в оценках лоботомии, – сказала она и услышала:

– Проникновение в мозг оперативным путём ещё раз доказывает, что все технологии хороши.

Дмитрий испытывал профессиональное удовольствие, и хотелось петь, но полагал, что это чувство, вызываемое каждой из удачных операций, будь то на Земле или на Мингале, следует рассматривать как вполне нормальное, может и не совсем приличествующее моменту в операционной, где больные находятся между жизнью и смертью.

Был конец первой половины дня. Пуальфина поднесла врачу экран. На нём показалось лицо Джаины.

Пресс-секретарь премьер-министра! Откуда она взялась?

Она напомнила о себе ровно через двадцать четыре дня от последней встречи. Её лицо на экране видефона было нестерпимо красиво, почти так же прекрасно, как и оригинал. Дмитрий старался не встречаться взглядом с её глазами, он уставился в какую-то точку в экранном пространстве и лишь порой, потупившись, смотрел на свои остававшиеся невидимыми для неё руки, которые, как он ни разнимал, переплелись пальцами, чтобы унять дрожь. Говорила она тихо, едва слышно, как маленькая, на-смерть перепуганная девочка. Это удивило его. Он понял бы её, если б она была на него обижена и кричала. Но откуда взялся испуг? Чего ей бояться?

– Через час, – в продолжение сказала Джаина. – И снова у меня.

– К сожалению, это не годится, не хочу потакать женским капризам, – ответил Дмитрий, отчаянно желая, чтобы она посмотрела прямо на него, и он смог бы ещё разок насладиться изумрудными глазными яблоками.

Как она узнала, где его найти? Впрочем, на последний вопрос ответить было нетрудно – тайны, тайны, тайны! Женские тайны! И для пресс-секретаря самого премьер-министра ничего невозможного не существует.

– Господин Дмитрий, это не мой каприз. Её Высочество госпожа Шарлет была бы чрезвычайно признательна, если бы вы смогли приехать во дворец, – мягкий голос Джаины официально сделал это сообщение. – Она ждет вас.

– Незамедлительно?

– Сегодня.

– Джаина, по какому поводу?

– У важных особ не повод, а расписание времени.

Поначалу Дмитрий принял этот телефонный звонок Джаины за её беспардонный розыгрыш. Но, может, он и вправду понадобился Шарлет.

Джаина разъединилась, но Дмитрий ещё несколько мгновений стоял неподвижно, вглядываясь в экран, где только что видел словно живую пышные медовые волосы, тронутую загаром кожу и изумрудное сияние в глазах.

Дмитрий всё понял. Задев обо что-то, и грохнув, он сунул экран в руки Пуальфины.

– Продолжаем операцию! – тут же спокойно сказал он.

Собрался Дмитрий в минуту, снял куртку и широкие штаны униформы, бросил в стирку, схватил свою одежду, не стал сразу застегивать рубашку, временно заправил её в брюки, повязал галстук, надел пиджак. Изображение в зеркале остановило его и заставило привести себя в порядок.

Во дворце его проводили в большой зал и сразу усадили на место без соседей.

Дмитрий бросил взгляд вокруг. Это был банкетный зал. В центре зала возвышалась огромная, высеченная из сахарного кристалла, китообразная рыбина; на голове которой короной помещалось хрустальное блюдо с несколькими килограммами крупнозернистой чёрной икры.

Он повернулся к подсевшей женщине слева. На званном ужине Дмитрий сидел возле...

Он не обознался.

Его старая знакомая! Дама в маске!

– Проципена! Вот уж не гадал с вами встретиться.

Дама в маске загадочно улыбалась.

Дмитрий пронизательно взглянул на неё.

– С утра мне мешала работать некая дама в маске по имени Чоки Чад. Уж гадаю, не вы ли это были? – спросил он.

– Нет-нет, что вы, – быстро отмежевалась Проципена.

Зазвучала мелодия танца.

– Прошу на танец, – первой предложила она, когда оркестр активно взял основную тему.

Маска танцевала молча, но глаза смотрели на него въедливо. Дмитрий был превосходным танцором, и она как будто прониклась благодарностью к нему за достав-

ленное ей удовольствие. Танцуя, он тихонько напевал мелодию, которую исполнял оркестр. У него был великолепный слух и приятный голос.

– Как красиво вы поете, – заметила маска.

– А вы прекрасно танцуете, – сказал он с обворожительной улыбкой. – Просто замечательно. Может, я смогу получить ещё один тур танца несколько позднее?

Она ответила согласием. Они сели за стол.

– Прощипана, мне сказали, что здесь присутствует жена премьер-министра.

– Да, она здесь.

– Я не вижу.

– Плохо смотрите.

– Покажите мне её.

Прощипана сорвала маску, и перед Дмитрием предстала...

С открытыми глазами на фоне коротко остриженных золотыми кудряшками жена премьер-министра была очень авангажной, если не эпатажной.

Увидев его удивление, она кокетливо сказала:

– Я жена премьер-министра. Зовут меня Шарлет.

– Очень рад. Вас трудно было узнать. Вы сегодня неподражаемы.

– Я – что? Вот мой муж преобразил страну.

– Я много повидал чиновников, ничем они друг от друга не отличаются.

– Мой муж талантливый человек, гений, несомненно, он заслуживает уважения и благодарности за необычную летопись деяний в своей жизни, как автор проектов одних из самых сокровенных документов, когда-либо появлявшихся на нашей планете. Он раскрывает глубочайшие недра в умах и сердцах мингалетского народа и возносит духовные богатства Мингалы.

– Вы так хорошо отзываетесь о нём.

– Я, благодаря ему, осуществила все свои тайные мечты.

Дмитрий весь превратился в слух.

– Но задаю себе вопросы: почему же тогда мне так беспокойно, неуютно, некомфортно? – продолжала она. – Чего мне не достаёт, чего не хватает?

– Вы чем-то озабочены?

– Я всё думаю, если мы такие презренные себялюбцы, что не можем дать людям хоть немного счастья, и хоть в какой-то мере честно признать их достоинства, не пытаюсь получить от них что-нибудь взамен; если наши души мелки, как кислые плоды дикой яблони, то мы обречены на неудачу, которую полностью заслуживаем.

– Вы замечательная, прогрессивная женщина с философским уклоном, – восторженно прошептал Дмитрий, невольно увернувшись от рук, неожиданно возникших сзади. Это официанты в светлой униформе стояли сзади за каждым двумя столующимися. Как только освободилось блюдо, они ловким движением убирали его. Рюмки же по мере опорожнения наполнялись доверху. На столе стояло не менее пятидесяти видов закуски и местных деликатесов, и справиться с ними было не в силах нормальному человеку.

– Я рада, что вы так считаете.

– Вы сами-то это знаете?

– У вас, хирургов, свой особый язык делать комплименты?

– Какой?

– Язык скальпеля.

– Вы преувеличиваете.

– Я не шучу.

– Я заметил, вы не привыкли разбрасываться по пустякам.

– Вы тоже.

– Профессия хирурга обязывает.

– Доктор! Я в жизни не слышала столь восторженных отзывов о вашей работе, а для Госден, она рассказывала, вы просто медицинский гений.

– Спасибо. Когда много работаешь, вдохновение приходит само собой.

– Простите, я не хотела бы вам показаться навязчивой.

– Нет, что вы! Это я не хочу быть чересчур высокомерным.

– Нет-нет, вы же своими операциями дарите надежду многим людям. – Она вздохнула. – Когда я вижу вас, мне чудится, что я беру скальпель и сама бесплатно с утра до вечера режу опухоли.

– Да, то же самое не уходит от меня, – улыбнулся он, – где бы я ни находился. Даже во сне.

– А когда вы оперируете больных, я уношусь в мир эскулапов и вижу массу здоровых людей. – Она не могла не заметить, с каким нескрываемым удовольствием слушал её Дмитрий.

– Право, вы преувеличиваете мои способности.

– Нисколько. Все, что я сказала, – чистая правда.

На столе стояли белужья икра, креветки, омары и крабы на любой вкус; в ведерках со льдом – шампанское. На кухне, Шарлет знала, ожидает своего часа десяти-слойный торт. На эстраде танцевального зала разместились оркестр. Музыка была спокойная, ненавязчивая. В одном углу представительной гостиной находился бар из матового до дымчатого стекла с хрустальными графинами и бокалами. На дальней сцене закручивалась в штопор танцовщица. Что-то в её фигуре было знакомое от Нецинии. “Все хорошенькие девушки похожи друг на друга”, – подумал Дмитрий.

Шарлет пододвинулась ближе и сказала:

– То, что предстает в моих мыслях основной нитью, так это тело – великолепный дворец из плоти, лучше Кор-Кара или Кар-Кора, уютный и со всеми удобствами, в котором счастливо можно жить.

– И свои мечты вы делаете явью? Чудесно, Шарлет.

В глазах Дмитрия обозначился явный интерес.

– Когда вы в последний раз видели счастливого человека? – спросила она.

– Ну, например...

– Ага, теряетесь? Трудно определить? Это человек любящий всех, как самого себя, и ему это удаётся.

– Что, значит, по-вашему, Шарлет, этот знак равенства?

– Любить себя – значит уважать в себе человека. Человека с большой буквы.

– А я думал, это самопроизвольное любование. Ещё чванливость, самодовольство, проявление эгоизма.

– Дмитрий, не надо так драматизировать.

– Люди – эгоисты, всегда интересуются, прежде всего, собой: и утром, и днем, и вечером и ночью. Какое слово самое употребительное у них? Это личное местоимение “я”.

Шарлет сделала кислое лицо.

– Дмитрий, я с вами не согласна.

– Почему?

– Не надо стремиться к уничтожению понятия “я”. Эгоизм полезен тем, что только выпячивает его.

– Эгоизм развивает понятие “я” до ущербности. – Дмитрий был непреклонен.

– Так гора порождает мышь! – воскликнула Шарлет.

– Вы, Шарлет, преисполнены большим предрассудком.

– А вы прячетесь за пережитками прошлого.

– Неужели “я” – для вас самое ценное слово! – воскликнулся Дмитрий.

– Весь путь человека и человечества – попытка найти себя. Кому-то это дано от рождения, кому-то приходится потрудиться, чтобы выделиться из серой массы. Из “я” состоит человечество.

Дмитрию нравился разговор, а ещё больше, что эта умная и умеренная женщина говорила прямо дополняющее, что высказывал император Люстиг Мост об эгоизме. Настоящее политическое кредо политического деятеля.

– “Я” всех раздражает. И скромное и не скромное, – сказал он.

Шарлет вскинулась:

– Только не собственное!

– Эта ваша фраза сама по себе эгоистична.

– Когда меня спрашивают, какого человека я люблю, я отвечаю, что люблю себя. Так ответит, если не лукавить, каждый честный человек. Любовь к другим начинается с уважения к самому себе, к собственной личности, индивидуальности.

– В чем-то я с вами согласен. Если ты нужен самому себе, ты нужен и другим. А если ты неинтересен себе и сам в себя не веришь, то кто поверит в тебя?

– Вы, наконец-то, правильно поняли мою мысль. Честно говоря, и тебе становится нужен и важен кто-то другой только после того, как ты решишь свои личные проблемы, хорошо это или плохо, но это так, и было бы лицемерием не отдавать себе в этом отчета.

– Чем прекрасно новое общество в отличие от того, когда не существовал обмен телами? – спросил Дмитрий.

– Не знаю. – Ответ был неожиданен и странен.

– Вы позируете! – воскликнул Дмитрий.

– Не имею права, я жена премьер-министра.

– Тогда позиционируете себя!

– Вот уж нет.

– Не пойму вашу точку зрения.

– Вместо “я” выходит на первое место “мы” – объяснила Шарлет. – А это следующий виток в общественном сознании и другой новый позитивный уровень отношений.

Дмитрию осталось только цокнуть языком от приятной фразы, которую редко можно услышать от женщины, и взглядом уверенно поддержал, но следующими словами выразил сомнение:

– В принципе вы правы, только есть одно “но”. Когда человек начинает мерить жизнь только групповой категорией “мы”, он теряет самобытность, а общество приобретает проблемы. Исчезает личная ответственность и заинтересованность. В свое время на Земле по этой причине приказали долго жить колхозы. Пока каждый из нас не осознает того, что сам отвечает за свое дело, ничего хорошего не получится. Свой принцип – это не недос-

таток, а достоинство. Главное – научиться отстаивать собственные убеждения и нести за них ответственность.

Неожиданно Шарлет добавила:

– И чтобы свой взгляд не перерос в эгоистическое “я”.

Дмитрий рассмеялся:

– Услышь женщину и сделай всё наоборот! Поэтому надо больше любить себя. И мы пришли к началу нашего разговора.

– Тогда хватит об эгоизме. – Поднятая и замелькавшая ладонь Шарлет была красноречивым жестом.

– У меня к этому слову всегда было маленькое познание, – примирительно сказал Дмитрий.

– А вообще, – заметила Шарлет, – это не совсем эгоизм.

– А что?

– Догадайтесь.

– Не заставляйте меня нервничать.

– Ну немного напрягитесь. Эго...

– Эго, эго, эго...

– Ну, ещё немного...

– Эгоцентризм!

– Правильно! Это то, что выше эгоизма.

Дмитрий так много всяких перепробовал блюд, что у него округлился живот. Решив, что остальное доест попозже, он огляделся по сторонам. За столами сидели люди, с жаром обсуждавшие близкую всем тему – обмен телами.

– Слышали о случае в Карпосте на прошлой неделе?

– Да, да. Хороший пример заразителен.

– В Покемоте обмен телами – это такой риск, на который не пошло бы даже страховое общество.

Возражение на это было молниеносным:

– Не я выбираю тело, тело выбирает меня.

Другой голос добавил:

– Лучшее всего идет обмен в Дуватле. Завтра я еду туда.

Итак, сомнений не оставалось. Это действительно было правдой. Обмен телами осуществлялся повсюду! Дмитрий был так наэлектризован, что едва смог допить кружку пива.

– Все, что происходит вокруг с обменом телами, сугубо конфиденциально? – возбужденно спросил он Шарлет.

– Совсем необязательно.

– По статистике, хотя бы, сколько обменов тел происходит в день, месяц, год? – спросил Дмитрий.

– Обыкновенный человек имеет очень слабое понятие о том, что представляет собой в действительности обмен телами, как и любовь. Опыт приходит позднее.

– Это недоработка правительства с информацией?

– Нет, конечно. Просто, кому это хочется знать, если полезность и так видна невооруженным глазом? Все довольны. Что ещё надо счастливым людям? Главное, что обмен телами существует, и чтобы он состоялся.

– Мы ещё не говорили о счастливом человеке! – воскликнул Дмитрий.

– Да, да, это интересно, – согласилась Шарлет.

Дмитрий решил немного подыграть ей.

– А ведь при ближайшем рассмотрении счастливый человек – это человек, познавший вкус обмена телами, – сказал он.

Чувствовалось, что Шарлет снова напала на прогессивную тему, когда сказала:

– С точки зрения меня, какая разница в каком теле вы находитесь. Это, как и рождение, подарок судьбы. Это ваше личное дело. Так же как вас совершенно не должно интересовать, в каком или чьем теле я нахожусь. Ещё раз напоминаю – это индивидуальный сознательный выбор каждого гражданина, ощущающего свое достоинство и любовь к себе, а за этим и стоит настоящее счастье.

– Но что-то же делает человека несчастливим?

– Сушая простота: сплетни, зависть, страх, ревность – составляющие зла, окружающие нас.

Дмитрий добавил:

– Приводящие к деформации личности и, следовательно, общества в целом.

– Согласитесь, каково, когда каждый, загоразиваясь и ожесточаясь, живет сам по себе?

– Конечно, это плохо, – согласился Дмитрий.

– Возлюби ближнего своего, как самого себя, – сказала премьер-министрша.

– Как и судья, я – нейтральный человек, – частично отмежевался от этой мысли Дмитрий.

– И, напротив, положительная сторона, от каждого совершенного в рамках согласия обмена телами выравниваются биополя, увеличиваются добрые дела.

Настоящий мужской разговор. Дмитрию было приятно слышать такое от женщины.

– Если в мире где-то убудет, в другом месте прибудет. Закон сохранения материи, – продолжала она. – Все время мысленно смотрите на себя в зеркало. Каким вы видите себя в нем? С добрым взглядом или с перекошенным от злобы лицом? Какое больше нравится? Это лицо смотрит на вас так же, как и на других.

– Что делать в этом случае со злым? – спросил Дмитрий.

– Злой взгляд? Смените его на добрый.

– А если у другого человека по отношению к вам злой непреходящий взгляд?

– Постройте мысленно вокруг себя зеркальную стену. Отрицательная энергия отразится назад, к хозяину. Ему же будет хуже.

– Но не каждый сможет это сделать. Уберечься трудно.

– Тогда мысленно направьте его отрицательную энергию, предположим, в воду, текущую из крана в канализацию. Она уйдет вместе с ней на биологическую переработку.

Как ровны и легки движения Шарлет, особенно рук, держащих вилку и нож. В ней больше величия, чем в египетских пирамидах, вместе взятых, и спокойствия, чем во всех статуях Будды.

– А если и это он не сможет?

– Что, значит, не сможет? Есть тысяча других способов, подобных этим.

– Ну а что, если не помогут?

– Господи! Доктор, не знаете, что делать? Задрайте мысленно все иллюминаторы, закройте наглухо все отсеки корабля, лайнера, ракетолета, отделите носовую и кормовую части железными переборками.

– Но...зачем?

– От плохой энергии...

– А если и это не поможет?

– Чтобы эту деформацию выправить, широко и повсеместно пользуйтесь обменом телами! – воскликнула Шарлет. – Других способов не существует!

Неторопливая часть ужина закончилась. Дмитрий незаметно преисполнился к ней чувством нежности.

– Это не есть эгоизм. Это есть счастье, – сказал он.

– Не утрируйте, доктор, но вы невольно подвели итог нашему разговору, вы умница.

– О, вы преувеличиваете. У меня просто нет времени думать о себе, как об идеале. Только нежелание и лень.

Шарлет пытливо посмотрела на Дмитрия.

– Что-нибудь не так?

– Все так. Отличный вечер.

Шарлет улыбнулась.

– Вы не видели самого главного. Вот-вот начнется пироиллюминация.

– Фейерверк?

– Ну да. Огонь – стихия. Надо правительству произвести впечатление на народ.

– У нас, на Земле, грохот петарды приносит счастье, – в ответ улыбнулся Дмитрий.

Глава 19. Иллюзорное существование нас не устраивает

Дмитрия все больше притягивала Нециния. Не из-за неё ли он поспешил сегодня в ресторан “Нескафт”?

За редким исключением Дмитрий посещал ресторан каждый день. Он ничего не решался спрашивать из крепких напитков, кроме вина, да и то оставлял на столе его нетронутым. Он приглядывался к окружающей жизни.

Дмитрий вошел во вкус. Ему было мало, как прежде, одного кустика клубники, теперь он заказывал пять.

Однажды он услышал, как про него сказали:

– Вот клубничный супермен.

Это означало только приятное, что на Мингале его заметили, выделили среди других, по их понятиям, за его выносливость и ненасытность. Дмитрий был вполне удовлетворен этим, и приобрел уверенность, что теперь он точно принят в их общество.

Сегодня он просто жаждал встречи с Нецинией. В последний раз на ней было шелковое платье цвета пузыряющегося жидкого металла галлия и расшитое изумительными цветами из крошечных блесток. Волосы, забранные двумя черепаховыми гребнями, оставляли лицо открытым, а свободные длинные пряди легко ниспадали на плечи. В свои двадцать пять лет она выглядела от силы на восемнадцать.

Дмитрий глянул туда, где виднелся “Нескафт” со своим длинным фасадом, зелеными окнами и большим пятном рекламы: молодая красивая пара с вождением смотрит друг на друга, и надпись “Мы уже решились на обмен телами. А вы?”

Килин Клер был завсегдаем “Нескафта”. Дмитрию, проходя по залу, не надо было его долго искать глазами – он был всегда на месте, и на взводе. Сегодня он не в меру водил мутными глазами. Он знал имя женщины, присевшей за его столик, но погруженный в себя, сейчас ни за что бы не вспомнил его, даже если бы от этого зависела его жизнь. Наклонившись вперед, Килин гладил руку полноватой сотрудницы мобильной телефонной

связи, на это у него хватало интеллекта. Та от нового ощущения закатила глаза на затылок.

Официантка, его невеста, брезгливо крутилась рядом.

Сюзель обрадовалась, когда Дмитрий расположился за одним из столиков.

– Помогите! Сделайте что-нибудь, – обратилась она к нему. – Килина опять представился случай унижить меня.

– Мне кажется, ваш личный опыт достаточен, и мои советы будут излишни, – Дмитрий даже удивился, что люди так долго разбираются в себе.

– Я всё перепробовала с ним, даже выплёскивала ему в лицо бокал вина.

– Ну и...

– По большому счёту я бы этого делать не советовала.

– Почему?

– Затрачивается много эмоций, а результат – ноль.

– А если попробовать довести количество, так называемых, дублей, скажем, до десяти?

– Да, хоть до ста. Я молилась “Дай мне передохнуть, я больше так не могу, я хочу уйти от твоей предсказуемости”. Но Килин ведь упёртый и неисправимый.

Дмитрий, утешив её глазами, принял выжидательную позицию. Между тем Килин Клер, наклонившись вперед, продолжал гладить руку женщины, разрисованной яркой, как у клоуна, помадой и нацепившей на себя все свои украшения. Размазанная тушь не оскорбляла его, и он мало догадывался о её малопочтенном образе жизни. Вероятно, они стоили друг друга. Женщина не была ни красивой, ни хорошенькой, ни даже хоть чуточку привлекательной, и улыбка нисколько не красила её. Наверное, в прежние времена мужчины не обращали на неё внимания. Дмитрий догадался об этом по неуместно радостной и одновременно жалкой улыбке женщины. Но сейчас ситуация круто изменилась, и эта женщина шестым чувством поймала её. Как говорится: нет некрасивых женщин, есть недостаточное количество выпитого спиртного и ещё... закомплексованные мужчины. Но если не брать подобное во внимание... И она старалась обратить эти нюансы в свою пользу, понимая, что шансов у неё немного, но они с каждой рюмкой все возрастают. Уверенности у неё резко прибавилось, она уже в голове решала вариант, что любая женщина, даже немолодая и некрасивая, может рассчитывать на внимание и быть желанной, просто потому, что мужчина в данный момент потерял над собой контроль, что он иначе не может, как только лопухнуться, потому что перебрал. И уже не важно, каким было женское тело – стройным или неуклюже толстым, гладким и упругим, или увядающим. В таких условиях оно было даже равносильно подарку судьбы.

Килин Клер мычал, что-то ещё соображая:

– Когда все хотят чего-то...

– Серебра?... – пригнувшись к нему, телефонистка старалась угадать его мысли.

– Да, нет...

– Дефицита?..

– Ты – дура.

– Золота?..

– Уже ближе...

– Денег?..

– Какие вы все алчные и непонятливые...

– Тела?

– Кто произнес “тела”?

– Я! – Толстая, с роскошным бюстом, легким дыханием и женским счастьем в глазах тетка с соседнего стола полезла к нему целоваться.

– Тот великий человек! – восторженно воскликнул Килин Клер.

– Это я сказала, – отпихнув тетку, наклонилась к нему Сюзель.

– Значит, так оно и есть, – он ошеломленно смотрел на неё, и хмель тут же выскочил из его головы.

– Совсем потерял стыд! – накинулась она на него.

– А ты знаешь, моя любимая, пышным цветом расцвели зависть, соперничество, ревность и ненависть. Это провоцирует людей на никчемные поступки.

– Тьфу, чтоб тебя! – Сюзель и ту женщину словно ветром сдуло, и Дмитрий остался наедине с Килин Клером.

– Мужчины часто попадают здесь в скверные истории, – сказал тот, как бы извиняясь.

– А женщины?

Килин подмигнул Дмитрию.

– В этом городе, воплощающем наслаждение, желание и порок, женщинам нельзя верить.

– Почему?

– Им что комплимент сказать, что гадость, что руку погладить, сразу начинают вынашивать далеко идущие планы, как заграбастать мужчину на час, на два, если не на всю жизнь.

“Вот, хитер бобер! Во, лицедей!” – подумал Дмитрий.

– Женщина, – продолжал Клер, – алкает, стагнирует, брендит, жаждает, устает, спит, плачет, радуется, гневается, страдает и умирает. Последние два слова для неё краху подобны. С ними ей нипочем нельзя примириться. Чтобы по смерти тело не превратилось в труп. При мысли об этом у неё начинается агония...

– При слове “труп” у любого может начаться агония, – заметил Дмитрий.

– У них сильнее... И они идут на все тяжкие...

– По мне женщины не переходят разумную дистанцию.

– Дмитрий, я не возражаю, но и не хотят оставаться при своих, я не говорю, будь осторожен, но осмотрительным с женщинами при обмене телами не мешает быть каждому. Не бери с меня пример, внимательно сортируй, выбирай партнёров, как жену. При любом промедлении обращайся в страховую компанию “Эйрстрах”.

Открылся занавес.

При первых звуках музыки на сцену вышли четыре девушки и начали танцевать. Постепенно погасли все огни, и сцена погрузилась во тьму, если не считать крохотных голубых потоков света от прожекторов, направленных на танцовщиц. Девушки танцевали на освещённом стеклянном полу. Музыка быстро набирала темп. Время от времени какая-нибудь из девушек ускользала от лучей прожектора, а когда он вновь достигал её, оказывалось, что она успела перейти к ещё более возбуждающим движениям.

Танец длился более пять минут. Когда он закончился, девушки распростерлись по полу и замерли во вновь наступившей темноте. Когда через мгновение зажегся свет, их на сцене не было.

Несколько секунд стояла мертвая тишина. Свет потух и снова зажегся. Дмитрий не верил своим глазам: на полу были снова распростерты танцовщицы.

Нецинии среди них не было, и вот раздались первые дружные выкрики:

– Не-ци-ния! Не-ци-ния! Не-ци-ния!

Все ждали чего-то необыкновенного, и оно наступило. В огромном зале забили барабаны, и уже на сцене извивалась Нециния. Её разноцветные шарфики так и порхали вокруг тела, а в лифе из мягкого серебристого металла отражались огни. Все пожирала её глазами. Музыка достигла кульминации и танцовщица бросилась на колени в восхитительном финале. Все начали откупоривать бутылки с шампанским, пуская пробки над её головой. Смятые на сцену летели банковские билеты. Девушка, изящно изгибаясь, подбирала банкноты и прятала их за пояс чуть ниже пупка. Вспорхнув бабочкой в последний раз, Нециния, наконец, застыла в непроницаемой позе. Она ещё раз поклонилась и, соблазнительно улыбаясь, удалилась.

Раздались восторженные аплодисменты мужчин и редкие завистливые хлопки женщин.

Скар, извинившись перед соседями по столу, поднялся и направился за сцену. Только сейчас Дмитрий обнаружил его присутствие и потянулся за ним. Скар заметил маленькую дверь. Поколебавшись, прошел в неё. Дмитрий тоже.

Нециния вытирала полотенцем лицо и шею, тренировочный костюм телесного цвета обтягивал тело девушки, точно вторая кожа.

Она устало посмотрела на Скара.

– Что ещё?

Подойдя к ней, он положил руки ей на плечи.

– Извини, – сказал он. – У меня нет вопросов, я в восторге.

Она понимающе посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Больше не будет никаких вопросов?

– Нет.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Она улыбнулась и обвила руками его шею.

– Хорошо, ты прощен условным сроком на следующие пять лет.

Дмитрий никогда не был в гримборной Нецинии. Он в нерешительности остановился в дверях. На минуту ему показалось, что он не туда попал. В открытую дверь первым делом он увидел большого плюшевого медвежонка под потолком – это был талисман. Представшая перед его глазами сцена со Скарсом не всколыхнула его ревностью, и он переключился на осмотр помещения и увидел корзины с белой сиренью и большую ветку мелких орхидей. В небольшой комнатке стояли два столика с зеркалами и яркими матовыми лампами без абажуров и кресло для отдыха. Стены были увешаны афишами последних премьер и записями поздравлений на них от поклонников. Нециния приоткрыла ящик, и он увидел грим в металлической коробке, набор колонковых кисточек, заячью лапку для припудривания грима.

– Входите, Дмитрий! – заметила она его.

Он поискал глазами, куда в тесной комнатке сесть, и Скар рукой предложил кресло. В это кресло и втиснулся Дмитрий.

– Предупреждаем, – сказал сосредоточенно Скар, – разговор у нас о большой политике.

С Нецинией все было не совсем по-другому. Дмитрий понимал, что и она не простушка. В ней ощущалась скрытность характера или, быть может, излишняя деликатность. Он заметил: она не произносит просто так без дела ни слова, не подумав, будет ли оно вовремя и к месту. Тем не менее, он не тянул её за язык, и разговор шел сам собой.

– Чего же вам недостает? – спросил Дмитрий, недоумевая.

– Большого, – сказала она.

– Вам придется поставить на карту все.

– Мы готовы на все.

– Но зачем вам все это?

– Это наша принципиальная борьба с эфемерностью, якобы, прекрасных законов.

– Да, иллюзорное существование нас не устраивает, – подтвердил Скар.

– До сих пор не хватило мужества? – спросил Дмитрий.

На лицо Нецинии набежала тень.

– Да, не хватило, – с сожалением ответила она.

Дмитрий обратил внимание на её необычную бледность, на напряженное выражение лица и многочисленные морщинки вокруг глаз.

– Мы намереваемся объединить все патриотические силы, – сказал Скар.

– То есть?

– Учредить Союз.

– И каковы условия вступления в новый союз?

– Патриотизм до мозга костей.

– Но это практически невыполнимо.

Глаза Нецинии затуманились.

– Сейчас у нас нет выбора.

– А ситуация обязывает, – подсказал Скар.

– Мингала встряхнулась от сна.

– Благодаря кому? – спросил Дмитрий.

Нециния философски пожала плечами. Её лицо осветилось улыбкой.

– Я должна вернуться туда, – она махнула в сторону сцены.

Скар и Дмитрий прошли в зал, и Нециния оттанцевала вторую часть, имевшую ещё больший успех.

Глава 20. Этот парень с Земли не так уж плох, если числится по секретному ведомству

В двадцать минут седьмого утра Пуальфина медленно шла от своего дома на запад по направлению к Медицинскому Центру и размышляла, не прогуляться ли ей подольше и войти точно в семь. Во время прогулки хорошо анализируется прошедший день, да и работать потом легче. Она уже решила повернуть направо, как вдруг услышала сзади шаги, а затем хрипловатый голос:

– Пуальфина! Не оборачивайся. Продолжай идти и слушай меня.

– Что случилось, Бенигна?

– Называй меня Туфалона.

– Слушаюсь.

– Нужна последняя информация.

- Я мало что узнала в последнее время.
– Давай хоть это.
– Он встречается с Джаиной, пресс-секретарем премьер-министра.
– И какую же роль она играет?
– Настоящий ангел-хранитель, иногда фурия. Ограждает его от соперниц.
– Она хорошенькая? – Бенигна обожгла взглядом колючих глаз, которые догадываются о многом.
– Страшной её не назовешь, но и красавицей тоже, – сказала Пуальфина.
– Ещё кто играет в жизни Дмитрия существенную роль?
– Нециния.
– Ах, эта жалкая стриптизерша!
– Нет. У неё серьезные танцы.
– Неужели она тоже замешана?
– Её отношение к поклонникам слишком странно.
– В чем это заключается?
– Она в самом расцвете молодости, но отклоняет все их притязания, и окончательно заполитизировалась.
– У Дмитрия одни женщины?
– Да, за редким исключением.
– Тогда какой у него интерес к ним, или их к нему?
– Сугубо практичный.
– И что же они хотят от него?
– Обмена телами.
– Действуют, как простые вымогательницы?
– Кто как умеет.
– И чем же они пытаются произвести на него впечатление?
Пуальфина задумалась.
– Больше шаблона, чем разнообразия, а уж об оригинальности и разговора нет.
– И кто тебе из них больше не нравится?
– Все не нравятся.
– Есть ли связь между встречами с женщинами и практикой в Медицинском центре? – вдруг спросила Бенигна.
– Прямой связи нет, ни малейшей. Просто он поглощен работой.
– Неужели до сих пор ни одной из дам не понадобился криминальный аборт?
– Да нет, я не заметила.
– Не слишком ли гладко развиваются его романы?
– О, вы умеете задавать вопросы. Подождите, я подумаю.
Бенигна Клабб вскинулась.
– Если всю жизнь имеешь дело с преступниками, поневоле начинаешь рассуждать как они. Мир с тех пор мало чем изменился.
– А позволительно ли говорить о императрице Госден?
– Даже обязательно.
– Тогда надо сказать и о жене премьер-министра Шарлет.
– Он что, с ними спит?
– Нет, но надо проверить.
– Тебе нравится твоя работа?
– Работа? – с удивлением переспросила Пуальфина, словно это слово было для неё в диковинку.
– Такие девушки, как ты, сами себе должны зарабатывать на жилье, на пропитание, которые сейчас дорогое удовольствие.
– Вы хотите сказать жизнь трудная и сложная? Мы служим закону. Работа – это вся моя жизнь! – слепо отрапортовала Пуальфина, вытянувшись и привстав на носочки. – Если Родина нуждается в моих услугах, я всегда...
– Работа медсестры, голубушка?
– Ненавижу больницу. Одна большая вонючка, грязная и противная. Медицинской Центр, конечно, не такой, но мне всё равно кажется, что несёт мочой, подгоревшей кашей и кислой капустой.
– Хочешь сигарету?
– Нет, спасибо.
– Правильно, не стоит подражать ужасным привычкам мужчин.
– Как, впрочем, и хорошим их привычкам, – добавила Пуальфина.
Ответ понравился Бенигне Клабб.
– Ты хочешь быть врачом?
– Нет, – со скромностью ответила Пуальфина. – Секретный агент – профессия важнее.
– Но ты же женщина.
– Быть агентом мне не мешает, что я женщина, а только сдерживает. Женщины азартнее мужчин.
– Хочешь сказать, что не обязательно быть женщиной.
– Только самой собою.
Еще Бенигна Клабб подумала, что этот парень с Земли не так уж плох, если числится по секретному ведомству.
– Дело не терпит отлагательств! – сказала она. – Дневник, и ещё раз дневник. Его содержимое. Ты должна получить его не сегодня-завтра.
– Он собирает бабочек. А если это натуралистические наблюдения о них? – спросила Пуальфина.
– В записях всегда есть нечто любопытное. Закодированное. Впрочем, наши специалисты всё расшифруют.
– Не возражаете, если я начну, не дожидаясь подробных инструкций? – осторожно спросила Пуальфина.
– На подробные инструкции не рассчитывай – все зависит от твоего интеллекта и действия по ситуации.
– Но я должна руководствоваться чем-то?
– Общение фигурантов с тобой должно быть случайное, упрощенное. Почаще предлагай себя, как в футболе, для паса.
– Вы к чему-то меня склоняете?
– Ты на какое место ставишь секс?
– Секс – как средство достижения цели? – внутренне сжалась Пуальфина.
– Он чем-то хорош и чем-то плох, у него свои преимущества и недостатки. – Бенигна пронизывала своими колючими глазами.
– Знаю, плохо, что женщина забывает о долге, о чести, о достоинстве, хорошо, что все средства хороши.
– Ты на правильном пути, девочка.
Бенигна умела вытягивать слова, и Пуальфина в каком-то угаре произнесла новое клише:
– Цель оправдывает средства, когда привлекается большой круг услуг?
– Несомненно. Чем шире, тем эффективнее.

– Тогда почему бы не купить эти услуги в другом месте? – словно отряхнувшись, вдруг решительно возмутилась Пуальфина.

– А служение закону?

– Вы что думаете, что у меня в голове один секс? – уже более уступчиво произнесла Пуальфина.

У Бенигны были свои мнения на этот счет.

– Не надо упорствовать, секс – это тяжелая артиллерия в ответственный момент, её нельзя применять по воробьям.

От волнения Пуальфина машинально печатала шаг. В горле пересохло, она тяжело дышала. Яркий солнечный свет бил прямо в глаза, но Пуальфина ничего не замечала.

– Вы много хотите...

Ее вывел из состояния зычный вопрос:

– В котором часу ты должна отправиться в Медицинский Центр?

– К семи.

– Считаю, что возражений нет, – сказала Бенигна Клабб.

– Я сделаю всё, как надо, – как пластилиновая, ответила Пуальфина.

– Общая картина ясна, а некоторые детали уточним в следующий раз, – напоследок сказала Бенигна.

Глава 21. Пусть депутаты сидят на треногих табуретках

– Поехали! – весело сказала Шарлет, с чувством переводя дыхание.

– По-ехали! – Дмитрий улыбнулся как можно шире.

– Куда мы едем?

– Куда прикажете.

– Шарлет, у меня к вам очень важное дело.

– Говорите, не стесняйтесь, заказывайте мероприятие, – с готовностью ответила она.

– Государственный Совет и ничего кроме Государственного Совета. Можно? – Дмитрий с надеждой смотрел в глаза Шарлет.

Находиться в сопровождении жены премьер-министра было для Дмитрия величайшим наслаждением. Теперь они точно ехали в Государственный Совет. Сегодня Шарлет обещала зрелище в виде присутствия на заседании.

– Вы понимаете, заседание сената – тяжёлое зрелище, – на всякий случай предупредила она. – Не для слабовольных.

– Я готов слушать.

– Невыносимо видеть, как со всех сторон обрушиваются удары противников, и каждый норовит ударить ниже пояса.

– Обмен ударами бывает безобидным, если быть защищённым, – ответил Дмитрий.

– И полезным, – добавила Шарлет.

Эргомобиль на всякий случай поднял свой верх. На площади Равенства стояло около семи тысяч человек. Они кричали, топали ногами, потрясали руками, вопили так, что на шеях выступали жилы.

– Даешь обмен телами с шестнадцати лет! – скандировали они.

– В шестнадцать лет человек способен на многое, если не на все!

– Мы смотрим на государственный совет, как на кучку отщепенцев, который на наших глазах превращается в скопище беспомощных тупоголовых болтунов, среди жалких идей которых хоть бы промелькнула когда-нибудь одна здравая мысль.

– Пусть депутаты сидят на треногих табуретках, а не в креслах с высокими спинками, в которых они крепко спят!

Один за другим сменялись ораторы.

– Тысячи законодателей спокойно разгуливают на свободе, они ведь ни дня не отсидели в тюрьме. Вот это была бы школа для них. И даже, напротив, в насмешку нам, им присвоили депутатскую неприкосновенность, раздали ордена и привилегии, провозгласили защитниками отечества. Некоторые из них плачутся, что влачат бедное существование, а большинство рассказывают байки о своем безупречном прошлом и бьют себя в грудь, что не виновны в развале страны. А другие просто молчат. Совесть не позволяет им отрицать свою вину, потому что на самом деле они запятнаны кровью слабых и невинных, и им не искупить свой грех. Документации о самых чудовищных преступлениях в архивах нет, её выкрали они сами, или наложили секретный гриф: “Вскрыть через семьдесят лет”. Они не считаются с тем, что желающих обмениваться телами все население, но многие за это время умерли, так и не претворив свою мечту. Они уже ничего не расскажут, а наверняка могли бы поведать о своем горе гораздо больше, чем мы. Если бы мертвые восстали и могли говорить, они бы нам представили подлинную сущность наших законодателей!

Раздались аплодисменты.

– Господи! Они не устают долдонить одно и то же с утра до вечера, – взмолилась Шарлет. – Я уже наизусть знаю все их лозунги.

А голоса с трибуны на площади были все требовательнее:

– Нам не доставляет удовольствие что-либо иное, мы не хотим наслаждаться чем-то ещё!

– Мы сторонники революционных преобразований. Мы против императора и премьер-министра. Мы против всего, что мешает прогрессу!

– Хватит тратить время на бляение в государственном совете – дело совершенно пустое. Нам не надо много законов, дайте нам один, но основополагающий.

– Надо работать, а не причислять себя к сонму богов!

– Они имеют выбор из лучшего, а делают всегда самое худшее!

Отдельной кучкой стояли иссохшие до костей или опухшие от голода люди, больные падучей и слабоумные, каждый десятый был слепой. Вонючие от язв ждали очереди для выступления. Они представляли жуткое впечатление: искусанные паразитами шеи, головы, тела их были в струпьях. Откуда только такие люди взялись, где их откопали? Преследующие чьи-то неразборчивые политические цели, они выглядели как витрина симулянтов.

Некий псих прокручивал в голове подготовленную речь и мямлил о каких-то “вызывающих действиях”, о “двуличии и лживости”, о “придворных шутах”.

Один громко причитал молитву:

– Сделай так, Господи, чтобы другой стал рабом, а не я, чтобы у меня самого были рабы.

Буря застала их неожиданно, ещё на площади. Небо расколосось на части над головой и заскрежещало пронизанный электричеством воздух. Это была одна из запоздалых весенних бурь, пришедшая на начало лета, разразившаяся с достойным грохотом и треском. Смотровое стекло эргомобиля заливали такие потоки воды, что пришлось остановиться. И проникал жуткий холод. Шарлет перебралась на переднее сидение и прильнула к Дмитрию. Её тело было чем-то особым; казалось даже, что оно не из того теста, как у остальных, что оно не подвержено обыкновённым недугам и слабостям. Но оно было воплощением её божественной сущности.

Неистовые маленькие смерчи гуляли по асфальту, разгоняя демонстрантов.

Дмитрий думал, вот оно оптимальное оружие против демонстрантов, лучше водяных пушек, что сейчас, когда сыплет дождь и пробирает собачий холод, и в самом деле неплохо бы отсидеться в чьем-нибудь теплом теле. Только в чьем? Шарлет тоже довольно горяча.

Шарлет посмотрела на часы.

– Дмитрий, извините. К сожалению, самое интересное в сенате прошло.

– Слушание закончилось?

– Да, идет голосование.

– Тогда нам делать там нечего, – согласился он.

Глава 22. Вы сегодня вульгарно сумасшедшая!

Госден купила инкрустированные часы с золотым браслетом. Как хороши были наручные часы марки “Бак”!

– Сделайте, пожалуйста, гравировку: “Дмитрию Сорокопатову от Госден с любовью”, – попросила она, и одно только упоминание его имени заставило её вновь ощутить, как сильно она без него тоскует. “Как замечательно после обмена телами провести медовый месяц”, – подумала она. Госден поймала себя на мысли, что с некоторых пор она начала строить подобные планы.

Даже в утренние часы в коридорах дворца царило оживление. Дмитрий повсюду видел величавые, торжественные фигуры придворных.

Через улицу он прошел в сады императорского дворца.

Сад был пуст. Дмитрий вышел к пруду и присел в беседке, углубившись в свои мысли. Высоко в голубом небе пролетало множество ракетолетов. В кустах вокруг пруда щебетали птицы.

Дмитрий вздрогнул, когда услышал, как рядом с ним тихо произнесли его имя:

– Дмитрий!

Он поднял глаза. За его спиной стояла Госден, одетая так великолепно, как он ещё никогда не видел, в тесно облегающем платье из казавшегося живым золота. Лунный первоцвет был приколот к её плечу, а в желтых, как янтарь, локонах горела королевская диадема. Она от волнения теребила в руках маленький белый носовой платок.

– Милостивая государыня, вы сегодня неподражаемы, настоящее преображение Мингалы! – изумился

Дмитрий. – И волосы не ваши. Помнится, они были чёрные, как ночь.

– Возможно шокирующая, но строгая одежда, – улыбнулась она. – Это моя обычная повседнежка. Для большого академического собрания, которое у меня состоится сегодня вечером.

“Такая богатая коллекция меньше всего походит на повседнежку”, – подумал Дмитрий.

– А у меня для вас подарок, – сказала Госден и протянула коробочку с часами.

Он открыл её и ахнул.

– Боже! Это, должно быть, стоит целое состояние! Как на это посмотрит ваш муж Государь Император?

– Не нравится?

– Милсдарыня, – от волнения Дмитрий проглотил несколько слогов от милостивой государыни.

– Как вы сказали: Милсдарыня? – удивленно воскликнула Госден. – Милсдарыня! Чрезвычайно мило и изящно! Милсдарыня! Очень даже непосредственно и как естественно! О, я разрешаю впредь так называть меня, и выпущу соответствующий указ.

Дмитрий не мог оторвать взгляда от новых часов.

– Нравится, конечно. Они очень красивые, но...

– Тс-с! Носите их и помните обо мне всегда и везде, что я неизменно к вашим услугам.

– От Госден с любовью, – произнес Дмитрий.

– Вы потом поймете смысл этих слов! – добавила она при этом.

– Я уже и сейчас с ними совершенно согласен, – поспешил ответить Дмитрий.

Он не знал, как поступить с подарком.

– Милсдарыня, вообще-то, чтобы помнить о вас, мне вовсе не нужны подобные знаки внимания, но все равно, спасибо.

Дмитрий был настороже. Эти слова – бомба замедленного действия в обществе, насквозь пропитанном обмена телами. Как говорится, бойся данайцев дары приносящих. “Я всецело в вашем распоряжении”. Это ходячее выражение стало нравственным приветствием между жителями, как “доброе утро и здравствуй”. Существует ещё масса оттенков: “обращайтесь со мной, как вам заблагорассудится”; “я окажу вам любое содействие, требующее от меня”. Больше всего Дмитрия воротило от их фразы: “я всегда к вашим услугам”. На Земле это означало бы приглашение к дуэли. В последнее время мингалеты все чаще уходят от эзоповского языка на откровенный. На бюрократический отказ “будьте добры подождать тело” они, тем не менее, охотно отвечают: “сколько угодно”. Дмитрию даже слышалось на русский манер “сколько угодно-с”.

Императрица шла впереди, словно по прямой, но горячей линии, и швы на её чулках вытянулись ровно, как стрелки.

– Я очень люблю поэзию. Прочитайте мне что-нибудь из ваших поэтов, – попросила она.

Дмитрий задумался, поэтов на Земле было много, хороших и разных. Какая ей разница, что он прочитает, и он произнес:

– “Меж упований, забот, между страхов кругом и волнений

Думай про каждый ты день, что сияет тебе он последним;

Радостью снидет тот час, которого чаять не будешь”.

– Мы не знаем этого поэта, – сразу же определила Госден.

– Это древнеримский поэт Гораций.

– О, насколько его слова кажутся современными, не так ли? – восхитилась она.

У неё была царственная осанка и королевская походка, выработанная годами, и придворные невольно расступались, давая дорогу. В глаза из окна ударило солнце, и Дмитрий понял, что они находятся в правом крыле дворца.

– Это детская, – сказала Госден, когда коридор закончился комнатами. – Сейчас тихий час.

Девочки сидели чинно на кроватях и виновато чего-то ждали.

Госден, увидев помятые подушки и покрасневшие лица, сразу поняла причину молчания.

– У вас опять было выяснение отношений?

– Было, – признались они.

– Из-за чего драчка?

– Мы пытались разобраться между собой, – ответили они все вместе.

– Ну и как?

– Нам не хватило немного времени, как ты пришла.

– Я не позволяю это делать без взрослых.

– Ладно, мама.

– Шелла, папа сказал, что вы хотели меня видеть? – Госден спросила старшую.

– Мы соскучились, мы устали тебя ждать, – на голоса стали выкрикивать они, вытягивая головы как птенцы.

– Полезно провели день?

– Да, мама.

– А как школа?

– Мы уже гораздо лучше понимаем историю и родной язык.

– Лолита, ты выучила уроки?

– Мама, я сегодня Шелла, а не Лолита. Правда, Шелла?

– Правда-правда. А я сегодня Лолита, а не Шелла.

– А ты, Мата?

– Это она и есть, – выдала сестру Фрейя.

Мата надула губки.

– А вот и неправда, я – вот он. – Она показала на Дмитрия.

– Но ведь он – не ты! – поставила её на место Лолита.

– Не мешай нам разобраться между собой! – сверкнула глазами Мата. – Дмитрий, – обратилась она к нему, – скажи ей правду, что ты – это я.

Дмитрий смешался и почесал в затылке, но ответил вопросом:

– А ты как думаешь? Конечно, само собой разумеющееся!

– Меня не обманешь! Я вижу, что он настоящий, – сказала Фрейя сестре. – А ты пока искусственная кукла.

– Логично, – пробормотал Дмитрий.

– Как, самый настоящий? Самый, самый... – неопи- суемое удивление было написано на лице Маты.

– А почему бы и нет! – гость нерешительно кашлянул.

– А докажи.

– Потому что прилетел сюда с далёкой Земли. Иногда катаю на ракете послушных детей.

Видимо девочек это не интересовало.

– Расскажи свои секреты, – снова загалдели они.

Госден прижала дочек к себе.

– Вам рано думать об обмене телами. Восемнадцать лет ещё не скоро.

Девочки шумно запротестовали, а Шелла гневно произнесла:

– Тебе много лет, но мне кажется, мама, ты даже толком не знаешь, что такое обмен телами!

Госден снисходительно погладила их головки.

– Всему своё время.

Дочки разом надули губки и отвернулись в сторону.

– Вы должны обещать, что будете всегда послушными, и не думать об обмене телами. Запрещаю! – сказала Госден. В благоразумном спокойствии, как показалось Дмитрию.

– Мы будем, мама, – со вздохом ответили они.

– Иначе никто не захочет меняться с вами телами.

Понятно?

– И мальчики?

– В первую очередь.

– А нам с ними и так неинтересно.

– А старикам вы, непослушные, тоже не нужны.

Девочки смущённо переглянулись.

– Мы знаем, мама.

– Тогда спокойного тихого часа.

– А зачем спать?

– Скажите, когда человек растёт?

– Во время сна.

– Вот так-то.

– Мы закроем глаза и будем крепко спать, мама.

– Не баловаться, подушками не бросаться.

– Разумеется, мама.

– До встречи!

– Почитай нам.

– На ночь читаю.

– Мы забыли поблагодарить тебя.

– Прекрасно, я слушаю.

– Спасибо, мама!

– А теперь спать!

Девочки мгновенно повиновались, спрятавшись под одеяла.

Дмитрий смотрел на дочек Госден, какие они славные, и чувствовал к ним прилив искреннего расположения. Ему понравилась та самая недавняя сцена на приеме в тронном зале, когда император поцеловал их при всех, и Госден тоже удостоилась поцелуя. Милая, забавная семейка. Совершенная гармония между родителями и четырьмя юными жизнями – таков был центр спокойствия посреди непрерывной политической суматохи. Как они любят друг друга, члены этой дружной семьи, как чудесно ладят между собой! На Земле, в том мире, из которого он вышел, тоже в обычае подобные нежности. Для него этот пример послужил своего рода откровением, укором для его родителей, доказательством той утонченности чувств, которой не стыдятся другие открытые общества. Из всего, что ему пришлось увидеть для себя в этом новом мире, это было самое восхитительное. Он был глубоко тронут, а сердце его преисполнилось сочувствием к самому себе. Всю свою жизнь Дмитрий искал любви. Его натура жаждала любви. Это было органиче-

ской потребностью его существа в положении, когда он жил без родительской ласки, и душа его, влекомая к любви, ожесточалась в одиночестве. Оказывается, можно удовлетворяться чужими примерами и не оскотиниться от неудачных своих.

Госден повела Дмитрия через залы и коридоры дворца.

– Девочки, а мальчиками не интересуются, – сквозь недовольство, жаловалась императрица. – Разговоры о тычинках и пестиках их приводят в раздражение. Вот какие современные дети, всё знают!

– Умные, воспитанные девочки, – не удержался от похвалы Дмитрий.

– Уже крутые и навороченные, сконцентрировавшие в себя проблемы мира, – с тоскливостью пожаловалась мать.

Они подошли к одному из лифтов, который опустил их вниз, а эскалатор перенес в другую часть подвала.

– Куда? – спросил Дмитрий.

– Сначала хочу показать вам свою лабораторию.

– Лабораторию? – удивленно спросил Дмитрий.

Госден рассмеялась и ничего не ответила.

– Прошу! – сказала она, указывая рукой на тяжелую герметичную дверь. Она подняла глаза, и он заглянул в них. Они напомнили Дмитрию рассеянную в чёрном мраке галактику, через одну из которых он в последний раз пронёсся.

– Вот тут я работаю, – пояснила она, отпирая внутренний замок и распахивая дверь. Они вошли в крысятник, иначе помещение по-другому не назовешь. В несколько ярусов протянулись клетки с крысами. Здесь были и чёрные и белые, и даже розовые, зеленые, синие крысы, различающиеся также разной степенью форм, размеров, шерстистости и усатости, в том числе совершенно голые. Все с какими-то самодовольными мордочками.

Госден облачилась в рабочий светло-голубой халат, в колпак, закрывающий волосы. Крысы, завидев её, дружелюбно замахали хвостами, и Дмитрию даже показалось, активно кивали ей головами, когда она обходила длинные ряды клеток.

Императрица приветствовала крыс как родных:

– Привет, привет, дорогие! Добрый день! Да-а, добрый день, как ваши дела, мои любимчики, какие проблемы?

– Чем вы занимаетесь в этой лаборатории? – с любопытством спросил Дмитрий.

– Я ухажу сюда, когда нужно остаться одной, – ответила императрица. – Дмитрий, вы только посмотрите – это же настоящие произведения искусства. Нет животных, красивее крыс.

Дмитрий с интересом разглядывал их, но все крысы были похожи друг на друга: темно-коричневого или серо-грязного с пятнами цвета, или розового и другого оттенка, но у всех бусинками сияли выразительные золотистые глаза.

– Где вы взяли столько крыс?

– Большая часть этой коллекции, – Госден обвела рукой лабораторию, – была передана мне Вирусным фондом. А теперь я расширяю её. Люди, зная мою любовь, постоянно присылают пойманных на городских мостовых, в подвалах, чердаках, санузлах.

– Кто финансирует виварий?

– Я сама финансирую этот проект.

– Ну и злые морды у них!

– Вот эти зубастые, неуклюже передвигающиеся на двух задних лапах и при этом опирающиеся на длинные шипастые хвосты, на самом деле добродушные существа.

– А белые крысы откуда?

– В крысах-альбиносах я люблю длинные хвосты, рубиновые глаза навывкате и белые мундиры. Эти экземпляры из Южной провинции, а те – северные.

– А черные?

– Я сама ходила в экспедиции и отлавливала их, где только можно. – Тощая фигура Госден переместилась к противоположной стороне. – А эти красавцы из восточных областей. А эти самые отвратительные – вентиляционные, а огромные – канализационные. Эти поджарые особи из пустыни...

Дмитрий был сбит с толку.

– Пустыня? Но крысы не живут в раскаленном песке, они живут в лучшем случае в воде.

– Плохо о них думаете. Они осваивают безжизненные пространства лучше людей, к тому же крысы очень быстро поддаются мутациям. Такие иногда попадают особи, вы не поверите! С кошку. Или без шерсти совсем. Лысые. Рано или поздно крысы захватят мировое господство...

– Чтобы отъесть нам носы! – Дмитрий посмотрел в загадочные зеленые глаза Госден.

– Я верю, что они знают, что такое этика и дипломатия. – Госден была неподражаема в своей непосредственности.

И Дмитрий с иронией сказал:

– Милсдарыня, чтобы наслаждаться их видом, достаточно всего несколько штук, да и то будет многовато.

Она сердито прикусила губу.

– Мы вынуждаем их заниматься обменом телами.

– Ах, вот оно что! – воскликнул Дмитрий.

– Да, да, это необычная лаборатория, – сказала императрица.

– Почему именно крысы?

– А кто же, если взять во внимание, что крысы самые умные, наблюдательные, я бы сказала – разумные существа. Ложь, что они злые и мстительные животные. Это одно из глубоких заблуждений. Они кусают лишь в случае крайней опасности и когда голодные...

Дмитрий перебил:

– Когда их лишают половых партнеров, когда нарушают их ареал, когда...

– Неправда, – в свою очередь перебила императрица, – крысы – нежные, добрые, беззащитные, ласковые зверьки. Я вообще не понимаю, как можно их обидеть. Одновременно проверяется теория, что мы, возможно, произошли какой-то ветвью от них.

– Ну и как успехи?

– Как ни странно, в отличие от людей, с ними хлопот меньше. Люди – высокоинтеллектуальные существа. Человека можно организовать, убедить, увлечь оригинальной идеей, и он все поставит на карту во имя её достижения, отказывая себе во всем, но результат, тем не менее, может оказаться отрицательным. А эти красавцы ближе к природе. Единственная проблема – ощущают сильное половое влечение, приходится им притормаживать функцию, толкая к строго определенной безбрачной цели.

– А это зачем?

– Слишком много секса с их стороны ещё в ранней стадии жизни задерживает их целенаправленное развитие и отвлекает от обмена телами?

– С человеком то же самое, – сказал Дмитрий.

– По существу природа учится у себя, – подтвердила Госден.

– Хотите сказать, если подавить половое развитие крыс, то само собой им не останется ничего другого, как только обмениваться телами.

– Да-да, Дмитрий, вы правы. Ещё мы прививаем им рассеянный склероз. Ни о чём не подозревающие крысы получают этот недуг путем искусственного нарушения иммунитета. Сначала их заражают, а потом выводят на нужный уровень, меняя дозировки препаратов, отработывая новые приемы и методики.

– А рассеянный склероз зачем?

– Вытравливание памяти – одна из прогрессивных методик. Человеку бы не помешало в некоторых случаях кое-что перенять отсюда.

Большая рыжевато-коричневая крыса уставилась на Дмитрия прямо человеческими глазами с томным взглядом.

– Самкам отказано в материнстве, а самцам в отцовстве? – спросил он.

– Игры в обмен телами заменили им любовные игры.

– Ну-у... – задумался Дмитрий. – А не лучше их предварительно кастрировать?

– Нет, у них начинается апатия ко всему, а приближенность к естественным природным условиям переносит нас не к побочному, а к реальному результату.

– Милсдарыня, по каким признакам вы определяете, что произошел обмен телами?

– Мы им не даем плодиться, чтобы они не передавали свои признаки естественным половым путем, но они, тем не менее, меняют цвет и формы. У каждой крысы своё спальное место, и вдруг обнаруживается, что белая крыса спит на месте чёрной, а чёрная – на месте белой. Человек ведь ни с того ни с сего не спит в чужой постели, а животные – тем более. Каждый случай модификации фиксируется нашими лаборантами в журнале. Трансформируются характеры. Это говорит о том, что факт налицо, что крысам ничего человеческого не чуждо.

Проходя мимо очередной клетки, Дмитрий спросил:

– Но зачем крысам обмен телами?

– Это в очередной раз доказывает их феноменальность. Все рекорды принадлежат им. Для них не существует преград. Приспособление – их конек. Мы создаем им идеальные условия, задаем направление. Чем лучше условия, тем больше предпосылок для нормального вектора. Мы их, можно сказать, провоцируем на множественность решений. Крысы стадные животные с большим индивидуализмом. Разрывать родовые связи и затем соединять их в нужном сочетании – вот наша задача. Своего рода выработка в их мозгу доминанты “зажглась лампочка – слюна потекла – извольте заняться обменом телами”.

– Милсдарыня, оказывается, до сих пор я плохо знал крыс, – признался Дмитрий.

– Результаты повторных серий опытов подтверждают наши первоначальные выводы.

– Вот теперь я точно уверен, что крысам надо ставить памятники, как собакам и коровам.

– От благодарной Мингалы и всего человечества, – поддержала идею Госден.

– Но ради чего всё это?

– Здоровье – это сила и жизнерадостность. Нечто большее, чем просто отсутствие болезни. Оптимальный обмен телами ещё не означает однозначно, что вы достигнете так сразу бессмертия или обретете вечное счастье. Скорее всего, вы их даже не заметите, как мы не замечаем здоровья, пока оно у нас есть. Обмен телами – это лишь способ противостоять стрессам и дисфункциям без серьезных нарушений со стороны, например, кровяного давления или пищеварения, или других жизненных процессов.

– Это не причуда – обмен телами?

– Как можно так думать! – воскликнула Госден.

– Какая-нибудь посудомойка желает его больше, чем жена императора? – съязвил Дмитрий, но императрица ответила сдержанно:

– Любая женщина, как ни странно, ведет себя как принцесса, а инстинкты реализует, как простая сапожница. Я твердо убеждена, что человек, будь он прачка или император, всегда жаждет обмена телами. Это его потребность, естественное состояние души.

– Очень интересно! Это ваша оригинальная трактовка теории?

– Вовсе нет! Общепринятая. Все, чего хочет добиться человек, это совершенствование. Творец, безусловно, дал тело. Это великий дар. Но он не дал власти над телом. Самое замечательное, и вы, земляне, и мы на этой планете сегодня знаем, как достичь этой власти, в любое время, когда захочешь.

– Насколько я знаю, власть – это победа над чужими мыслями, над своими страхами.

– Конечно, если в наших мыслях присутствует страх, мы чувствуем дискомфорт и ощущаем себя мелкой тварью.

– Этот дискомфорт толкает к обмену телами?

– Дмитрий, эта идея проскальзывает ещё у Довестона, нашего Гиппократы, но дальше мысли в то время она не продвинулась. Все главным образом вспоминают его предупреждение – “не напакости”. Если ваше “не навреди” двинуло медицинскую науку вперед, то наше “не напакости” в свое время отбросило её далеко назад. И только сейчас...

– Что сейчас?

– Тогда человеческое сознание не постигло его подлинного смысла. Мы нагоняем упущенное время.

– Как видно, результат налицо, – подтвердил Дмитрий.

Госден потянула его за руку.

– И теперь можно в полной мере восхищаться жизнью вокруг нас.

– Куда мы идем? – спросил он.

– В мои покои, в восточную башню.

– С превеликим удовольствием! – обрадовался Дмитрий.

– Для начала я бы охотно поменялась с вами телами, скажем, на пару дней, – Госден говорила непринужденно, как само собой разумеющееся.

– Ваше Величество, – терпеливо сказал Дмитрий, – вы представляете, что для меня значит пойти на это?

– Знаю. И знаю по откликам то, что мое тело всех устраивает, от ребёнка до взрослого. Догадываюсь – и вас тоже.

Дмитрий был просто обескуражен её детской непосредственностью.

– Но у меня предстоит трудный операционный день, – воскликнул он.

– О, трудности как начинаются, так неожиданно и кончаются!

Госден была просто прелесть.

– А вам зачем вся эта суета, обеспеченной замужней женщине, привыкшей к исполнению всех своих капризов?

– Хочу познать истину. Обмен телами нельзя перевесить никакими прихотями. И здесь не последнее место займёте вы. Да, да мы рассчитываем на вас. То есть, не подумайте, что мы идем по пути наименьшего сопротивления. Как видите, мы не просим пожертвовать ваш генфонд, не просим, чтобы вы взяли себе женщину и зачали ей детей. Потому что есть более мощное средство от дегенерации человечества. Смотрите выше своего носа и вы увидите, что истина – в обмене телами.

Дмитрию нравилось, как у Госден распаивается красивый ротик, и вибрируют длинные кукольные ресницы.

– Это мое личное дело, – ответил он.

– Мы просто теряем время. – Императрица уже проявляла нетерпение.

– Я ничего подобного не обещаю!

– Если вы заполучите меня, весь мир будет распротерт у ваших ног.

С минуту царила гнетущая тишина.

– Хорошо. Я не буду вас принуждать, – сказала она.

Их движение продолжилось через тронный зал.

Чувствовал Дмитрий себя скверно. Атаки на него продолжались, каждый норовил поддеть его и испытать на нём своё счастье. Мысль, что он рано или поздно подвергнется обмену телами, не оставляла его. Он сроднился с ней, и это было самое страшное. Хотя трудно было допустить, что можно примириться с этой мыслью, как с мыслью о предстоящей смерти. По крайней мере, это ему было непонятно и противно. Он чувствовал, что все чаще смотрит в пасть тигра.

– Как вы не можете понять, что именно в этом смысл существования человека, – вернулась к разговору Госден.

Дмитрий меж тем словно окунулся в новую эпоху, перед ним предстали шесть тронов. Маленькие были сдвинуты и находились сзади двух больших, словно были подготовлены для президиума собрания.

– Садитесь, не гнушайтесь жизнью великих, – Госден предложила не какое-нибудь кресло, а... трон самого императора Люстига Моста.

Дмитрий боялся сделать роковой шаг.

– Да, сядьте, – снова она кивнула на трон. – Он не кусается. Я хочу поговорить с вами.

Она села на свой привычный трон императрицы, сложив тонкие белые руки на коленях. Клеопатра! И поза её! Ни в её лице, ни в её позе не было ни малейшего признака нервозности, ни даже стервозности, как у части женщин. Сплошная умиротворенность.

Дмитрий тоже сел. Он поёрзал немного – трон оказался жёстким и неудобным.

– Я буду вам очень признательна, – улыбнулась Госден, – если вы относительно обмена телами проясните свою лояльную позицию. Очень даже!

Она сидела, скрестив ноги, положив один локоть на инкрустированный сбоку красными рубинами поручень трона, а опершись подбородком на другую руку, с любопытством уставилась на Дмитрия.

– Простите, – сказал он, – этот вопрос не имеет ко мне никакого отношения.

– Суть в следующем, – пояснила она прокурорским голосом, – я обвиняю вас в преднамеренном нежелании обмена телами. Я отмечаю все ваши доводы и объяснения. Я знать ничего не хочу и знать не желаю. Я не приемлю ничего другого, а остальное не имеет смысла представляться неполноценностью передо мною.

– Я и не ищу здесь смысла, – стал оправдываться Дмитрий.

– И ещё. Как вы, – испепеляюще посмотрела она, – вообще умудрились прийти к такой странной и смешной версии? С Шарлет, надо же! Шарлет не лучший вариант, какой я знаю. Лучше белошвейка.

Госден медленно поднялась над тронном, величественно вздернула подбородок и посмотрела на Дмитрия с высоты, по меньшей мере, двух галактик.

Она сопроводила его в спальню, всю отдрапированную бархатом голубого цвета, где доминировала посреди зала большая не менее четырёхспальная кровать опять же с голубым, но клетчатым покрывалом. На низком столике стояло зеркало, украшенное бронзой.

– А, не отвечаете? Молчите? Стыдно? Я жена императора, – продолжала говорить Госден, – но чем живёт простолюдин, что ему присуще, мне близко. Когда-нибудь, думала я в детстве, и я встречу своего красавца принца, и он увезет меня в свой дворец. Высокий, мощный, светловолосый будет в белом костюме с белой бабочкой, на белом коне, перенесёт в белый дворец, в белые палаты, положит на белые простыни, а сверху на нас упадут белые балдахины. Именно так, внушила я сама себе, будет выглядеть мой принц. Сейчас он далеко-далеко. Ищет меня. Он приедет на коне и заберет меня от родителей. Я буду гулять по саду, а он подойдет неожиданно сзади, обнимет меня и скажет: “Мое королевство у твоих ног”. Что удивительно, именно все так и произошло: принц, конь, королевство, в котором я сейчас живу.

– Сказка превратилась в быль! – поразился землянин.

– Точнее, быль превратилась в сказку.

– Вы счастливая женщина, одна из немногих исключение...

– Не совсем... Всё дело в страшном ощущении пустоты, оставшемся мне в наследство от родителей. Представьте себе, была красивая свадьба, мы облагородили дом, обустроили быт, о множестве платьев я и не говорю. Потом ещё дом и ещё один. Помешалась на шторах. По большому счёту дни текли напрасно. Муж ушёл в работу – в возвеличивание императорской династии. И я сдалась. Теперь мои помыслы простираются дальше и выше – на обмен телами.

– Прекрасно!

– Но вы знаете, Дмитрий, я хочу новую сказку, – с придыханием сказала Госден. – Когда однажды я вас увидела, в моем сознании снова вспыхнул тот самый образ сказочного героя, едва уловимый, которого я хочу

неизменно видеть рядом. Однако я не всегда могу ухватить этот образ. Порой, как мимолетное видение, он встает перед глазами, но мгновение спустя вновь исчезает. Поэтому я сделала в себе открытие, что снова встретила мужчину, к которому бы сохранила интерес дольше, чем в течение одного-двух вечеров. – Она капризно поджала губки.

– Это кто?

– Вы... Все сходится: пришелец в белом скафандре, серебристая ракета...

– А королевство?

– Это между Землей и Мингалой вселенная, которая тоже серебристого цвета.

Ее шикарные осветленные кудряшки великолепного мягкого цвета волновались от вентилятора.

– Император Люстиг Мост любит вас? – спросил Дмитрий.

– Очень.

– А вы его?

– Непременно.

Дмитрий живо вспомнил эту высокую аскетическую фигуру, прямую и облаченную в одеяние шафранового цвета, – символ династии Мостов и отречения от мирских целей в угоду государственным, – когда он приветствовал его, стоя у трона.

– Как же так, в это самое время император Люстиг Мост в нескольких метрах отсюда во дворце Кар-Кор думает о вашем отсутствии, беспокоится, что с вами стало. А вы ему чёрной неблагодарностью платите...

– Ему, конечно, не безразлично. Но что касается обмена телами, то он, прежде всего, прогрессивный политик и человек, а потом ревнивец. Он всё простит.

– Проглотит, как обиду?

– Он даст напутствие, как и полагается мужчине, джентльмену и философу.

– Но, потеряв вас, он не приобретет ничего или его ждет кот в мешке.

– Он приобретет независимую свободу, а она родит неожиданную идею, которую нигде не купишь! Идея, в свою очередь, подтолкнёт к неожиданным решениям. А они... О, об этом рано прогнозировать! – с пафосом ответила Госден.

– Разрушится институт императорской власти.

– Появится новый – свято место пусто не бывает.

– А потрясения на Мингале?

– Исключаются. Императорская власть, вы разве не поняли, скорее декорум, богемная жизнь у всех на виду не всех прельщает.

Дмитрий равнодушно слушал, больше смотрел на обставленную со вкусом спальню.

– А если сюда войдет Государь Император?

– Он не войдет, если я этого не захочу. У него своя опочивальня, рядом с моей, он пользуется только ею. – Госден открыла ещё одну массивную дверь, и глазам представился смежный, такой же большой зал с огромной кроватью, на окнах темно-красные, бархатные портьеры, во весь пол огромный ковер в остром псевдоклассическом стиле.

– А как же вы встречаетесь? – изумился Дмитрий.

– Уж не думаете ли, что на нейтральной территории?

– Мне это напоминает софизм: где спят супруги, имеющий каждый свою спальню?

– И больше ничего?

– Есть ещё второй, каким образом у них появляются дети при наличии у каждого своей спальни?

– Доктор, ну, вы большой мастер силлогизмов. Но в жизни существует другая философия. На свете есть только один способ побудить кого-либо что-то сделать. И он заключается в том, чтобы заставить другого человека захотеть это сделать. Конечно, можно под дулом револьвера принудить человека отдать свои часы. Можно приневолить служащего работать, угрожая ему увольнением в случае его отказа. Можно вынудить ребенка делать то, что вы хотите, с помощью кнута или пряника. Однако эти грубые методы чреватые весьма нежелательными последствиями. Надо только добровольно и без принуждения.

– Философия – это хорошо, но как вы оказываетесь в той или этой опочивальне?

Госден вынула два платка с разными вензелями.

– Это мой платок, а этот – супруга. Это означает, что сегодня ночью я должна вернуть его ему. Вот вам и ответ на ваше любопытство.

Госден примирительно подала Дмитрию руку, но неудачно. Он взял руку не сразу, и, потеряв равновесие, императрица упала. Она подвернула ногу, идти не могла, и Дмитрий вызвался ей помочь.

Она долго сидела на краю кровати, вытянув больную ногу и, морщась, постанывая, шевелила пальцами.

– А если... с ногой что-нибудь серьезное? – все вопрошала она.

– Пока ноге нужен покой и ещё раз покой, – отвечал он.

Дмитрий массажем вытягивал ей мышцы и отвлекся на разглядывание огромного настенного календаря с рисунками гороскопа, и когда опять посмотрел в сторону Госден, то изумленно приоткрыл рот: платье её уже было подтянуто до бедра, и взгляду открывался доступ к верхнему краю чулка.

Дмитрий продолжительно растирал ей ногу, а императрица все ещё продолжала стонать.

– Доктор, не здесь ищите, внимательно осмотрите меня. – Она стала раздеваться.

Дмитрий опешил. Царственная особа, когда даже лицо её было прикрыто вуалью, а пальцы рук – перчатками, снизошла до поступка белошвейки.

Между тем она разделась, не стыдясь своего обнаженного тела, и следующие десять минут провела в душевой.

По движениям силуэта и звукам Дмитрий пытался угадать, что она делает. Унитаз, душ, снова унитаз. Ничего сверхъестественного для царственной особы.

Когда она, уже не прихрамывая, вышла оттуда с полотенцем, небрежно обернутым вокруг сияющих белизной, чувственных бедер, то увидела, что он так и не разделся.

– Пора расставить все точки над “i” относительно вашего тела, – сказала Госден.

Дмитрий не шелохнулся.

Она понимающе рассмеялась, сбросила полотенце на пол и прогулочным шагом направилась к нему.

– Я готова, – сказала она, и в её голосе прозвучало деловое равнодушие без признаков волнения.

– К чему?

– К обмену телами.

– Сначала вы должны мне кое-что сказать, – напомнил Дмитрий.

– Что именно?

– Как это удобнее вообще приступить?

Подойдя, Госден поцеловала Дмитрия в шею.

– Вот вам ответ.

– Тривиальнее я ничего не видел, – сказал он.

Госден впервые видела плохо воспринимающего человека, но которого можно было вывести из этого состояния. Она сказала:

– Жизнь, любовь, секс – примитив, но ему всегда предшествует сложный путь через осмысление, осознание, через созревание. Давайте вернёмся к человеческим пристрастиям. Крестьянину нравится румяная, плотная, цветущая девушка; аристократ чаще всего предпочитает хрупкую женщину с маленькими ручками и ножками, даже с маленькими ушками, ибо для него бледность, болезненность, слабость, вялость имеют... свое достоинство красоты. А вам какие женщины нравятся?

Дмитрий уставился на Госден, сбитый с толку.

– Подобные вкусы и влечения на любителя, и не присущи только мне.

– Бойтесь?

– Нет, не боюсь.

– В каждом мужчине есть что-то женское. Точно также, как и в женщине – мужское. При обмене телами все уравнивается окончательно, и не нужно преодолевать множество сложных психологических проблем несоместимости.

Дмитрий знал, что привлекателен для женщин и это понимание тайлось в сознании, и, возможно, глубоко в подсознании. Но то, что в него влюблялись женщины, становилось скорее помехой, чем преимуществом. Иногда он путался, и это очень затрудняло жизнь. Теперь ещё эти царственные особы. А практика с обменом телами все больше усугубляла ситуацию. Интересное явление – обмен телами как проявление любви.

– Ну же, доктор, я вся киплю, – произнесла Госден, вся дрожа. – Вы мужчина, а я женщина. Вы – лучший мужчина, а я лучшая женщина на широком представительном форуме, на всём постпространстве. Так давайте максимально реализуем этот момент. В выигрыше будем оба.

По Госден прошла первая непрерывная волна возбуждения, передавшаяся через её руки Дмитрию.

Они лежали в постели.

– Что тебе ещё надо? – зло спросил Дмитрий, одеваясь.

– А что бы ты сказал, если бы был моим личным врачом, а я бы поведала все о себе, да простит мне Бог? – спросила она.

– Благодарю за честь быть придворным врачом.

– Дмитрий, а что ты ответишь, если я скажу, что меня мучают головные боли, ночные кошмары, тошнота, бессонница и искры перед глазами. К тому же я постоянно ощущаю беспокойство и неуверенность на приемах.

Дмитрий задумался, он боялся подвоха.

– Ты, конечно, поставишь диагноз, что я... – Госден пылливо смотрела на него.

– Госден, ты не нервно-паралитическая больная! Ты сегодня вульгарно сумасшедшая!

– Но почему?

Дмитрию необходимо было срочно приостановить развитие неуправляемой ситуации.

– Обычно все торопятся с выводами и забывают простую вещь: болезни тела очень часто начинаются с болезнью мозга, – сказал он.

– У меня болезнь мозга? – Испугалась императрица.

– Милсдарыня, я хотел сказать – с капризов.

Дмитрий, не глядя на Госден, пошел к двери.

– Я ненавижу тебя! – крикнула она, всхлипывая, когда он вышел из спальни в гостиную. – Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Дверь за Дмитрием с грохотом захлопнулась. Госден ничком бросилась на постель, каменная от обиды и злости, и принялась молотить кулаками мягкую, ни в чем неповинную подушку. Плакала так, словно её сердце было готово разорваться от горя. Она осталась одна, извиваясь от его нечуткости в темноте душной ночи.

В ту ночь Дмитрий почти не спал. А если ненадолго погружался в дрему, то эхо дьявольского желания Госден вырывало его из сна, и он вздрагивал.

Глава 23. В данном случае на карту поставлена монархия

Ещё при входе во дворец Кар-Кор Дмитрий заметил много людей в обычных костюмах, при галстучках, но смотрящих как-то забавно через темные очки в сторону. Он не обманывался и сразу догадался, что это многочисленная охрана, где у каждого была расписана своя роль.

На этот раз император Люстиг Мост рассматривал Дмитрия в течение целой минуты, потом сказал, как бы обращаясь к самому себе:

– Странные времена! Странные ситуации! Странные люди! Странные, странные...

Дмитрий смотрел на стену. На ней висела импрессионистская картина, очень напоминающая заход солнца над озером Чад на Земле. Воздух клубился горячими струями.

– Мы так часто повторяем словосочетание “обмен телами”, – между тем говорил император, – что порой забываем, что сами являемся лишь его малой частью. И в этом смысле несколько странно выглядит наше высокомерное к нему отношение. Даже когда мы уговариваем друг друга к нему, не призываем ли мы себя всегонавсего ко лжи?

Этот разговор, обращенный не столько к собеседнику, сколько к самому себе, изумил Дмитрия.

Император увидел вопрос на его лице.

– Не удивляйтесь моей рассеянности.

И тут же внезапно спохватившись, он поспешно произнес:

– Садитесь, пожалуйста, садитесь.

Дмитрий сел.

– Мы не замечаем своего тела, как и многое другое вокруг нас, поэтому его не ценим должным образом.

Умение начать разговор с предисловий красит человека, и Дмитрий проникнулся уважением к императору, а тот, увидев желание его слушать, продолжил:

– Обмен телами явление необычайное, но не чрезвычайное, неправда ли? Что вы скажете по этому поводу, о нашей на Мингале специфике, в частности?

Дмитрий не любил выдавать напрасные мнения за желаемое и поэтому ответил:

– Ваше Величество Государь Император, извините меня, но я не буду высказывать своих мыслей, пока не достигну какого-нибудь определенного прогресса в этом вопросе.

– Вам не хватает практики в больнице, кто-то ставит палки в колёса? Только скажите.

– Да нет, все хорошо.

– Обмен телами – это внутренняя упругость водопада. Куда там нарушениям со стороны кровяного давления, пищеварения и прочих органов. Как доктору говорю. А умственное развитие суммируется в знания. Вот вы, Дмитрий, это заметили?

Дмитрий набрался духу и сказал:

– Вот охрану заметил. Зачем она вам, ведь вы говорили, что в стране все спокойно?

– Ну и глаз у вас востёр! – изумился император. – Она с некоторых пор.

– Вы чего-то боитесь?

– У вас на Земле есть террористы и у нас есть.

– Действительно, где их только нет, – согласился Дмитрий.

– У вас какие террористы?

Дмитрий призадумался.

– Левацкого толка, ещё антиглобалисты саммиты срывают...

– А у нас идолопоклонники! Охрана, чтобы кто-нибудь не прорвался и не сделал покушение на меня и мою венценосную семью.

– Уже были попытки?

– Неоднократно.

– Неужели есть потенциальная опасность убийства?

– Не убийства, а обмена телами. Как говорится, революцию нужно защищать.

Дмитрий догадался.

– Ах, насильственный обмен телами под дулом пистолета? Этим могут воспользоваться откровенные негодяи?

– Какие негодяи?

– Для кого-то закон не писан.

– У нас для всех прописан до мельчайшей буквы. Все идолопоклонники милейшие люди.

– Тогда не понимаю...

– У нас негодяев нет, они растворились. Всё в рамках закона, все нормальные законопослушные граждане. Догадываетесь – почему?

– В результате селекции, которой является обмен телами?

– Конечно.

– И все же охрана... Не совсем вяжется...

– Любое, самое благородное изобретение может быть обращено во вред человечеству за счёт завышенных к нему требований некоторой части населения.

– Какие-то аспекты?

– Моральные, эстетические, психологические – вот, пожалуй, и всё.

– Но по закону можно всегда отказаться от предложенного варианта. Вот я не хочу, и никто не посмеет нарушить мой покой.

– От предложения, да. Но вода камень точит. Кому-то всегда кажется мало даже если его много. Максимум – наша проблема. Людей, которые нас окружают,

трудно назвать травоядными. Они очень даже хищные, чтобы держаться от них подальше. Обмен телами – это волшебный дар. Но обмен телами часто вызывает желание мгновенно применить его. И если вовремя поймёшь, что тебя хотят злоупотребить, то быстро осознаешь, что обмен телами нуждается в защите, не только правовой.

– Но желание бывает пуше неволи, что никакая охрана не поможет.

– Совершенно верно. Даже для меня, императора, завидев прекрасное тело, есть соблазн. Помните нашу первую встречу в Тронном зале и челобитчицу, кажется, её звали Киита Кийка?

– Очень прекрасно.

– Дмитрий, она сама не знает, до чего она хороша. – Император причмокнул языком от удовольствия.

– Это и есть с вашей точки зрения покушение на вас?

– Вы попали в точку. Если бы она обратила внимание не на императрицу, а на меня, я бы не устоял и пал жертвой обстоятельств – собственного равнодушия к ней.

– У вас вековые традиции по части тяги к красоте, – догадался Дмитрий, – и, вероятно, развит культ тела?

– Но какого? Вы разве не заметили? Культ приобретения чужого.

– Стоит вам надеть на лицо маску, и проблема исчезнет, – посоветовал Дмитрий. – Как многие поступают. И охрану можно снять.

– Государь в постоянной маске – картина неприглядная. Что подумают люди о своём символе?

– Да, маска проблему не решит.

– Вы ещё не знаете всю правду, взгляните на улицу, каждый хочет со мной обмен телами – эти постоянные манифестации встали поперек горла.

– Судя по тематике, они никогда не переведутся.

– В том-то и дело – порочный круг, – задумчиво произнес император Люстиг Мост.

У него были прямые чёрные короткие волосы. Загорелое бронзовое лицо было выразительное и мужественное.

Последняя фраза говорила о том, что император Люстиг Мост о чём-то не договаривает. Или что-то хочет сказать важное.

– Это же замечательно! Перед вами вся Мингала! У вас огромный выбор! – воскликнул Дмитрий.

– Это тот случай, когда нельзя говорить о количестве, как о качестве.

– Если вы переборете себя входить в чужое тело без монаршей милости, снисхождения, без брезгливости и не с оглядкой назад, вы окажетесь на пути к решению всех своих проблем.

Легкая грусть тронула лицо императора Люстига Моста.

– В данном случае на карту поставлена монархия.

– Вы пешка в чьих-то руках? – воскликнул Дмитрий.

– Я в тисках тривиальных обстоятельств.

– А все думают, что вы в тенетах богемной жизни, – высказался Дмитрий.

– Обстоятельства выше меня, – ответил император.

– Но что может вас занимать, кроме государственных дел?

– По нашим законам трон передается только по мужской линии. Мне нужно найти достойного наследника мужского пола. Если я не обзаведусь законным наследником, то... монархии конец! – Император Люстиг Мост со слезами на глазах выжидающе посмотрел на Дмитрия. – У меня одни девочки и нет уверенности, что их череда спадет. Я взвешивал разные варианты. – Глаза его внимательно остановились на лице Дмитрия. – Я решил найти человека, хотелось бы, молодого, честолюбивого, здорового телом, готового принять мое имя. Короче говоря, отдать ему все, что имею, так, чтобы он крепкой дланью держал своих подданных в кулаке, не выпускал бразды правления из своих рук, был достоин меня. И я нашёл этого молодого человека.

– И кто же он?

– Вы – мой преемник.

Дмитрию было все удивительно, и он стал выдерживать паузу, видимо, больше, чем терпимую, потому что император воскликнул:

– Вам придётся продолжить императорскую династию! – почти крикнул Люстиг Мост.

Дмитрий отрешённо молчал.

– Вы плохо слушаете. – Услышал он.

– Я?

– Вспомните забытое искусство вести диалог. Будьте внимательны к оппоненту, будьте хорошим слушателем. Покажите ему, что вас искренне заинтересовало его предложение. И отдайте всего себя ему. Вы получите признательность, которой так всем нам не хватает, и которую мы так редко приобретаем. Это один из самых важных принципов в обмене телами.

– Ваше Величество Государь Император, я хочу надеяться на вас, что меня эта проблема, как и любого вашего подданного, гложет не меньше, тем более что я могу рассчитывать на советы и поддержку друзей. Неясности обмена телами мной отчетливо обрисовываются, но ещё больше пока не осознаются его преимущества. Я предвижу положительные моменты, но мне хочется наиболее разумно использовать их.

– У обмена телами корнями уходящая вглубь история и большая аудитория.

– Знаю, меня ещё на Земле предупреждали о проектах, связанных с их реализацией мною лично на свой страх и риск.

– Моё предложение в рамках одного такого проекта.

– Но я даже не ваш приемный сын, – напомнил Дмитрий.

– Вы будете моим настоящим сыном.

– Это невозможно!

– Это возможно.

– Каким образом?

– Вы обменяетесь телами с моей дочерью.

– А отцовские чувства? Вы её потеряете! – выразил недоразумение Дмитрий.

– Приобретение стоит того, – спокойно парировал император Люстиг Мост.

– Она исчезнет из вашей жизни!

– Она разделит судьбу всех мингалетов.

– Но это будет незаконно, и народ не признает меня.

– Признает из моего указа.

– Ваше Величество, – мягко сказал Дмитрий, – вы представляете, что для меня это значит?

– Знаю, поэтому отнеситесь к этому спокойно.

Дмитрий с трудом заставил себя посмотреть на часы.

– Но я должен извиниться, опаздываю в Медицинский центр.

Непреднамеренно хлопнув дверью, Дмитрий вышел из дворца с болью за императора и его семью.

Глава 24. А если сначала любовь, а потом обмен телами?

Дмитрий, когда выходил из Медицинского центра, вздрогнул, почувствовав нависающий взгляд за спиной. Он повернулся. Это была Шарлет в своей неизменной чёрной маске.

– Вы хотите продолжить наш диспут? – с радостью спросил он.

– Об этом можно говорить бесконечно, горячо. Ведь это так прекрасно, когда твое тело трогает людей до мозга костей, помогает им перенестись в другой, чудесный мир. Иногда мне кажется, что тело – это единственная светлая и здоровая музыка в нашем безудержном аритмичном мире.

– Шарлет, вы государственный человек с поэтической склонностью, судя по этому лирическому отступлению.

– Извините, вырвалось, наболело, это пассаж, – грустно призналась она.

– Я убедился – вы тонкая натура. Меня волнует вопрос, по вашим понятиям что важнее: сначала обмен телами, а потом любовь, или наоборот?

Он заглянул ей в прорези маски. Очень близко. Какие-то несколько сантиметров отделили Дмитрия от Шарлет, что позволило разглядеть глаза. А вот они у неё были сегодня просто чудесные – карие, с пушистыми длинными ресницами. Что, интересно, она ответит?

– Вы уже порядочно времени живете у нас. Неужели не разобрались? И то, и то важно. Одно не отрицает и не подменяет другое.

– Я вижу, на Мингале приоритет в сторону...

– Только так не думайте – у нас достигнут природный паритет этих категорий.

– А если сначала любовь, а потом обмен телами?

– Доктор, при всем уважении к вашей профессии, сначала законотворчество, а далее все происходящее: и обмен телами и любовь. Если подумать хорошенько, то нам нечем особенно хвастать на нынешний день. Мы покинем этот мир и через сотню лет будем совершенно забыты, если не зложим фундамент сегодня.

– Причина вашего пессимизма?

– Наше инфантильное отношение к обмену телами.

– Что-то не верится.

– Девяносто восемь процентов населения не одобряют его.

– А я вижу обратное – готовы на всё, и, как говорится, кто не успел, тот не съел, – весело добавил от себя Дмитрий, но глаза Шарлет даже не колыхнулись.

– Жизнь слишком коротка, – сказала она, – чтобы докучать другим людям своими рассказами о наших крохотных достижениях. Я вся в более высоких проблемах, поэтому работа захватила меня.

– Тогда такой вопрос, Шарлет. Мне кажется, что вы смешиваете оба понятия, спрашиваю по-другому: не как факт, а как чувство, обмен телами выше, чем любовь?

– Соображения, связанные с обменом телами или в отношении к любви, не являют собой нечто сверхграндиозное, но выбивается из общего ряда именно обмен телами. И в законодательном плане – тоже. Его приоритет зафиксирован в конституции. Там нет ни слова о любви. Хотя статьи в конституции о семье и браке появились намного раньше, законы об обмене телами начинают прежние вытеснять.

– Удивительно!

Они прошли половину пути. Шарлет была в чёрной маске, и поэтому было странно от неё услышать сравнение:

– Дмитрий, вы темная лошадка.

– Я?

– Вы.

– А может, серая мышь?

– Потому что вы для нас загадка.

– Я хочу сказать... я же не с неба свалился, – пошутил Дмитрий.

– Ещё как свалились! – Шарлет сверкнула глазами.

– Утверждаю, загадка, и ещё раз загадка!

– Я признателен вам за комплимент.

– Но вы должны сами помочь нам её разгадать.

– Шарлет, вы государственная деятельница, вам надо, вы и разгадывайте. Догадываюсь, вы в чем-то не удовлетворены и хотите снять напряженность за мой счёт?

– Есть обеспокоенность, что вам всё наше чуждо, иначе, почему от вас нет никакой благодарности, а то и помощи.

– Не согласен. Я всё ваше воспринимаю как родное. Пусть кто-нибудь бросит в меня камнем...

Шарлет обеспокоено смотрела Дмитрию прямо в глаза.

– Что действительно меня волнует, так это то, что я никак не могу понять, кто же вы на самом деле?

Дмитрий смешался.

– Ваш вопрос из лучших традиций тайной полиции.

– Нет, вы скажите, почему отказываетесь от обмена телами? – Шарлет вопрос задала прямо в лоб.

– Вы своими вопросами ставите меня в тупик.

– Неужели у нас нет интересных людей и достойных тел?

– Разумеется, есть, и на любой вкус.

– Дмитрий, тогда есть претензии в вашу сторону.

– В чем, если не секрет?

– Вы плохо вращаетесь в наше общество, в нашу культуру.

– Ну почему же?... Я в первый раз на Мингале, а между тем мне кажется, что я здесь прожил уже целые годы, и вырвать меня с Мингалы можно только с корнями.

– Но вы плохо ассимилируетесь.

– Я стараюсь...

– А что, если имеет место говорить только о женщинах.

– Где та женщина, которая меня урезонит, вы это имеете в виду?

Шарлет смотрела укоризненно – её не трогали даже шутки.

– Ещё и усюестит. Время идет, а вы ни с места.

– Дайте ещё время.

– Если бы я распорядилась им.

– Шарлет, ваше личное участие о моем теле впечатляет.

– Совсем необязательно. Но откровенность, открытость и искренность – вот три кита для меня по отношению к вам.

– И энтузиазм, и решимость, – добавил Дмитрий.

– Сплошные комплименты, Дмитрий, от которых я тащусь, извините за низкий слог. И в то же время, вы просто из кожи вон лезете, стараясь произвести на меня только неприятное впечатление.

– Ну, что вы.

– Да, да, да.

– Но почему я такой дрянной?

– Что должна чувствовать женщина, окажись она на моем месте? Вы молоды и прекрасно выглядите, у вас позади осуществление невероятных проектов. По сути, вы являетесь тем идеалом, к которому так стремятся женщины.

– Вы мне льстите.

– С другой стороны... Вы пожинаете плоды своей сухости.

Дмитрий поймал её мысль.

– Есть над чем задуматься и поработать над собой?

Шарлет даже обрадовалась.

– Это правда. Мы можем многое изменить друг в друге при наличии доброй воли.

Они остановились в обустроенном скверике. Здесь были фонтаны, а скульптуры влюбленных пар, жаждущих обмена телами, стояли через каждые двадцать метров.

– Вы знаете, я очень рад, что вы обратились ко мне, – заявил Дмитрий, усаживаясь на скамейку поудобнее. – Но у меня планы, связанные с работой.

– А я говорю, вам надо обновляться.

– Только после того, как я окончательно налажу работу в Медицинском центре.

– У вас на Земле какие идеалы?

– Быть здоровым, стать богатым.

– Я слышала, у вас ценятся супружеские пары, празднующие серебряные, золотые и даже бриллиантовые свадьбы?

– О, конечно!

– А люди, преуспевшие с обмена телами?

– Меньше всего. Это необязательное условие для приобретения веса в обществе.

– Ну вот, Дмитрий, если у вас интересуются, сколько раз была замужем или сколько раз женился, то у нас сколько раз был в чужом теле.

– Да, у нас количество вхождений в чужое тело никого не забавляет.

– В силу элементарности?

– Вы правы, в равной степени, как свободной шаговой доступности, так и повседневной обыденности. – Иногда Дмитрий допускал ложь для большой игры.

– Вот видите, доктор, вы на Земле, как говорится, заелись, для вас обмен телами уже ничего не значит. И правильно поступили, что прилетели сюда. Мы войдём в ваше положение.

Они снялись с красивого места и пошли дальше.

– Шарлет, – сказал Дмитрий, – что-то мы все говорим обо мне. Расскажите-ка лучше о себе.

– А что о себе?
– Очень мало известно о вашем прошлом.
– О, я горжусь своим прошлым.
– Ну и отлично. Давайте об этом и поговорим.
– С детских лет я всегда твердила себе, что в один прекрасный день я обязательно стану знаменитостью.
– У нас на Земле чтобы стать знаменитым, надо пролить тонны пота.
– Неужели? А у нас необязательно.
– Неужто, это и есть преимущество перед нами?
– Дмитрий, с точки зрения психологии, можно сказать, мы создаем себя ради себя. При всем моем сожалении, что где-то, на какой-то планете люди получают горе от своих страданий. Но у них, я считаю, всегда виноват злой рок, который преследует их, и чтобы каким-то образом постараться сразу приобрести определенное положение в обществе и приличные звания, они опускают руки.
– Ибо они свыкаются быть такими мучениками?
– Они рассуждают иждивенчески: раз у меня такая судьба, ничего хорошего не жди. Хотя и их и других природа одарила в равной степени и умом и обаятельностью.
– Шарлет, признайтесь, вы имеете в виду нас, землян?
– Не только. Я про всех. Они неглупые малые, но ждут, что произойдет какое-то чудо: откроется волшебная дверь и на них снизойдет неведомая прежде благодать.
– Моралисты, – сказал Дмитрий.
– Это утописты. Это они пробавляются разного рода сказками о чуде.
– А я бы покрепче сказал.
– Хотите, угадаю? У вас на лице написано.
– Хорошо, скажите.
– Идиоты!
– Шарлет, почему вот так сразу крепко – идиоты?
– Потому что я не на их стороне.
– Я – тоже.
– Дмитрий, знаете ли вы, что делает человека идиотом?
– Как врач знаю, сушая безделица. Если удалить из щитовидной железы небольшое количество йода, вы превращаетесь в идиота. Немного молекул, какая-то неуловимая цепочка. Вот и все, что находится между вами и прекрасным видом из психиатрической больницы.
– Понятно, доктор, вы специалист по щитовидке.
– А вы, Шарлет, по части непринятых законов.
Дерзость немного оглушила её, она с минуту помолчала.
– А вам никогда не надоедает, Дмитрий, снова и снова браться за операции, изо дня в день делать одно и то же, одно и то же? – спросила она.
– Нет, потому что не может быть двух одинаковых больных.
За разговором они оказались на территории Кор-Кар.
– У меня точно также, – начала Шарлет. – Это трудно описать. Вы творите руками, я же творю головой. Я участвую в проектах мужа. Скажу по секрету, он готовит закон на конечный результат – о всеобщем поголовном обмене телами. Идет тотальная борьба с разного рода саботажниками и уклонистами, и я в первых рядах про-

тив них. Можно сказать я строю будущее. Я вынашиваю мечту и воплощаю её в жизнь.
– Мне кажется, что вы не все штрихи сообщили о себе? – спросил Дмитрий.
Шарлет на секунду смутилась.
– Какие?
– Например, о первой влюбленности.
– Она произошла в детском саду. Для маленького человечка это была и первая сказочная жизнь. А настоящая влюбленность была не сразу... Я родилась в семье артиллерийского полковника Императорских вооружённых сил, и на своей коже ощутила все прикрасы армейской дисциплины. Что интересно, наперекор родителям, грозившимся лишить меня наследства, кстати, я бы не назвала это наследством, я вышла замуж, по иронии судьбы, за молоденького лейтенанта. А позже безропотно вела кочевую жизнь. Это уже потом мой муж стал премьер-министром.
– Что было дальше?
– Когда мой муж стал премьер-министром, страна являла собой жуткое впечатление разрухи, а действительность всё больше становилась пресной на вкус. Надо было на деле доказать, что обмен телами делает нас смелыми и решительными.
– И вы доказали?
– Страна медленно, но верно, вставала на ноги, но неожиданно оказалась на грани гражданской войны. Я считала вполне вероятным в современных условиях, что удастся провести актуальный закон о прогрессивном вмененном согласии каждой из сторон в обмене телами.
– Вы о равных возможностях? – спросил Дмитрий.
– Это вчерашний день.
– О доле участия?
– Нет.
– Талонная система?
– Было, было, было!
– Карточки, которые надо погашать?
– Это ничего не даст.
– Долговременные кредиты?
– Куда уж лучше!
– Тогда мой интеллектуальный запас вопросов иссяк.
– Я о непротивлении, – уверенно заявила Шарлет. – Если каждый, если мы все пойдем по этому пути, то значительная часть населения не будет ущемлена, и этим можно остановить растущее недовольство, то есть поставить окончательную точку.
– Глупости, – отрезал Дмитрий, – это может ещё сильнее взгреть политику и парализовать страну.
Она задумалась о том, что законотворчество – тонкая и длительная процедура.
– Ей-богу, я не собиралась произносить лишнюю речь, но намереваюсь при помощи тесного союза между конфликтующими сторонами предотвратить гражданскую войну. А императрица пригрозила запереть меня в клетку, если я буду вмешиваться в работу мужа.
– Но это замечательная женщина.
Шарлет испуганно открыла глаза ещё шире.
– Госден? Дмитрий! Вы виделись с ней?
– Да, встречался. Она показалась мне глубоким исследователем. Она продемонстрировала мне свою крысину лабораторию, а потом я с ней ужинал.

– Дмитрий! Я не успела вас предупредить. Она – сама чёрт! Алхимичка! Псевдоученая! Она продала душу дьяволу, она отравит и вашу молодую душу! Она ужасна глупостями и всеми способами хочет использовать вас в своих гнуснейших целях. О ней ходят разные слухи...

Дмитрий пожал плечами.

– Что я могу сделать? Игнорировать её? И навлечу на себя её гнев?

– Так идите! Идите к ней! – крикнула Шарлет. – Я же вижу, что вы горите желанием обменяться с ней телами! О, все вы, мужчины, одинаковы!

– Хочу попросить об одолжении, – спокойно отреагировал Дмитрий.

– Что же это за одолжение?

Он не был заинтересован в продолжение ссоры и поэтому сразу же улыбнулся.

– Мир между вами! Вы и Госден должны плыть в одной лодке.

Шарлет тоже улыбнулась.

– Я согласна, и не выдвигаю встречных условий.

– Отлично! – сказал он, понимая, что выиграл очередную битву и может позволить себе быть великодушным.

Потом они сидели в крохотном зимнем саду, куда Шарлет затащила его, и она спросила:

– Вы не будете против, чтобы после обмена телами вы поселились у меня во дворце?

?..

Это было нечто. У Дмитрия расширились глаза и Шарлет, между тем, занимало глупое выражение его лица.

– Вы не будете чувствовать лишения, вам обеспечат нормальную жизнь...

– С кем?

– Со мной, разумеется.

– А вы, вы?.. – Дмитрий смеялся.

– Понимаю ваш вопрос. Я тоже останусь, места всем хватит.

– А что дальше?

– Дмитрий, мы устроим регистрацию в загсе.

– Шарлет, вы опять о своем.

– И буду твердить постоянно.

– Почему в загсе?

– Новинка. Борьба с закулисной статистикой и неплатой налогов. Эта организация возьмет на себя не только функции регистрации и расторжения браков, выдавать свидетельства о рождении и смерти.

– А предложения руки и сердца, неужели, отойдут на задний план?

– Они ещё не отпадают, но приобрели новое звучание в свете последних представлений об обмене телами.

– Шарлет, но можно совершить обмен телами по принципу венчания в церкви.

– Все можно, это по желанию сторон и на любителя.

– А законодательно такие вопросы уже отработаны?

– Я думаю над терминологией обмена телами. Многое – тайна за семью печатями. Вот, например, как называть партнеров?

– Молодыми? – предложил Дмитрий.

– Действительно, после обмена телами тоже должен наступить, затрудняюсь сказать, например, медовый месяц.

– Скажите, Шарлет, вы удачливы в жизни? – вдруг спросил Дмитрий.

Она не отводила от него взгляда.

– Я всегда боролась с одиночеством. К нему трудно привыкнуть, ведь я раньше была так счастлива с премьер-министром. Понимаю, его считают недалевидным заикленным чиновником. Все правы, но я жена, я всегда и всюду должна была его сопровождать...

Ее волосы золотом переливались на солнце, свободно ниспадая на плечи.

Глава 25. Я обратил внимание на частое подмигивание

Дмитрий в свободные часы не сидел дома, нужно было знать местные нравы и не чураться сплетен и даже интриг: кто как живет и чем занимается, кто самые главные представители бомонда и наиболее видные игроки в политике.

После того как Дмитрий установил связь со многими, он спокойно принялся за других и стал завязывать знакомства по большей части со средним классом. Чтобы не возбудить ни любопытства, ни подозрения продолжительным пребыванием на одном месте, Дмитрий готов был вступить вплоть до жестокого флирта с кем угодно. Ему нужно было узнать направление мыслей мингалетов. Он встречался с офицерами и купцами, с администраторами и студентами. Все они сообщали ему, что смертельно устали от закулисных обменов телами. Вообще для Дмитрия стало очевидным, что теперь настало решительное время для свержения правительства. Гражданская война забрезжила на горизонте, и надо было максимально использовать преимущества мирного времени.

Благодаря навязчивости мингалетов, Дмитрий не переносил назойливых приставаний, но, ломая свои принципы и стереотипы, терпел их. По существу, он избегал закрытые места. Ресторан “Нескафт” был именно таким многолюдным местом уже с утра.

Мимо него взад и вперед ходили люди всех ступеней и общественных положений. Вот князь, отпрыск благородной фамилии. Вот выскочка дилера, гордый своим недавним успехом, скорее, в области наживы. Вот дама полусвета, создавшая себе репутацию обманым путем. Вот группа знаменитых звезд сцены, а там два важных сановника. Был ещё человек лет сорока, который сидел, отвернувшись от всех и глядя в окно на террасу и на прохожих. Он был хорошо одет, и на нём была дорогая серая шляпа; он походил на председателя крупного банка. Действительно, совсем космополитическая компания! Интересно было бы определить, кто в своем теле, а кто в чужом. Дмитрий не знал, насколько каждый человек в этой стране способен сбросить свою маску и надеть чужую.

В “Нескафте” платят дорого за утонченные приемы пищи. Дмитрий желал широкого общения, он уже не прятался в закрытые кабинки и выбрался на светлые террасы, а благодаря любезной предупредительности официантов, имел возможность сохранять за собой право на постоянное место, и занимал всегда один и тот же столик на углу внешней стороны террасы. На ней всегда было много охотников до клубники, и его столик находился недалеко от других столиков, облюбованных в разное

время разными посетителями. Дмитрий всегда подгадывал так, что входил всякий раз только тогда, когда веселье за столами было в полном разгаре. Он проходил, садился и своим независимым видом выказывал желание быть в одиночестве, отметая любые поползновения для знакомства в свою сторону. Он не желал попадать в самое пекло застолья, ограничивая себя за вечер двумя-тремя общениями.

Но Килин Клер, не будь он Килин Клером, уже улыбался и глядел на него сквозь пар первого блюда. Это с утра он был здесь!..

– Сюземель, моя ненаглядная! – он вверх чиркнул пальцами, подзывая официантку, свою невесту.

– Что ты будешь пить? – язвительно спросила она.

– Дорогая, – тонкие брови Килина изумленно изогнулись. – Ты прекрасно знаешь, что я пью. Немного того, немного того, немного того...

– Не отнимай время...

– Две порции вина и много-много клубники.

Она подошла с ликерами.

– Это мое светлое будущее и спокойная старость, – похвастался Килин Дмитрию, показывая на неё.

Сюземель сначала зарделась, а потом насмешливо спросила:

– Будущее, которое не стоит твоего неудачного злополучного прошлого?

– Ты что, не хочешь променять свое неизвестно какое невразумительное будущее на мое уникальное прошлое? – обиделся он. – Ты не согласна добровольно взять на себя мои лучшие зрелые годы?

– Вместе с твоими весьма неудачными достоинствами? – корректно ответила она.

Этот обмен “любезностями” с его витиеватой игрой слов не всегда был понятен Дмитрию.

– Послушай, Сюземель, – проговорил Клер, выведенный из себя. – Если тебе не нравится мое прошлое, тогда зачем тебя удовлетворяет мое настоящее, зачем ты выходишь за меня замуж?

– В жизни не видывала более проходимца, чем ты... – зашипела официантка.

– Она игнорирует меня, она стирает из памяти лучшую часть моего прошлого, – никак не желая уgomонить-ся, пожаловался он Дмитрию.

– Хочешь, я брошу его к твоим ногам? – гордо вскинулась Сюземель.

– В моё тело – слабо? – вдруг спросил ее Клер.

– Ты считаешь меня конченой дурой? – бросила вызов она.

Перебранка обещала быть длинной, и Килин Клер первый посмотрел на неё миролюбиво.

– За скорейший обмен телами! – провозгласил он тост, поднося рюмку к губам.

Сюземель расплылась в довольной улыбке, видимо эти слова были как бальзам на душу.

– ...После женитьбы... – добавил он.

А уж после этих слов Сюземель готова была растерзать его.

– Нет, нет, – поспешно поднял рюмку Дмитрий, – первый тост не за это.

– За развитие наших дружеских отношений, пойдет? – внезапным взрывом смеха отозвался Клер.

– За всепоглощающую любовь между вами! – сказал Дмитрий, не поняв иронию, и с подчеркнутым достоинством протянул руку с рюмкой.

– Честно говоря, я бы не стала называть это чувство любовью, – предупредила Сюземель.

– Да не смотри ты на меня так брезгливо! – отреагировал Килин.

Она расхохоталась.

– Ладно, не было ничего! Не-бы-ло!

Килин Клер тоже протянул руку с рюмкой, затем все чокнулись, и Сюземель украдкой от посетителей тоже, затем отошла.

К счастью, от своего старого знакомого Дмитрий узнавал многое.

– Значит, ты в армии служишь?

– Ну, да... Разумеется мое место там.

– А здесь что делаешь?

– Прячусь от шагистики.

– Так уж плоха армия?

– Ты хочешь знать больше, чем я знаю? – Клер уставился на Дмитрия.

– Желая просветиться в некоторых правовых вопросах, – попросил он Клера.

– Не стесняйся, задавай вопросы, – с готовностью ответил тот.

– Предположим, я не хочу обмена телами, ну не нравится мне мой настырный оппонент, который меня своей навязчивостью достает. Отказаться я могу?

– Можешь, но запрещений на отказ больше, чем ты думаешь. Сложности возникают, как на дорогах с интенсивным движением. Это все равно, что препятствовать обгону повышением скорости движения или иными действиями. Себе в ущерб. Чревато созданию дорожно-транспортного происшествия. Мы отталкиваемся от правила: водителю обгоняемого транспортного средства запрещается идти на эти противоправные действия, более того, ему рекомендуется всеми мерами способствовать обгону.

– Хорошо, предположим, я свои обязанности знаю, а мой оппонент – нет?

– Интуитивно все прекрасно осведомлены. Прежде чем начать обмен телами, желающий обязан убедиться в том, что тело, которым он намерен обладать, на данный момент свободно.

– А как узнать, что оно свободно?

– А оно всегда должно быть свободно. Для хороших дел ничего не должно быть жалко.

– Клер, и все же, ты уходишь от ответа.

– Ты задаешь типично деструктивно глупый вопрос, Дмитрий. Если ты видишь, что оно в данный момент не занимается обменом, то, следовательно, оно свободно для всех.

Дмитрий прикусил язык от стыда за свою логическую неловкость, и всё же сказал:

– Но это трудно проследить, ведь обмен телами, как и обмен квартирами, может происходить сколь угодно долго по затяжке одной из сторон.

– Но и быстро! Характерна молниеносность. На твой вопрошающий запрос глазами достаточно такого же встречного взаимного взгляда.

– Я обратил внимание на частое подмигивание одним глазом, – сказал Дмитрий.

– Это и есть приглашение к обмену.

– А я думал, что это разновидность глазной болезни на Мингале.

– Почаще бы таких болезней! – ухмыльнулся Килин Клер. – И не было бы проблем.

– А есть ли у вас такой закон, что по завершении обмена телами человек сможет вернуться в ранее занимаемое им тело?

– В исходное? Пожалуйста! В конституции зафиксирована полная свобода на обмен телами, и во времени и пространстве.

– А если на меня претендует два и более человека?

– Дмитрий, у нас всё предусмотрено. Возьмем самый нетипичный случай: образовался затор обменщиков, который вынуждает следующих обменщиков остановиться из-за создавшейся, так называемой, пробки и в продольном, и в поперечном направлении. Ждать, пока она рассосется окончательно? А потеря времени, срыв личных планов? Кто возместит моральный ущерб?

– У нас на Земле началась бы предварительная запись, – заметил Дмитрий.

– Вот здесь приходит на помощь страхование: как от пожаров, стихийных бедствий и несчастных случаев.

– А как бороться с нарушителями, намеренно создающими помехи или препятствия для других участников обмена телами?

– С ними успешно справляется полиция.

– А как со скрытыми саботажниками?

– Тут дело сложнее, но как говорится у вас на Земле: на всякого мудреца довольно простоты.

Так Дмитрий подготовил почву. После нескольких минут незначительного разговора о том о сем, он спросил:

– Каков нынче сезон страусиных боев?

– Ты явно не в курсе, сейчас клубничный сезон, бои как продолжались, так и продолжаются, несмотря на лето и зиму.

И тут Дмитрий спросил:

– Есть здесь ещё интересные люди?

– Ты хочешь моего совета, может быть, моих профессиональных услуг, чтобы найти такого человека?

Дмитрий выразительно кивнул головой в надежде, что Килин Клер, быть может, и сам не прочь поделиться с кем-нибудь известной ему информацией.

– Тебя интересуют мужчины или женщины?

Дмитрий наострил уши.

– Все равно, лишь бы было оригинальное знакомство.

Килин Клер хитровато сощурил глаза.

– У тебя, Дмитрий, поворот на сто восемьдесят градусов. Самое ценное в жизни – это осознание важности того, как мы относимся к обмену телами, и тут значительный аспект – партнёрство. У нас в ходу выражение: Скажи мне, сколько ты раз произвел обмен телами, и я скажу, кто ты.

– Клер, не опошляй мою просьбу.

– Я знаю одну женщину. Она добрая малая. Она не станет возражать против знакомства.

Лицо Дмитрия просветлело.

– Заранее благодарен!

– В отеле “Армикош”, – сказал Килин Клер лукаво, – живет человек, который скрывает свое настоящее имя.

– Может и тело?

– Меня не обманешь! Ты прав, именно тело. Я думаю, она ведет вторую жизнь, в чем-то закулисную.

– Кто из нас не вёл двойную игру? – подтвердил Дмитрий и предложил третий стакан вина, Клер с готовностью его выпил.

– Она значится там под фамилией Грунт, но меня не проведешь! Это персона нон грата Гуит из какой-то секретной шарашки.

– Чем она провинилась?

– Всем почему-то кажется, что она не та женщина, за которую себя выдает.

– Почему тогда она появляется здесь?

– Это необъяснимо. Она умеет обходить препоны.

– Что она здесь делает? Играет на страусиных боях?

– Нет, – ответил он. – Она ведет очень скромный образ жизни светской львицы. – Лицо Килина озарилось восторгом. – Да вот же она! Красивая пичужка!

На террасу с улыбкой поднималась дама в шелковом платье кремового цвета. Свет зажигал золотые и серебряные блики в её густых волосах, упавших ей на лицо... с широким носом. Сев за их столик, она задумчиво закрыла лицо руками и немного подалась вперед. Она выглядела одна такой незащитной, такой невыносимо одинокой... И Дмитрий почувствовал сострадание и растерялся. Умеют же женщины создать в мужчинах комплекс неполноценности по отношению к себе в виде жалости, интереса и будущего в перспективе участия...

Килин Клер развел руками, давая понять, что он куда-то торопится. Ему было не привыкать подсесть за другой столик.

Глядя на гостью, Дмитрий пытался сосредоточиться на том, что в ближайшее время рано или поздно ему предстоит обмен телами с местным гражданином мужского или женского пола, чего ему сейчас совершенно не хотелось. Не хотелось своим телом закрывать чужую амбразуру. Сначала надо убедиться в безопасности, просчитать все последствия. Дело в том, что он ни с кем не желал обмена телами. Он отменил эту идею сразу по прилете на Мингалу, как совершенно неприемлемую без потери земного своеобразия, менталитета, да и сущности. Конечно, если он совершит его, то, скорее всего, затеряется сам в общей массе населения, он будет вести жизнь нормального, добропорядочного мингалета, о чём в последнее время рассуждал всерьез. Но такая жизнь только не сейчас и не в таком неподготовленном виде в обозримое время. Жениться на мингалке куда ни шло – было бы естественней, и всегда её можно бросить и возвратиться на Землю, но чувствовал ли бы он себя в таком случае счастливым на фоне продолжающегося поголовного обмена телами.

Она опустила руки на стол и внимательно посмотрела на него.

– Я обратила внимание, что вы не притронулись к еде, и рискну предложить вам перекусить со мной.

У женщины голос оказался мощный, чуть хрипловатый, а нос при ближайшем рассмотрении действительно не был острым.

– Не беспокойтесь, я не голоден.

– Тогда крепкие напитки...

– Как вас... я не знаю вашего имени.

– Туфалона.

– Давайте уйдем отсюда, Туфалона. Хорошо? Я завижу вашему городу, в котором жизнь бесконечно бьет ключом.

– Да, да, конечно.

– Но куда?

– Вы не против, если мы отправимся на пароме? – неожиданно спросила она.

Дмитрий был рад любой возможности познакомиться лишней раз с достопримечательностями Мингалы, потому с радостью ответил:

– О, конечно!

Килин Клер разочарованно следил за тем, как Туфалона и Дмитрий покидали ресторан.

Глава 26. У вас квакерский взгляд на проблему обмена телами

Дмитрий и Туфалона заехали в отель “Армикош”, где она переделалась. Это была совсем другая женщина – в шортах и легкой шелковой блузке, а верх головы венчали чёрные очки и широкополая шляпа.

Они с биноклем устроились у борта. Их двухпалубная “Принцесса” проходила мимо десятка необитаемых островов и островков. Порывы ветра приносили с берегов ароматы незнакомых цветов и растений, и они вдвоем наблюдали, как из-за горизонта на них тихо надвигались и принимали все более определенные очертания холмы и горы.

– Позолоченные солнцем горы, изумрудные густые леса, омытые серебром речки. Вот откуда вам надо познать Мингалу, – с восхищением произнесла Туфалона, опираясь руками о поручни. – Через час мы будем далеко.

– Говорят, Мингала обозначает “Благоухающая планета”?

– Чувствуете, как пахнет? – спросила она с наслаждением истинной гурманки, даже патриотки, как показала Дмитрию. – И ваши сомнения развеются.

– Удивительно, сколько разных суденышек!

– В этих лодках живут, едят, обмениваются телами, рожают детей и даже умирают многие островитяне.

– Никогда прежде не встречал ничего прекраснее.

Туфалона рассмеялась, и Дмитрий почувствовал, что его интерес к этой женщине с чуть приплюснутым носом усилился, а её хриловатый и низкий голос действовал на него столь же неотразимо, как и её внешность.

– Где вы остановились? – поинтересовалась она.

– В отеле, – ответил он.

– Вероятно, в будущем вам придется подыскать более постоянное жильё.

Они отдыхали в прохладе чайного домика одного из островов, потягивая кофе. Местечко Дмитрию понравилось. Он немного расслабился, почувствовав себя превосходно после прогулки на море.

– И все же, Туфалона, почему я ещё не видел своими глазами обмен телами? – спросил он.

Она стала вертеть вокруг головой с готовностью тут же сказать: “Да, вот же он”, давая понять, что сейчас утрёт Дмитрию нос за его нежелание видеть дальше своего носа.

– Да, это продолжается каждую минуту... все время, – сказала она. Дмитрий почувствовал нерешительность в её голосе.

– Неужели я слепой?

– По статистике...

– Я не желаю знать статистику.

– Я полагаю, что вы делаете из этого поспешные неосторожные выводы...

– Я верю, что ничто, в сущности, без обмена телами не происходит дельного и существенного. Но где же он?

Туфалона мелкой пилкой неторопливо подтачивала ногти. Дмитрий знал такой тип людей, которые любят ухаживать за своими ногтями, отрачивают их, холят, но никогда не стригут до конца. Ногти для них и культ, и сакральный символ, и вторая натура, и третья сила, и четвертая власть, и пятая колонна, и шестое чувство, и седьмое чудо света и многое другое. Туфалона оттягивала время.

– Безусловно, ничто не может, например, всецело уничтожиться без обмена телами, даже мысль, – задумчиво сказала она.

– Это констатация, но доказательств не нахожу.

– Потому что он ещё окончательно не закреплен законодательно.

– А это причём?

Туфалона резко изменилась в лице, но в голосе её слышались снисходительность и ирония.

– Вы, доктор, морочите людям головы своими вопросами. А вы только бросьте клич, что готовы сию минуту на обмен телами, так сразу набегит уйма желающих. Вот вам и доказательство.

Дмитрий прикусил язык.

Они пересели в маленькую лодку. Посреди лодки Туфалона выпрямилась, высокая, мощная. На фоне крупных объектов, какими были острова, холмы, скалы, она не выглядела хрупкой и нежной, как лилия, и сила соответствовала ей, с какой она оперлась на плечо Дмитрия своей не по-женски крепкой рукой, легко выскочила из лодки и, уверенно ступая сильными ногами, быстро взобралась вверх почти по отвесному склону. В ней таились редкая энергия и выносливость. Дмитрий не хотел ударить лицом в грязь и тоже преодолел подъем с небрежной легкостью, но на щеках проступил красный цвет и сердце билось учащенно больше от страха. Они вышли на остров с каким-то почтительным любопытством, и румянец на её щеках выдавал волнение. Дмитрий сел на большой круглый камень, Туфалона стояла рядом. Начался прилив, вверх летели брызги. Руки и ноги под солнцем обрели красивый бронзовый оттенок.

В этом пустынном уголке моря царили покой и тишина – как будто остального мира не существовало. Полуденное солнце мириадами бликов отражалось в изумрудных волнах. Песок был горячий и мягкий. Они сидели в прохладе уже другого чайного домика, и снова потягивали кофе, вдыхая его аромат.

– Теперь о чём поговорим? – прервала молчание Туфалона. Её голос страдал маленьким недостатком: низкий для женщины, но выигрывал в сочетании с шумом морского прибоя, превосходя его по силе. Это тот случай, когда недостаток превращается в преимущество.

– Я лучше вас послушаю, – сказал Дмитрий, упоенный её хрипотцой.

Туфалона протерла брызги на запотевших очках краем блузки.

– А вы, Дмитрий, – спросила она, – почему вы не женаты?

– На Земле я был студентом, на Мингале мне не делали предложение и я не предлагал. Здесь приоритеты в сторону обмена телами.

– А ещё почему?

– Слишком люблю свою работу. Мне некогда заняться личной жизнью, да и рано об этом думать.

– Вы ненавидите свою работу?

Он удивился, а Туфалона сыпала вопросами.

– Почему вы этим занимаетесь? Почему больными?

– Я объясняю всем – мне хорошо платят.

Туфалона покачала головой.

– Нет, неправда. Есть какая-то другая причина.

– Я – трудоголик, я – одержимый, – ответил Дмитрий.

Она делала попытки проникнуть внутрь его, в его лагерь. К счастью, Дмитрий был неплохой психолог и умел играть свою роль не хуже. Это умение не раз выручало его в жизни.

– Я думаю, – сказала Туфалона, – что в настоящее время я ваш надёжный друг, и, конечно, я знаю высший свет лучше, нежели вы. Как вы предполагаете устроить дальнейшую жизнь, то есть, говоря другими словами, как смотрите на то, что начнете рано или поздно обмен телами? Не стоит откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Это было произнесено обыденным голосом, словно ей было все безразлично.

“Опять лезут в душу с одной и той же формулировкой. Мингалетские дамы все одинаково просты, – подумал Дмитрий. – Мечтают об обмене телами больше, чем обо всем остальном, даже сексе в чистом виде.

– Мне форма зайца также противна, как и форма волка, – откровенно выразился он.

– Не утрируйте, доктор. Разговор идет о человеке, а человек выше животных.

Дмитрий заглянул в её глаза и решил, что с этой женщиной следует быть настороже... и пожестче. У неё, как и у остальных женщин, довлеет феномен “милого мужского образа”, а отсюда появляется желание беспощадно накидываться на этот “милый образ” и эксплуатировать его.

А Туфалона продолжала:

– Парадоксально, но обмен телами надо рассматривать как интеграл постоянного совершенствования. Иначе и быть не должно. Возможно ль, когда страхи отброшены прочь, представить, наконец, наступление блаженного состояния? Человек ощущает себя человеком в буквальном смысле слова, когда он реализуется. Да что я вам это говорю, вы лучше меня все знаете. Вы уже старожил по части проживания на Мингале. Дифференциация граждан предполагает их тесную интеграцию друг в друга в качестве равноценных и равноправных сторон, принятых за единое целое и составляющих неделимый конгломерат.

– Вы выражаете свои взгляды математическими терминами, а есть ещё арифметическая прогрессия, геометрическая прогрессия.

– Могу назвать также и математический принцип неисчерпаемости. Да, в основе обмена телами он лежит

краеугольным камнем, в данном случае это принцип неисчерпаемости человеческого существа, и тут нужно привлекать не только математику, но и другие науки, – подтвердила Туфалона.

– Принцип неисчерпаемости одного человеческого существа для другого оборачивается в итоге исчерпаемостью обоих, – заметил Дмитрий.

– Хотите сказать, существует обратный эффект – проигрыша?

– Конечно, и взаимоуничтожающий...

– Не согласна, Дмитрий, у вас квакерский взгляд на проблему обмена телами. Процесс функционального сближения граждан через брак и семью уходит в прошлое, взаимная интеграция людей друг в друга в современной эпохе имеет более прогрессивное значение. Человек мечтает о полной своей реализации, однако в себе и во всех видит несовершенство. Это его настороженность и тормоз. Ваш пример тому доказательство. На помощь приходит, как ни парадоксально, иллюзия. Человек приближает идеал к действительности, а затем вышвысывает действительность до идеала. Снимаются все точки над “i”.

“Умеют подать свой интеллектуальный товар мингалеты”, – подумал Дмитрий завистливо.

– А далее выступает доминанта – захваченность идей, – в продолжение предыдущей мысли сказала Туфалона и не увидела в Дмитриии внимательного слушателя.

Что будет дальше за доминантой, он уже догадывался. Первые слова, которые были произнесены им после минутного обозревания красот острова, были:

– Не совсем согласен.

– Почему?

– Должен сказать прежде всего, что я не из тех, кто разделяет общих мнений.

На острове ещё был родник, и они долго совершали омовение лиц, а потом расхрабрились и ополоснулись ледяной водой под мышками, затем до пояса.

– Прийти к вам вечером? – неожиданно тихо спросила она.

Как ей ответить. Надо возвращаться, а по пути придумать, что ей сказать.

Правду, чёрт побери, только правду!

– Нет, я живу в гостинице у всех на виду. Скорее не надо.

– Вы будете страшно огорчены, если я приду?

Дмитрий улыбнулся.

– Туфалона, вы меня ставите в тупик.

– Больше не буду.

Дмитрий продолжал улыбаться, когда за ней растворялся соблазнительный воздух. Потом его лицо приняло озабоченное выражение. В глубине души он сознавал – что-то не так. Надо делать приятное женщине, но нельзя уступать женщине.

Даже совсем нельзя.

Глава 27. Мне далеко до роли предводителя

Как ухаживатель, Дмитрий делал роковую ошибку, недостаточно достойно расценивая присущее каждой мингалетской женщине чувство неудовлетворения, когда

она находит, что за ней мало ухаживают, и, что на неё мало уделяют интереса. Если бы он был более внимательным к женщинам, то замечал бы возникающие оттенки на их лицах, как показатель изменения ситуации: вот только что в женщине был красный цвет (стыдливость), как уже появился цвет морской воды (высокомерие); вот жёлтый цвет (раскрепощённость) превратился в белый (равнодушие). И так далее. В отношениях преобладали любые цвета до чёрного (злость). Но его учтивость и деликатность по отношению к любой из них производили сильное впечатление на женщин (цвет слоновой кости).

Благодаря непрекращающейся навязчивости поклонников и желанию Нецинии отделаться от них, по её просьбе Дмитрий теперь часто увозил артистку после исполнения ею своей программы. Маленькие откровенности, которые ему удалось услышать от неё во время этих прогулок, он сопоставлял со сведениями, добытыми самими.

Они остановились в тихом скверике.

– Нециния, как вы оказались в Миао-Чао? Здесь какая-то странная, почти затворническая жизнь для вас.

– Да, нет. Не совсем. Здесь много добрых людей. Я люблю свою работу. Со многими я работаю как бы сообща.

– И Скар?

На секунду её взгляд вновь стал отчужденным.

– А что он?

– Мне показалось... Показалось, что он влюблен в вас.

– Влюблен? Это не так. Половина его души остается с нашей борьбой.

– А вы? Как вы относитесь к нему?

– Он увлекается спортом, в меру горяч, но не теряет самообладания. Очень одаренный, когда-нибудь закончит высшие курсы Генерального Штаба. Отношусь к нему, как к товарищу по партии, соратнику по борьбе.

“Вот, – подумал Дмитрий, – в чем ответ. Понятно, откуда эта отчужденность и холодность, за которой она хочет спрятаться. Борьба – это её убежище. Однако она не совсем отеклась от внешнего мира”.

– Пьет? Любит женщин?

– И то и другое в меру. Скара поглощает военная карьера. Чрезвычайно интересуется стратегией.

– Я советую вам быть осмотрительными, – сказал Дмитрий.

– Вам тоже необходимо соблюдать осторожность. – Нециния прикоснулась к нему рукой. – Мало ли что может случиться.

– Мне кажется, что вы пренебрегаете конспирацией. Почему бы вам для её полноты не обменяться телами? – спросил Дмитрий.

– Никаких обменов, – сказала Нециния, – пока не победим. Мы не имеем права заниматься тем, в чем ограничен народ. Все равно, что любовью во время чумы.

– Нециния!

– Да, Дмитрий.

– Прошу, будьте деликатны с властью...

В это время подошел Скар.

– Скар, почему ты не хочешь быть откровенным? – спросил его Дмитрий. – Ты мне не доверяешь? Я очень обязан тебе и хочу помочь, чем могу. Что ты скрываешь?

Почему ты против правительства? И что намерен делать дальше?

Скар задумался. При упоминании правительства его глаза полыхнули таким гневом, что Дмитрий даже испугался.

– Почему ты ненавидишь правительство?

К его удивлению, на этот раз тот ответил прямо:

– Из-за его непопулярной в народе, прямолинейной политики.

– Не понимаю.

– Не понимаешь?! – гневно выпалил Скар. – Не понимаешь, как гнусно скрывать от народа правду, что оно неограниченно и закулисно пользуется обмена телами, попирая законы. Все перемешалось: семейные узы и узурпаторство, не поймешь, кто за что отвечает, возможно, вместо императора правит лжеимператор, откуда мы знаем, а лжепремьер-министр в это время морочит нам головы показной деятельностью. Для них нет запретов. Они укрываются за широкими стенами во дворцах от народного гнева, а поколения обычных людей должны бесконечно ждать своего часа.

– Bravo, Скар! – воскликнула Нециния.

Дмитрий отвел Скара в сторону.

– А не лучше ли влюбиться и забыть всё на свете? – спросил он его.

– В Нецинию, которую любишь ты? – взорвался офицер.

Дмитрий проглотил обиду. Немного погодя задумчиво сказал:

– Вот ты спросил, люблю ли я Нецинию. А сам ты любишь её? Ведь ты единственный мужчина, с кем она желает общаться. Зачем ты ходишь к ней, если она тебе безразлична?

Лицо Скара вдруг посуровело.

– Да, я люблю её, – неохотно признался он. – Но она отказывается выйти за меня замуж. Ставит условие.

– Какое?

– Чтобы я не занимался политикой.

– Ну и не занимайся.

– Ей нужен гарант.

– Какой?

– Пока не осуществится революция. До полной победы.

Скар вздохнул:

– Я хочу, чтобы ты был с нами в нашей общей борьбе.

– Я хочу того же, – тихо ответил Дмитрий. – Ваша борьба – моя борьба, мое святое дело.

– Если бы ты возглавил восстание, все пошло бы по-другому.

Дмитрий призадумался.

– Скар, извини, мне далеко до роли предводителя.

Глава 28. В газетах упоминается группа “Цетрион”

Когда утром Дмитрий вышел на улицу, у него появилось ощущение, которое – он уже знал – не покинет его до самого конца его эпопеи на Мингале: ощущение, что все на него смотрят. Ему стало казаться, что какие-то незнакомые люди не сводят с него пристальных взгля-

дов. Он то и дело оборачивался, однако ни разу не обнаружил ничего подозрительного. И так целый день.

В начале прогулки на ночь Дмитрий увидел взволнованного почитателя, тот быстро шел вдоль выставочного манежа, перерезая дорогу. Дмитрий понял, что путь домой ему закрыт. Он со всех ног бросился бежать. Ему попался узенький проулок, он свернул туда, пробежал немного и остановился, прижавшись к железной ограде. И увидел этого человека снова – тот шел прямо на него.

Дмитрий нырнул в ночной бар. Выйти на улицу? Вернуться туда, где его преследует поклонник? В этом есть смысл, если сейчас вообще можно говорить о смысле. Он стал объектом преследования, а теперь, возможно, нападения, шантажа. В газетах упоминается группа “Цетрион”, за безобидностью которой скрывается серьезная опасность. “Цетрион” ставит своей целью добиться обмена телами с землянином под видом глубокой дружбы с ним. Невидимая армия. Эта группа растет не по дням, а по часам.

Дмитрию надо было собраться с мыслями. Он думал о том, что, прежде всего, должен обеспечить свою полную безопасность. Это, сам того не зная, подсказал ему император. Нужно организовать себе круглосуточную охрану. Пусть его охраняют открыто, без всякой таинственности. Охраняют так, чтобы все поняли: он вне опасности и нападков.

Кафе в подвальчике, полчаса на две чашки кофе, и он благополучно отсиделся от преследования и поднялся в гостиницу.

В кабинет была настежь открыта дверь. Она всегда закрыта. Дмитрий прошел, зажег свет, и у него перехватило дух. Он остановился как вкопанный.

Рабочий стол Дмитрия всегда был завален грудями бумаг, но сегодня это не был обычный беспорядок, когда каждая бумажка знала свое место. Теперь здесь был хаос. Стекланный аквариум овальной формы был разбит, а вода залила документы. Зеленая травка на дне уже пожухла, а камень высох. Но возле него затаилась изумрудная черепашка, живая и невредимая.

Всё было перевернуто вверх тормашками. Настольный календарь сорван со стены, книги валялись на полу, мебель была опрокинута и вспорота, ковры подняты, стены местами разворочены. Следы большого погрома. Словно прошелся Мамай по Руси. Два шкафа с картотечкой валялись на боку в центре пола, их задние стенки были выломаны, длинный письменный стол отодвинут от стены, расколот и разбит.

Дмитрий сбегал на кухню. И тут все ящики с посудой были выдвинуты, все шкафчики обысканы. На стенах во многих местах содраны обои. Как же так, свои светящиеся окна он всегда видит издали. Дмитрий проверил окна. Они были плотно закрыты, а шторы без зазоров прижаты к подоконникам. Вот почему сквозь них свет не мог просочиться ни внутрь, ни наружу.

В номере поработали профессионалы. Дмитрий вернулся в кабинет и сел на вспоротое кресло. У него было неприятное чувство, кому и зачем понадобилось что-то искать? Он попытался собраться с мыслями. “Время работает против меня. Я пешка в чьих-то руках” – думал он. Мысли хаотически толпились в мозгу. Что-то случилось. Похоже, им занялись вплотную, он кому-то перешел дорогу.

В чем?

Люди, обыскавшие его номер, не нашли того, что искали. А может быть, нашли? Неизвестно. Понятно одно: человек, до этого преследующий его, действовал отвлекающим маневром.

Очевидно, был повод чтобы всё обшарить. Но после проверки все папки, все документы оказались на месте. Что же они искали столь тщательным образом?

Проанализировав ещё раз все, заставив свою память точно восстановить предыдущие события, Дмитрий понял, что зацепиться не за что, и мингалеты были с ним обходительны, обворожительны, гостеприимны.

Он осмотрел письменный стол. Стекло, лежавшее на нём, было поколото на мелкие кусочки. Единственно, пропали фотографии, где он сам в ретроспективе развития. Семейные: мать, отец, любимые девушки были на месте.

Интересно, кому они могут понадобиться?

Не тронута оказалась спальня. Может быть, не хватило времени? Но кто-то повалился по постели. Признаки нарциссизма, осложнённого фетишизмом?

Дмитрий бросился смотреть нижнее бельё. Так и есть, часть вещей пропали.

“Женщина? Но не исключается и мужчина!”

– Могу я что-нибудь сделать для вас? – Молоденькая горничная в белой рубашке и голубых шароварах, подпоясанных розовым кушаком, вошла с коридора и почтительно наклонила голову.

– Спасибо, ничего не нужно.

– Вызвать полицию?

– Скорее не надо, я думаю, кто-то ошибся номером.

– У нас это исключено.

– Я осммотрительный человек и готов ко всяким slučajностям, – сказал Дмитрий ей, – но то, что произошло у меня в номере, – ужасно.

– Я знаю, вы хорошо владеете собой, но кто это сделал?

Дмитрий не ответил. Он просто молчал.

– У вас есть враги?

– Насколько мне известно – нет.

– Тогда вы – жертва какой-то грязной возни или политической борьбы.

– Не знаю.

– Странно. Мы, мингалеты, не безответственные люди. Мы дорожим своей репутацией.

– В таком случае, примите мои соболезнования по этому поводу, – с иронией сказал Дмитрий.

– Может, желаете поужинать?

– Только, что-нибудь легкое.

Поднос с бутербродами и соком появился через минуту. Дмитрий поужинал, хотя кусок не лез в горло.

Молоденькая горничная снова стояла перед ним, почтительно наклонив голову.

– Может быть, приготовить горячую ванну?

– Я сам.

– Я могу остаться без работы.

– Тогда очень признателен.

Дмитрий посмотрел ей вслед. У неё было круглое личико, вздернутый носик, большие широко расставленные глаза. Разница в обслуживании впечатляла.

Через минуту она была в легкой, если не совсем легкой одежде. Дмитрий посмотрел на неё и от удивления открыл рот. Она явила на себе в верхней части совсем раскрепощенную одежду. Привычные голубые ша-

ровары были на месте, но вместо рубашки с длинными рукавами на ней была белая короткая распахнутая жилетка с золотым кантом спереди, по которому расположились пуговицы. Но что удивительно, её остальное тело просвечивало сквозь отдельные клетки жилетки и тонкую ткань. Под ней явно ничего больше не было. Дмитрий привык к экзальтациям мингалетов, для которых голое тело являлось предпродажной рекламой перед обменом телами. А в данном случае, что это?

– Как тебя зовут?

– Смелга. – Она обворожительно смотрела на него.

– Обязательно нужно купаться?

– Чтобы смыть дорожную пыль.

– А если я не хочу?

– Как угодно. Если не пыль, то усталость должна быть смыта.

– А зачем это переодевание?

– Чтобы мне было удобней вас купать.

Приготовление ванны заняло несколько минут.

– А вы не такой плохой для землянина, – сказала

Смелга. – Теперь я вас несколько не боюсь.

Дмитрий не ответил. Он блаженно растянулся в ванне.

С минуту Смелга терла ему плечи, а потом вдруг прильнула к нему и поцеловала в губы. Дмитрий страшно удивился.

– В чем дело?

Девушка отстранилась и впиалась в него взглядом.

– Вам неприятно?

– Да нет, неловко – ответил он.

– Вы женаты?

– Разве это имеет значение?

– А что – нет?

Все его чувства обострились, однако в голове у Дмитрия было абсолютно ясно.

– Но ведь ваша жена на другом конце галактики.

– У меня нет жены.

– Неужели, вы холостой?

– Да.

– Ну конечно, зачем вам обременять себя. Но дети-то ваши, наверное, бегают по свету. И их много.

Ее непосредственность на грани неучтивости забавляла Дмитрия. Смелга подвинула чашку кофе.

– Попробуйте.

Дмитрий послушно сделал несколько глотков и чуть не захлебнулся от сладости. Он привык пить кофе полусладким.

– Сахара недостаточно? – поинтересовалась Смелга.

– В самый раз, – с уныло вытянутым лицом ответил Дмитрий.

Она довольно улыбнулась.

– Обожаю послаще.

– А я нет. – Дмитрий уставился рассеянным взглядом в стенку.

– Что-нибудь случилось?.. Неприятности?.. – мигом догадалась Смелга. – Вы такой озабоченный.

– Нет, просто очень много работы ждет завтра.

– Вы прямо ученый отшельник, Туфалона, – сразу же пошутил Дмитрий при новой встрече.

– Больше не буду надоедать вам сухой наукой, – ответствовала она, – поскольку доминанты вас не интересуют.

Они отправились в один из самых престижных спортивных клубов Миао-Чао, чтобы поплавать в бассейне. Идти приходилось по гравию, мелким-мелким камешкам, чистым и сверкающим, как сапфировые кристаллы. Дмитрий наклонился и с удивлением поднял один из них.

– Честное слово! – воскликнул он, бросая в карман несколько. – Я изумлен. Можно подумать, что их каждое утро моют в стиральном порошке и горячей водой, а затем для блеска мочат в уксусе.

– А вы не подумали, что они искусственного происхождения? – спросила Туфалона.

– Уж больно красивы, как и всё прекрасное на этой планете?

– А прекрасное – для вас это что?

– Конечно же, мы с вами и обмен телами.

– Доктор, вы научились делать комплименты и, наконец-то, входить в существо наших проблем.

– Неужели я прогрессирую?

Его вопрос не остался без ответа.

– Во первых, для меня приятен ваш любой эмоциональный выброс. Во вторых, я понимаю, почему вы и свободное время проводите в Медицинском Центре – в работе вы находите забвение. И в то же время это можно рассматривать как дезертирство. Вас силком приходится вытягивать на свет.

Они погрузились в воду. Два сильных взмаха и Туфалона ушла под воду.

– Скажите, ну разве Госден не милашка? – спросила она, вынырнув из воды, где находилась долго. Дмитрий с напряжением смотрел на часы, на которых прошло две минуты. Мокрые волосы Туфалоны плотно прилипли к её голове, а на концах ресниц дрожали крошечные капельки воды.

– Да, она очень приятная женщина, – согласился он и поплыл в дальний конец бассейна. Туфалона не отставала от него.

– А Шарлет?

– Тоже.

– А эта артисточка, Нециния?

– Почему вы о ней пренебрежительны?

– Возможно, она срывает излишне громкие аплодисменты.

– Ну, она стоит особняком. Очень талантлива.

– Но больше всех вас поразила, конечно, Джаина?

– А кем вы работаете? – прервал цепь вопросов Дмитрий.

Туфалона обаятельно улыбнулась, а ответила уклончиво:

– Так, занимаю некую невысокую должность на государственной службе.

– Городская администрация?

– Не столь это сегодня важно знать.

– Секретный отдел?

– Смешной вы человек. Все вопросы задаете.

– Это вы больше устраиваете допрос с пристрастием.

Она спросила:

Глава 29. У вас глаза разведчицы

– Скажите, а какова официальная политика у вас на Земле местных властей в отношении обмена телами? Мы много о вас знаем, но информация, как и прежде, отрывочная и редкая.

Дмитрий много начитался фантастики, а потому ответил:

– За ним будущее.

– Ну, разве это не великолепно! – воскликнула Туфалона, при этом её глаза пытливо охватывали все пространство вокруг.

Дмитрий плыл на спине впереди неё, что помогало наблюдать за ней.

– У вас глаза разведчицы, очень пронизательные и вездесущие, – вгляделся он в неё.

– Разве я вас о чём-нибудь спрашиваю, входящем в компетенцию подобных органов?

Дмитрий воззрился на Туфалону. Странно, ничего не говорило прямо о её профессии. Тем не менее... Из её информированности по именам и ловких объяснений вытекало, что вопросы не были предметом обычной женской разговорчивости, любопытства или ревности к другим женщинам, а что она явилась сюда прямо из секретного отдела. Он поразмыслил над этим, но решил не делиться своими сомнениями.

– Вы не против, что я напросилась к вам в компанию? – спросила Туфалона, когда они вышли на улицу.

Дмитрий посмотрел на неё сверху вниз и улыбнулся.

– Господи, разумеется, нет. Вы не похожи на Ивана Сусанина – был такой проводник на Земле, который погубил вражеское войско. У нас на планете существует поверье, что можно и надо войти в высший свет при помощи женщин.

Туфалона сегодня была в плотно облегающем тело платье, напоминающем чёрный чулок, расклешенный вниз, с длинными рукавами и высоким воротом. Дмитрий прикинул, её возраст соответствовал 35-38 годам. После короткого платья выглядывала узкая юбка, заканчивающаяся у самых щиколоток. И ещё одна юбка. В чём-то цыганка, которая носит весь свой гардероб на себе. Волосы после воды были собраны на затылке. Для её лет она выглядела восхитительно, больше похожая на провинциалку, нежели на высший свет.

– У нас тоже, – сказала она, – мужчина, приобретя блондинку, демонстрирует всему миру, что он не прежний скромняга, а авторитет, что приобрёл вес в обществе, извлекая из этого неплохие дивиденды.

Глядя на красивый город, залитый ярким солнцем, Дмитрий подумал: неужели в таком месте могут происходить невообразимые события, и что-то несусветное.

Тем более то, ради чего он сюда прилетел.

Невероятно, но факт.

Загородный ресторанчик на территории спортклуба, в который они зашли, назывался “Миао-чаоский пес”, и, разумеется, все там было даже лучше, чем в московских традициях. Кормили хорошо, напитки подавали крепкие и в изобилии, и, видимо, все любили посещать это значное место.

Дмитрий и Туфалона только что выпили по второй рюмке и заказали мясо и овощную смесь. В довольно просторном зале было ещё, может быть, с два десятка человек. В углу сидел старик и читал газету, держа её вертикально.

Дмитрий заинтересовался:

– А это кто?

– По всей видимости, страждущий обмена телами, ожидающий, когда объявится партнер на взаимность. Типичный представитель городского пейзажа.

– Нет, он слишком спокоен.

– Я бы не сказала.

– И вам, Туфалона, ведь тоже так показалось.

– Это вам, Дмитрий, всегда в последнее время всё кажется, не правда ли?

– На примере старика, я заметил, ваши люди умеют прятать напряжение. Видимо, только их личные врачи знают, как они это делают успешно.

– Я думаю, с помощью принятого у нас успокоительного средства потелуила.

– На вид старик вполне доволен собой и не покушается на обмен телами. Но всегда что-то выдает человека с головой, – все не соглашался Дмитрий, – а здесь ничего не говорит за него.

– В таком положении он может просидеть и час, и два, и больше. Как схоронившийся хищник.

Дмитрий улыбнулся.

– Думаю, Туфалона на этот раз явно заблуждается.

Туфалона надула губки. Уж она-то знала, что никогда не ошибается в людях.

– По-моему, – сказала она, – спокойствие – это все тот же предлог. Старикам хочется, чтобы их не забыли в старости. Очень трогательно, что они не говорят об этом прямо, а выражают свое желание через такие вот выжидательные поступки.

– Туфалона, а почему бы вам не подойти к нему с инициативой и первой не предложить обмен телами? Уважьте старика на старости лет!

– Дмитрий, вы меня ставите в очень неловкое положение.

– Это для эксперимента...

– Шутите?

– Вы ведь все на Мингале помешаны на обмене телами.

– Но не с бухты-барухты?..

– Ещё бы, – засмеялся он. – Неравноценный обмен. Неравный брак – как говорят у нас на Земле – это есть мезальянс.

– Вы просто не знаете мингалетов, Дмитрий, – рассердилась Туфалона. – Такие морально-этические проблемы второго плана для нас, конечно, незначительны. Незанимательны даже такие высокие, как “есть ли жизнь на других планетах?” Это природе без разницы: кто с кем контактирует, в каком облике пребывает. Только не этому старику – он тот ещё фрукт, сам себе на уме!

– Просто диву даешься, на что способны люди и народы, когда появляется стимул и желание все превозмочь! – воскликнул Дмитрий.

– Мне кажется, что вас не только это волнует? – спросила Туфалона.

– У вас слишком эмансипированные люди.

– Это недостаток или преимущество?

Дмитрий смешался.

– Они глазами едят, даже, сказал бы, насилуют.

– Для нашего народа это как величайший из комплиментов.

– Некоторые ваши граждане до неучтивости, даже непотребства настойчивы в своих притязаниях и помога-

тельстввах. Ни стыдливости, ни гордости, ни их сочетания.

– Это ещё один комплимент, доктор. Все зависит от того, как смотреть на вещи, под каким углом зрения. Например, многие женщины хотят быть растоптанными, рабски поработанными мужчинами, даже с элементами садизма.

– Я этого не заметил.

– Поживете у нас ещё год-два, поймете.

– Привычками, настырностью и напористостью ваши граждане в преследованиях похожи на сексуальных маньяков.

– Приведите пример.

Дмитрий задумался, кто более типичен: Джаина, Пуальфина, те же царствующие особы Шарлет и Госден, да и ты, Туфалона, ничем не лучше других.

– Вспоминаю Конго на Земле, когда я со студенческой подружкой проходил практику, путешествуя по Африке, и к ней нахально приставали чёрные мужчины, в открытую напрашиваясь на близость. Один негр целый день преследовал нас и даже признался, что у него голова болит, если он не поимеет в день 15 женщин.

– Специфичный для вас и неудачный пример для нас.

– Почему?

– Потому что он про секс, а мы говорим об обмене телами.

– Но это правда!

– О, земной колорит!

– Почему у вас в большей степени обмен телами, а не секс, является средством утверждения превосходства личности?

– Вы, конкретно, о мужчинах спрашиваете?

– По мне, женщины даже больше преуспевают.

– Обязательно, – сказала Туфалона, – если учесть, что тех и других половина на половину, в мужчинах всегда есть неудачный комплекс удачливой женщины, а наоборот – не всегда.

– А все же?

– Это завоевание нашего народа.

– Вы любите кидаться высокопарными словами.

Туфалона не обратила внимания на колкость, потому что подумала, что это очередной комплимент.

– Дмитрий, лично вас женщины больше донимают или мужчины?

– Женщины.

– А сильный пол?

– Мужчины больше дарят свои визитки, оправдывая деловые отношения.

– Женщины бывают порой весьма практичными и прагматичными и они желают сохранять этот высокий стиль до конца.

– И беспардонными... – добавил Дмитрий.

– Давайте договоримся так: секс – это секс, а обмен телами – обмен телами.

– Я не делаю различия, границы и стыковки размыты и весьма условны.

– На чем строится ваше утверждение?

– На тенденции низменных инстинктов.

– Доктор, так к чему вас больше женщины склоняют?

– Скорее к обмену телами, не гнушаясь по ходу дела и всем остальным.

– Вот видите, какой у нас в обществе сдвиг – от примитивизма к прогрессу!

Дмитрий съиронизировал:

– Точнее, от прогресса к примитивизму! Именно женщины проводники этой тенденции.

– Кто они? – резко ухватила за эту мысль Туфалона. – Назовите имена?

– Не буду их конкретно называть.

– Некая дама?

Дмитрий не знал, что на это ответить.

– Человек предполагает, а Бог располагает, но всегда за результатом кто-то стоит, – начала Туфалона, чтобы поддержать затухающий разговор.

Дмитрий упорно хранил молчание.

– Боюсь, что мы не сможем игру в молчанку продолжить в том же духе. – Туфалона была раздосадована.

И тут Дмитрия прорвало и он признался, сказав одно слово:

– Да.

– Мужчина или женщина?

– Пальцем ткни – не ошибёшься!

– У неё свои далеко идущие планы относительно своего и вашего будущего?

– Окажись оно претворенным, всё может сплестись в невообразимый орнамент, – подтвердил опасение Дмитрий.

– Я – женщина и все понимаю. Женщина – есть женщина.

– Мне от этого не легче.

– Вы этой некой даме пытались вскружить голову? – спросила Туфалона.

– Совсем наоборот.

– Она один из ваших абсолютов?

– Да, да, да! – нервно выкрикнул Дмитрий. – Можно сказать так: на её стороне преимущество положения.

– Это, я так понимаю, не средний класс?

– Высший свет, и ещё выше.

– Сильные мира сего. Как я догадываюсь, это премьер-министрша или императрица?

– Нет-нет! – взмолился Дмитрий.

– Не желаете их подставлять?

– Какое это имеет значение? Не имею права!

– Обмен телами, как прихоть – это, наверное, и есть привилегия звезды? – задумчиво произнесла Туфалона.

– Не смею вас переубедить. Вы определили точно.

– Пока вы ограничились только сексом?

Дмитрий ошеломленно смотрел на Туфалону с её допросом с пристрастием.

– Они подкатываются и подкладываются под меня сами.

– Но какой вред своим поступком эта некая дама может нанести вам, сильному мужчине?

– Трудно так сразу спрогнозировать.

– Да, никакой, Дмитрий. Недаром говорят: сильным ударом меча можно свалить могучий дуб, но не рассечь платок из тончайшего шелка.

– Почему?

– Это сама природа.

– Из-за этой самой природы, Туфалона, я боюсь потерять медицинскую практику.

– У вас есть все: ординатура, клиника, семинары – я не вижу исключительных причин при всех форс-мажорных ситуациях.

– Обстоятельства выше меня, что я могу поделаться? – выкрикнул Дмитрий.

– Вы чего-то другого страшитесь.

– Мне очень жаль Мингалу, но собственная свобода важнее.

– Я понимаю ваше беспокойство. Если сильные мира сего не реализуют свои прихоти, вы потеряете много, если реализуют, вы потеряете ещё больше, а вам этого очень не хочется.

Дмитрий задумался.

– Я часто предаюсь мыслям, а не лучше ли спрятаться в свою раковину?

– Мой дом – моя крепость, так, кажется, у вас говорят на Земле?

– Легко сказать, трудно выполнить.

– Я предупреждаю, вы всего-навсего несведущий землянин, а это значит, что к вам можно всегда подобрать ключик.

– Я почти изучил всю вашу машину законов.

– И что они вам сказали? Отвечаю, что вы попали не туда, где можно легко противиться системе, – наставительно сказала Туфалона.

– Вы меня пугаете.

– Дмитрий, не горячитесь, здесь есть над чем вам поразмыслить.

– Туфалона, я не верю вам.

– И не надо.

– Потому что вы не на моей стороне.

– Успокойтесь, пожалуйста, я ничего из ваших рассказов сомнению не подвергаю.

– Но и помочь не хотите.

– Дмитрий, что вас не устраивает во всех ваших встречах? Эти женщины – они аферистки?

– Так прямо не скажешь, но меня огорчает, что редко встретишь женщин, с которыми становишься лучше и чище. Напротив, все они вольно или невольно превращают мужчину в грубое животное, в мужлана.

– Э, друг мой, – иронически оглядела она его, – если женщина предсказуема, она теряет добрую половину своего шарма. Да и то, что эта некая дама сделала с вами – не такой уж обман. Это может быть простодушная шутка или – интеллектуальная игра, – насмешливо проскандировала Туфалона. – Впрочем, в любом случае нечего расстраиваться и вам самим выбирать свой стиль поведения.

– Только розыгрышей мне не хватает! – вскипел Дмитрий.

– Волноваться не следует, пока всё говорит, что вы крепкий орешек, что вы не очень-то поддаетесь чужому влиянию.

– Женщины у меня в печёнках, как можно им воспрепятствовать?

– Очень просто.

– Как, элементарно?

– У вас, насколько мне известно, есть пословица: если Магомет не идет к горе, гора идет к Магомету.

– И что дальше?

– Доктор, вы сами их домогайтесь, и отобьёте добрую половину представительниц слабого пола.

– Неожиданный поворот!

– Дмитрий, смотрите на мир проще. Мингала – под вашими ногами, все радости жизни ждут вас с распростёртыми руками.

– Я не разбираюсь в хитросплетениях придворных интриг!

– Я бы посоветовала вам поменьше отвлекаться на медицинские проблемы.

– Но это моя работа и жизнь!

– Доктор, век наш короток до умопомрачения. Можно остаться, обратите внимание на новый термин, бездельщиком до конца дней своих.

– Ну и ладушки.

– Как в сексе девственником.

– Здесь я не из пугливых.

– Вас даже не останавливает развивающийся, всё более тяжелый свод наших законов?

– Туфалона, я их изучил, но прихожу в ужас от сложности и многообразия правил обмена телами, запутался от всех этих наставлений о порядке и этикете, принятом в светском обществе. Я не нашел того, что искал, но зато понял, что соблюдение всех форм и технологий обмена телами требует затраты эмоций и внутренних сил, огромного количества времени, и для усвоения мне пришлось бы предварительно прожить не одну цельную жизнь.

– Доктор, наберитесь терпения, всего лишь.

– У меня времени нет.

– Но, я так думаю, не желания. Надо найти.

– А где его набраться?

– Сожмите рабочий день.

– Это исключительно сложная проблема для меня и моих сотрудников. Мы все фанаты своего дела и законопослушны.

– Да, это одно из неприятных “но”, все должны подчиняться законам.

– А что они говорят об отказе от обмена телами?

– Каждый имеет полное право на отказ, но тут, обратите внимание, ущемляются права других на свободу выбора.

– Если можно, прокомментируйте.

– Дмитрий, отказ от обмена телами оборачивается тяжким кризисом доверия и веры в человечество, а это бумеранг, бьющий по темечку первого себя самого.

– Лавирование между Сциллой и Харибдой?

– Да, полет в чёрную дыру.

– Что вы ещё советуете делать?

– А вы всегда соглашайтесь.

Дмитрий опешил.

– Как?

– Не идите на поводу, но и не доводите ситуацию до абсурда в разрешении конфликта.

В чём-то она права. Дмитрий задумчиво смотрел вслед удаляющейся Туфалоне. Да, она прямолинейная, странная, но умеет зажечь и увлечь под свое влияние.

Если бы ещё он мог прочесть её подлинные мысли.

Глава 30. Сегодня я оперирую вросший ноготь

Невзирая на полученные строгие наставления, Пуальфина упорно ждала в стороне, когда Дмитрий распрощается с Бенигной Клабб. А пока она подошла к телефонному колпаку и спряталась за стеклом. Иначе поступить она не могла. Пуальфина знала о необходимости разговора с шефом тайной полиции.

Она загородила дорогу на выходе из парка спорт-клуба.

– Я отниму у вас всего несколько минут для рапорта.

Бенигна Клабб даже не повернула головы.

– Отлично, я слушаю.

– Извините, что отвлекаю, но я тут кое-что обнаружила и подумала, что для вас это было бы очень важно.

– Так, Пуальфина, что ты хочешь мне сообщить? Только быстро и по существу.

– Я бы не стала вас беспокоить, если бы не чрезвычайные обстоятельства.

– Что случилось?

– Многое, – тяжело уронила Пуальфина. – Хуже всего, что Дмитрий встречается регулярно и с императрицей Госден и, не менее, женой премьер-министра Шарлет.

– Это его временная или продолжительная увлеченность?

– Это его неосознанность, непринципиальность, непоследовательность и, соответственно отсюда, умственная перегрузка в сочетании с напряжённой работой.

– Не понимаешь разве, он с ними расслабляется как умеет! – ухмехнулась Бенигна.

– А потом приходит на работу с красными кругами в глазах.

– А что ещё?

– Джаину можете исключить из списка. Она не собирается ломать копы из-за обмена телами с Дмитрием.

– Что за причина?

– Боится потерять работу.

– Спасибо за сведения, – сказала Бенигна. – Когда Дмитрий встречается с Шарлет?

– Мне это неизвестно.

– А с Госден?

– Сегодня в гостинице “Феасант”.

– Не путаешь?

– Для чего мне вводить вас в заблуждение?

– Зачем это Госден?

– Не знаю. Просочились сведения, что для неё очень важно.

– М-м, тебе, конечно, нужно там присутствовать, но после немедленно доложи мне.

– Хорошо.

– Непонятно, почему эта встреча так важна. Разберись, но будь осторожна.

– Хорошо.

– Теперь иди.

Пуальфина в нерешительности топталась на месте.

– Что Госден там делать? Может быть, акцент на Шарлет? Нет, та великая неудачница, ей надо уйти из его жизни, – торопливо сказала она.

– Эти высокородные женщины весьма зубастые, – задумчиво произнесла Бенигна Клабб. – На них нужны, ох, какие еще более острые зубы.

– Можно и без зубов. Возможно потому, что у Шарлет не очень приятные манеры, а у Госден не всё в ладу с нервами. А общее у них то, что наступил климакс, а они не согласны с ним, но природа не спрашивает об этом.

– Так рано?

– Я знаю женщину, у которой он наступил в двадцать пять лет.

– Бывает и раньше – климакс помолодел, – Бенигна пожурела Пуальфину. – Продолжай, чем неожиданнее сведения, тем неоспоримей результат.

– Хуже для них то, что как Госден, так и Шарлет, обе отличаются напористостью доказывать свою правоту.

На это Бенигна воскликнула:

– Зато у Джаины, в отличие от тебя, правильный прикус, когда говорит правду!

Пуальфина стояла перед шефом, как общипанная курица.

– Да, агент Пуальфина, ты выяснила, что нужно для обмена телами?

– Только исключительно желание и добрая воля сторон.

– Опять двадцать пять! Это не ответ. Ты когда-нибудь будешь понимать с полуслова?

– Ах, извините.

– Ты тонешь в омуте педантизма, неправильно трактуя нашу великую конституцию. Наслушалась всякого. Ищи его дневник.

– Пока он не попался мне.

– Там весь механизм...

– Меня ждут в операционной в три часа.

– Прекрасно, иди, вырезай сердце очередному больному.

– Сегодня я оперирую вросший ноготь, – стыдливо замялась Пуальфина.

– Только не кисни, Пуальфина, терпи сырых в больнице. Ты проделала огромную работу. Появились новые данные, и мы начнем их прорабатывать.

– Идти?

– Повтори приказ.

– Дневник, и ещё раз дневник.

– Ладно, ступай, не будем терять время.

– Слушаюсь.

Глава 31. Обмен телами необходим как божий день

Шарлет по телефону искала Дмитрия. Надо идти в ресторан “Нескафт”. Он не отвечал. Это её радражало.

Шарлет терпеливо ждала, слушая далекие, глухие гудки и, наконец, спрятала трубку. Она долго и неподвижно сидела и думала о докторе. Последнее время ей стало казаться, что он сделался каким-то отчужденным, прохладным. “Много работы”, – говорил он по телефону. А может, у него появился кто-нибудь ещё? “Нет, это невозможно, – рассуждала она. – Он принадлежит мне. И всегда будет принадлежать только мне одной. Я первая положила на него глаз”.

Встреча произошла, когда Дмитрий возвращался в гостиницу усталый из Медицинского Центра. Шарлет была в маске, в том самом знакомом облачении и их ждал тот самый эргомобил.

– Вы, скорее, решили завладеть моим сердцем? – услышал он срывающийся голос. И вопрос был направлен прямо в лоб. Человек, умеющий обходиться без предисловий, ценился для Дмитрия не менее, чем человек умеющий начать разговор с предисловий. Всё же это была женщина, а он иногда делал им поблажки.

Дмитрий продолжал идти по тротуару, а эргомобиль тянулся рядом с ним.

– Насколько знаю, ваше сердце занято другим, – ответил он.

– А ваше – нет! – сделала на это акцент премьер-министрша.

– А если копнуть глубже?

– Сердце, но не тело! – возразила Шарлет.

Дмитрий принял правила перепалки.

– А что важнее?

Шарлет было трудно признаться в ошибке.

– Тело... – с усилием воли произнесла она.

– Не уверен в вашей откровенности.

– Я не должна вам ничего доказывать, это вы должны сделать.

– Шарлет, у вас, я насквозь вижу, солидный стаж в обмене телами, а вы путаетесь в понятиях.

– А вы – кто вы на самом деле? Выдаёте себя не за того, кого надо! А говорите, что без всякого стажа... Достаточно хороший довод.

– Это ни о чём не говорит.

Шарлет совсем успокоилась.

– И мне не найдется укромное место ни в вашем сердце, ни в вашем теле? – спросила она.

Дмитрий глубоко молчал.

Румянец её усилился.

– Я хотела бы наложить на вас запрет на обмен телами, – прошептала Шарлет. – Чтобы вы побыли в моей шкуре. Вы... вы держитесь со мной так холодно, так отчужденно.

– Я? – Дмитрий изобразил недоумение, и обалдело уставился на неё.

– Да, вы должны быть наказаны.

Далее путь Дмитрия и Шарлет пролегал пешком через площадь Согласия. Впечатление было такое, что манифестации на площадях не прекращаются ни на минуту. Здесь, в отличие от других площадей, демонстранты основательно облюбовали территорию, появились палатки, костры, питательные пункты.

Шла с флагами демонстрация, поддерживающая политику правительства с элементами критики. Скорее это была похоронная процессия. За флагами несли пышный гроб. В мегафон рассказывалась история смерти покойника:

– Этот юноша, не успевший насладиться красотами жизни, умер от большой любви, потому что его девушка отказала ему.

Это повторялось много раз.

– В чем отказала, конкретно? – спросил Дмитрий Шарлет.

– А вы как будто не понимаете?

– Неужели, в неразделённой любви?

– Она не хотела войти в его тело, – объяснила Шарлет.

– Ему недостаточно было посчитаться с её желанием?

– Я нахожу его поступок геройским, это его вызов всему деструктивному обществу.

Длинный мужчина с обвислыми усами популярно комментировал ситуацию:

– Чтобы таких прецедентов не было, новый закон обязан расширить полномочия граждан, для этого надо

внести запись в Конституцию: “Никто никому не должен препятствовать с обменом телами”.

Дмитрий прислушивался к возвышенным речам, он остановился возле женщины, которая упивалась возможностью исповедать своё миропонимание.

– Одним из самых трагических свойств человеческой природы, насколько известно, является наша склонность откладывать осуществление своих чаяний на будущее. Мы все мечтаем о каком-то волшебном саде, полном роз, который виднеется где-то за горизонтом, вместо того чтобы наслаждаться теми розами, которые растут у нас под боком, под нашими окнами сегодня.

Вокруг импровизированной трибуны собралась угрожающая группа, которая сделала площадь объектом своих горячих высказываний.

– Почему мы такие глупцы, такие ужасающие слепцы и сладкотерпцы, почему настолько глухи друг к другу? – раздалось слева.

– Как странно мы живем? – раздалось справа. – Ребенок говорит: “Когда я стану взрослым, я буду тем-то”. Став взрослым, он говорит: “Когда я женюсь, у меня будут дети”. Наконец он женится, но от этого мало что меняется. Он начинает думать: “Когда я смогу уйти на пенсию, я спокойно отдохну”. Затем, когда он достигает пенсионного возраста, он оглядывается на пройденный путь и перед ним раскрывается жестокая правда в том, как много он упустил в жизни. Ведь все эти стадии можно было бы пройти в одночасье, если бы правительство не чинило препятствия для обменов телами...

Вокруг голоса смешивались в какофонию.

– У меня семь детей, мне надоело видеть в голоде и холоде их разверзающиеся от крика рты, и я решила уже сегодня кардинально изменить свою и их жизнь.

– Что вы намерены сделать? – спросил Дмитрий сказавшую это женщину.

Она повернулась в его сторону.

– Я ищу старичка, который согласится на обмен телами. Я человек решительный, что задумала, обязательно осуществлю.

– Зачем вам старик?

– Он мне доплатит разницу между стоимостями наших тел.

– Продайте лучше почку или лёгкое, или левую часть мозга, – посоветовала Шарлет.

– Это будет членовредительство.

– В агентства по движимости вы уже обращались?

– По обмену телами вы хотели сказать?

– Да.

– Я первая открою его с появлением на свет нового благоприятного закона.

И она пошла с колонной дальше.

К Дмитрию подошла женщина и повела свою боль:

– Врач сказал мне, что я никогда не рожу, но много вокруг женщин, которым родить, что слюной брызнуть. Почему бы одной из них не поделиться своей способностью со мной, хотя бы вот эта дама? – Она показала на Шарлет.

– Гмм. – Удивление было только на лице Дмитрия, а Шарлет, было заметно, уже оценивала женщину уважительным взглядом, но что-то всё же оттолкнуло в ней.

Дмитрий с Шарлет протиснулись ближе к трибуне. Пожилая женщина кричала:

– Я полюбила молодого человека, а у него оказалась девушка. Я решила поменяться с ней телами, а она не хочет. Мало ли что – она не хочет? Захочет! Дурь ей быстро выбьют, когда выйдет новый закон.

На трибуну на носилках подняли больного. У его рта держали микрофон.

– Я не мог ни спать, ни есть. Я заболел непонятной болезнью. Однажды я шел по улице и упал в обморок. Меня подняли, но я не мог больше двигаться. Я был прикован к постели, и мое тело покрыли кровотокающие язвы. Фурункулы были не только снаружи, но и внутри живота, на нёбе. Даже лежа в постели, я испытывал нечеловеческую боль. С каждым днем я становился все слабее и слабее. Наконец врачи сказали, что мне осталось жить две недели. У меня нет сил написать завещание и проклясть врачей, определивших мне плохой диагноз. Они поставили на мне сначала эксперимент, а теперь крест. Я понял, что мое тело ломаного гроша не стоит, но у меня в запасе есть ещё несколько часов. Я – дерзновенный человек, я жду тебя, другого дерзновенного человека! – крикнул он воображаемому меценату, обращаясь через всю площадь.

Ораторы сменяли друг друга. Появился мужчина средних лет и поднял руку, требуя внимание.

– Я не стремился копить деньги для приобретения власти. Как-то, организовав городской банк, я отказался от всяких прибылей и не взял для себя никаких ценных бумаг этого банка. Я просто хотел выполнить в свободное от работы время свой гражданский долг. Через несколько лет после моего выхода на пенсию приехал бухгалтер-ревизор для проверки книг. Он с изумлением обнаружил, что я никогда не требовал для себя оплаты сверхурочной работы. “Он работал за трех человек, – заявил бухгалтер. – Ему надо выплатить компенсацию в сумме сто двадцать пять тысяч мингалей”. Администрация вручила мне чек на эту сумму. Но я настолько не придавал всему этому значения, что даже не упомянул в семье о случившемся. Много позже мой младший сын и жена спросили, откуда взялся такой крупный вклад на банковском счете. “Стоит ли очень радоваться достатку? – отвечал я домашним. – Тот, кто стремится к спокойствию ума, не восторгается по случаю приобретения и не грустит при потере. Он знает, что человек приходит в этот мир без единого гроша и уходит из него, не взяв с собою ни одного мингала. Настоящий человек грустит только по поводу несостоявшегося обмена телами”.

На трибуну взобрался мужчина. Он поводит огромными глазами.

– Высвобождайте энергию через обмен телами! – выкрикнул он. – Линк Юстань сказал: “Подлинное душевное спокойствие достигается в результате примирения с самым худшим. Психологически, это означает немедленно расслабиться и почувствовать умиротворение, которое не испытывал долгое время”. Я смирился с таким положением вещей. Ситуация необычная, но, может быть, когда-нибудь я всё узнаю, вспомню, кто я такой, откуда и когда появился. Сейчас же, как вы понимаете, я нахожусь в совершенной потерянности. Все очень внимательны ко мне. Мне дали дом. Меня охраняют. Никто меня не беспокоит. Я живу в большом городе...

– Это псих, который сбежал из больницы! – закричали стражи порядка и скрутили ему руки.

Трибуна не оставалась пустой.

– Обмен телами необходим как божий день, – кричал мужчина в светлом костюме. – Мне было противно жить в дешевой мебелированной комнате в совершенно не престижном районе, в комнате, где кишели клопы. Я с содроганием вспоминаю, что на стенах комнаты висели мои галстуки и, когда я зажигал свет, чтобы взять чистый галстук, клопы разбежались в разные стороны и забивались под обои. Я с отвращением питаюсь в дешевых грязных забегаловках, в которых также полным-полно тараканов. Разве это жизнь, постоянно сверлила мысль. Почему я должен ходить на ненавистную работу, жить в комнате с омерзительными насекомыми, есть отвратительную пищу и не иметь никаких надежд на будущее? Где же красивая интересная жизнь? Я принял решение, которое коренным образом меняет мое будущее. Я открыл предприятие по изготовлению средств против насекомых, в которое было вложено пятнадцать тысяч мингалей, и получил доход в триста тысяч в год. Но на меня обрушилось убийственное потрясение – тараканы у всех исчезли, и моё оборудование простаивало. Я взял у друга вексель на крупную сумму на другой проект, а друг неожиданно разорился. Вскоре последовал ещё удар: банк, в котором находились все мои деньги, обанкротился. Я не только потерял состояние до последней мингалетки, но и остался должен сто тысяч мингалей. Мои нервы не выдерживают этого стресса. Для поправки дела, то есть для обмена телами мне нужен банкир с доходом в год не менее пятьсот тысяч.

Всего одну строчку сказал парень лет двадцати пяти:

– Я смертельно инфицированный, но я по-прежнему езжу на трамвае, чтобы не пропустить случая встретить новое тело...

– Мы против ударов судьбы, – заглушили его боль души крики отовсюду.

На площадь вступила другая колонна. Эти люди тоже несли как символ гроб с покойницей.

– Долой обмен телами! – кричали из колонны. – Эта красивая и умная девушка Йоганна не нашла общий язык с тем юношей из гроба, она стояла до конца и не уступила ему ни на йоту. Теперь она смирилась, расслабилась и уснула вечным сном раньше его. Её проблемы на Мингале закончились. Ей не нужен никакой обмен телами, следовательно, логично скажем себе, и нам он не нужен.

Другие дополняли фантастические факты:

– Мир, опечаленный уходом девушки, короткое время спустя был утешен поразительными новостями о ней – великой неразлагаемостью своего тела Йоганна продемонстрировала власть над ним. Вот заключение морга:

“Отсутствие каких бы то ни было видимых признаков разложения в мертвом теле Йоганны является необыкновеннейшим случаем в мировой практике. Никакого физического распада не было заметно в её теле даже через 20 дней после смерти... На коже её не было видно никаких признаков плесени, а в тканях тела не наблюдалось высушивания. Это состояние полной сохранности тела, насколько нам известно из летописи моргов, является случаем беспримерным. Персонал морга, после получения тела Йоганны 7-го марта ночью, ждал появления обычных прогрессивных признаков разложения тела, которое можно было бы наблюдать в открытом гробу. Изумление возрастало с каждым днем, т.к. в теле, нахо-

дящимся под наблюдением, не происходило никаких видимых изменений. Тело Йоганны было явно в феноменальном неизменном состоянии. Никакого запаха разложения от её тела не наблюдалось. Внешний вид Йоганны перед тем, как была поставлена на место деревянная крышка гроба, был таким же, как в первый день. 27-го марта она выглядела столь же свежей и незатронутой разложением, как в момент своей смерти. Не было никаких оснований заявлять, что тело её страдает от какого-то ни было физического распада вообще. По этой причине мы вновь утверждаем, что случай с Йоганной в нашей практике беспрецедентный”.

Хотя эта колонна была не столь многочисленна, как первая, но своей решимостью и выкрикнутыми яркими примерами она сумела потеснить сторонников обмена телами, но это скорее было результатом временного гипнотического помешательства.

Женщина уже держала высоко лист бумаги.

– Вот её предсмертная записка! – крикнула она. – Зачитываю:

“Зачем горевать, я более жива, чем мертва в укор покосившемуся на моё тело завистливому телопочитателю.

На трибуну взобрался мужчина.

– Что ждёт юношу? Глен и полное забвение! В то время, как девушка проявила тайную вездесущность не в пример юноше. Зачем же ей другое тело, если своё оказалось лучше и оно навсегда будет находиться в сфере её духовного зрения? Приходите посетить её кости и мясо и удовлетвориться мыслью, что тело как было, так и является последним прибежищем счастливого человека.

Мужчина выше среднего, точнее, даже избыточного телосложения уже не хотел добавить к этому ничего нового и говорил о себе следующее:

– Вы не можете войти дважды в одну и ту же реку. Река меняется каждую секунду, то же самое происходит и с человеком, который вошел в неё. Жизнь представляет собой непрерывную череду изменений. Единственной определенностью является наше существующее сегодня. Не всё у нас так плохо. Зачем же портить красоту наступившего дня неудачными попытками решить проблемы будущего насильственными способами. Любое принуждение изменить судьбу обернется против нас. У меня не проходила усталость и разочарование от жизни. Но однажды у меня появился аппетит. Я начал прибавлять в весе. Меня заметили на работе, я сразу получил прибавку к зарплате. Попутно я посвятил свое время, силы и энергию овладению новой профессией. Звенья одной цепи – женщины стали проявлять ко мне повышенный интерес, мне сопутствовало продвижение по службе. Я переосмыслил свой жизненный опыт. Главное для меня – не сожалеть о том, что случилось неприятное в прошлом. Всё хорошо, всё отлично! Что ещё надо? И без всякого обмена телами!

Оратора сменил следующий.

– В основе моих заболеваний было расстройство психики. Я был на грани безумия. Я потерял в больнице двадцать восемь килограммов веса. Я взглянул на свои руки. Они напоминали руки скелета. Я пришел в ужас при мысли о том, что мне суждено вернуться домой инвалидом. Я был доведен до полного отчаяния и плакал, как ребенок. Я был настолько потрясен, что каждый раз, когда оставался один, слезы струились по моим впалым

щекам. “Борк, – назвал врач мое имя, – что ещё неприятного ждет тебя впереди? Представь себе, что ты восстановил свои килограммы. Ты все равно умрешь. Я хочу, чтобы ты смотрел на свою жизнь, как на песочные часы. Ты знаешь, что тысячи песчинок находятся в верхней части песочных часов; и все они медленно, строго и регулярно проходят через узкую перемычку посередине. Если ты или я сделаем так, чтобы через это отверстие в определенное время проходило больше, чем одна песчинка, часы будут врать. Ты, я и все остальные люди похожи на эти песочные часы. Если мы будем жадничать, будем стремиться охватить большее и проскользнуть в дверь раньше других, мы подорвем, прежде всего, свои психические силы. Юлий Цезарь, пытавшийся объять необъятное, бравшийся сразу за три дела, все равно кончил свою жизнь плачевно”. Я послушался доктора, я не только набрал недостающие килограммы, но и прирастил ещё тридцать. А это добрый знак, что надо верить только в себя. Я призываю отказаться от обменов телами.

Звонкий голос пылкого юноши выделился из сплошного шума.

– Я Пал Строк. Когда я кончил школу, мой отец сказал мне: “Тебе надо быть менеджером, как я”. Брат отца отвел в сторону и предупредил: “Не слушай его – это заблуждение. Станешь менеджером, пролетишь как фанера над Мингалой, давай, дуй на мое место управляющего банка”. Наш дворник узнал про эти наставления и возмутился: “Зачем тебе кинуть в каком-то банке, лучше профессии дворника на свете нет”. Я понял, что можно превратиться в Буриданова осла, и я отменил все эти предложения. Я решил остаться самим собой, какой я есть.

Раздавались другие возмущенные голоса.

– Зачем мне другая жена, воплощение неудачного обмена телами! Мне и этой достаточно под самую завязку! – кричал рыжеватый мужчина.

Ему вторил другой:

– К чужой жене ещё можно притерпеться, но представьте себе всех её многочисленных родственников, детей и знакомых? Родственников родственников! Знакомых знакомых! Это бред сивой кобылы!

– Ловите момент и старайтесь найти удовлетворение только в обмене телами! – выкрикнули из первой толпы, и она загудела: – Иначе не достигнешь впечатляющих успехов в жизни.

Сбросившие оцепенение сторонники обмена телами снова стали теснить.

– Ох, ну и дураки же вы! И предки все ваши были дураками! – кричали они.

– Сами обалдуи!

Началась горячая перебранка, а затем завязалась свара, в ход пошли кулаки и палки. Стражи порядка сбились в стороне кучкой и не вмешивались в потасовку.

Две похоронные процессии сошлись в едином порыве презрения друг к другу и перемешались, гробы опрокинулись, отчего женщины сильнее взвизгнули.

Тела юноши и девушки произвольно соединились, что не произошло при жизни, но шеренги полицейских не обратили на это внимания и с дубинками медленно, очень даже лениво, но методично продвигались к центру площади. Оттесненные манифестанты выражали все большую озабоченность. Дмитрий схватил Шарлет за руку и потащил к кольцу оцепления. Солдаты безмолвно

расступились, следуя приказу всех выпускать, никого не выпускать. Шарлет электрошоков досталось не меньше, чем Дмитрию.

Сегодня было не до посещения ресторана “Нескафт”.

Глава 32. Я в вас, вы во мне

Шарлет и Дмитрий топтались у двери. Появившаяся Смелга обаятельно объяла взглядом фанатки их памятные физиономии.

– Пойду, приготовлю бутерброды, – сказала она Дмитрию и быстро ретировалась.

– Мы вас приютили на Мингале, – продолжала Шарлет, – а вы платите нам чёрной неблагодарностью. Вы вломились в наш дом.

– Я не собираюсь ссориться с вами и выяснять, кто прав и кто виноват, – сказал он, глядя прямо в эти прекрасные карие глаза.

– Если вы скажете “да”, вы никогда не пожалеете об этом. Я обещаю.

В последнее время Дмитрий, как отличник, стал быстро ухватывать предметы разговора.

– И что я буду делать в вашем теле? – спросил он.

Это была существенная разница – раньше он спрашивал: “Что я буду делать с вашим телом?”

– О, это так понятно! – воскликнула она.

“Мингалетам всё всегда понятно!” Дмитрий широко ей улыбнулся. “Вот уж найдется пища для досужих сплетников, – подумал он. – Наверняка все будут наперебой уверять друг друга, что землянин совершил обмен телами из-за её денег”. Дмитрию было все равно, впрочем... Он любит Шарлет. И всегда любил не меньше других. А теперь вот сможет с ней запросто совершить обмен телами. В любое время, когда захочет... Приятно, когда ты все можешь... Когда все получается – это волшебство.

– Человек, движимый страстями, находит мнимое удовольствие в их удовлетворении, – предостерег он её.

Она взглянула на него так, словно он спятил.

– В их исполнении? Я ничего не понимаю! То есть, как это мнимое? У вас в Медицинском Центре сплошные операции. Вы заработались, не ощущаете движение времени. Неужели это так необходимо работать даже в выходные? Вам нужны отдых, отдых, и ещё раз отдых, как отдушина. Ещё нужен – я читаю вашу земную литературу – луч света в темном царстве в виде обмена телами.

Она сидела напротив него за столом в маленькой кухне. Маска была сорвана и лежала на столе. Золотые волосы взъерошены, поверх вечернего платья осталась накинутой бледно-голубая шифоновая блузка. Глаза её были широко раскрыты, в них читалось явное недоразумение.

– Нет, это вовсе не связано с моими больными, – мягко сказал Дмитрий, несколько ненавидя себя за боль и неудобство, которые причиняет он Шарлет. – Мне очень жаль, я вовсе не тот человек.

– Но это неправда! – Она соскочила со своего стула и, подбежав к Дмитрию, опустилась перед ним на колени и взяла за руку. – У нас все исключительно получится. Я в вас, вы во мне. У нас прекрасное получится природное сочетание.

Дмитрию было слышать такое в новинку.

– Причем здесь сочетание, мы же не молодожены? – резко спросил он.

– Сочетание золота и серебра!

– Воды и пламени! – возражал Дмитрий.

– Начинаясь влюбленность разве не причина для дальнейшего углубления отношений с прицелом на обмен телами?

– От перестановки мест сумма не меняется.

– Доктор, как можно говорить о какой-то сумме?

Он посмотрел в её, нагоняющие на него расслабление, глаза, и понял, что у него неостановится сил сказать ей всю правду и отказать.

– Мне очень жаль, Шарлет, но...

– Госден? – воскликнула она. – Вот причина! Вот кто разлучница! Это все из-за Госден, именно её вы любите? И хотите с ней связать обмен телами. Тем более, что императрица толкает вас к подобному акту.

– Шарлет, вы абсолютно не правы, и сами отлично понимаете почему!

– Вы плюете в моем лице на всех остальных мингалетов, – не унималась Шарлет и потащила Дмитрия в комнату.

Они сидели у камина в глубоких мягких креслах; свет колеблющего пламени красиво отражался в её волосах.

– Предмет нашего разговора сейчас обмен телами. Не так ли? – Шарлет первая создала новое напряжение.

Повисла гнетущая тишина, такая плотная, что слышно было, как тикают часы и трещат поленья в камине. Шарлет давила на него всей тяжестью доводов, ещё больше – силой убеждения.

– Именно так, – согласился Дмитрий, дальше он не хотел уступить ни шагу.

– Тогда почему все-таки вы не решились на обмен телами с Госден? – неожиданно спросила Шарлет, повернувшись к Дмитрию. – Я точно знаю, что она без ума от вас. И мне доносят, что она вне себя от горя.

– Опять вы о своем!

– Да, опять.

– Потому что пришел к выводу, что люблю другую, – ответил он, судорожно сунув руки в карманы. – С моей стороны было бы честно иметь дело только с ней.

Шарлет сделала вся внимание и посмотрела на него.

– И с кем же это, интересно узнать? – недоуменно спросила она.

– С вами, – сказал он, перейдя Рубикон. Отступать было уже поздно. Да и некуда.

– Наконец-то вы решились на обмен телами! – возбуждённо воскликнула Шарлет

– Вы не хотели бы глотнуть шампанского? – спросил Дмитрий несколько натянутым голосом.

Он заметил, что когда речь заходит об обмене телами, отсутствие элементарного такта у мингалетов особенно бросается в глаза. Он сам не знал, что делать в таких случаях, и снял пиджак, бросив его на стул.

– Нам пока не нужно шампанское, – чужим голосом, ещё не совсем поверившая в свое счастье, сказала она. – Займемся делом, время в нашем распоряжении в обрез.

Напряжение в глазах Дмитрия исчезло, он отдался воле волн, он положил руку на её плечо. Премьер-

министрша вдруг побледнела и откинулась головой на спинку кресла.

– Шарлет! – Подняв её бесчувственное тело на руки, он перенес её в постель. Её грудь бледная и полная, с розовыми сосками, была обращена в его сторону.

Его сердце сильно колотилось. Насколько слабы мингалетские женщины, он теперь узнал доподлинно. Возбуждение охватило Дмитрия подобно лесному пожару.

Когда он утром разомкнул глаза, Шарлет рядом не было, он нашел записку:

И это всё?! Всё – на что ты способен? Ты низкий человек, землянин! Ты жестоко обманул меня, я ждала от тебя большего.

“Сама во всём виновата, если твои инстинкты возобладали!” – подумал Дмитрий.

Глава 33. Прекрасный день, когда чёрные вдовы едят своих пауков-ухажеров

“Прекрасный день, – стоя у окна, подумала Бенигна Клабб, – когда светит яркое солнце, в тени прячутся скорпионы, во влажных местах обитают гадюки, а чёрные вдовы едят своих пауков-ухажеров...”

Дверь распахнулась и в кабинет ворвалась Пуальфина.

– Извините, обнаружилось кое-что очень важное!

– Сначала сядь, отдышись, – Бенигна не торопилась приступить к разговору.

– Но это и в самом деле важно!

“Да, – размышляла Бенигна по инерции, уже сверля глазами свою сотрудницу, – у тебя все важно. Наша служба – жестокое ремесло, и опасна, и трудна. Она выматывает человека, тянет из него все силы, требует полной отдачи, какое бы легкое задание ни выполняешь. Здесь не должно быть случайных людей...”

– Для начала посмотри визуальный отчет нашего Департамента. Сюжет был снят на месте по прибытию представителей силовых структур. – Голос как всегда, был холоден, скрипуч и высокомерен.

На экране пошли памятные трагические события на площади Согласия. Это было виртуальным изображением реальной действительности, не оставлявшей Пуальфину равнодушной. Кадры побоища и последующей давки. Экран не лопался, не разлетался на осколки, хотя полыхал пламенем и озарялся яркими вспышками и вздрагивал от взрывов. Происходящее резало глаза. Куча тел выглядела как кошмарная мусорная свалка. Катафалки наполнялись неподвижными демонстрантами.

И кровь! Повсюду. Всё было залито ею – стены, мостовая, столбы. Всё было в брызгах, разводах, шлейфах, потеках, лужах. А в кабинет словно просочился дурно пахнущий запах липкой, текучей крови.

Крупные планы чередовались с подетальными. Операторы, падкие как мухи на мед, грешили развороченными животами, перекореженными лицами, остекленевшими глазами.

Бенигна Клабб включила замедленный режим. И тут выяснилось, что подетальность заключалась в том, что операторы, резвясь и соревнуясь, отсняли прикушенные языки, деформированные черепа, слипшиеся от крови

пряди волос, голые места от разодранных одежд, и даже более того, порою нисходя эпизодами до фрагментов тел.

Изображение убыстрилось, детализация только выиграла. Вездесущие оперативные видеокамеры выхватывали обезображенные лица, вытекшие глаза, окаменевшие челюсти, провалы ртов, открытых в немом крике.

– Вот что такое человеческие необузданные страсти и массовый психоз, – заметила долго молчавшая Бенигна Клабб. – Кровь людская – не водица.

Пуальфина от удущья расправила ворот. Не так она воспринимала смерть тех, кто пришел на площадь просто поглазеть и послушать умных людей.

Это не осталось незамеченным Бенигну и она резко сказала:

– Ты хотела видеть только гладкие ягодицы, чистые лобики и улыбки, улыбки, улыбки?

Расправив плечи и стараясь смотреть на экран как можно равнодушно и держаться подчеркнуто прямо, Пуальфина коротко спросила:

– Что по жертвам?

– Погибшие по моргам, а раненые в больницу, да чисто случайно попали к нашему ниспускаемому глазу объекту Дмитрию.

Маска добродушия пала с Бенигны Клабб, обнаружив под собой прежний злобный оскал хищницы. Она постукивала по столу от нетерпения твердой, как доска, дланью.

– А доктор здесь причем? – возразила Пуальфина.

– Ну как же, наш уважаемый доктор Дмитрий Сорокопятков в оперативной разработке.

– Но он прилетел к нам не шпионить!

– Эти земляне играют в какую-то непонятную игру, – отреагировала Бенигна на слова Пуальфины. – Даже к обмену телами они относятся пренебрежительно. На компромате их поймать невозможно, шантаж бессмыслен, остаётся – яд и пуля, как в шпионских страстях, но мы же не звери.

Бенигна Клабб спокойно зашла в боковую комнату и вернулась с бутылкой дорогого вина. Пробка негромко хлопнула и ударилась о потолок. Она наполнила бокалы пенистой жидкостью.

– Обычно я ничего не пью, кроме воды, – нерешительно произнесла Пуальфина.

– Нынче можно и нужно, – успокоила её Бенигна Клабб. – Сегодня особый случай: наш секретный отдел признали на хорошем счету у начальства, так что не тужишься, агент Пуальфинка.

Агент держала бокал негнушейся рукой и от волнения ерзала на стуле. В горле пересохло. Она тяжело дышала. Бенигне Клабб очень шел военный френч, и она выглядела в нём величаво. Сама Пуальфина была равнодушна к морской форме. Возможно, это засело у неё в крови – ведь отец её был морским офицером.

Когда они принялись за кусочки колбасы, Бенигна Клабб подумала: “Цены ей нет, но девочка-то совсем не умеет подать себя в своём лучшем виде, деревянный истукан намного мягче. Её скромность не всегда к месту... Особенно на службе... Пуальфина выглядела бы намного эффектнее, если бы сделала себе модельную причёску, а не стягивала волосы назад, собирая их в ужасный узел, как сейчас. На её круглом личике совсем нет косметики, если не считать чуть-чуть тронутых помадой губ. Вот и

глаза было бы неплохо припорошить тенями. А вообще, что с неё взять, с простой медсестры?”

Бенигна жевала с аппетитом, даже с некоторой жадностью, которая странным образом контрастировала с её сегодня сдержанными манерами.

– Надеюсь, новости хорошие? – неожиданно рывнула она.

– Плохие, очень плохие, – сказала Пуальфина, переводя дыхание. “Началось!” – подумала она.

– Ладно, выкладывай.

Пуальфина широко распахнула свои чёрные глаза и честно, коротко доложила о произошедших событиях.

– Это была не Госден.

– Кто, кто?

– Госден, жена императора.

– Давай по порядку.

Пуальфина глубоко вздохнула.

– На встречу в отель “Феасант” к Дмитрию пришла Шарлет. Они провели много часов вместе, но друг с другом на людях почти не разговаривали.

“Интересно, о чём думает землянин?” – то и дело пронеслось в голове у Бенигны.

– Вы знаете, меня сразу встревожило, что Шарлет и Дмитрий из Медицинского Центра поехали вместе – для её ранга это было очень странно и непростительно.

– Она была в маске?

– Как всегда в маске.

– Тогда всё понятно...

– Но если Шарлет хотела чего-то добиться от Дмитрия, то зачем маска? Нелогично.

– Да-да, – нетерпеливо сказала Бенигна.

– Следовательно, она таскается за Дмитрием втайне от мужа.

– Я тоже думаю, что она просто приволакивается за доктором, и сама не знает чего ей надо. Блуждает в потемках любви.

– А может наоборот, он ухлестывает за ней?

– Впрочем, не исключено.

– Если так, следовательно, она действует на свой страх и риск. Это похоже на какую-то тактику.

Пуальфина наморщила лоб.

– Тогда Дмитрий чёртовски неискусен.

– За столько времени не соблазнить ни одной женщины! Или ты, Пуальфина, не справляешься с работой или он, умелый ловелас, водит нас за нос.

– Я вкальваю до поздней ночи.

– Надо трудиться, пренебрегая ею. Для секретного агента, отобранного на ответственный участок, время должно быть остановлено полностью.

“Интересно, о чём думает землянин?” – снова и снова проносилось в голове у Бенигны.

– И ты видела их вместе? – спросила она.

– Мне всё известно по оперативным сводкам.

– Странная работа – не выходя из дома всё знать!

– И из Медицинского Центра... Ещё постоянно дежурю в общественных местах, – оправдалась Пуальфина.

– С твоих слов получается, что тебя надо срочно награждать за проявленное мужество! – резко сказала Бенигна Клабб.

– Награды для меня не главное, – ответила девушка.

– Тогда вопрос. Между вами есть любовь?

Пуальфина вспыхнула лицом.

– Я его люблю, как доктора, у него такие прекрасные операции, отточенные движения, – сказала она.

– Настоящая любовь, – уточнила Бенигна.

– Как и у всякой девушки.

– Ещё настоящее?

– Только не в той степени, о какой вы думаете!

– Я спрашиваю, ты его любишь?

Пуальфина замялась, что не понравилось Бенигне Клабб.

– Всё понятно с тобой, ты готова опорочить наше дело.

– Я не из тех, кто продается.

– Признайся, Пуальфина, сколько раз переспала с Дмитрием?

Пуальфину передернуло от этих слов.

– Как вы можете!

– В нашем деле не должно быть недомолвок.

– Ни разу.

– В прошлый раз мы говорили на эту щекотливую тему, но не условились конкретно. Тебе была предоставлена полная свобода выбора. Где та грань между “можно” и “нельзя”? Ты её не нашла. Я думаю, что ты не выдержала испытание профессиональной корректностью.

– Как можно выполнять взаимоисключающие вещи?

На девушку уставились жесткие колючие глаза.

– Ты лжешь!

– Нет, нет, нет!!! – Пуальфину раздирали истерика.

Бенигна бросила ей под ноги пакет. Агент развернула его. Она держала в руках непонятный предмет, похожий на лошадиное седло.

– Что это такое?

– Твоя повседневная спецодежда. Сейчас же очень под нижнее бельё.

– Вы издеваетесь надо мной! – взвизгнула девушка.

– Дура! Идиотка! Чистота выполнения задания требует! Сейчас же надень пояс невинности, – приказала Бенигна Клабб.

– Зачем?

– Ты будешь капитально запаркована. Корсет запирается на замок. Когда сочту нужным, я отомкну. Ключ всегда у меня. Я буду корректировать твою молодость, безвкусицу, своеволие и пошлость. Нимб святой окутает твою голову.

Пуальфина стыдливо отвела глаза.

– Я схожу с ума. Я боюсь ночи. Боюсь самой себя. Что делать?

– Пойми, и примиришься. Это борьба с неумностью и бесконтрольностью в твоём поведении.

Слезы глушили девушку.

– Мне знакомы подглядывание, грязное бельё, заглядывание в окна. Но это...

– Да, оторви, наконец, свою задницу от стула!

– Это...

– Ты хочешь, чтобы жареный петух непременно в твою голую задницу клюнул?

– Но это... это ещё большая низость!

– Остается раскаленная сковородка. Приложи к ней свой палец – вот тогда ты поймешь. И от благодушного состояния не останется следа. Следовательно, надо раскалять сковородки и кипятить чугунные котлы для таких, непробиваемых, как ты.

– Я хочу замуж.

– Эй, давай без фокусов!

– Но я хочу...

– Какая у тебя смелая фантазия!

Пуальфина хмуро покачала головой.

– Фантазия? У меня мрачный опыт жизни, благодаря вам.

– Пояс невинности ни одной женщине ещё не помешал в жизни, но спас от глупостей многих. Поголовное опоясывание женщин! И мир забудет, что такое разврат и похоть!

– Слушаюсь, – промычала девушка.

Бенигна Клабб смотрела на Пуальфину. Вид был у той очумелый.

– А если я прикажу застрелиться из табельного оружия?

Пуальфина молчала.

– Так ты сдуру согласишься?

Пуальфина стойко молчала.

– А всё же? На вопросы начальства надо отвечать по существу, коротко и ясно. И выполнять приказы по первому требованию. Как поняла, сержант Руга?

– Я хочу замуж! – Это уже был каприз.

Бенигна Клабб вспыхнула:

– Ты с ума сошла, агент Руга. Сейчас не время об этом думать. С доктора нельзя снимать наружное наблюдение и никакое другое: ни дома, ни на работе.

– Но у меня есть личная жизнь, молодость проходит – кому я потом буду нужна.

– Ты изучила инструкцию: “Права и обязанности секретного агента?” Статья 123. А ну, напомни.

Лоб у Пуальфины пошел морщинами от напряжения.

– Обмен телами и семейный брак для секретных агентов доступны только в той форме, в которой позволяет находиться данная оперативная обстановка, – процитировала она.

– Ого, знаешь! Следовательно, отставить разговоры! Я не хочу в последний момент провалить всю операцию из-за твоих неумных причуд и зигзагов эгоизма. А ты часть этой операции.

Пуальфина недовольно закусила губу, но затем бодро ответила:

– Есть быть частью операции!

Она полностью рассупонила содержимое пакета и сама рассупонилась.

Дождавшись, когда агент Руга оделась, Бенигна Клабб побренчала в воздухе связкой.

– Эти ключи будут твоими ключами судьбы.

И выбросила ключи в мусороприемник.

Скрывшись за дверь, Пуальфина отдернула свою руку от дверной ручки, как от горящих угольев.

Глава 34. Э-ге-гей!!

Для кого-то это было замечательно – не бросаться явно в глаза. И для Бенигны Клабб.

И для Пуальфины. Не в силу того, что она скромная, благовоспитанная девушка, а в силу того, что она секретный агент.

Пуальфина поражалась слепоте Дмитрия, его гипертрофированной увлеченности медицине. Кто он, в конце концов, в упор не желающий замечать, что перед ним не просто одна из многих, а симпатичная крошка. Роль

приманки каждой женщине удастся, но не любая может похвастаться результатами. Конечно, ничего плохого в том, что она пользуется в работе своей женственностью, нет. Но почему мужчины настолько слепы, что не видят дальше своего носа?

Вот и Дмитрий таков, рассуждала она. Видит в ней медсестру, видит в ней женщину, видит многое другое, хоть и не подает вида. Опять же по странным обстоятельствам, удивляет его осмотрительность – всё у него преисполнено осторожности, и, как следствие, не делает никаких лишних телодвижений.

Очень, очень осмотрителен! Но кто поверит, что он просто ловец бабочек?! Это его игра на публику, на мингалетов. Обмен телами – вот его приоритет, а то бы зачем нестись сюда на край галактики?

Ну уж хватит ему скрывать свою настоящую цель! Пусть не мечтает, что на Мингале кругом лопухи! Пуальфина впитала, как с кровью матери, приказ Бенигны: “дневник, и не спускать с Дмитрия глаз”, поэтому ей недосуг было заниматься только проявлением удивления поступкам одинокого мужчины. Вот фиксацией этих поступков она занималась.

Время от времени из жалости к нему она проводила Дмитрию сеансы мощного массажа. Случалось это чаще в дождливые дни, когда ему торопиться было некуда. Сегодня обещали землетрясение в три балла. И на этот раз в её тонких пальцах оказалось куда больше силы и сноровки, чем можно было подумать. По её команде Дмитрию приходилось иногда переключаться на кушетке то головой вперед, то назад в зависимости от её сильной руки. Сегодня Пуальфина была неподражаема: из-под розовой курточки выглядывал язычок красной ночной рубашки.

После очередного массажа, который интенсивно она задала, Дмитрий решил, несмотря на прогноз, пробежаться с сачком в одной руке и с ружьем в другой по холмам.

Он стоял наверху, наслаждаясь величественной картиной внизу. Внимательно осмотревшись, он увидел вдалеке поднимавшуюся по склону... Пуальфину. Дмитрий слегка удивился, откуда она узнала о его планах на сегодня, как ей удалось его выследить – дело почти безнадежное в местности, где говорили, что мягкая растительность поглощает и тотчас скрывает все следы, оставленные человеком. Потом он вспомнил о выстреле, не принесшем ему славу отличного охотника, которой он, в принципе, не добивался. Возможно, вспышка и звуковой раскат выдали его место. Должно быть, они и послужили ей ориентиром.

Он пытался спросить себя: зачем ей это надо? Но внутренний голос угрюмо молчал. Капюшон её комбинезона был откинут, и он прекрасно различал чёрты лица, покрытого бронзовым загаром. Огорченно взмахнув рукой, она неожиданно, но уверенно, повернула направо и пошла прямо по кромке над пропастью.

Пуальфина шла твердо, знание местности помогало ей, а чутьё ей подсказывало, куда надо идти.

Дмитрий догадался – она, не иначе, преследует какие-то цели. Обмен телами закоротил мозги у многих на этой планете. Несмотря на жгучую обиду, ему все-таки было жаль Пуальфину. Эта девушка, так хорошо справлявшаяся с обязанностями хирургической сестры, была молода, слишком красива, чтобы не надоедать ему,

слишком жизнерадостна, а главное – самоуверенна. И чтобы в одночасье... шпионить за ним из-за ревности... О плохом не хотелось думать.

Дмитрий с дерева с нетерпением наблюдал её передвижение. Подождав, пока она не вошла в лес, он спустился с него и решительно повернул в обход.

Теперь-то уж она точно суший дьявол – злобная, надменная, экстремистка. В этом даст сто очков вперёд любой женщине. Тепла от неё не больше, чем от глыбы льда, – но у этого дьяволенка очаровательные чёрные глаза, шоколадные волосы, и храбрости ей не занимать... А какое честолюбие? И настойчивость у неё, требующая ещё лучшего применения...

В конце концов, тяжело вздохнув, Дмитрий остановился, развернулся, сделал петлю, окончательно запутав следы, и ноги, такие вялые ещё минуту назад, встрепенулись, словно сами по себе, и все ускоряя ход, быстро понесли его на другой холм. Если это случайность, они больше не встретятся.

Но всё же ему стало забавно и он решил сам понаблюдать за Пуальфиной. Он вышел на старое место, где они разминулись, а дальше Дмитрию то и дело попадались сломанные веточки или следы её ног, и по ним он легко определял направление. Если она искала его, то он для неё потерялся. Он вышел к берегу ручья в том месте, где по ветвям дерева Пуальфина перебралась на ту сторону; потом наткнулся на признаки стоянки – она здесь перекусила и, отдыхая, примяла траву.

Дмитрий видел, что расстояние между ними сокращается: след становился все более четким, и находить тропинку становилось все легче. Её сноровка двигаться по лесистым холмам вызывала восхищение. Дальше впадина пошла вверх, и он почувствовал, что Пуальфина где-то рядом. Он снял свой комбинезон и, оставшись в одной рубашке и шортах, улегся прямо на траву, весь, без остатка, отдаваясь давно забытой с утра радости отдыха на свежем воздухе.

Выше по склону лес исчезал. Дмитрий поднял глаза. Виднелись обширные обнажения горных пород, начисто лишённые растительности. То и дело проносились стаи серых птиц. Они, рискуя удариться о скалу, стремительно сновали вокруг, чтобы подцепить клювами какую-нибудь живность, оглашая при этом воздух странными голосами, удивительно напоминавшими перезвон колокольчиков.

След почти пропал, так как Пуальфина все чаще пробиралась по голым скалам. Но вот в пыли отпечатки появились совсем свежие – он почти догнал её, чувствовалось его преимущество в силе и скорости. И тут Дмитрий увидел девушку. Пуальфина стояла у основания мощной отвесной скалы.

Она была занята тем, что внимательно осматривала склон, затем перевела взгляд на расселину, очевидно, размышляя, стоит ли рисковать или лучше все-таки в последний момент отказаться от своей затеи. Как и Дмитрий, она сняла комбинезон, оставшись в шортах и рубашке – обычной одежде жителей Мингалы. Дмитрию пришло в голову, что сейчас Пуальфина похожа на прекрасную лесную нимфу.

Увидев, что она сделала выбор в направлении, Дмитрий ускорил шаг.

Он нагнал девушку, когда она была уже на высоте двадцати метров над ним, её пальцы массажистки крепко цеплялись за выступы скалы. Это было опасно.

– Пуальфина! – Дмитрий впервые произнес её имя вслух.

– Вы?! – поразилась Пуальфина. Она не ожидала встретить Дмитрия здесь, он оказался лучшим стратегом. Она выглядела усталой, но, несмотря на напряженный двухчасовой переход, в её глазах по-прежнему играл задорный огонек. – Я уже думала, что вы... Я пыталась вас разыскать, чтобы сказать...

Лицо Дмитрия оставалось непроницаемым.

– Я не пойму, что написано в ваших глазах? Я имею в виду намерения.

– Я так вас искала, так искала, – произнесла Пуальфина вдруг без всякой связки.

– Чтобы предложить мне...

– Не то, что вы подумали о женщине.

– Обмен телами? – В его голосе звучала насмешка и... сострадание к ней.

– Неплохо бы. Я хотела сказать... мне жаль, что все так глупо вышло и что...

– Я не нуждаюсь в ваших извинениях.

– Но я хотела сказать, что...

– Уже все сказано! – грубо отрезал он. – Мне неинтересны ваши предложения.

Пуальфина мягко сказала:

– Но я...

Несмотря на духоту, Дмитрий снова протиснулся в комбинезон.

– Послушайте, что я скажу, Пуальфина, – холодно ответил он. – Вы слышали предупреждение о землетрясении? Вы не заслуживаете человеческого участия, но я не могу спокойно наблюдать, как вы идёте прямо в лапы смерти. И хоть вы упрямы, как чёрт, и цепки, как паук, но вы женщина. Я вынужден приказать спуститься вниз и вывести вас в город.

Задорный огонек снова появился у неё.

– Что вы говорите, Дмитрий? Мой отец не раз проходил этим путем, и я пройду.

– Вы просто кретинка, если решились на такую авантюру. И без комбинезона. Кстати, что вам взбрело на ум, признавайтесь?

– Я люблю путешествовать и острые ощущения.

Обмен телами для Пуальфины – острые ощущения? Нахмурившись, Дмитрий холодно разглядывая её с недостаточной высоты своего роста.

– Или в вас премного чёртиков, чтобы из-за обмена телами рисковать своей жизнью?

– Что ж, пожалуй, вы правы.

– Тогда спускайтесь немедленно!

Её лицо исказилось от гнева.

– Пусть лучше кто угодно, чем вы! – крикнула она и неожиданно сникла. – Чем вы...

Не договорив, девушка во всю мощь своих лёгких пронзительно закричала.

– Э-ге-гей!!

Многократно отражаясь о стенки скалы, вниз понесли камни. Дмитрий отпрянул. Они были не больше морской гальки, но свистели в воздухе, как пули. Один, легко самортизированный защитной тканью комбинезона, отлетел в сторону, другой ударил Дмитрия в плечо сильнее, причинив резкую боль. Основной поток при-

шелся в его сторону, так как весь плюхнулся у ног. Пуальфина на этот раз родилась в счастливой рубашке.

– Ух! – облегченно вздохнули оба.

Скатился ещё один поздний камень.

– Пуальфина, – позвал Дмитрий. – Слазь немедленно!

Ответа не было.

– Пуальфина, – повторил он, – нам надо возвращаться. Уже сумерки, скоро будет темно.

Загорелые руки и ноги Пуальфины в этом сумраке теней казались совсем белыми, а когда она тяжело дышала, то её каждый напряженный вздох шелестом отражался в вечернем воздухе от скалы.

Пуальфина посмотрела вниз и спросила:

– Зачем?

Он нахмурился.

– Перестань торговаться!

Боль от сильного удара в плечо вернула его к действительности.

Пуальфина спускалась совершенно отрешенно, не прилагая ни малейших усилий, – она просто подчинилась Дмитрию.

Но уже удар камнем в голову выключил его.

Глава 35. Это может стать началом конца

“Дмитрий в больнице, – узнала Шарлет. Эта весть ошеломила её своей бессмысленностью и заставила мгновенно забыть все обиды. – Таких людей, как он, ради которых стоило пойти на обмен телами, нет, не было и не будет!” – чуть не кричала она.

У неё было странное чувство, как будто она обманула весь белый свет тем, что не предотвратила происшествие. Как бы ей хотелось оказаться на его месте. “Произошло недоразумение, вместо меня пострадал другой человек, – думала она. – Это должно было случиться со мной, со мной. Мне, а не ему была уготована участь”.

Все это время, пока она ехала в больницу, она торчала в пробке. Банальной эргономической пробке. Водитель в промежутках разводил руками.

– Придется сделать большой крюк. Люди проявляют беспокойство. Улицы закрыты. Манифестации, сами понимаете, бич нашего времени.

Шарлет кивнула. Она была окутана болью, но не острой, а тупой, словно её пытали, одурманив каким-то наркотиком. Все её чувства, кроме слуха и зрения, были почти парализованы. Но и с ними творилось что-то ужасное.

Какой-то молодой человек с чёрными тонкими усиками пытался открыть дверцу.

– Что случилось? – спросила она.

– Снимите маску.

– Кто вы такой?

– Не празднуете шатающийся, как вы подумали.

– Зачем?

– Приглашаю поужинать со мной.

– И это всё? – сказала Шарлет, ещё ничего не понимая. – А дальше?

– Дальнейшее обусловлено вашим поведением и может быть многообещающее, – молодой человек под-

мигнул глазом и многозначительно улыбнулся. – Давайте не будем ломаться?

Она не видела этого человека и не слышала. Её глаза смотрели мимо него, и уши пропускали его слова тоже мимо. Он не знал, что творится у неё на душе.

– Ваше высочество, это будет зависеть от вашего ответа, – подсказал водитель.

Шарлет промолчала.

– Поедем! – сказала она водителю. – Быстрее!

– Это повеса, – объяснил водитель. – Вы правильно сделали, отшив его. Кто знает, может быть, он не в нашем вкусе. Пожилые господа бывают куда приятнее и надежнее.

– Быстрее, – подгоняла Шарлет.

– Слушаюсь.

Прошла целая вечность, пока они добрались до больницы. За это время Шарлет дала себе уйму всяких обетов. Она была убеждена, что выполнит их. Она не уедет, она останется с Дмитрием, пока он не выздоровеет.

К счастью, Пуальфина не узнала её в маске.

– Это вы Чоки Чад? Дмитрий в палате с врачом.

– Не скажете ли вы, что с ним?

– Очень сожалею. Вы не его жена?

– Нет...

– Родственница?

– Какое отношение это имеет к его состоянию?

– Никакого. Просто я знаю, что после операции к нему допустят на минутку только ближайших родственников.

Шарлет уставилась на медсестру.

– Ему надо делать операцию?

– Это решит врач.

– Я подожду.

– Здесь нельзя.

– А где можно?

Пуальфина протянула руку по направлению к двери.

– У нас есть комната ожидания.

Шарлет сделала шаг.

– Собственно говоря, она только для близких родственников. – Пуальфина загородила дорогу.

Шарлет сдержала себя, как могла, она не стала говорить сестре-буквоедке, что бывают моменты, когда все люди должны быть близки друг другу в беде. Все, даже больничные сестры, которые потеряли чувство сострадания и стали цинично-жестокими.

Дмитрий тяжело разлепил налитые свинцом веки и, осторожно вращая белками глаз, рассмотрел окружающую его обстановку.

Он увидел блестящую стерильной чистотой белоснежную палату, посреди которой, изголовьем к стене, располагалась его койка. Рядом пластиковая тумбочка с ночником. Поблизости, сидя на стуле и откинувшись на спинку, дремала Пуальфина. Над головой Дмитрия возвышалась капельница, вливавшая в его вену глюкозу. Тут же располагались другие медицинские приборы, при виде которых легко можно было догадаться, что он в реанимационной.

Дмитрий застыл на месте, вслушиваясь в мерное бульканье бутылки с глюкозой и в периодическое похрапывание сиделки.

Бутылка булькала.

Сиделка мило храпела.

А в остальном в палате все было тихо.

Дмитрий слабо застонал. Пуальфина вздрогнула и тотчас выбежала из палаты. Он с усилием повернул голову к окну. Дневной, солнечный свет ложился на него нежно-розовыми бликами.

Дверь открылась, и Пуальфина вошла в палату с маленьким ящиком. Она сделала электрокардиограмму и энцефалограмму, измерила давление, после чего, по видимому, осталась довольна; её блестящие чёрные глазки стали ещё веселее. Она с улыбкой посмотрела на Дмитрия и проговорила:

– С днем рождения вас! Вы перенесли клиническую смерть. Камень на грамм больше и... вас бы не стало.

– Так значит, я жив?!

– Можете не сомневаться. Но вы побывали на том свете в течение восьми минут...

– Восьми минут?! – воскликнул Дмитрий и тут же, откинувшись на подушку, снова потерял сознание.

Пуальфина позволила Дмитрию быть без сознания не больше трех секунд, пока подносила нашатырь, затем она придвинулась поближе и слегка коснулась пальцами его темных волос.

– У вас какой-то странный блеск в глазах, – сказала она.

– Я ужасно больной? – спросил Дмитрий.

– Теперь уже ужасно здоровый! – обрадовала она его.

– Пуальфина, я думаю, что в этом виноваты вы...

Она сразу пошла в наступление.

– Это камень чуть не разрубил вас надвое!

– ...больше, чем все лекарства вместе взятые, – добавил он.

Пуальфина скромно зарделась.

– Отлично, – сказала она одобрительно. – Все идет как надо. Через день-два вы будете в полном порядке.

– Как быстро удалось поставить меня на ноги, не потому ли, когда вы рядом, я чувствую себя гораздо лучше?

Девушка ответить не успела. Шарлет прошла в палату и поцеловала Дмитрия в щеку. На ней были туфли на высоком каблуке и темное шелковое платье с алмазным ожерельем на открытой шее.

– Здравствуйте, Дмитрий, – произнесла она, мягко улыбаясь. – Как вы поживаете?

– Как видите, пока ещё сохраняю индивидуальность.

– Это может стать началом конца, – вмешалась Пуальфина. – Задавайте легкие вопросы.

Что-то страшное повеяло от её слов.

– Дмитрий, кто вас спас? – спросила Шарлет.

– Своевременным героическим действиям вот этой милой девушки я обязан жизнью, – ответил он.

– Я поспособствую представить вас к награде, – премьер-министрша повернулась к медсестре.

– Спасибо, – ответила Пуальфина.

– У него глаза совсем живые, – сказала Шарлет.

– У Дмитрия сотрясение мозга и повреждена грудная клетка, – возразила Пуальфина.

Он полулежал на подушках, бледный, с широкой повязкой на голове.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Шарлет.

– Я хочу есть.

Дмитрий ликовал – победила жизнь. Шарлет и Пуальфина улыбались.

В коридоре тревожно забегал персонал. Шарлет отбросила маску и обратилась к медсестре, накидывая халат.

– Я так и предполагала. Опять произошла давка на площади на почве нетерпимости друг к другу. Прошу вас стереть с моего лица косметику и лак с ногтей. Я буду помогать сестрам готовить койки для раненых манифестантов.

Дмитрий позволил себе посмотреть на неё оценивающим взглядом. Она бесспорно удивительная женщина. Как ей удастся совмещать политическую деятельность с общественной?

Глава 36. Мне мало сердца, мне надо твоё тело

Дмитрий проболел неделю, и его чаще всего посещала Шарлет. Два-три раза на дню обязательно. Для этого ей требовалось подниматься на два этажа выше.

– Глупые, куда они только дергаются, – говорила она о раненых манифестантах, – плетью обуха не перешибешь.

Шарлет молча смотрела на бледное лицо Дмитрия и иногда плакала.

Через три дня это была совсем другая женщина – весёлая и энергичная, и в маске. Под маской глаза были живыми, и в них играла радость.

– Дмитрий собирайся, тебя выписали из больницы. Надо отметить выздоровление.

– Каким образом?

– Мы посетим страусиные бои, о которых ты уже слышан. Ну, как мое предложение?

Интерес к страусиным боям была всепожирающей страстью населения Мингалы. Каждое воскресенье устраиваются сражения в особо устроенных для этого амфиатрах. Обычно публики собирается тысяча человек. Каждый из участников держит страуса на поводке. Перед началом боев петухов взвешивают и разводят по весовым категориям. В это время всюю принимаются ставки на победителей. Некоторые бойцы уже отличились в предыдущих драках и рвались в бой.

Шарлет и Дмитрий расположились на гостевой трибуне на самом низу. Начался парад страусов. Они важно вышагивали и при каждом шаге их головы уходили далеко вперед, затем возвращались. Такая амплитуда создавала эффект грациозности.

Рука Шарлет была холодна, и глаза её из-под маски не проглядывались.

– Где-то кончается мир и начинается война, – натянуто заметила она.

– Ты об этих петухах? – спросил Дмитрий.

– Жизнь – как бой, – ответила она. – Она даёт пищу для размышления. Мы больше не играем в мир и погрязли в войне.

– Я не давал повода для разрыва, – ответил он. Несмотря на занудство Шарлет, с ней было интересно.

– Пора нам перестать встречаться в укромных местах, – тревожно сказала она.

– По-моему, мы сейчас у всех на виду. – Дмитрий резко повернулся к Шарлет.

- Про нас уже болтают, – объяснила она.
- Не стоит слушать глупых сплетен.
- В Миао-Чао говорят о наших встречах.
- Да? Но я никому не рассказывал.
- Значит, я рассказала, – созналась Шарлет.

Бой страусов – уникальное зрелище. Они наносят друг другу удары клювами в длинную тонкую шею. Но что удивительно, они попадают в клювы друг друга, когда защита равна нападению, как у других животных рога об рога, так что порой кажется, если они к тому же одинаковой расцветки, что страус тычет свое отражение в зеркале. Но по мере продолжения боя, уставший страус уже не успевал встречать соперника клюв в клюв, он все чаще оставлял свою шею неприкрытой, а его соперник уже доставал её и клювом подрубал как дерево. Такая уж храбрая натура бойцов терпеть боль. Бой прекращался, когда голова соперника опадала, как сломанная ветка, или струсивший страус, чувствуя превосходство противника, не ударялся в бег. Но и тут противник, разгоряченный свежей кровью, настигал его и после короткого боя повергал на землю. Надобно видеть энтузиазм публики к победителю.

Шарлет печально приникла к плечу Дмитрия чудесной головкой с золотыми кудряшками и с грустью в глазах смотрела, как упал поверженный страус.

- Настоящий боец, – сказала она.
- Он сделал всё, что мог, – подтвердил Дмитрий.
- Доктор, а нас что ждёт впереди?
- Я думаю, не такая участь. Мы будем более корректны, чем эти страусы.
- Доктор, всё же, что нас ждёт впереди – мы ведь в самом пекле революционных преобразований?
- Шарлет, я теперь понял главное – маленькие революции чередуются с большими, иначе говоря, опасные с неопасными. Только надо уметь давать им правильную оценку. И вовремя.
- Это большая революция, – с достоинством сказала она.
- Я полагаю, она не затронет нас?
- Глаза премьер-министрши блеснули.
- Нет, мы не можем остаться в стороне!
- Революция не помеха, я думаю о том, чтобы чаще нам быть вместе, правда?
- Конечно, да. Но встречи нужно углублять.
- Это похоже на условие. Я и так уже отдал тебе всё своё сердце без остатка.
- Мне мало сердца, мне надо твоё тело.

Дмитрий удивился многозначительности фразы. Она годилась в любом случае: когда существует обмен телами и когда отсутствует. В любом случае, это выражение недовольства женщины.

Шарлет встала и сделала шаг между рядов.

– Постой! Ну, пожалуйста! – взмолился Дмитрий, придерживая её за руку. – Давай поговорим. Пойдем ко мне.

– Я тебя очень люблю, но больше так продолжаться не может. Все кончено.

– Я не хочу, чтобы ты так говорила. Прошу тебя, измени свое решение.

– Не могу. Мне и самой очень жаль, но либо все, либо ничего.

“По крайней мере, хуже уже ничего не может случиться, – грустно улыбаясь, размышлял Дмитрий как

перед казнью. – Просто больше нечему уже случиться. Это судьба, а против судьбы не пойдешь”.

– Может быть, все же, ты зайдешь ко мне? Мы обо всем поговорим и... – залепетал он.

– Снова, как в прошлый раз?

– Да.

– Опять всё закончится письмом?

– Я не просил письмо.

– Нет, нам больше не о чем говорить, – отрезала она и покинула трибуну.

От волнения Дмитрий глубоко вздохнул и бросился за ней. У самого лифта он внезапно сгреб её в свои руки и осторожно прижал к себе.

Шарлет с яростным криком хотела вырваться от него, но только прошептала:

– Не хитри со мной! – Её равновесие и терпение подходили к концу. – Ты ведь разумный мужчина. Так возьми же себя в руки, если не ради себя самого, так ради тех, кто любит тебя, желает тебя.

– Я ничего не обещаю! – твёрдо сказал Дмитрий.

– Хватит! Ты можешь идти, Дмитрий Сорокопяттов. У тебя на уме один секс, а я хочу обмен телами.

По крайней мере, отношения определились. Была полная любовь, но Шарлет её было мало, и она хотела большего.

Он проследил глазами, как премьер-министрша вошла в лифт, едва не защемив длинный подол платья, и исчезла за закрывшимися дверями. Он заставил себя скрыть разочарование.

Ещё долго он смотрел на створки лифта и думал о Шарлет, о её дьявольской прихоти, и о её пламенной ненависти к нему, на которую он, несмотря ни на что, не мог ответить тем же.

“Ах вот, оказывается... про нас болтают!”.

Ещё Дмитрий вспомнил её слова: “Мне мало сердца, мне надо твоё тело”. Они запали в душу, и он подумал: “Все равно это невозможно”.

– Что ж, – сухо проговорил Дмитрий, – раз так, тогда прощай, Шарлет.

Глава 37. Не надо проходить курс молодого бойца

Дмитрий поднялся по ступеням на свой этаж. Ключ легко повернулся, и он вошел к себе в номер, который был после погрома восстановлен и обставлен скромно: двуспальная кровать, два удобных стула, письменный стол и книжные полки, встроенные в стену. На письменном столе стояла одна из последних фотографий его родителей. Дмитрий не заботился о вещах, главное, чтобы не было ничего постороннего. Он взглянул на часы – начинался другой день. Сквозь шторы пробивался лунный свет. По телевизору шла ночная проповедь. Проповедник из астрологов говорил:

“Посмотрите вокруг, происходит метаморфоза – восстановление из пепла. Нарастает движущая сила – ключ, запускающий все скрытые механизмы. Добивайтесь полного расслабления, спокойствия, релаксируйте в свое удовольствие. Пропустите через свое тело ощущение абсолютного благополучия. Окиньте внутренним взглядом свое душевное состояние, проникните в суть его, найдите глубинные корни первопричины. И вы пой-

мете, что обмен телами такая же потребность, как секс, как отправление физиологических надобностей. Вы ощущаете, как будто камень свалился с души...”

Дмитрий включил на стенке ночник, разделся и принял душ, заметив про себя, что уже наступила суббота, четырнадцатое число, и окажется она намного насыщеннее, чем пятница, тринадцатое. Почистив зубы и хорошенько прополоскав рот, чтобы отбить запахи прошедшего дня, он прошел обратно в комнату.

Отодвинув занавеску, открыл окно для проветривания и посмотрел на великолепный вид города под яркой луной. Ночной воздух из форточки чудесно остужал тело.

Он зевнул, закрыл окно и потянулся, чтобы выключить ночник. И неожиданно насторожился. Какое-то чувство... ощущение... может быть, что-то ещё? Запах! Слабый нежный аромат незнакомых духов – вот что наполняло помещение.

В темном углу комнаты послышался нервный смешок. Неузнаваемый приглушенный женский голос прозвучал:

– Док! Вы, должно быть, устали – пора на отдых.

Дмитрий обернулся. Он взглянул в сторону кровати, но ему ничего не удалось увидеть оттого, что он так долго смотрел на луну. Он пересек комнату и зажег лампу с розовым отражателем у кровати. На ней лежало длинное тело, накрытое с лицом простыней, только чёрные волосы выбивались на подушку. Были видны кончики пальцев с длинными перламутровыми ногтями, придерживавшие край простыни на голове. Высившиеся груди были подобны заснеженным холмикам.

Коротко рассмеявшись, Дмитрий слегка дернул за волосы – из-под простыни раздался протестующий возглас:

– Док, повежливее!

Дмитрий сел на край кровати и приготовился ждать. Спустя минуту из-под простыни показался изучающий малопонятного цвета глаз.

– Вы выглядите невоспитанно, – голос все ещё был приглушен простыней.

– А чего вы хотите, когда произошёл наглый захват моего помещения и нарушено моё конституционное право на жильё.

– Будьте, наконец, дипломатичным.

– Дипломатия включает в себя и яд и шпагу.

– Но не отменяет благородство.

– А вы? Что здесь делаете вы?

– Я ошиблась этажом, – в голосе в глубоком раздумье звучал призыв “лучше не трогать”. Был ошутим легкий акцент на букву “а”.

– Вы вломились в чужую квартиру!

– Дверь была открыта.

– И, конечно, настужь?

– Да, я прикрыла её с другой стороны.

– Что ж, как хотите, освобождайте место, я ложусь в постель.

– Нет, нет! – женщина сдернула с половины лица простыню, обнажив глаза, и, покраснев, отпрянула за край, но снова выглянула.

Дмитрий холодно рассматривал неясного цвета глаза и лобную часть прекрасного лица.

– Но это – моя постель, часть моей неприкосновенной собственности, – сказал он.

– Но она двуспальная, и одному человеку её много.

– Оригинально, как вы трактуете частную собственность!

– Я – за экспроприацию её...

Они помолчали, изучая друг друга, девушка – со смесью любопытства и облегчения, Дмитрий – бесстрастно и испытующе.

Она первая нарушила молчание:

– А вы похожи на свое фото.

Занятная женщина. И голос знакомый сквозь простыню. Дмитрий разгадал его.

– Пуальфина?

– Не-а.

– Смелыга?

– Не-а.

– Джаина!!

– Не-а.

– Ах да! Туфало... – Он окончательно отбросил простыню.

На него смотрела совершенно незнакомая женщина.

Дмитрий решил, что нарушительница его территории дурной пример почитательницы его тела, вернее уличная дива, неизвестно как попавшая сюда, потому что в ней были и холодность и расчетливость, простодушие и стремление, трусость и напор.

– Как вас звать?

– Накатен.

– Кто вы и как сюда попали?

– Всего лишь, женская хитрость.

– С той же целью, что и другие?

Она почти выкрикнула:

– Да, да, да!

– Так кто вы?

– Как я сказала, меня зовут Накатен. Моя история не длинная, но и не короткая, как у всех мингалетов, так – на минутку другую внимания. Я пианистка. Я могу сочинить музыку. В музыке я познала всё. Я была счастливым человеком. Но однажды меня охватило сомнение, а вся ли правда находится в музыке? Я как будто очутилась в аквариуме, из которого нет выхода в открытый океан. Я понимала, что в любой момент можно сыграть сюиту Бликха и от радости попасть под колеса автомобиля; что можно слушать без конца нежнейшие увертюры Вемдаски, и тут же сигануть с крыши; более того, можно тащиться от Чимайкосы, без разницы, и всё равно свести счеты с жизнью. Еще немножко и... тебе нет места на земле. Ты можешь освободить землю в любое время! Откуда тебя еще не просят, но уже не держат. Или не освобождают вовсе, но примириться с прежними условиями жизни...

– Завязка от вас интересная, – прервал даму Дмитрий, но она только воодушевилась.

– Я спала с лица, меня волнами донимали кошмары. Я стала анализировать, нещадно бичуя себя и задавая себе неприятный вопрос, почему здесь на земле тебе делать больше нечего? Я проследила динамику. Поначалу тебя охватывает паника от заурядной жизни, а потом приходят покой и уверенность...

– Вы нашли себя в музыкальных фантазиях, в них, как в путешествиях, время летит быстро? – снова перебил даму Дмитрий.

– Вовсе нет! Я пыталась убежать от себя в ноктюрн, спрятаться в чужой серенаде. По клавишам била с остер-

венением, умалишенно давила педали. Мне мало было игры в две руки. Это убежище под названием музыка оказалось малым утешением. Именно неудовлетворенность подсказала мне путь, и я настроила свой камертон на другой лад.

– Так у вас всё хорошо! – сделал очередную попытку остановить красноречие Дмитрий, но разве цунами оставишь.

– И тут до меня дошло, что настоящее лекарство – это не музыка, а обмен телами. Я нашла двери, двери, ведущие из тупика, а к ним ключи...

– Чем могу служить ночному визиту? – Терпение Дмитрия лопнуло.

– Если у вас есть время, мне бы хотелось переговорить о деле, представляющем взаимный интерес, сопоставимом разве что с маленькой операцией.

– С этого бы и начинали. У вас медицинские проблемы?

– Да, конечно.

– Поэтому и лежите, готовая к осмотру?

– Так точно, доктор. Как вы догадались?

– По вашей одежде у изголовья.

Накатен привстала.

– Док, я попала по адресу?

– Лежите. Так в чем проблемы заключаются?

– Я надеюсь на ваш здравый смысл и врачебная тайна в ваших интересах.

– Тогда немедленно в мою клинику на диагностику.

– Не скоро, док! Мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось ложное впечатление... – мягко проговорила Накатен.

Она выскользнула из-под простыни. Осмотрев Дмитрия в трусах с ног до головы, она улыбнулась.

– Док, вы прагматик. Вы губите себя, свою молодость, свои устремления.

– Я... я не понимаю как.

– Док, вы никогда не жалели о выбранной специальности хирурга? – Накатен пыгливо заглянула в глаза.

– Нет, а что?

– Сегодня я пощажу вас.

– Я намеренно прилетел на Мингалу с Земли, чтобы работать.

– Вам следует стремиться к большему. Пусть медицина вас кормит, но надо расширять границы своего влияния. Вы нисходите до органов и не понимаете, что свое тело – неподходящее место для такого видного мужчины, как вы.

– Повторите! – почти приказал Дмитрий.

– Вам тесно в нём, вы переросли его, – услышал он.

– Неужели? – удивлённо спросил он.

– Маленькое усилие. Надо выйти из него, – нравоучительно сказала Накатен. – Я приготовила вам ключи.

– Мне удобно и вольготно в своём теле.

– Как знать, в чужом ещё комфортнее!

– Накатен, вы моралистка!

– Это я и называю настоящей свободой – нырнуть в чужое тело с правом вернуться снова в собственное! При наличии доброй воли...

– Чьей?

– Вашей!

– Без нее разве никак?

– Скажите, да или нет?

– Нет.

Через пять минут Накатен была полностью экипированная дама в чёрной соломенной шляпке, кожаное пальто было распахнуто, открывая бежевую блузку и плиссированную юбку. На девушке был тисненый ремень и туфли на высоком каблуке.

– Вы не гонитесь за пространством и светом, а надо! – она громко сделала внушение.

– В тесноте – да не в обиде! – ответил он.

– Признайтесь, вас гложет, что до реализации себя далеко.

– Тем не менее, я как бы уже стал специалистом в медицине.

– Медицина всегда подтверждала, а вы в своем лице скальпелем, что человек жалок и мелковат.

– Вот поэтому вы пришли не по адресу. Ловлю вас на слове, знаю, что я ничтожен, что я никто, что вряд ли я вас или кого по-настоящему заинтересую.

– Ещё как заинтересуете.

– Мне это не нужно.

– Зато другим необходимо.

– Для меня это лишние хлопоты.

– Наоборот! Обмен телами – это несложно. Не надо сдавать экзамен, не надо проходить курс молодого бойца, не надо приобретать лицензию, не надо платить налоги государству и местному бюджету, многое, чего не надо.

Дмитрий как скала не двигался с места.

Девушка прошла независимо к двери.

– И куда вы, Накатен, собрались на ночь глядя?

– Придется доночевать в другом месте, – ответила Накатен.

– У мужа?

Она пожала плечами.

– Тело моего мужа годится на что угодно, только не для обмена телами.

– Старое?

Она со злостью сказала:

– Нет, молодое, но инфантильное.

– Я тоже, извините, помочь вам ничем не могу, – сказал Дмитрий.

Внезапно её поведение изменилось и даже появилась злость, проявившаяся в голосе:

– Здесь нельзя произнести ни одного слова без того, чтобы тебя не отвергли.

И она ушла, задев нечаянно бедром за край стола, но даже не поморщилась.

Ночь была лунная, светлая, с резкими тенями.

Глава 38. Я не бухгалтер

Влияние женщин на него было таково, что Дмитрий боялся оказаться перед лицом реальной опасности потерять свое тело. Угодить, что называется, в историю, а надо возвращаться на Землю. Он не хотел показаться там живым в чужом облике со статусом: “Пропал при исполнении задания”, а потом проходить в судебных инстанциях длительную процедуру временно отсутствующего и ждать подтверждения, что он не верблюд.

На лице Джаины рисовался прежний наигранный вопрос.

Дмитрий решил сразу выяснить и, возможно, закончить с ней отношения – их перебор был бы пагубен для

обоих. Чтобы не травмировать её психику, он начал разговор осторожно:

– Обмен телами кто-то оценивает в один мингаль, кто-то в миллионы. Я не знаю методики оценки этого неосязаемого капитала. Я не бухгалтер. Обмен телами нельзя подержать в руках, взвесить на весах, включить в опись имущества.

– Неужели ты не соображаешь, – воскликнула Джаина, – что многие люди очень разные, попадают в безвыходные ситуации, и их сама жизнь заставляет идти на это. Ты то должен понимать это и хоть немного пожалеть.

– Жалеть?! Кого? Не смей меня! Все знают себе цену. Как ты...

– У меня есть, что продемонстрировать для тебя, – проговорила Джаина надтреснутым осипшим голосом от волнения и стала сбрасывать с себя одежду.

– Нет, нет. Ты сумасшедшая, – прохрипел Дмитрий. Получалось, что это она травмировала его психику. Ему хотелось только одного: быть от неё как можно дальше. И повинаясь этому желанию, он ринулся в приемную, в то время как она продолжала раздеваться.

Джаина бросила в Дмитрия книжку. И промахнулась. Он поднял её, она называлась “Обмен телами для начинающих”.

– Дмитрий! – зло донеслось до него через дверь.

Появившийся навстречу премьер-министр Джоба провел гостя в гостиную. Стены пестрели сценами из мингалетских революций, которые трудно было назвать революциями, поскольку были интеллектуальными, а не насильственными, но которых было предостаточно за бурную историю Мингалы. В первые посещения он не обращал на картины должного внимания.

Они уселись в глубокие, обитые красно-бурой кожей кресла.

– Что будете пить, Дмитрий?

– Что-нибудь из соков.

– Апельсиновый доктору, Джаина, и мандариновый для меня, – распорядился премьер-министр, – слезу за весом.

“Неужели он не знает, что на диете мандариновый сок категорически противопоказан?” – подумал Дмитрий.

Он залюбовался лепными и нарисованными композициями на каменных плитках.

– У вас богатая история, – заметил он. – Вы прошли большие этапы борьбы.

– Суть и предпочтительные мотивы обмена телами через постоянную борьбу с косностью мышления со временем ничуть не изменились, не потеряли своего первоначального значения, – премьер-министр довольно размахивал руками. – Естественно, что выработались определенные алгоритмы жизни, если хотите, сценарии.

– Но бывают случаи, когда обмен телами противоречит этим сценариям?

– То есть является с точки зрения эволюции бессмысленной и нелепой ошибкой, так вы хотите сказать? – поправил премьер-министр.

– Нет, что вы! – воскликнул Дмитрий. – Я ничего не имею против эволюции, она идет своим чередом, извините за тавтологию, эволюционным путём.

– Хорошая тавтология: эволюция идет эволюционным путём. Этот путь непререкаем. Лошадь в гонке не

стремится приобрести второе дыхание, не жаждет победы, она просто убегает от наездника. Но люди!.. Властные, честолюбивые, непредсказуемые...

– Подлые, лживые, – усмехнулся Дмитрий, но премьер-министр Джоба не останавливался:

– Люди желают обрести при высокой степени толерантности удовлетворение. Хочется, как в Новогоднюю ночь, исправить свое не лучшее настоящее, не примириться с чужим, не влачить свой тяжкий крест. Для лошади нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Приходится подчиняться сложившимся обстоятельствам и быть впереди всех.

– И тогда, в отличие от лошади, люди ставят перед собой цель, – осторожно высказался Дмитрий.

– Да, это и есть то самое, существенное, что делает нас непохожими на лошадь.

– Но в своём кругу крысы все одинаковы, кролики – тоже, не идет ли полное обезличивание индивида у людей?

– Идёт.

Дмитрий озадаченно смотрел на премьер-министра.

– Странно, вся ваша деятельность направлена на его улучшение. Вы осознаёте, что сказали?

– Сказав “не идёт”, я бы погрешил против истины. Эта обеспокоенность интересовала всех ещё на заре развития человечества. Вы человек новый на Мингале и проходите ступени роста, что удивительно для вас, зная, что Земля – колыбель обмена телами.

– Земля интересуют, прежде всего, ваши специфические своеобразия относительно его.

– Я думаю, как и везде, идет интенсивное формирование общества в рамках общего поступательного мирового процесса.

– Который, возможно, определяет какая-то невообразимая скорость, характерная только для Мингалы? – Дмитрий внутренне съиронизировал, но премьер-министр даже не заметил иронии.

– Больше того, постоянное ускорение! – гордо произнес тот.

– А зачем перепрыгивать себя человечеству?

– Человеку, как и крови нельзя застаиваться: появляются нарывы и язвы, гнойники, бородавки, чирьи, аневризмы и геморроидальные узлы.

– Но ведь они передаются от одного обладателя тела к другому как по наследству! Вот, если бы их становилось меньше...

– К сожалению, констатирую, это ещё и общее состояние медицины, и не надо вешать на обмен телами всех собак.

– Соответственно, медицина развивается как должно, но не достаточно?

– Вот тут вы её недооцениваете. Также – семимильными шагами. И знаете – почему?

– Почему?

– Каждый совершенный обмен телами решает не только локальную задачу.

– Ох, уж эти тактика и стратегия! – воскликнул Дмитрий. – Опять головная боль, опять нерешённые амбиции!

– Отнюдь! Представьте себе, что вы не знаете, как подступиться к операции на мозге. И есть специалист, который щелкает их как орешки... О чём вы подумаете в этот момент?

– Вас интересует мое особое мнение?
 – Да.
 – Я не честолюбивый человек.
 – Разве вы не хотите быть хирургом с мировым именем.
 – Хочу, но не желаю, чтобы он, обратившись в меня, превратился в посредственность, в никчемность.
 – Дмитрий, вы разиня, а кто-то в это время перескакивает через свою голову и становится академиком...
 – А какой-то академик – падает низко на самое дно общества! – парировал Дмитрий.
 – Они получают каждый своё душевное отдохновение по разным причинам, не будем говорить каким.
 – Но каждый последующий обмен телами камня на камне не оставляет следа от человека!
 – Наоборот! Постоянно идет, например, карьерный рост. Вот вы приехали сюда простым врачом, а уже главврач Медицинского Центра.
 – Но это произошло и без участия в обмене телами.
 – Вы правильно сказали – “произошло”, а не “я добился”. Стечение обстоятельств. В нормальных условиях вы бы им стали в лучшем случае к пенсии в ситуациях, когда более молодые и перспективные не раз пересекут вам дорогу.
 Дмитрий молчал, возражать было нечем.
 – Пять минут отдыха от диспута, – сказал премьер-министр и с гордостью заметил, – Я не могу пресытиться красотой дворца.
 Большая гостиная, удобная комната на семейном этаже дворца Кор-Кар премьер-министра, выходила на солнечную сторону и выхватывала прекрасный вид императорского дворца Кар-Кор. Быть принятым в этой части архитектурного монблана – большая честь. А обедать здесь, а не в застойной внизу, особая приватная привилегия, так как предназначалась исключительно для далеко не торжественных скромных семейных обедов. Отсутствие членов семьи премьер-министра лишь подчеркивало важность встречи.
 – Джаина, – обратился премьер-министр Джоба к ней, – какова раскладка голосов в сенате?
 Девушка принесла прогноз за неделю.
 – На сегодняшний день “за” и “против” распределяются в процентах как сорок восемь на пятьдесят два.
 Он сделал недовольное лицо.
 – Шаткое положение. Если законопроект не примут, придется забыть о нём до следующего голосования. Сейчас именно это беспокоит меня – мы теряем время, а народ может нас не понять и обвинить в бездействии. Я хочу сбросить законопроект с плеч и увидеть в действии, прежде чем стану баллотироваться на очередной срок.
 – Тогда будем не терять надежды на благоприятный исход, – сказала Джаина.
 На закуску Джаина подала авокадо с омарами – этакая смесь зелени с большими тараканами.
 – Спасибо, меня всегда тошнит от омаров! – сморщился Дмитрий.
 Премьер-министр Джоба смотрел на него иронично.
 – А вы запивайте соком, Дмитрий?
 – Нет уж, благодарю вас.
 С улицы раздался возмущенный гул, пробивавшийся сквозь стекло.
 – Побеждает тот, кто ценит свое время!
 – Обмен телами и культурная революция – едины!

Премьер-министр подошел к окну и наглухо прикрыл фрамугу.
 – Как бы озверевшая толпа не начнет крушить всё на своем пути?
 – Им своего не добиться – толпа она и есть толпа, – успокоила его Джаина.
 Лицо премьер-министра Джобы было сумрачно отмечено печатью глубокой тревоги.
 – Мы не имеем права идти у них на поводу.
 – Если закон выйдет, они сразу угомонятся, – сказала Джаина.
 – А вы сами “за” или “против”? – спросил Дмитрия премьер-министр.
 Дмитрий тут же ответил:
 – Насколько я понял, ваши всенародные обещания лично убедили меня в том, что предложенный вами законопроект обмена телами позволит его донести до общественного сознания. Люди благожелательно воспримут и усвоят его.
 Лицо премьер-министра оставалось все таким же белым, с чистыми, гладко выбритыми щеками и нервно вздрагивающими рыжеватыми ресницами.
 – Молодой человек, – произнес он, – у меня нет времени на незамысловатые разговоры. Я человек государственный и сразу перейду к делу.
 – Я слушаю.
 – Разговор сегодня о вас.
 Дмитрий удивился:
 – Что-то много внимания к моей персоне.
 – Вы наш почетный гость, – сказала Джаина.
 Премьер-министр Джоба по-деловому добавил:
 – Обстоятельства диктуют.
 – Заранее предупреждаю, я не хочу быть разменной картой в чьих-то руках.
 Премьер-министру Джобе невозможно было заморочить голову, также как сбить с толку. Слова Дмитрия были для него не пустым звуком. Ах, разменная карта? На заметку! Его мозг работал, как государственная машина.
 – Я не ставлю под сомнение ваши способности, молодой человек, – сказал он. – Я лишь сомневаюсь в эффективности вашего наличного времени. Похоже, доктор, что вы в большей степени озабочены количеством операций и их качеством. И совсем игнорируете нашу программу...
 Дмитрий уставился на премьер-министра.
 – Какая, извольте, программа?! Я – врач. Есть больные – лечу, нет их – не лечу. Мне по боку любая программа!
 Дмитрий почувствовал, что его слова повергли премьер-министра Джобу в состояние легкого нетерпения, но тот мягко сказал:
 – Продолжайте, молодой человек, говорить в свою защиту.
 – Господин премьер-министр, – улыбнулся Дмитрий, – если бы я мог позволить хоть какую-то прямоту, я бы сказал, что вы не все поняли из моих поступков. Я приехал к вам делать только операции. А вы все на Мингале думаете исключительно о моих эгоистических наклонностях и, хуже того, отклонениях...
 – Вы умаляете свою значимость. Мне нужна ваша всесторонняя поддержка, Дмитрий.
 – В чем она заключается?

– Побудьте на заседании сената.

Как теперь стало понятно, Дмитрию предлагалось отбросить дипломатию и пустить в ход тяжелую артиллерию своего присутствия на Мингале. Премьер-министр Джоба перешёл все границы, чтобы использовать его в качестве жупела. Хотя, надо отдать должное, он делал это весьма мастерски.

Глава 39. Вы должны побыть в шкуре каждого из нас

Дмитрий пошел к сенату пешком, надеясь настроиться на кучу впечатлений и получить там ответы на массу вопросов.

В проходе, соединяющем зал заседаний с информационным центром, медленно тянулись сенаторы.

– Добрый день, сенаторы, – приветствовали секретари и раздавали им программы.

– Привет, Пелли, – обратился один из сенаторов к девушке. – Нет ли у вас экземпляра законопроекта об обмене телами в том виде, в котором он был доложен в подкомиссии, перед тем как комиссия внесла исправления в той части, где говорится о побочности неправомерных явлений, связанных с обменами телами?

– Разумеется, сенатор Докстар, одну минуту. – Она исчезла в задней комнате.

– Если можно, – обратился Дмитрий к другому секретарю.

– Чем могу служить? – Секретарь вопросительно подняла брови. Она не узнала землянина.

– Я хотел бы получить стенограммы предыдущих слушаний по законопроектам об обмене телами.

– Все? – удивилась секретарь.

– Да, – ответил Дмитрий.

– Ненормальный какой-то, – прошептала одна секретарь другой. – Это же целый вагон.

Проходящий сенатор на это сказал им:

– Начнем с того, что сенаторы все сумасшедшие, пачкуны и голубые, – и разрядился смехом.

С кипой документов Дмитрий расположился в последнем ряду с табличкой “ряд для представителей прессы”.

Во время открытия заседания председатель объявил:

– Среди нас присутствует землянин Дмитрий Сорокопьятов. Поприветствуем его!

Дмитрий встал и сделал несколько поклонов.

Раздался шквал оваций, которых он не ожидал.

На трибуне было выступление седого сенатора, мужчины с неброской внешностью горожанина и с изысканными манерами. Он говорил негромким, но твердым голосом:

– Предвижу возражения: как же так, ведь регистрируются машины, недвижимость, оружие. Следовательно, должен регистрироваться фактически любой случай обмена телами. Каждому административному образованию должно быть позволено решать, исходя из интересов населения, какие шаги необходимо предпринять: сколько и как, то есть количественно и качественно.

Из различных частей зала заседаний в его адрес зазвучали неистовые рукоплескания.

Ушей Дмитрия достигли слова следующего выступающего:

– Я только что приехал после приватной беседы с премьер-министром и в связи с этим хотел бы сделать заявление для прессы и телевидения. – Он сделал паузу.

– И, не в обиду, досточтимым сенаторам. Критика законопроекта об обмене телами с моей стороны и мой голос, поднятый против него в комиссии, были продиктованы стремлением говорить от имени моих избирателей и выразить их подлинное согласие с нашей фракцией по поводу процедуры обменов телами.

Дмитрий спустился на несколько рядов и подсел к ближайшему одиноко сидящему сенатору.

– Сенатор! – прошептал Дмитрий.

Он повернулся к Дмитрию лицом и сказал:

– С вашей стороны было весьма любезно навестить нас здесь. Мы даже не надеялись, что вы придёте.

– У нас на Земле никогда не устраивают день открытых дверей в парламенте, как у вас. И уровень общения с народом у вас другой.

Сенатор с готовностью ответил:

– Могу прокомментировать это выступление: премьер-министр заверил, что, если данный законопроект пройдет, и согласно его обмен телами в стране развернется повсеместно, он окажет поддержку в виде немедленной финансовой помощи занятым в этой сфере, с тем, чтобы не создавалось тупиковых задержек.

– Ваш ответ похож на отчёт.

– Нет, просто пытаюсь квалифицированно обрисовать истинное положение вещей. Борьба нас ждёт нешуточная.

– А ваше отношение какое?

– У меня законопроект до сих пор пробуждает чувство раздвоенности.

– Почему?

– Поскольку, с одной стороны, вызывает серьезное беспокойство неконтролируемая возможность угрозе личности и нападок на свободу совести, а с другой – та легкость, с которой он может пройти.

– Первое – это плохо, второе – хорошо.

– Есть еще подводные камни, которых сенаторы не хотят видеть.

– Им на глаза надо поставить обтюраторы.

– Лучше “дворники”.

– Что за камни, о которых вы намекнули?

– Идет работа уже над новым проектом под названием “Как сдвинуться с мертвой точки”. Я считаю необходимым отметить, что вступившее в силу двадцать четвертого июня, то есть сегодня, решение сената делает для нас в настоящее время неприемлемыми условия обменов телами в части, предусмотренной статьями тридцать седьмой, тридцать восьмой и тридцать девятой...

– А как вы поступите, конкретно, при голосовании?

– Скорее всего, я присоединюсь к мнению своей партии.

– Так вы “за” или “против”?

– Я думаю, сегодня мы все ляжем спать совсем другими людьми, более свободными, более обновленными. А, начиная с завтрашнего дня, грех жаловаться, надо продолжить работать дальше, созидая светлое будущее.

– Насколько это злободневно?

Сенатор старался соблюдать тишину, поэтому отвечал шепотом и четко.

– Обмен телами – хорошо, но контроль над ним – лучше.

– А как вы это видите, ведь обмен телами подразумевает собой полное стирание данных о предыдущем обладателе тела?

– Это я вам и пытаюсь втолковать.

– Появилась новая информация?

– В чем-то, не отрицаю, возможен и некоторый сырбор.

Дмитрий удивился.

– Расскажите...

– Что там говорить, дошло до того, что я вообще сам не уверен, что я – это я! Хотя я – это я, бесспорно.

– На данный момент, похоже, у вас раздвоение личности.

– Если взять запись из паспорта, то я – я. А если взять значительный отрезок жизни, то, тем более, я – уже не я.

– Это утверждение дает вам право заявлять о себе с высокой трибуны?

– Как же, если изначально гложет сомнение, и признаться – себе во вред.

– Человек должен пребывать в полной уверенности, – заметил Дмитрий, – и тут противоречивость не уместна.

– Вам легко рассуждать, – произнес сенатор. – Я знаю, что вы далеки от наших приоритетов. Вы должны побыть в шкуре каждого из нас. По-настоящему.

– Закон ставит целью реально приблизить граждан каждого к себе и другим?

Сенатор понял, что Дмитрий показал полное проникновение в их проблемы, и сказал:

– Пока долгая история! Вот почему я не разуверился в новом законе, но отношусь к нему критически.

– А может, этот повсеместный контроль вовсе не нужен?

– Ещё как обязателен.

– Зачем?

– Наша жизнь должна иметь смысл. Чем его больше, тем она содержательнее и упорядоченнее, а это прямые налоги, отчисления в бюджет, в армию.

– Почему у вас сенаторов как нововведение, так сразу мысли о налогах?

– Вы чётко подметили. Скажу честно, всенародные избранники не просто законодатели, а в то же время налогоплательщики и в большей мере налогоплательщики. Вы уж извините за некорректный пример: население кто с ружьем, а кто под ружьем.

– Сенатор, почему бы не назвать обмен телами реинкарнацией? Он нуждается в строгой терминологии. Надо смело смотреть прямо в глаза. У вас много граждан прошли её, но можно ли с уверенностью сказать, даже объявить во всеулышание о победе, что народ теперь сплошь реинкарнированный? – спросил Дмитрий.

– Даже больше того.

– Вот это да!

– У нас теория о многочисленных жизнях в прошлом не просто пустой звук.

Дмитрий изобразил недоумение.

– Вам нужно подтверждение? – спросил сенатор.

– Неплохо бы...

– Доказать даже то, сколько жизней лично я прожил в предыдущей жизни?

– Если можно...

– Пожалуйста. Если год рождения разделить на дату рождения, мы получим число, говорящее...

– Это известная формула.

– Тогда следующее доказательство, если я – это я, то вы – это не вы.

– То есть?..

– Обосновать вполне возможно. Вот так. Вам кажется, что вы – вы, а на самом деле ничего подобного.

– Что-то я вас не вполне понимаю. По-моему, это уж точно, что я – я.

– А вы откуда знаете? Вот и докажите.

– Не я вам должен доказывать, а вы мне, – возмутился Дмитрий.

– Закон о презумпции невиновности?

– Да.

– Каждый скажет, что он брат своего брата или брат сестры, или сын своего отца со стопроцентной гарантией. И наоборот, какого отца, какого брата, какой сестры точно ответить остережется.

Дмитрий вздохнул.

– В том-то и дело, все теперь так запуталось. Где реинкарнация и где обмен телами. Где тот водораздел?

– Хотя, удивительно, большинство живёт и живёт, как говорится без задней мысли, и об этом водоразделе не подозревает. – Сенатор прислушался к выступающему, говорящему быстро и речитативом:

– Вы знаете уже, что в этой стране ничто не делается быстро. Но народная мудрость гласит: поспешные решения ведут к позднему раскаянию...

– Сенатор, так вы думаете, законопроект примут? – спросил Дмитрий.

– Несомненно, ведь демократы контролируют обе палаты. Удар по оппозиции нанесен. Результаты почти не вызывают сомнений, и никаких препятствий не предвидится. Это много значит для премьер-министра. Только вот лидер большинства непредсказуем.

– Расскажите мне поподробнее о лидере большинства. Он ведь в законодательном комитете? И какую занимает позицию?

– Интересный вопрос. Сенатор – человек тщеславный, без чувства юмора. И его подтачивает язва. Все это наслаивает. И отторгает одновременно. К тому же он родился в нищете и так любит козырять при случае своим неблагородным происхождением, что коллеги прозвали его страусом, смотрящим свысока и зарывающим голову в песок. Он состоит в партии, где основное большинство составляют либералы. Как лидер большинства, он сделал немало, но он ненавидит премьер-министра и тот отвечает ему взаимностью, учитывая его прошлое. Он – бомба замедленного действия. Вроде бы искренне поддерживает законопроект, но и “против” высказывался многократно. Недвусмысленность поведения его оружие – пока он нужен всем: и коллегам и оппонентам.

– Что может помешать принятию законопроекта?

– Да вроде бы ничего – разве что смерть премьер-министра или императора. Сенат тогда распустят на дни траура. Но, по-моему, и тот и другой в добром здравии, хотя и несколько утомлены последними событиями. Впрочем, это сегодня не в чьих-то интересах – объявлять кому-то импичмент.

– А отсрочка законопроекта грозит?

– Отсрочка может быть использована некоторыми нечистоплотными политическими силами, чтобы задер-

жать принятие закона на недели, даже месяцы, и даже похерить его в долгий ящик. Но народ устал ждать – он обязан знать границу между “можно” и “нельзя”.

– А что дальше не вошло в повестку дня?

– О гражданах, не достигших 16 лет. Дискриминация по отношению к ним.

– А что дальше намечается?

– Человек всегда планирует, как потратить деньги, ещё не заработав их. Нельзя таким образом уподобляться им...

В это время очередной оратор обратился с речью и Дмитрий прислушался.

– Законопроект полностью игнорирует влияние обмена телами на преступность. Но я бы попросил уважаемых коллег на минуту, не более, представить себе положение хотя бы рядового гражданина и задуматься – нарастает разгул, прежде всего, беззакония. У населения беззащитность – слабое звено. Вот он корень зла – беззаконие, а вовсе не количество преступлений.

– В преступлениях повинны люди! – раздался голос.

– Но не обмен телами.

– С ростом беззакония только увеличивается число преступлений, и если мы хотим меньше преступности и больше обменов телами, давайте проголосуем против беззакония! Без всяких экивоков!

– Тогда и за любую форму обмена телами в рамках борьбы с беззаконием!

– Нежелание принятия закона считать преступлением!

– За новый закон!

Раздались прямо-таки овации.

Шли последние дебаты, сенаторы рвались на трибуну сказать последнее историческое слово.

– Единственной и уважительной причиной нашего пустого времяпрепровождения можно считать только лень и невежество сенаторов, – высказался последний слуга народа.

Раздался голос спикера, завершающего дебаты:

– В целом надо принять законопроект, премьер-министр и император уверены в нашей поддержке.

Неожиданно с улицы по стёклам заскрежетал гул. Сенатор вдруг побежал вдоль стены, отворяя окна. С площади, как эстафета, одновременно донеслись возгласы ликующего и возмущенного народа:

– Почему по-прежнему нет закона, который мог бы защитить нас от произвола пятой колонны?

– Законопроект должен быть одобрен сенаторами, а не погребен в какой-нибудь из палат!

– Чего же мы ждем?

– На аутодафе тех, кто выступает с постоянным осуждением обмена телами.

– Да здравствуют служители народа. Народные избранные за дело!

– Чтобы кто-нибудь вновь не покусился на нашу свободу!

– Мингалетский народ мечтает о действенном законе, не ограничивающем обмен телами.

– Почему мы допускаем произвол?

– Почему мы позволяем правительству навязывать нам свои взгляды, которые не стоят выеденного яйца?

– Где наша непримиримость к равнодушию чиновников, облаченных властью?

Дмитрию казалось, что конца возгласам не будет, и в какой-то момент до него снаружи как будто даже донесся звонкий голос Нецинии.

Шум с улицы оказался лучшим стимулом. На табло “за”, “против”, “воздержался” показались цифры: 375 – 283 – 42.

Зал взорвался аплодисментами и разом посмотрел на Дмитрия.

– Я не знал, захотите ли вы меня в дальнейшем видеть, ведь, возможно, я повлиял на исход голосования, – с улыбкой сказал он.

– Возможно, – согласился спикер, – вы и повлияли на исход голосования. Поздравляю!

Большинство репортеров без промедления покинули зал, чтобы успеть сдать материалы в вечерние выпуски газет, которые с этой исторической минуты начали печататься по всей стране.

Дмитрий заглянул через плечо журналиста из многоуважаемой знаменитой газеты “Парламентский вестник”. Тот уже успел сменить стенографию на обычное письмо. “Доколе нас будут кормить обещаниями”, – было крупно выведено название. Да, в такой знаменательный день для передовой статьи не очень-то подходящий стиль, но журналисты всегда стремятся объять необъятное.

Дмитрий один из первых спустился в холл на лифте, вышел из дворца заседаний через цокольный этаж и направился мимо императорского дворца в город.

Глава 40. На Мингале все с виду солидные люди

Ресторан “Нескафт” по-прежнему бурлил. Краем глаза Дмитрий окинул зал и в пестрой, быстро шевелящейся, плывущей толпе сразу выхватил лицо с крепкими скулами, глубоко сидящими глазами и, как всегда, тяжелым подбородком. Это был Килин Клер. Уверенно и ловко он кружил новую пассию, очередную, уж какую по счету даму, не менее влюблено смотрящую на него. Когда они поравнялись с Дмитрием, Килин не отказал себе в гримасе:

– Ба! Знакомые все лица!

Дмитрий на его взгляд ответил ему легким равнодушным кивком и, Килин смешался, а извинившись перед своей дамой, ничуть не покинул её, продолжая кружить.

– Как поживает ваш всё ещё жених Килин Клер, – спросил Дмитрий подошедшую Сюэмель, как только удобно расположился за столиком.

Официантка присела на свободный стул, что категорически было запрещено.

– Что вас интересует?

– В какой стадии ваши отношения?

– Я его, дурака, люблю, люблю, – разревелась она в открытую.

– Что-то они не способствуют большой любви. Он вас постоянно третировает?

– Вы его ещё плохо знаете.

– Я считал, Сюэмель, что вы уже разобрались в нём.

– Но не он во мне!

– У вас всё впереди, – успокоил Дмитрий.

– Не смотрите, что я ревмя реву, – официантка салфеткой промокала слёзы. – Наша эпопея продолжается без малого вот уже два года.

– Потерпите ещё немного.

– Сколько можно? Время бежит, вся наша действительность направлена на романтизацию обмена телами ежедневно и повсеместно. Потому что, согласитесь, нет никакого удовольствия в обмене телами, если к нему не примешана хоть какая-то толика романтики – это опасности, авантюры, тайны или приключения. Без этого обмен телами только фикция и не более того. Но вот если вы хоть чуточку объединены тайной или опасностью... О, тут целесообразность обмена телами становится на много порядков выше.

“Ох и любят мингалеты себя экзальтировать высокой словесностью”, – решил Дмитрий и сказал:

– Вы продукт своего времени, а если на минутку отвлечёшься, проникнуться заботой и малым, что надо просто выйти замуж, родить детей, воспитать их, обеспечить себе скромную старость.

Сюземель задумалась.

– Чтобы без приключений?.. Без романтики?.. Нет, нельзя.

– И только это вас до сих пор отвело от полного разрыва?

– Достижения, успехи в отношениях тоже есть. Мы все ближе с Килин Клером к разрешению главной совместной загадки.

– Какой загадки?

– Относительно нашей дальнейшей жизни.

– Что существуем, прозябаем, влачимся, а не живем?

– Почему вы так подумали?

– Выражаю общепринятое мнение.

– Вы упустили, что жизнь красна надеждами. Разве не так?

– До чего сложно! – сморщил лицо Дмитрий. – Положительным результатом... Получили зарплату, выиграла лотерею, вышли замуж – разве это не положительный результат?

– У нас с Килин Клером есть будущее. Вы себе не представляете, как это облегчает многое и уводит от неурядиц и закавык.

Дмитрий хорошо себе “представил” их будущее.

– А если ваш жених перейдет грань допустимого? – спросил он.

– Посягнёт на мою жизнь?

– Да. Что-то в этом роде.

– Я готова отдать ему свою жизнь, а он мне свою. Нет, Килин Клер милый человек, прибегать к грубым формам он неспособен. Все бы были такие, как он.

– Тогда желаю вам счастья.

Сюземель просияла:

– Спасибо.

– Ба! Знакомые все лица!

Килин Клер развязно подсел к Дмитрию, который сделал замечание:

– Килин, у нас на Земле есть точно такое же выражение.

– Это говорит о том, что ДНК во вселенной едина! – воскликнул он. – И за это надо выпить.

Официантка насторожилась.

– Сюземель, тебе не кажется, что мне с другом следует пропустить по стаканчику? – Килин Клер положил одну руку на плечо Дмитрия.

Она устало покачала головой.

– Надеюсь, после этого стаканчика ты оставишь меня в покое?

– Сейчас я обычный клиент. Живо, одна нога здесь, другая – там!

Сюземель словно ветром сдуло.

Дмитрий наткнулся на жесткий взгляд Килин Клера. Его глаза, похожие на два переполненных кровью колодца, обвиняли всех. Дмитрий разглядывал кривой изгиб рта в усмешке на опустошенном лице.

– Скажи, доктор, как, каким образом ты до сих пор оказался вне сферы обмена телами?

– Да, мне удалось преодолеть немалое искушение.

– И сколько оно стоит?

– Для меня ничего.

– Прости, как ты себя чувствуешь?

– Нормально, а что?

– И тебя не точит червь честолюбия, неудовлетворенности?

– Нет.

– И ты никому не завидуешь?

– Нет.

– Даже императору?

– Я ему глубоко сочувствую.

– А сделаться лучше и чище не желаешь?

– Для чего?

– Нет предела совершенству.

– Но его никогда не добьешься.

– Но все же – все же! Дмитрий, как тебе удается остаться непорочным? Мыслимо ли, когда вокруг бушуют такие страсти и все сходят с ума по обмену телами!

– Честно говоря, этого я и сам не знаю.

– Даже на свой страх и риск попробовать не желаешь?

– Я не из тех, кто рискует и пьет шампанское.

– Скажу, Дмитрий, ты – размазня.

– Килин, я не осознаю всю философию подобного шага.

– Обмен телами, я считаю, и говорю как безразличный к нему человек, должен писаться тобой, представителем Земли, как и всеми нами, крупными буквами и с большой буквы, наравне с ранее провозглашенными: счастье, равенство, свобода.

– А если меня оставят с носом? – Дмитрий высказал подозрение, которое подтачивало его изнутри.

– Боишься, что тебе подложат свинью?

– А что, такое разве невозможно?

– Думаешь, я тоже из тех...

– Ни в коем случае! – заверил Дмитрий.

– Покупать kota в мешке я не позволю никому. – Килин решительно протянул руку. – Вот моя крепкая рука.

Ладонь оказалась мускулистой. Килин Клер на всякий случай успокоил Дмитрия:

– Бывает, что один обмен телами удается, а следующий – нет. В случае неудачи не надо бить в колокола.

– А поезд-то уехал!

– Не отчаивайся, следующий скомпенсирует моральные издержки.

– Тем более, я ещё не видел хороших, достойных примеров.

– Дмитрий, надо лучше разуть глаза.

– Я врач, но даже косвенных подтверждений обменов телами не наблюдал.

– А секс ты видел?

– В открытую, нет. Если только по телевизору.

– Обмен телами – дело ещё более интимное, чем его величество секс. Человек, преследующий секс, хочет получить примитивный оргазм. Здесь что-то животное, низменное. С обменом телами дело обстоит серьезнее, возвышеннее, выступают многочисленные интеллектуальные аспекты, прежде всего социального порядка. Обмен телами входит в ряд завоеваний человечества наряду с правами на пищу, на работу и т.д. К сведению, секс не входит, и не входил даже в худшие или лучшие времена. Никогда манифестанты даже в глубокой древности не заполняли площади с лозунгами “Да здравствует секс!” или “Долой секс!”

– Я слышал среди ваших острословов, – сказал Дмитрий, – как секс называют – мероприятие для ленивых.

– Лучше не скажешь! – заржал Клер и вдруг словно споткнулся. – Сегодня мы говорим не о сексе. – Его чуть сдвинутые брови указывали на то, что он в это время размышляет.

– В принципе, я тоже верю в свободу выбора. – Дмитрий понял, что ему не уйти от ответа.

– Последний никаких, противопоказаний – тем более, – воодушевился Килин. – Побочными детьми не пахнет. Следовательно, безотцовщины нет. Разведенных, соломенных вдов нет. Все довольны, все счастливы, всё на пользу обществу.

– Тогда в чем твои терзания по отношению ко мне?

Сквозь клубы дыма, выделяемого льдом из фужера, маленькие глазки Килин Клера пристально наблюдали за Дмитрием.

– Пусть женщины неадекватны, с невротическими поступками, – продолжал он, – но мужчины... Мужчины, эти столпы жизни, венцы человеческого гения, стоят того, чтобы ими восхищаться...

– Меня не интересуют, как те, так и другие.

Килин Клер задумчиво уставился на противоположную стену и долго молчал. Его взгляд замутнился ещё больше.

– Ты прав, Дмитрий. Все – балды стоеросовые, за редким исключением. Слишком много желающих, слишком мало эффекта. Можно за всю жизнь не найти ничего приемлемого... Вот я ищу сколько времени, а даже с любимой невестой Сюзмель одни недопонимания и трения. Я ей доказываю, что она молодая, красивая, что её удел регулярный секс три раза в день, а не обмен телами. Она же, как все женщины, приверженные сиюминутной моде, голодомор мне устраивает. Где справедливость?

Сказанное было необычным.

– Килин, ты – непринципиальный человек или пессимист? – не удержался от вопроса Дмитрий.

– Обмен телами настолько универсален, что поглощает семейные браки, как акула заглатывает живность с её потрохами, нивелирует через себя всё: болезни, хаосы, невзгоды...

Верить или не верить Килин Клеру, неужели это провокатор высшей пробы?

– Чего ты хочешь, Килин? – прямо спросил Дмитрий.

– Не понимаю, почему люди не вешаются от невыполненного по обязательствам, ещё не произведенного или неудачного обмена телами?

– И почему?

– Я не знаю.

– Они надеются, что им вот-вот повезет.

– Надежда умирает последней.

– Ты про Сюзмель?

Даже такой прожжённый человек, как Килин Клер, и то встревожился.

– Я уже говорил, – пошёл он в атаку, – у неё порочная концепция: сначала обмен телами, а потом секс. Она не считается ни с чьим мнением.

– Килин, ты и Сюзмель напоминаете двух баранов, упёршихся рогами в друг друга. Один баран считает, что тот – баран, а этот, что – тот. Так и стоят до сих пор.

– Начать с себя, – пробормотал Килин Клер. – Конечно, можно...

Было заметно, что Дмитрий примером попал в точку, потому что Килину нечего было возразить, и он моргал глазами.

Вдруг Дмитрий увидел Смелгу, делающую ему знаки в дверях. Ему уже опостылел разговор, и он поспешил за нею. Через десять шагов он догнал девушку.

– У вас что-нибудь для меня?

Она показала фотографию Накатен. Дама с короткой стрижкой под каре.

– Дама желает вас видеть.

– По какому поводу?

– Она сказала, что убегающая добыча от настоящей женщины – вещь очень опасная, в особенности это верно по отношению к нашей стране.

Опять эти женские ужимки и заморочки. Дмитрий тут же охладел к встрече.

– Она знает один секрет... – таинственно добавила Смелга.

Дмитрий наострил уши.

– Меня трудно чем-либо удивить.

– Но обмен телами оставляет мало кого равнодушным...

– Я согласен.

– Назначайте место свидания.

– У неё, – крикнул он.

Дав девушке мингаль, Дмитрий уже бежал к выходу.

“Она знает формулу обмена телами!!”

Какая-то невидимая сила заставила Дмитрия купить букет роз, сесть в эргомобиль и с сумасшедшей скоростью нестись к её дому. Он послал розы и остался ждать. Она прислала сказать, что скоро спустится. А её все нет: минута, пять минут. Желал бы кто из мужчин встретить женщину, которая бы не хотела и не могла быть пунктуальной? Наконец, он услышал шелест шелкового платья и, взглянув вверх, увидел её спускавшейся по широкой лестнице. Она была в ослепительном наряде, бриллианты сверкали на её шее и на руках. Шик, блеск, красота! Она доказала, что обладает тем типом красавицы, который не поддается четкому определению по какой-то шкале, но который, тем не менее, вызывает восторг.

– Привет, – сказала женщина, взяла Дмитрия за руку и повела его молчащего по лестнице. – Не ожидала от вас смелости.

– А почему бы мне не прийти? – спросил он. – Вы сказали, что желаете поговорить со мной.

– Похоже, вас удивило моё сообщение?

– О, скорее, ваше экзальтированное появление! – воскликнул Дмитрий.

– А почему молчите?

– Возможно, вы и правы, – выдавил из себя Дмитрий. – Хотя мой визит в общем-то глупо выглядит.

– Я – Накатен. Та, самая, – тем не менее, скромно сказала она, обнажив золотую коронку на передних зубах. – У меня такое чувство, что вы воспользуетесь моими услугами. Всё к тому идёт.

– Очень любезно с вашей стороны, – ответил Дмитрий, не замечая ироничный тон, и вошёл за ней в дом.

– Конечно, я запала вам в душу, вы думали обо мне и днём... и, больше того, ночью. Соскучились в ожидании? Простите меня, – игриво хлопая Дмитрия по руке, сказала она. – Смотрите, в награду за ваше терпение я надеваю вашу розу.

Она некоторое время перед зеркалом искала место, и нашла, одну приколотла на зеркало, другую к корсажу.

– Как поживаете, доктор? Все такой же противник местной натурализации?

– Не всё мне подходит.

– Даже загар?

Они оба рассмеялись.

Еще на ней была огромная шляпа, украшенная цветами. Выбивались краями темные, прямые волосы. Выделялись вздернутый нос и ярко-зеленые глаза в четверть лица.

– Доктор только так отрицательно изволил воспринимать мою маленькую интервенцию в его расположение?

– Ну, разумеется, – ответил Дмитрий, кивнув головой. – Только какая же она маленькая.

– Но не большая же?

Дмитрий понял, что Накатен иногда заносит.

– Широкомасштабная, – сказал он.

– Всего лишь на один фронт – вы против меня. – Накатен надула губки.

– Зачем вам лишние телодвижения? Вырождение на генетическом уровне вашему народу не грозит даже при полном отказе от обмена телами.

– Вы земляне странные! – воскликнула Накатен. – Знаю про вас всё, то вы строите Вавилонскую башню, то разрушаете её. Ваш интеллектуальный потенциал в равной степени направлен и на прогресс и на разрушение. Давайте лучше говорить только о созидании. Ваше встречное предложение?..

– Уточните, обмен телами – это созидание или разрушение?

– Ещё спрашиваете. Смотря, какие силы берут верх. Режиссер в постановке всегда перед выбором: или показать, как люди берегут и лелеют любовь; или, как они ею разбрасываются и теряют её. Право на жизнь имеют оба подхода.

– Я веду целенаправленную научную работу, опрашиваю, смотрю, но не обнаружил ни одного случая обмена телами.

– Просто выжидаете удобного случая? Это не этично – подглядывать.

Дмитрий на вопрос только пожал плечами.

– А как поступить?

– Первые прививки испытывает на себе врач. А вы, к слову, им и являетесь. Вам, как говорится, и карты в руки.

– Я провожу столько времени в Медицинском Центре...

– Доктор, вы ищете забвение в работе, теряете время, вместе с тем, хотите утолить свое любопытство. И не обнаружите, да ещё в больнице. Там крутятся плохие тела, а кому хочется иметь их? Не придумали ничего лучше? Хорошее тело надо искать на стадионах, на курсах красоты, на кастингах. Вот туда и ходите.

– Понятно, что не в моргах.

– В моргах? Интересная мысль! Почему бы нет? Хотя мы говорим о живых...

– Накатен, к сожалению, тяжело об этом говорить, но ноль пять процентов туда попадают живыми.

– Я доверяю вашей статистике, но почему у вас защита преобладает над нападением.

– Что тут плохого?

– Нет результативности, нет и победы.

– Я не сторонник добиваться всего любой ценой.

– Не находите ли вы, что стоите выше женщин? – Накатен осадил Дмитрия колючим взглядом.

– Это ваше право задавать такие вопросы, но, может быть, вы расскажете, что думают обо мне женщины?

– Интересно узнать?

– Очень!

– Вы не понимаете, где переплелись реальность, а где существует фантазия?

– Я вхожу в женское тело и что далее?

– Доктор, для вас многие проблемы снимаются и становятся решенными.

– Какие?

– Например, мужской дискомфорт.

– Вы не договариваете.

– Пожалуйста. И ещё несколько “д”: дисгармония, дискредитация, дискриминация...

– Накатен, вы меня совсем запутали и запугали.

– Нет, к сведению.

– И не до конца чистосердечны.

– Чтобы не потерять хорошую репутацию о себе, лучше будет, если вы забудете о гордости, несвойственной мужчине.

– Вот тут-то я точно все потеряю.

– Чего вы боитесь, Дмитрий?

– Мне подходит слово “не торопиться”, я слишком узнаваем.

– Наши женщины интересуются вами не как мужчиной.

– А как?..

– Док, конечно, мужчиной, но...

– Договаривайте...

– Как представитель сильного пола вы, конечно, оправдываете своё предназначение, но... – замешкалась Накатен.

– Но недостаточно здравомыслящ? Это вы хотите сказать? Разумеется, удобств и преимуществ от обмена телами больше и некоторые находят удовольствие в таком образе жизни, – подлил он масло в огонь.

– Не некоторые, как вы думаете, а все население Мингалы.

Дмитрий призадумался, мингалеты – все мастера надоедливо уговаривать.

– И насколько, по-вашему, надо идти на это, чем жить строго патриархальной жизнью?

– Мы считаем современной жизнью – обмен телами! – воскликнула Накатен. – Всё остальное – тшета и суета, посягательство на инертность.

Разумеется, что с неё взять, обычной представительницы стереотипа. Она была не женщина, а лишь агент чужого тела. По крайней мере, этим софизмом Дмитрий успокоил свои сомнения. Да, эта женщина вобрала в себя самое типичное из нескольких жизней. Но один вопрос не давал ему покоя.

– В чем же ваш секрет обмена телами?

– Скажем так, в большом будущем.

Ответ не поразил Дмитрия глубиной.

– Это ваша личная формулировка?

– Тем не менее, вы себе не представляете, как будущее заставляет человека интенсивно крутиться в гуще событий, вынуждает не жалеть силы, средства и энергию.

– А если не в будущем дело, то в чем?

В ожидании ответа Дмитрию пришлось подождать немного, пока Накатен прямо в шляпе не разулась, и она приняла его в своем будуаре.

Она отбросила шляпу в сторону и масса волнистых волос цвета воронового крыла вывалилась наружу. Где же стрижка под каре?

Она была в соблазнительном неглиже, для этого ей понадобилось времени меньше, чем солдату после команды “отбой”. Тогда, в гостинице, он не успел разглядеть её внимательно. По фотографии Дмитрий уже был подготовлен к тому, что встретит красивую женщину, но действительность превзошла его ожидания. Античное лицо. Венера, Юнона и немножко разбавленные для разнообразия Минерва и Медуза Горгона – всякие иные богини соединились в ней в единое целое. Высокая и гибкая, с роскошной фигурой, громадными зелёными глазами и полными красками губами, напоминающими изогнутый лук Купидона. Она представляла собой одну из тех удивительных красивых женщин, которые массой своей встречаются среди мингалок.

“Неудачная закономерность. Как только женщине нужен обмен телами, она начинает раздеваться перед мужчиной, – подумал Дмитрий. – Хотя, при сексе тоже...” – успокоил он себя.

– Не смотрите на меня так, ущербными глазами, – неожиданно предупредила Накатен. – Я прежде ваша пациентка, а вы – доктор.

Ах, вот почему она сняла с себя одежду! Вот почему назвалась пациенткой. Хотя раздеваются по требованию врача.

– Да, да, конечно. – Дмитрий поймал себя на мысли, что действительно замешкался и оказался в невыгодном положении.

– Садитесь, док, в ногах правды нет. – Она показала на стул с резными ножками. – Только не прописывайте мне успокоительное.

“Она диктовала ему как лечить!”

Они оба расхохотались, как соперники, уважающие друг друга. Разумеется, она знала его решение. Но, как

показали её последующие слова, она знала нечто большее.

– У меня беременность, доктор, четвертый месяц.

– Для женщины это неудивительно.

– Не можете ли вы избавиться от неё?

– В принципе, могу.

– А не в принципе?

– Это не преступление. Представьте, бедная, испуганная девочка, иногда ещё школьница или вчерашняя выпускница, обращается за помощью. Врач не имеет право отказать ей.

– Почему? Церковь против, государство против, общественное мнение против, противопоказания против, всё против.

– Тогда давайте толкать девочек в руки шарлатанов, которые сделают их инвалидками на всю оставшуюся жизнь, если вообще в живых оставят.

– Док, а вам-то что?

– Став врачом, каждый даёт клятву, что отдаст все свои знания и силы для помощи пациентам и эта клятва для него важнее всего.

– Здесь нет противоречия?

– По крайней мере, не должно быть.

– Вы готовы прервать беременность? – буднично спросила Накатен. К изумлению Дмитрия на её лице не было ни капельки удивления.

Должно быть, у него было очень глупое лицо, потому что она снова весело рассмеялась. Весьма понятно, что Дмитрий был удивлен, не потому что никогда не имел практики с подобными женщинами, наоборот – имел, а потому, немаловажное обстоятельство, что он был прежде доктором, и как сказал он, врачебная этика обязывала не отказывать больному.

– Вы серьезно? И каким образом? – тем не менее, спросил он.

– Я предлагаю вам не лишние хлопоты, а лучше не придуманный вариант: обмен телами – два тела за одно.

– Второе в нагрузку?

– Чтобы исключить дальнейший торг.

– И чьё в нагрузку: ваше или ребенка?

– На ваше усмотрение.

– Относительно вас скажу, государству приоритетнее, если вы родите нового гражданина.

– Какой вы непонятливый человек! – изумилась Накатен.

– А вы страшная женщина, Накатен! – отпарировал Дмитрий. – Необузданная и не трезвомыслящая!

Слова ей понравились, он это заметил по тому, как заблестели её глаза. И в то же время, повинувшись женской логике, она возразила:

– Неправда, я в полном здравии и трезвом уме.

– Вы ещё и хитрая женщина, Накатен.

– Ну да, – кивнула она, располагаясь поудобнее в подушках. – Да, в самом деле. – Она немного отпила сока и поставила его на стол, а затем перехватила взгляд Дмитрия и откровенно уставилась на него, улыбаясь скользкой, чуть заметной усмешкой. – Мне чувство подсказывало с вами встретиться. Поэтому давайте говорить доверительно, так, чтобы никто третий о нашей беседе не узнал.

– Разве не беременность?

– Теперь уже чисто торговое дело. Вы, человек богатого опыта, прекрасно понимаете мой интерес.

Миао-Чао! Чего здесь только нет! Деньги, власть, торговля, приемы, дипломатия, кипучая общественная жизнь. Здесь все держат нос по ветру и из всего извлекают выгоду.

– Вы призываете меня тоже держать нос по ветру? – спросил Дмитрий.

– Подойдите сюда, доктор, – пригласила она, взглянув на него с лукавой усмешкой.

Сделав движение своей маленькой ручкой, унизированной бриллиантами, она показала на край рядом с собой. Между пальцами она держала веер с пластинками из слоновой кости и перламутровой ручкой, он создавал приятный ветерок.

Дмитрий не тронулся со стула.

– Я боюсь утонуть в вашей постели, – сказал он.

– Вы когда-нибудь встречали мингалета, который бы вовремя платил налоги или по счетам?

– Я не совсем понимаю?

– Что вас смущает?

– На Мингале все с виду солидные люди.

– Док, боюсь, что вас рано или поздно принесут в жертву золотому тельцу, или вы сами окажетесь в жертвах своей же неадекватности, скоропалительности, недалекости, назовите причину, какую хотите.

– Лучше эти качества, только чтобы не жертва. Я не был и не хочу быть слишком доверчивым.

Для кого-то это и в самом деле будет выгодно увидеть землянина в неприглядном свете, и Дмитрий решил потянуть время, тем более, что его ещё по-настоящему не принуждали. Решаться на авантюру в этой стране, не зная тонкостей взаимоотношений, было равносильно самоубийству.

– Во-первых, почему беременность четыре месяца, а не четыре с половиной? – стал он уходить от неприятного, от навязчивого разговора.

– Ну, зачем быть таким буквоедом?

– Сроки с точностью до одного дня играют немало важное значение.

– Если вы будете добрым и славным, я когда-нибудь скажу вам всё.

– Кто отец вашего ребенка?

– Нет, только не это. Хотя, пожалуйста...

Но она не исполнила своего обещания, потому что при всей своей жеманности она была чудовищно скрытой женщиной, какую Дмитрий когда-либо встречал, и, кроме того, она обладала дьявольским характером.

– Я хочу посвятить ребёнка вам, – Накатен совершенно потеряла меру.

– В случае обмена телами с вами, вы на меня обрушите все муки ада, – произнес он.

– Не забывайте, есть ещё рай.

После непродолжительной пикировки, которую Дмитрий предпринял с целью изучить внимательнее своего будущего партнера по обмену телами, он приступил к делу.

– Вы знаете, в чем состоит моя миссия на вашей планете?

Он сказал это, впрочем, с некоторой осторожностью, так как не любил посвящать людей в дела более чем это нужно, учитывая характер своей работы, в особенности в отношении женщин.

Она откинулась в подушках. Возбужденные соски. Дмитрий любовался своей необыкновенной пациенткой.

И все время его не покидала мысль о том, что где-то когда-то он видел это же бледное личико, зелёные внимательные глаза, вьющиеся перераспределенные волосы. Особенно знакомым ему казался поворот головы и взгляд: она наклонила голову чуть-чуть набок и смотрела на доктора снизу внимательно, лукаво...

Госден?! Туфалона?! Сюэмель?! Пуальфина?! Джаина?! Смелга?! Шарлет?!

Накатен явно пришла из прошлого!

В последнее время он стал очень даже мнительным. С этими обмена телами возможны сплошные недоразумения. Он был готов ко всему. Готов и в то же время не готов к ним.

– Мне только намекнули. Поэтому вы хорошо делаете, если просветите меня... – чуть приподнялась на локтях Накатен.

– Сказать во всеулышанье? Тогда скажу: чтобы лицезреть мингалетских женщин, чтобы убедиться настолько они хороши, что даже в пластической хирургии не нуждаются, – ответил Дмитрий, дабы отместить от себя Накатен, если не раз и навсегда, то хотя бы на время.

Глава 41. Подается на первое, на второе, и на десерт

Вошла Бенигна Клабб, высокая и сильная, с твердыми чертами лица. Её чёрные глаза, блестящие как шарики чёрного жемчуга, придавали ей свирепый вид, полный холодной недоверчивости и расчетливости. Большой и плоский рот портил её лицо. Пуальфина сегодня явно ей не нравилась.

– Агент Руга, в зеркало на себя смотреть не противно? – недовольно спросила она.

Пуальфина смешалась.

– Нет, не противно.

Бенигна смотрела на девушку со смешанным чувством и недоумевала. Кто она, в конце концов? Симпатичная крошка. Ещё одна из многих деликатесов для мужчин? Роль приманки ей удастся. Конечно, ничего плохого в том, что она пользуется в работе своей женственностью, нет. Отделу просто не обойтись без женщин-агентов, на них он держится. Шпионки были всегда, а молодые и симпатичные во все времена пользовались одними и теми же средствами прельщения.

– Хочешь кофе?

– Лучше прохладительного.

– Или чего-нибудь более существенного?

– Нам нельзя.

От Бенигны не ускользнуло, что лоб Пуальфины покрыт испариной.

– Как тебе удастся собирать информацию?

– Это было невероятно трудно.

– Отлично, – одобрила Бенигна.

Пуальфина залпом выпила тоника.

– Я и не предполагала, что хочу пить.

Однако следующие слова Бенигны мигом отрезвили её.

– Расскажи все о... Госден.

Пуальфина почувствовала, как проваливается в бездну, что у неё снова выступил пот.

– О чём рассказывать! Она последовательная семьянинка, преисполнена заботами о доме, преследует любовь к мужу и детям...

– И в то же время...

– Да, это так.

– Значит, и к Дмитрию?

– Их встречи не только в рамках этикета.

– Ах, и закулисные преобладают!

– Больше мне нечего добавить.

– Ничего значительного и о Шарлет?

– К сожалению...

– А как же поездки на эргомобилях, ночные кабаре, страусиные бои?

– Что-то преувеличено. Мне трудно судить, они...

– Его частые встречи с ней говорят сами за себя.

– Извините, я приложу все силы, я акцентируюсь на них.

Бенигна не спускала с Пуальфины глаз.

– На тебя непохоже. Обычно ты знаешь подноготную тех, по ком поручено вести дела. Это всегда было нашим общим хорошим правилом.

– Госден, хоть и императрица, не заслуживает того, чтобы уделять ей столько внимания.

– В нашем ведомстве все является предметом и сферой интересов. Будь даже сама императрица – небожительница!

У Пуальфины взмокла рубашка под мышками.

– Не смотри так, – сказала Бенигна Клабб раздраженно. – Ты наводишь тоску. Неприятности от плохой работы ведь у тебя, а не у меня.

– Может быть, я дала неверные сведения, многие показали мне не настолько значительными.

– В нашем деле нет ничего пустячного, – поправила Бенигна.

Пуальфина корила себя за упущения.

– А какое Дмитрий производит впечатление? – снова спросила Бенигна Клабб.

– Известно, что он врач до мозга костей. Если бы все были такими – но, увы... не всем дано.

– Такой серьезный?

– Никогда не улыбнется. И очень деловитый.

– Неподкупный?

– Все подчинено работе.

– Не в пример тебе. У тебя благодушное состояние. Его не должно быть у инициативного работника.

– Это абстракция. Никто ни в коей мере не может представить себе, что такое субъект на самом деле. Ни вообразить, ни оценить Дмитрия в полной мере никто не в состоянии. – Пуальфина пыталась ещё что-то возразить, но слова застряли в горле.

Бенигна не сводила со своей подчиненной глаз. Идиотка! Поистине, Пуальфина не отличалась оригинальностью.

– Агент Руга, что ты ещё видела в “Нескафте” и в других местах подозрительного?

– Много чередой проходящих перед ним людей...

– Имеются заслуживающие внимания?

Пуальфина отвела глаза.

– Есть одна, очень активная...

– Женщина?

– Не уверена.

– Точно, женщина?

– Скорее, мужчина.

– А если хорошенько подумать?

– Женщина. Несомненно. Вокруг него больше женщин крутится.

– Это, по-твоему, первый признак мужчины?

– Скорее – да, чем – нет.

– Ты навела справки – кто эта женщина-мужчина?

– Я про неё не слышала.

– Она не попадала в поле зрения?

– Дмитрий с ней чист, как белый лист бумаги.

– Но она с ним не белый лист.

– Скомканный, его разгладили, но не совсем.

– Как она оказалась рядом с ним? Что ей было там делать?

– Может быть, э... обмен телами?

– Уже везде тебе мерещится обмен телами. Подается на первое, на второе, и на десерт.

– Что уж точно, так это его плохой вкус.

– Некрасивые женщины?

– Неудачные женщины.

– Это твоя ложь! – бесстрастно уронила Бенигна.

Пуальфина была ущемлена.

– Я старалась, – забормотала она, – из незначительных деталей воссоздавать целостную картину.

– Успокойся. – Тяжелая рука Бенигны Клабб легла на плечо.

Пуальфина продолжала молчаливо выслушивать шефа, голос которой, её духи, походка, всё в ней действовало ей на нервы.

– Понимаю, многое оказалось поставленным на карту.

– Я хочу услышать всю правду! – Резкий голос раздирал Пуальфину на части.

– Я не могу так работать.

– Ты не должна испытывать страх.

Пуальфина была в неврозе, она впала в апатию и чувствовала себя близко к прострации. Все было как-то не так, как бывало обычно в подобных случаях. Она утратила доверие шефа, она утратила что-то в самой себе – из-за Дмитрия.

– Иди спать, но держи ухо востро.

Пуальфина без слов смотрела, как уходит Бенигна Клабб в боковую комнату, руки так сжимали релинги стула, что побелели суставы. “Я отрешилась от всего. Из-за Дмитрия я превратилась в медсестру и стала намного глупее и надо дальше продолжать держать его в разработке, – подумала она. – Пусть Бенигна Клабб права, хоть и не в том смысле, в каком сама мнит о себе”. Пуальфина, кажется, впервые в своей жизни внутри себя грязно выругалась, порывисто спрятала лицо в ладони и зарыдала.

Когда она спустилась вниз и вышла на улицу, Дмитрий проходил недалеко от служебного входа... вместе с той самой неизвестной женщиной!!

Глава 42. Все простое – гениальное!

Миао-Чао поражал своими размерами, огромными толпами народа, жужжанием эргомобилей трогаящихся с места, в которых сидели хорошенькие женщины в больших шляпах, кружевных юбках и изящных туфельках на пуговичках. В магазинах рог изобилия: золото, серебро, меха, антиквар. На каждой площади настоящее

вавилонское столпотворение. Повсюду люди наперебой предлагали свои услуги. Услуги никчемного характера – обмен телами. Он, Дмитрий, тоже входил в часть этих услуг. Каждый расхваливал свой товар и себя в том числе. Демонстрация себя и своих родственников шла в откровенную и с раздеванием. Даже было похоже чем-то на невольничий рынок. Стихийно он возникал в любом месте, потом люди расходились, чтобы собраться в другом.

Дмитрий и Накатен сели в эргомобил и поехали. Дорогой опять мило обсуждали, как будут вести себя при обмене телами. Будет ли от этого смак? Когда она говорила, эффект был налицо, когда он разбивал её доводы, выходило, что эффекта нет и не будет.

Вспомнив предыдущие пребывания Дмитрия в ресторане, его привычки, Сюэмель неплохо выполнила функции метрдотеля, бросившись к нему навстречу. Она с глубоким поклоном проводила его к привычному столу, который был со вкусом декорирован тюльпанами, его любимыми цветами. В то время как они медленно двигались между рядами столов, несколько пар глаз обернулись в их сторону. Накатен сделала вид, что не замечает этого. Ленивым, равнодушным взглядом поглядывая кругом, она представляла собой, без сомнения, самую красивую женщину в этом ресторане, несмотря на то, что здесь собирався цвет высшего общества.

Когда они сели, тишина воцарилась за теми столами, которые стояли близко по правую и левую стороны от них. Затем последовал сдержанный гул любопытства и интереса. С правой стороны Дмитрий увидел... Килин Клера. Он меланхолично пощипывал гроздь чёрной клубники, и как будто не испытывал никакого интереса.

Но впечатление было обманчиво. С самого момента их появления он не сводил с них глаз. Дмитрий наблюдал за ним боковым зрением, и вдруг внезапно тот переместился местом с соседом, сидевшим за его столом. Очевидно, Килин Клер видел Дмитрия не под удобным углом, как ему хотелось.

Конечно, это привело Дмитрия в восторг. Однако он счел за лучшее сделать маленькую “диверсию”, чтобы отклонить малейшее подозрение в том, что у него с Накатен есть свой план на вечер.

Подозвав к себе официантку, Дмитрий сказал ей:

– Сюэмель, передай, пожалуйста, своему жениху Килин Клеру, что мою даму удивляет упорство, с каким большим любопытством он разглядывает её, и продолжает преследование глазами. Я думаю, что от предупреждения впредь он будет несколько сдержаннее на поведение.

Сюэмель сама искала повод образумить своего неаглядного, и потому с радостью восприняла просьбу.

Дмитрий и Накатен закончили свой изысканный и великолепно сервированный обед и вышли на террасу, чтобы обдуться ветром и подержать по чашке кофе в руках на парапете. “По-моему, – подумал Дмитрий, – это самый приятный час дня, в особенности на Мингале, где умеют прислуживать, вкусно кормят, где посетители окружены постоянно сменяющейся вереницей интересных собеседников, ещё красивыми пейзажами и изысканной музыкой”.

Губы Накатен снова тронула теплая улыбка.

– В который раз задаю вопрос, почему вы не хотите со мной обмен телами?

– А я, в который раз спрашиваю, как вы себе представляете обмен телами со мной? – Дмитрий старался быть спокойным. – Хорошо нарисуете картину и я в вашем распоряжении, делайте со мной, что хотите.

Она взяла его за руку.

– Очень просто...

Прикосновение руки уж больно было не похоже на дружеское, потому что ногти впились в кожу.

– Для вас все просто! – возмутился он.

– Все простое – гениальное!

– Но главное опять не сказано.

– Надо меньше говорить, больше верить друг другу.

– Не хочу быть женщиной, – заявил Дмитрий. – Когда Бог создавал женщину, он смеялся до слёз.

Накатен отреагировала мгновенно:

– Когда – мужчину, у него руки опускались от бессилия и безысходности.

– Я подумаю, – сказал Дмитрий.

Милое препирательство продолжалось, пока не заволновалась публика, когда оркестр заиграл музыку. Дмитрий и Накатен вернулись в зал. Публика стояла с гордо поднятыми головами. Музыка плыла величественная – это был гимн. Нециния вышла на середину сцены и там встала твердо, на широких ногах, неподвижно, как статуя, задрапированная в красное, и начала мимикой и пластикой изображать крушение старого мира и приход нового. Драпировка так и ходила волнами на плечах и руках, символизируя вырывающиеся языки пламени. Весь зал стоял, и все горячо подхватили слова этого гимна. Затем Нециния убежала за сцену и из глубины вышла, ведя за руку ребенка, за которым тянулись один за другим десять маленьких детей в красных туниках, каждый высоко поднятой правой рукой крепко сжимал левую руку следующего. На фоне синих занавесей ярким живым бордюром они заполнили сцену, протягивая свои детские ручонки к светлой, величавой, бесстрашной и лучезарной фигуре своей великой учительницы.

Дмитрия поразила условность декораций: Нециния впервые освобождалась от старых традиций. Вначале зрители много отвлекались, но постепенно становились всё молчаливее: по ходу величественный элемент постепенно вытеснялся драматическим.

Это был верх неповиновения власти.

– Доктор, все обещания, обещания. Я по-прежнему живу надеждами на обмен телами, – отвлекла от сцены Накатен.

– Я не даю никаких обещаний.

– В таком случае, я не связана обещанием хранить нашу с вами тайну, – зло сказала она.

– В этом нет необходимости, – ответил он.

Глава 43. Неизбежно и фатально чёрный шар не упадет в лузу

Дмитрий шел к Нецинии вместе с ней, когда луна заливала пространство. Он ещё подумал, что уж дома то она наверняка с распущенными волосами и в халатике, похожем на ночную рубашку. Она как будто читала его мысли и испытывающе и серьезно смотрела на него, но глаза сияли.

Нециния приняла Дмитрия у себя в уютной квартирке по-домашнему. В обычной жизни без грима и па-

риков она собирала волосы в пучок на затылке, оголив шею. Сегодня Нециния поменяла причёску, у неё была в волосах... феска-плетенка.

“Ну, прямо на старинный русский манер”, – подумал Дмитрий.

Она музицировала на огромном рояле, с явным вызовом извлекая звуки. На её прекрасном лице блуждало какое-то странное выражение. В этот момент её глаза были темны и решительны, утратившие веселый блеск.

Нециния подошла к окну и взглянула во двор.

– Смотри, – сказала она. – Меня умиляет, когда я вижу вызывающие слезы бытовые картины, мне становится завидно. Семейное счастье. Именно этого требует здравый рассудок.

Дмитрий посмотрел вниз. Действительно, мир и согласие! У подъездов стояли детские коляски, на веревках сушилось постельное белье.

– О чём ты ещё подумала? – спросил Дмитрий.

– Я вспомнила историю о человеке, весь секрет которого заключался в том, что никто так и не смог угадать его настоящее имя.

Дмитрий улыбнулся. На его загорелом лице зубы казались белее, чем у Нецинии.

– Какое значение имеет имя?

– Для некоторых людей имя – всё.

Он заметил по её мятущемуся виду, что Нециния хочет спросить что-то важное, и она спросила:

– Это правда, Дмитрий? Ты в самом деле хочешь бороться с режимом вместе с нами?

– Правда. Но я не разобрался, какова цель революции? – спросил он. – То ли революция техническая, то ли культурная, интеллектуальная, а вдруг сексуальная? Чего вы хотите достичь?

– Это главный вопрос для всех нас, а не только для тебя! Коротко обозначу следующее: нам не нужны кукиши с маслом и дырки от бубликов.

– Значит, связана с политикой!.. Конечно, я чувствую тут какой-то заговор.

– Это не заговор, это народное возмущение!

– Я заметил его присутствие, оно постепенно перерастает в революционное брожение умов...

– Мы привыкли громко называть себя республикой, а она не настоящая, и всеу произносить слово “демократия”, когда нам далеко до неё.

– Это болезнь всех прогрессивных режимов.

– Ложная патетика создает видимость патриотизма.

– Патриотизм в любом виде необходим для граждан, – объяснил Дмитрий.

– Ты боишься? – нахмурилась Нециния.

– Не думаю...

– Ты вообще чего-нибудь боялся?

– Конечно.

– Например?..

– Ты будешь смеяться надо мной...

– Не буду.

– Чтобы кто-нибудь не предложил мне обмен телами.

– Разве это так опасно?

– Риска никакого, но я всегда, почему-то, борюсь с этим страхом, как с тёмной комнатой.

– А вот я не знаю страха, – гордо вскинула голову Нециния.

– Такое разве возможно?

Внезапно её поведение изменилось. Она заерзала на стуле, смущенно поигрывая вилок с ножом. Это было не поигрывание, а нервный перестук приборов. Дмитрий интуитивно понял, что им предстоит новый и очень принципиальный разговор. Ну что ж, пусть артистка раскрывается перед ним как открытая книга.

– Дмитрий, могу я попросить тебя о чём-то? – спросила Нециния.

– Всё, что угодно! – улыбнулся он.

– Моя личная жизнь... – стала тянуть она.

Вот оно что! Она хочет одну из трех вещей или все сразу: чтобы он провел с ней ночь, чтобы женился на ней, чтобы он пошел на обмен телами. В какую-то долю секунды перед ним промелькнули все плюсы и минусы подобного шага. Шарлет доказала это. Лучше секс. Лучше откупиться малой кровью. Почему бы и нет? Он живой человек, и потому глупо отказываться и быть монахом.

– Я к твоим услугам, – снова подтвердил он.

– Ты только не подумай плохого, я тебе потом все объясню.

Начало не сбило его с толку. Что бы там ни было у неё на уме, это явно то, о чём он подумал.

– Я же сказал, сделаю всё, что в моих силах.

– Мне очень надо со Скармом попасть в императорский дворец.

Вот этого Дмитрий никак не ожидал.

– Что-о-о?

– Ну, очень необходимо. – Она слегка покраснела. – Ты, наверное, думаешь, что я окончательно свихнулась с ума?

Дмитрий был потрясен. Он вдруг поймал себя на том, что не может оторвать взгляд от её лица. Вдруг появились резко очерченные скулы, а из глубины, спрятанный, пошёл прихотливый изгиб бровей. “Да, в политике она профан, но не новичок, – размышлял он, – а если он ошибся и она профи...” Теперь, когда беседа перешла в иное русло, он позволил себе посмотреть на Нецинию оценивающим взглядом. Она бесспорно привлекательна, умна, но местами сиюминутно бестолкова и суетлива, как все женщины.

Он уже приготовил положительный ответ, когда она снова произнесла:

– Пожалуйста, не удивляйся моей просьбе.

– Что это значит?

– Ты должен нам помочь, – нажимала она на него.

– Зачем?

Нециния оживилась, глаза её заблестели.

– Необходимо поговорить с императором или премьер-министром, найти общие точки соприкосновения и решить наши проблемы.

– Боюсь, вы будете разочарованы.

– В каком смысле?

– Вы ожидаете увидеть пышные придворные церемонии, необычные ритуалы, блеск и позолоту?

– Нет.

– Кроме дворцовых интриг там нет ничего любопытного.

– Дмитрий, ты забавный землянин, но у меня другие интересы.

– От души советую не попадать во дворец. Не разрушайте красивое видение, созданное вашим воображением из сказки.

– Опять ты не понял.

– Нециния, все та же кругом грязная политика. За чем вам она? Сферой приложения твоего таланта является искусство. Высокое искусство! И ты на своём месте!

– Но почему ты против?

– Я не могу объяснить. Но если ты настаиваешь, я помогу. Но, между нами говоря, это не лучшая идея.

– Пожалуйста, не отговаривай меня.

– Хорошо, – согласился Дмитрий, – буду всеподданнейше ходатайствовать перед его величеством, вашу группу пригласят дать концерт во дворце.

– Правда? – Нециния радостно захлопала в ладоши.

– Только никаких эксцессов, прошу тебя!

– Обещаю.

Дмитрий смотрел в ясные глаза актрисы и ему было понятно: Нециния не подозревает, каким образом она в заговор вовлечена, не представляет всю опасность. Она многое скрывает, но скрывает какую-то, как она думает, малость. Она на вершине айсберга и не видит его подводную часть. Она сказала, что все объяснит. Но что – все? Она убеждает, что он должен ей верить, и что никакой опасности нет. Она вжилась в свою роль. Она говорит правду. По крайней мере, девяносто процентов правды. Остальным десяти процентам она по неопытности не придает значения. Если она обманывает, значит, обманули и её. Она котлета после большой мясорубки. Дмитрий в чём-то успокоил себя: “в конце концов, для меня это не игра, а технология, наука, сведения, которые я почерпну здесь, которых ждут и которые пригодятся на Земле”. А вот Нециния – азартный игрок и Скар тоже. Они хотят доиграть игру до конца. Честь им и хвала. Пусть будет так. Что касается меня, то я предпочитаю играть в другие игры, в надежные и серьезные, не доверяя случайностям. Имя этой игре – историческое развитие. Его незыблемость. Совершенно неизбежно и фатально чёрный шар не упадет в лузу.

Нециния обвила его шею своими руками и поцеловала в губы.

Дмитрий был поражён – где ещё встретишь настоящих революционеров?

– Ваша борьба не терпит лжи, – начал он, – но меня берёт сомнение.

– Какое?

– Любая борьба перерастает в террор.

– У нас предреволюционная ситуация другая, пока не требует крайних мер. Но, если не произойдет какая-нибудь бархатная революция, или революция роз, то революция народного гнева сметет всё на своём пути.

Да, у Нецинии было далеко до путаницы мыслей.

Дмитрий взглянул в живые глаза девушки.

– А что, если у вас сдадут нервы? – спросил он. – Что, если вас схватят и подвергнут пыткам?

– Раньше я трепетала. Теперь, когда я с тобой познакомилась, когда узнала, какую непримиримую борьбу в свое время вели на Земле революционеры и победили, не боюсь ничего.

Дмитрий смотрел в её прекрасные, в растревоженный муравейник глаза, и постарался стряхнуть с себя оцепенение. Невозможно было сказать, что будет спустя несколько дней. Нельзя забывать, что Нециния, в принципе, для государства одиозная фигура, но для среднего жителя она не баламутка, а симпатичная, располагающая к себе революционерка, занимающаяся критикой прави-

тельства и делом доказывающая бесперспективность захудалой политики. Для императора, премьер-министра и их приближенных его чувства не будут значить ничего, даже если он замолвит за неё слово. Нецинию, вероятно, день на день арестуют, посадят птичку в “золотую клетку”, надежно охраняемую тюрьму, где будут держать в “комфортабельной” камере с кондиционером (сквозняком), серебряным унитазом (оцинкованное ведро), увы, с решетками на окнах. Участь всех революционеров. В камеру один за другим будут приходить следователи с ромбиками, или непонятно какие мужчины и женщины в штатском, ведя бесконечные расспросы, не давая ей спать, стараясь “расколоть” девушку, а в соседней комнате все допросы будут записываться на магнитофон, чтобы выявить противоречия в ответах. Этот же магнитофон будет извергать стоны пытаемых. Вероятно, не миновать ей и “подсадной утки” – милой участливой женщины, которая пожалеет Нецинию и предложит побег с переодеванием или передать “безвредную” информацию для соратников, или будет подбивать стать осведомительницей, пообещав сменить ей имя и поселиться где-нибудь подальше с пансионом в тысячу мингалей в месяц за счет секретных фондов. Это может тянуться неделями и месяцами. И что останется от неё, когда она пройдет сквозь все бесконечные испытания? Что останется от её романтического образа пострадавшей жертвы за светлое будущее. И сколько ненависти и презрения придется на её долю, когда правительство повернет дело так, что она будет выглядеть в глазах честного народа наркоманкой, проституткой, психопаткой. Жанна д’Арк своего времени. Возможно, она станет жертвой физического насилия и обмена телами, к чему она стремилась. Революцию начинают первые, продолжают вторые, а плодами её пользуются третьи. Всегда найдется алчущий иметь её красивое, сильное, молодое тело.

Дмитрий обнял легковесный стан Нецинии и поцеловал влажные, распаренные губы. Слезы навернулись ей на глаза, не столько от полноты чувств, сколько от слабости, вызванной постоянным переутомлением от вечерних выступлений в “Нескафте” и дневной политической деятельности. Она оттолкнула его, но он все-таки успел увидеть её слезы. И все же он заметил: она так его поцеловала, как жмет руку. Крепко и искренне.

Дмитрий выглянул из окна. Даже близко к утру всё ещё светила ротонда дворца Кар-Кор. Светилась – не то слово. Прямо-таки полыхала. Император любил великосветские иллюминации.

Дмитрий бросил взгляд на наручные часы марки “Бако”. Несколько минут шестого. Сразу подумал о Госден. Прекрасный подарок. Спустившись по лестнице, он завернул за угол и направился к дворцу.

Он чувствовал, как в нём тоже поднимается неприязнь к премьер-министру и всему императорскому двору, смотрящему на него с вожделием. До сих пор он ничего не имел против властителей, напротив, все, что он слышал и видел, казалось, говорило только о их мудрости. Но теперь он понял, что весь кипит, что научился ненавидеть их.

Глава 44. Женщине всегда кажется, что у неё воруют друзей, мужчин и ещё не подаренные подарки

Ох, Накатен! Это был ураган, сметающий всё на пути, а не женщина.

Эта навязчивость низов (“вынь – да положи!”), да и среднего класса (хлеба и зрелищ!) и верхних сословий (выкручивания рук!) научила Дмитрия сделать выбор и впоследствии возвращаться только в высшем свете – он более воспитан, учтив и держится в определенных культурных рамках исторических традиций и этикета.

Дмитрий шел к Госден во дворец. Даже в такую рань встречались пикеты протестующих.

Плакаты говорили о решительности, где не было места половинчатости:

“Здесь широко практикуется обмен телами”.

“Смерть равнодушию и косности!”

“Обмен телами в любой нетерпимой обстановке!”

Были и против.

“Никто, кроме сумасшедшего, не попытается сделать это”.

Дмитрий понял, почему к нему больше докапывались женщины. В обменах они жаждали мужчину, сильного и активного, не только как источник увлечений, а как источник новых чувствований. А в женщинах видели соперниц. Женщина всегда живет замешанная на зависти, и ненавидит каждую женщину: за то, что та много знает, за то, что стоит на её пути и просто за то, что на ней лучше шляпка. Ей кажется, что это нечестно по отношению к себе. Её охватывает бешенство, когда другую берут за руку и ведут к венцу; и испытывает восторг, когда другую, опять же под белые руки, препровождают к месту казни. Женщина хочет, чтобы ей принадлежало всё: и любовь, и красивые вещи, и тем более мужчины. Женщина ненавидит другую женщину за то, что та похожа на неё, одевается как она, мыслит (!) не лучше. Презирает даже за то, что та преклоняется перед её интриганством. Беспощадна к чужим слабостям. Ей кажется, что у неё воруют её друзей, мужчин и ещё не подаренные подарки. Ей мало даже того, что ей принадлежит всё. Она хочет забрать у женщин на смертном одре последний воздух. Ревность и зависть пожирают её без остатка. Она молится днём и ночью, она взывает к Богу. Видя, что молитва остается без ответа, она делает жалкие попытки уничтожить своих соперниц, редко приводящие к успеху. Она даже идет на то, чтобы испепелить свою соперницу...

Почему же в таком случае женщины, с виду нежные и отзывчивые, похожи на ангелов? Потому что они понимают, как легко держать камень за пазухой, но как тяжело в нужный момент оттуда его достать; как легко держать все это в мыслях, но как тяжело претворить их в жизнь. Отсюда такая вот на людях двойная жизнь.

Накатен нарисовалась на улице неожиданно, она встретила Дмитрия словами:

– Я хочу вам сказать, что у вас всё же будет уникальное будущее, несмотря ни на что, я обещаю, я гарантирую, может быть, гораздо более величественное и эпохальное, чем ваше прошлое.

– Это к слову для моей автобиографии?

– Не совсем.

– Тогда что?

– Я понимаю, сейчас мои слова покажутся вам бессмыслицей, но любое промедление чрезвычайно опасно и льёт на мельницу наших недоброжелателей, врагов и завистников. Поэтому прошу вас, выслушайте...

– Ага! И тут-то начинается то самое блестящее будущее, о котором вы упомянули?

– Лишь необычайные обстоятельства заставляют меня обратиться к вам, – продолжала она, говоря быстро, словно держала во рту горящий уголёк, торопясь высказать последнее до того, как будет слишком поздно.

– Что такое?

– Дело большой важности.

Накатен помедлила, оценивая произведенный эффект: этакая выжидательная пауза, от которой решается все, и словно от реакции Дмитрия зависело, продолжать ей или нет.

– Понимаю, – сказал Дмитрий, – беременность. Не уверен, что она у вас есть. Внешний осмотр не подтвердил опасения, а посетить клинику вы так и не соизволили.

– Я рассчитываю на ваш профессионализм.

Это было, не иначе, сплошное позёрство, и он сказал:

– У меня подозрение, что у вас далеко идущие планы. И я хочу знать, зачем вы меня преследуете?

– Я вас преследую? – Накатен окинула Дмитрия испепеляющим взглядом. – Надо же, я преследую! Я всегда знала, что вы избалованы чрезмерным вниманием моих соотечественников и ограничены их понять. Но оказывается, у вас к тому же раздутое самомнение.

– Вы напрасно тратите на меня время! – воскликнул он.

Сегодня преследование Накатен доходило до абсурда.

– Дмитрий... Ну, пожалуйста! Пожалуйста, не мучьте меня!

Дмитрий присел на первую попавшуюся скамейку.

– Что? Не морочьте мне голову.

– Не забывайте, что мир на половину состоит из мужчин и женщин.

– Известный паритет, – подтвердил он.

– Что мужчины сильны анализом, а женщины синтезом.

– Вы еще скажите новость, что мужчины не рожают, а женщины рожают, – усмехнулся Дмитрий.

– Но осознание к вам ещё не пришло, вы не можете вынести из этого главное, – продолжала Накатен.

– Знаю, жизнь ещё состоит из отношений между ними.

– А потому, надо уметь ценить предложения, исходящие от женщины.

Дмитрий быстро крутанул вокруг головой в испуге, что их могут услышать другие люди.

– Накатен! Не надо. Пора остепениться.

Она наклонилась вперед.

– Это единственное, о чём я мечтаю. Память об этом останется у меня на всю жизнь.

Взглянув Накатен в глаза, Дмитрий занервничал. В принципе она была желанной женщиной. На ней была бежевая юбка и зеленый свитерок, плотно облегающий тело. Под ним, вероятно, ничего не было – так демонстративно выпирали её соски.

– Будем взаимно вежливы, – предупредил он.

Казалось, сам дьявол вселился в неё, когда она сказала:

– Тогда пойдем туда, где сходятся наши интересы. – Она указала рукой. – Площадь Равноденствия в той стороне. Площадь Точки зрения в этой...

Они продолжили путь по тротуару.

– Мне кажется, что вы зря на Мингалу приехали, – Накатен широко взглянула на Дмитрия.

– Что вы имеете в виду?

– Знаете, сколько народу тут копошится в надежде исполнить свои желания? Все население...

– Бесплезные потуги.

– Для них игра стоит свеч.

– Даже если приходится сомневаться?

Накатен попыталась в отчаянии воззвать к здравому смыслу Дмитрия присущим только женщинам приёмом.

– Не будьте таким жестоким. Я уже достаточно наказана. – И закрыв лицо руками, она затряслась в неукротимых рыданиях.

Дмитрий не сдавался.

– Вы... Вы даже не знаете меня. Не удосужились изучить мою сущность.

– Не смейтесь надо мной, – взмолилась Накатен. – Когда я увидела вас на площади в первый раз, я не могла оторвать от вас взгляда. Я не могла больше ни о чём думать. Я не могла заснуть, потому что все время думала о вас, потому что вы ветром ворвались в мою жизнь.

Это было правдой, судя по её решительному лицу.

В саду они задержались. Несмотря на разгар дня, мерцали разноцветные огни, а основной свет не удосужились ещё выключить.

– Док, вас не интересуют наши игры?

– Постольку поскольку...

Равнодушие Дмитрия выводило её из себя.

– Дмитрий, – сказала Накатен спокойно, – почему вы все время уклоняетесь от ответа?

– Я хочу оставить всё как есть.

– Если бы все ваши желания исполнялись, чего бы вы потребовали от судьбы?

– Вас не удовлетворит ответ.

– А все же?

– Накатен, я хочу домой на Землю.

Она с благодарностью взглянула на него.

– Тогда вам нечего больше пожелать, как только появиться на родине в новом качестве.

Накатен вынула из перчатки несколько сложенных бумаг и сунула их ему в карман со словами:

– Вот формула обмена телами. Счастливого пути!

У Дмитрия бешено заколотилось сердце, глядя на её убегающую спину. Наверное, двести ударов в минуту, никак не меньше.

“Неужели я нашел то, что искал, выполнил задание, и моя командировка закончилась?”

Он взглянул в записи. Там на пустой странице было написано: “Любовь”.

Дмитрий медленно продвигался к дворцу. Прямо перед дворцом ему пришлось прокладывать себе локтями путь в толпе. В запасе оставалось мало времени, чтобы выполнить просьбу Нецинии.

Глава 45. Мы относимся к непримиримым

Дмитрий гадал, насколько неповоротлива бюрократическая машина – императорский двор, и очень удивился, когда через два дня он увидел стоявшую перед створчатой дверью тронного зала Нецинию и стал искать глазами Скара. Девушка, напряженно уставившись на дверь, казалось, чего-то хотела.

– Вот вы и во дворце, – сказал он ей в спину.

Она неожиданно вздрогнула, видимо, очень занятая своими мыслями, но быстро взяла себя в руки.

– Ах, это ты... – она повернулась и снова уставилась в дверь.

– Ты ждешь кого? – спросил он, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Жду.

– Я думал, ты ненавидишь всю императорскую семью, но не настолько, что предпочтешь встречаться с ними и станешь улаживать их концертом.

– Я продолжаю презирать их, – мрачно ответила она.

– Ненавидишь и стоишь здесь под дверью, пресмыкаешься?

– Скоро ты все узнаешь. – Нециния бросила взгляд на часы. – Ты уже не сможешь ничего изменить. Хочешь знать, что за посылку передал мне Скар?

– Конечно!

Она быстро осмотрелась, потом срывающимся от возбуждения голосом прошептала:

– Это была бомба!

– Бомба?!

– Да. И знаешь, где она теперь заложена? Позади трона, на котором сейчас сидит Его Величество Государь Император! – Нециния победно рассмеялась Дмитрию в лицо. – Я благодарна тебе, что ты выхлопотал для нас свободу гулять по дворцовым садам. Ты оказал нам неоплачиваемую услугу.

Он с ужасом уставился на девушку.

– Покушение на императора, чтобы ускорить законопроект? Господи, это просто безумие!

– Это правда жизни.

– Бомба... К счастью, Его Величество Государя Императора сейчас нет в тронном зале. Я знаю, несколько минут назад он вышел в заднюю дверь.

– Не может быть! Моя агентура тоже работает.

– Мне сказала Гос... – не досказал Дмитрий.

Он быстро изменился в лице.

– Госден! Там же Госден!

Оттолкнув Нецинию в сторону, он попытался протиснуться между охранниками. Нециния испуганно уцепилась ему в плечо.

– Дмитрий! Нет! Бомба может взорваться в любую секунду!

В то же мгновение ужасный взрыв потряс весь дворец. Стены и пол закачались, охрану взрывной волной отшвырнуло в сторону. Оглушительный звук чуть не разорвал барабанные перепонки. Двери с треском вылетели. Облако едкого дыма, пронизанное пламенем, вырвалось наружу.

Одним прыжком Дмитрий перескочил через порог и остановился в центре громадного тронного зала. На дру-

гом конце зала, там, где раньше стояли троны, колыхали слабые языки пламени.

У окна стояла... Госден. Живая и невредимая, только лицо было выпачкано в саже.

– Ты родилась в рубашке! – воскликнул Дмитрий.

– Меня спасло то, что я отошла в дальний конец зала к окну и оказалась за колонной. – На её лице были слезы счастья.

Они вышли из зала и попали в полутемный коридор.

– Ты уходи, мой муж идет сюда, – сказала Госден.

Дмитрий пробирался дальше впотьмах. Электричество во дворце отключили, и свет давали окна. Перед ним стояли Нециния и Скар. И Туфалона в офицерском френче. Вот так неожиданность!

– Императорский следователь по особо опасным делам, – представила она себя и кивнула на парочку. – Бомбисты-террористы! Народные исполнители приговоров! Ничего не могу добиться от этих двоих! Дмитрий, что ты о них можешь рассказать?

Нециния испуганно вздрогнула и умоляюще взглянула на него. Ему было жалко девушку. Чтобы выиграть время, он без всяких раздумий сказал:

– Это сделал я сам!

Выражение лица Туфалоны не изменилось.

– Никогда не поверю! Каким образом? – спросила она.

Дмитрий бросил на Нецинию быстрый взгляд.

– У меня есть доступ в лабораторию императрицы. Я изготовил бомбу там, – заявил он. – Работал над ней украдкой ночами, а этой ночью протащил её в зал.

– Это правда, Дмитрий? – раздался голос премьер-министра Джобы. Только сейчас, привыкнув к слабому свету, Дмитрий увидел рядом с собой символ законодательной и исполнительной власти.

Премьер-министр, не спуская с него глаз, продолжал говорить:

– А я то думал найти в тебе друга и обмен телами между заинтересованными сторонами облечь красиво на взаимовыгодных условиях. Закон выше нас и тебе не будет никакой пощады.

– Землянин врет! – выкрикнул Скар. – Это сделал я. Сегодня утром я заложил мину под трон.

Премьер-министр с сомнением переводил взгляд с одного мужчины на другого.

– Боюсь, что вам обоим нести ответственность за взрыв, – медленно произнес он.

Нециния возбужденно воскликнула:

– Ваше Высочество! Не верьте им! Они оба хотят оставить меня в стороне. Бомбу протащила я.

Премьер-министр Джоба произнес:

– Горе-защитники!.. Выгораживаете друг друга.

– Это я подготовила взрыв! Я! – Нециния решительно шагнула вперед.

– Хватит строить умильные картинки всеобщего братства! Ложная патетика! Если я не найду виновного, – заметил премьер-министр, – я буду вынужден казнить всех троих. Только так можно быть уверенным, что преступник будет наказан.

– Я не боюсь смерти, – воскликнула Нециния с блестящими глазами. – Хотя покушение и не удалось. Но я, по крайней мере, уничтожила императрицу – и я рада этому.

Странная улыбка заиграла на губах премьер-министра. Он смотрел на дверь через головы обвиняемых.

Дмитрий обернулся.

Поддерживаемая мужем, Госден вышла из зала. Растерзанная, облезлая кошка, несмотря на бледность, в саже, в разорванной одежде, с обгоревшими прядями волос, она была такой несказанно забавной замарашкой, что у всех перехватило дыхание.

Нециния ухватила за руку Скара и издала тихий вскрик:

– Она жива!

– В чем заминка, премьер-министр? – спросила Госден с легкой усмешкой.

– Я пытаюсь узнать, кто из этих троих был террористом, – ответил он, – иначе я беру ответственность на себя, что позволил им спокойно разгуливать по дворцу.

– И кто же?..

Премьер-министр Джоба пожал плечами.

– Все трое оспаривают эту почетную честь друг друга, – сказала Туфалона.

Дмитрий с благодарностью смотрел на неё. Она явно держала нейтралитет из-за него.

Госден прижалась к мужу.

– Расследование в тупике, на самом деле всё просто. Я могу помочь в объяснении ситуации. Если кто и виноват, так только я. Это было не покушение, не бомба, а несчастный случай. Причина в эксперименте, который я проводила в лаборатории. Я пыталась заставить препарат двойной гидробетанитрилувировать синтезироваться в тройной гидробетанитрилувирол. Надо было постоянно наблюдать за процессом, и я взяла колбу с собой. Где-то я допустила ошибку, поместив состав в платиновую посуду. Вместо нейтральной среды, получился катализатор, и реакция пошла с большим нагревом. Произошел чудовищный взрыв.

Император Люстиг Мост строго и серьезно посмотрел на жену. Глубокая морщина пересекла его лоб.

– Ты же знаешь, – жестко сказал он, – что для меня нет ничего хуже преступлений, чем потворство им и вмешательство в мои действия. Даже ты, моя супруга, не должна совать нос не в свои дела. Пока я жив, правлю здесь я!

Госден была не согласна с ним и снова бросилась в защиту.

– Я стояла у стены и хотела выбежать наружу через тронный зал, но по пути Дмитрий спас меня. Это его алиби. Так что ни один из этих троих не виноват. Просто каждый хочет выгородить своих друзей. На самом деле, я настаиваю, это всего лишь несчастный случай.

Император улыбнулся с добротой и пониманием.

– Может быть, мне лучше поверить своей жене, если она говорит, что это был всего лишь несчастный случай? Итак, никто из вас не виноват. Все трое – свободны, тем более что Дмитрий наш дорогой гость с Земли и мой друг, поэтому все отпущены, – он бросил на Госден взгляд, полный скрытой иронии. – Позже ты объяснишь мне, почему при кристаллизации тройного гидробетанитрилувирила образовалось столько взрывной энергии.

Госден благодарно прижалась к нему. Он коротко кивнул освобожденным и вышел. Охранники последовали за ним.

Нециния уставилась на императрицу, словно все ещё не могла поверить в происходящее.

– Почему вы простили нас? – произнесла она.

Госден бросала взгляды на Дмитрия и счастливо улыбалась Нецинии и Скару.

– Благодарите судьбу. Это вам свадебный подарок.

– Она сделала им знак уходить, а сама последовала за мужем.

Нециния и Скар, низко поклонившись, отступили назад. Когда они остались одни, Скар сказал Дмитрию:

– Стечение обстоятельств. Её увирил взорвался раньше синтеза увиролы, а наша бомба оказалась куском железа.

– За счастливое избавление! – провозгласил Дмитрий и добавил. – Уж не знаю, что мне подарить вам к свадьбе.

Нециния с лучезарной улыбкой повернулась к нему.

– Дмитрий, мы относимся к непримиримым, мы отложили свадьбу, пока наша борьба не приведет к окончательной победе.

– Имеешь в виду полное и безоговорочное совершенные обменов телами?

– Да, именно так, – не поколебавшись, ответила она.

– Перспектива ограниченного обмена телами очень угнетает нас, – сказал Скар. – Мы хотим подарить народу нечто большее, чем просто счастье.

Дмитрий глядел на счастливую пару и по-хорошему завидовал. Тем не менее, он нашёл в себе силы поздравить молодых:

– Удачи вам и много детей!

Скар нежно прижал Нецинию к себе и, улыбаясь, заглянул в её изумрудные, как море, глаза.

– Нециния – наш вождь! И её высокое предназначение сейчас стать не матерью!

– Я согласна с тобой, – ответила девушка.

“Неисправимые романтики” – только и подумал Дмитрий.

Нециния и Скар, взявшись за руки, вышли, а Дмитрий обратил внимание на густой дым, стелющийся по полу.

Глава 46. Ты со смертью давний друг, то есть враг!

“В подвале пожар!” – подумал Дмитрий.

Он на секунду задержал дыхание и прислушался. Это был скорее, не шум, а приглушенный крик. Да, это кричал человек! Женщина!

Дым становился все гуще. “Лаборатория Госден! Дым распространился по шахте лифта!”, – мелькнула мысль у него.

Лифт не действовал, и Дмитрий по лестнице стремительно добрался до лаборатории. Она была так задымлена, что он мог пробираться только на ощупь. Задыхаясь и кашляя, он достиг противоположной стены, после поисков вслепую нашел дверь в комнату Госден, рванул её. Императрица пряталась здесь от разгорающегося пожара.

– Госден! – крикнул он, в отчаянии озираясь вокруг, и поспешно закрывая за собой дверь.

Две крысы пронеслись под ногами в дверной проем подалее вон от клеток.

– Знаешь, Дмитрий, на самом деле это взорвалась бомба, а оставшийся увирол сдетонировал, – ответила она ему с поразительным спокойствием и хладнокровием, в то же время лихорадочно роаясь в журналах, что-то разыскивая, затем связывая журналы веревкой.

– Госден, почему ты здесь?

Она мягко положила ладонь ему на плечо.

В комнату проникали лишь небольшие облачка дыма. Но треск и грохот надвигались, а стена перед ними начала опасно подрагивать и прогибаться. Комната кишмя кишела визжащими грызунами, как волнистый цветной ковер. Они бегали от стенки к стенке.

Дмитрий обернулся и буквально оцепенел от удивления.

– Откуда крысы?

– Как обычно, с тонущего корабля! – спокойно ответила Госден.

– Они все разные!

– Это мой исследовательский материал. – Слезы закапали из её глаз. – Я их сама выпустила на волю – пусть спасаются, кто сможет!

– Ты в полном порядке? – воскликнул Дмитрий и лишь после увидел, что она не обращает внимания на выступившую кровь на руках.

– Идем! Быстрее! – крикнул он. – Оставаться нельзя, мы должны выбраться в окно. Сейчас я его выбью.

Женщина равнодушно пожала плечами:

– Окно? Это триплекс стекло, как бронированное. Лучше не старайся.

Дмитрий схватил стул и ударил по раме. Стул превратился в обломки, а на раме не осталось даже царапины. Естественный приток снабжал лабораторию чистым воздухом, и поэтому здесь не нужно было открывать окон.

– Тогда мы должны пройти через лабораторию. Идем!

Госден оттолкнула его руку и продолжала свои поиски среди бумаг и обломков на полу.

– Мой основной журнал должен быть здесь. Он желтого цвета. Я должна его найти.

– Идем же!

– Сначала хочу найти журнал.

Он толкнул ногой кучу мусора.

– Вот! – крикнул он и быстро сунул ей в руки. – Ради всего святого, идем же, наконец!

– А остальные? – Госден не двинулась с места. В её глазах снова была холодная рассудочность.

– Ты обрекаешь себя на смерть!

– А если я не хочу уходить? – вызывающе спросила она.

– Тогда я заставлю тебя силой!

Императрица пронзила его излучающим взглядом.

– Почему ты рискуешь, чтобы спасти меня?

– А ты думала? Неужели я оставлю тебя здесь погибать? Я виноват во всем. Даже если это и произошло помимо моей воли.

Глубокое безразличие отразилось на её лице. Она запрокинула голову и сказала:

– Без журналов за прошлые годы я не пойду.

– Тогда...

Стена угрожающе трещала, словно вот-вот должна была развалиться. Через трещины уже начал просачиваться едкий дым.

Дмитрий подошел к Госден и протянул руку. Женщина уклонилась, но с напускной покорностью сказала:

– Ну, хорошо. Делай, как хочешь!

– Вот они, – с радостью сказала императрица.

Дмитрий сдернул с кресел длинные бархатные покрывала и закутал голову и плечи Госден и свои тоже, оставив открытыми глаза. Госден подошла к двери и отперла её.

Внутри с ужасающей силой ворвался рев и грохот пламени и, что удивительно, в крошечном аду шныряла масса крыс. Говорят, что всякий пожар представляет ужасное и вместе с тем красивое зрелище; этот же пожар был только ужасен и производил жуткое впечатление.

Лаборатория была хаосом из дыма и пламени.

Дмитрий обхватил Госден за талию и потащил за собой в ревуший проем в стене. Он инстинктивно нащупал его, протиснулся первый, обдирая бока, и вытащил Госден за собой, хлопнув дверью.

– Ты делаешь мне больно и непочтительно! – гневно прошептала она, даже перед лицом смерти оставаясь гордой и своенравной.

На мгновение Дмитрия парализовало, но он тут же развил бешенный рывок, словно у него выросли крылья. Когда они достигли середины, Дмитрию стало невыносимо дурно, словно каждый нерв его тела был прожжен этим огнем.

Госден вырвала свою руку из его руки и вцепилась сильнее в журналы.

Он грубо потащил её дальше.

– Да идем же!

Они вместе снова вслепую ринулись в продолжение дыма. Путь по проходу среди покореженных клеток казался бесконечным. Дмитрий потерял всякое чувство пространства и времени. Двигались ли они вообще к выходу? Может, от выхода?

Императрица повисла на его руке, простонав:

– Нет, не туда!

Он дал ей возможность вести себя: Госден знала за коулки лучше него.

Облака дыма плотнее сгущались, принимая призрачные формы гигантских чудовищ, загораживающих им путь. Однажды Госден споткнулась, и он хотел подержать её. Но она отказалась:

– Мне не нужна помощь!

Они, шатаясь, побрели дальше. Ему показалось, что в ту сторону рев только усиливается и там, скорее всего выход.

Ногой нащупал ступени. На долю секунды дым от сквозняка перед Дмитрием рассеялся. Но у него перехватило дыхание: они снова стояли перед знакомой дверью. Они все время ходили по кругу!

Дым в комнате был чуть менее густым. Это сверху нагнетался воздух и отгонял дым. Теперь Дмитрий мог видеть лицо женщины. Её длинные волосы обгорели, кожа покрылась волдырями. Но, несмотря на это, Госден все ещё была прекрасной.

Как хорошо, что у него короткие волосы. Дмитрий не поверил своим глазам, увидев, что её губы через силу скривились в насмешливой улыбке. Сквозь треск пламени он едва слышал её слова и вынужден был догадываться, читая остальные по губам:

– Я ждала тебя всю жизнь, я произвольно вела себя, Дмитрий. Теперь я могу сказать тебе это. В моей комнате

мы в большей безопасности. Конечно, мой муж рано или поздно пришлет сюда спасателей, чтобы вырезали окна снаружи.

– Но почему, ради всего святого, ты так говоришь?

– Зачем? Ты меня не любишь, ты не желал со мной объясниться, не хочешь и сейчас обмена телами. Я ждала, что ты придешь сам. Я хотела умереть с тобой, чтобы не видеть тебя страдающим и дряхлеющим год за годом, до самой твоей смерти!

Дмитрий понял, что так может говорить человек в критическое для себя время.

– Госден! – страстно воскликнул он и заключил её в объятия. – Я люблю тебя! Поверь! Но некоторые причины не позволяют на это идти.

Ее глаза расширились от удивления и ужаса.

– Так ты любишь? О Боже! Так что же нам мешает обменяться телами, тут, на месте, сейчас же? Хотя, уже слишком поздно! – Она закрыла свое безобразное лицо руками. – Кому я нужна такая?

– Это ничего! У тебя есть любящий муж. Сюда придут пожарники в защитных костюмах. Если мы сможем продержаться ещё несколько минут.

– Тревоги не было. Никто не знает, что здесь пожар.

Приступ кашля почти задушил её. Когда снова смогла дышать, Госден в отчаянии произнесла:

– Нет, мы не сможем выдержать! Уходи один, Дмитрий! Выход там. Оставь меня здесь.

– Покинуть тебя? – воскликнул он. – И думать не смей!

Из-под двери все больше прорывался дым. Императрица хрипло прошептала:

– Сил нет. Помогите остаться здесь.

Голос её прервался, глаза закатились. Госден вяло повисла на его руках. Он прижал её к себе. Не лучше ли было поднять её и положить на лабораторный стол умирать, как она того хотела? Или держать её в объятиях, чтобы прикрыть телом от огня?

Нет, Госден должна быть спасена!

Дмитрий поднял её на руки и снова ринулся в дым, только по проходу, иначе не найдёшь дверь. Он чувствовал, что кожа на его лице и руках сползает клочьями. В голове все кружилось, он спотыкался, но брел дальше. Императрица лежала в его руках, как свинцовая. Он перекинул её на другой бок, словно мешок.

Сильный удар привел его в чувство. Дмитрий налетел головой на стену.

Какую стену? В каком направлении находится дверь, их спасение?

В это мгновение стена под его рукой поддалась. И внезапно он понял: то, на что он напоролся, было не стеной, а дверью. Спасительный выход!

Он из последних сил вместе с живым грузом вывалился в коридор, и остался лежать на полу, весь парализованный.

Потом над ними склонились лица.

Дмитрий почувствовал чей-то пронизывающий взгляд. Премьер-министр Джоба приподнял его за плечи. Дмитрий повернул голову и увидел безжизненное, обожженное лицо Госден и возле неё, опустившегося на колени императора Люстига Моста.

Охрана теснила посторонних из коридора.

Дмитрий подполз к Госден. Лицо её, под сажей и копотью, было белым как мрамор, мертвенно застывшим.

– Она будет жить? – Дмитрий с трудом шевелил потрескавшимися губами.

Он почти не обратил внимания на то, что группа вооруженных охранников пробежала мимо них, лишь краем уха услышав, как кто-то из них сказал:

– Обнаружили осколки от бомбы.

Дмитрий приподнялся и мрачно обследовал находящуюся без сознания женщину, приподнял её веки, пощупал пульс.

– Похоже, она умерла! – заламывал руки император.

– О Боже! – Дмитрий так сжал кулаки, что ногти его впились в плоть. – Это было бы чудовищно несправедливо!

– Она умерла, – повторил вслед премьер-министр Джоба.

– Умерла? – снова в отчаянии отозвался император. – Нет! Госден не покинет меня!

Император стоял на коленях как окоченевший и смотрел в лицо женщины, на которой был женат. Да ему будет непросто свыкнуться с постигшей его потерей.

Был период в его жизни, когда он не любил её и был уверен, что в этом она виновата сама: умри Госден тогда, он и бровью не повел бы. Сейчас же все было по-иному. За последние два года между ними возникло новое взаимопонимание, которым ранее нельзя было похвастаться. Хотя это улучшение происходило очень медленно и совсем не безболезненно. Их связывало общее прошлое, и ровные отношения оказались куда важнее для прочности.

Дмитрий сделал знак одному из стоящих рядом людей, и тот протянул ему сумку с медицинскими препаратами. Дмитрий выбрал одну из ампул и впрыснул в вену императрицы голубоватую жидкость.

– Маску! – коротко приказал он.

Кто-то протянул ему кислородную маску.

Стало очень тихо. Все, затаив дыхание, уставились на неподвижное тело у их ног.

Дмитрий положил обе руки на грудь Госден и начал с нажимом её массировать.

Но ни кислородная маска, ни искусственное дыхание, ни лекарство, казалось, не оказали на императрицу никакого действия. Может быть, Дмитрий и мог подарить жизнь здоровому, но вернуть мертвого к жизни он не мог.

Но вот дрожь пробежала по её телу, тихий стон донесся из-под маски. Лицо Дмитрия вспыхнуло триумфом.

– Слава Богу!

Дмитрий все ещё не мог поверить в чудо.

Глаза императора победно блестели.

– О, Дмитрий! Ты со смертью давний друг, то есть враг!

Дмитрий мягко снял маску с её лица. Оно все ещё было бледным, но теперь Госден дышала ровно и спокойно.

В отличие от него.

Глава 47. Как женщине, я ей не завидую

Дмитрий удивился, что проснулся в стерильно-белой палате. Жалюзи были подняты, и яркое солнце, отражаясь от стен, слепило ему глаза. Он узнал палату. По иронии судьбы он попал туда, где находились его больные.

И Пуальфина.

Она сидела у него в ногах и деловито писала что-то на толстом куске картона, свисавшем на тоненькой верёвочке со спинки кровати. Он пошевелился и тотчас замер, почувствовав боль во многих местах тела.

– Вы сегодня хорошо выглядите, – радостно сказала она, заметив его открытые глаза.

Дмитрий кивнул, довольный.

– Я и чувствую себя вполне прилично.

Между тем Пуальфина отводила глаза. Она старалась не смотреть ему в глаза, явно смущенная его словами, человека с того света.

– Мне было жалко вас. Вы так ужасно смотрелись. Я думала, что вы умрете.

– Вас это огорчало?

– Очень!

Сегодня Пуальфина была неподражаема: как нарочно из-под розовой курточки снова был виден язычок красной шелковой ночной рубашки. Красный цвет для мужчин опасный цвет!

Сейчас у него был счастливый вид.

– А как ежедневные записи в журналах, – произнес он своим четким инструктируемым голосом, – иначе мы с исследованиями сядем в лужу.

– Я не забываю их делать, – успокоила девушка.

Дмитрий вдруг всполошился. Первая его мысль была о Госден.

– Пуальфина, а где Госден?

– Естественно, в больнице, только не в этой! – Она выпустила из рук картонку и та несколько раз ударилась о спинку кровати.

– Я хочу к ней!

– У вас двенадцать процентов поражения кожи, – сказала Пуальфина, отвлекшись от записей. – Вы весь в бинтах.

Дмитрий не сразу понял, что взирал на мир из-под толстой повязки, в которой были оставлены лишь узенькие щелочки для глаз, носа и рта.

– Я хочу к ней! – четко повторил Дмитрий.

– Шеф, вам назначен особый режим и сон в первую очередь.

– К чёрту! – раскипятился Дмитрий.

– Доктор, велено не выпускать вас из палаты до полного выздоровления.

– К чёртовой бабушке! – Дмитрий встал с кровати, срывая повязки.

– В принципе есть и другое указание – выписать в любое время после двенадцати, в виде исключения.

– А сколько сейчас времени? Где мои часы?

– Без восьми девять, – сказала Пуальфина, взглянув на свои часики. – А ваши часы находятся вместе с другими вещами, которые были при вас, когда вас привезли в приемный покой.

– Я же себя хорошо чувствовал.

– Сказались переживания дня, и дыма наглотались предостаточно.

– Как себя чувствует Госден?

– Доктор, вы сами запретили обсуждать с больными состояние других больных.

– Чёрт бы вас побрал, Пуальфина, с вашим буквоедством! Срочно мне одежду!

– Послушайте, нет же никакой срочности... И у нас существуют внутренние правила распорядка... Вы сами их разрабатывали.

– Дьявол! Пуальфина, вы доконали меня своей докукой и казуистикой. Как здоровье Госден?

– Она в плохом состоянии, но держится. Ночь провела неважно, утром случился шок. Будет ещё хуже, когда увидит себя в зеркало. Как женщине, я ей не завидую.

– Пуальфина, вы циник.

– Ещё я знаю, что у неё нет переломов, ни разрывов связок, ни внутренних кровоизлияний. А это радует.

– Пуальфина, вы не договариваете.

– О, не беспокойтесь, у неё чрезвычайно замечательная кожа! Какие великолепные для репродукции обожженные поверхности! Мечта настоящего врача! Очень, очень активно идет процесс грануляции².

– А говорить она может?

– Может, но врач не советует. Ей в первую очередь необходим покой и вам тоже нужно отдохнуть.

– Я хочу видеть Госден.

– Мне сказали, чтобы вы воздержались от этого шага. У неё есть квалифицированная сиделка.

Дмитрий осторожно сел. Он начал разминать ноги, руки, массировать шею и кисти рук, и обнаружил, что, в общем, чувствует себя намного лучше, чем думал.

– Ощущение точно после наркотика, только голова болит.

– Слишком большая доза окиси углерода попала в организм. Вы... понятно... несколько задохнулись и отравились.

– Я все помню.

– Вас хотят видеть и премьер-министр и император.

Дмитрий встал и медленно подошел к большому больничному окну. Было яркое солнечное утро, как всегда стояла отличная погода.

В голосе Пуальфины звучало сострадание:

– Меня предупредили, вас надо лечить, для вашего же здоровья.

– Идите вниз и принесите одежду, бумажник и часы.

Через полчаса он заглядывал в большие озера в пустыне Сахара, каковыми были глаза Госден без век и бровей. Он взял её руку, проверяя пульс, и пригнулся к самому её лицу.

– Все будет хорошо, – только и смог он выдать из себя. Он еле сдерживался, чтобы не зарыдать. В голове не укладывалось, что есть люди на свете, которые могут сделать такое с другим человеческим существом! И ведь все это, скорее всего, из-за него.

– Дмитрий. Дмитрий, – голос её был еле слышен, губы почти не шевелились.

– Не говори, если больно. Береги силы.

– Жизнь продолжается...

– Ваше Величество, – мягко сказал Дмитрий, – ты представляешь, что для меня значит твое спасение?

– Может ренессанс?

– Расцвет – это хорошо.

– Лучше возрождение.

– Как это случилось? – спросил Дмитрий.

– Это непредсказуемо.

– А ты сама можешь что-нибудь рассказать?

– Я видела до этого мужчину и женщину.

– И больше ничего?

– Ничего.

Глаза Госден засветились, и Дмитрий заметил, что она силится улыбнуться, несмотря на боль. И улыбнулась – улыбнулась взглядом. Он поймал взгляд и ответил взглядом.

Как врач, он определил, что пульс спокойный, метаболизм возвращается в норму, зрачки сужаются, с рефлексами у неё лучше.

Глава 48. Я готов рисковать чем угодно

Дмитрий диву давался, куда пропала Нециния? В “Нескафте”, как следствие, упала посещаемость.

Дмитрий искал Нецинию по всему городу. Противоречивые мысли теснились в голове. Ну, конечно, если она сейчас не в застенках, значит... она могла быть только на Триумфальной площади.

Это идея!

Ноги сами несли его. На плакате, висевшем на спине дородной женщины, было выведено: “Где же справедливость?” Молодой бородач держал в руках щит с надписью: “Нет государству лжецов!” Изможденная женщина с двумя неухоженными детьми сжимала пальцами края картонки с требованием: “Прекратить государству без будущего вмешательство в личную жизнь людей!”

Уже на подступах к площади теснились демонстранты, знамена, толпа из зевак.

Эти люди, а также несколько сотен других, медленно вливались на Триумфальную площадь. Там уже, возле памятника Правителю Первому, стояли те, кто прибыл раньше.

Показались контуры Кар-Кора, и тогда Дмитрий разглядел впереди молодую женщину. Он сразу узнал Нецинию. Розовый свитер и чёрная юбка облегли её точёную фигуру. Небывалого – червонного золота – волосы разметались по плечам. Это точно была она.

Дмитрий нагнал Нецинию, когда она перешла улицу и направилась в сторону примыкающих к площади центральных фонтанов. Она оказалась зажатой между группой студентов и домохозяйек. На её лице были следы усталости и некоторый избыток решимости, которую она не успела снять после последнего выступления. Сейчас бы её портило выражение смиренности и покорности.

– А как у тебя с танцами? – поравнявшись, неожиданно заинтересовался Дмитрий. – Удаётся зарабатывать на жизнь?

Нециния поспешила отвести глаза, но Дмитрий успел заметить грусть в её взгляде.

– Да, я по-прежнему танцую, – ответила она.

У неё был сейчас какой-то странный голос, непривычный для Дмитрия. В тоне Нецинии было что-то сродни вызову. Интересно, какую битву умов ей пришлось выиграть над собой.

² Грануляция – нарастание новых тканей.

– Музыка по-прежнему заполняет твою жизнь? – настойчиво спросил он.

– Теперь у меня в комнате стоит мечта всей моей жизни концертный “Цинтей”.

– Хорошие ли у тебя преподаватели?

– У меня нет преподавателей, я и режиссер и постановщик, – ответила она, стараясь говорить спокойным, ровным голосом, но избегая встречаться с ним взглядом. – Я редко остаюсь дома больше двух-трех недель, так что брать уроки нет возможности.

– А где ты бываешь?

– Я объехала всю страну.

Нециния поражала. Дмитрий не хотел себе признаться, что любит только эту девушку, и теперь предпочел бы её, например, Госден или Пуальфине. Но вообразить себя без Нецинии и без них он просто не мог.

Дмитрий задумался. До сих пор он не знал, как к ней относиться, любит ли он её.

Трудно представить Дон-Жуана, изгоняющим из себя предыдущие женские образы, чтобы расчистить место для следующего и сосредоточиться на нем. Для него брошенные им женщины – всего лишь жемчужины, оставшиеся без оправы. И у Дмитрия словно открылись глаза. Сейчас Нециния и другие женщины находились для него между собой точно в таком измерении и соотношении...

Но можно больше кого-то любить. Конечно, любит, только Нецинию, и совсем не прочь на ней жениться. Он решил сказать об этом, не откладывая. Он подошел к ней и взял за руку.

– Я люблю тебя.

Но как только девушка поняла, куда он клонит, она в ужасе отшатнулась.

– Уходи! – еле выговорила она.

Но Дмитрий не хотел сдаваться так быстро.

– Мне нужен ответ.

Она смотрела равнодушно.

– Вы, мужчины, все одинаковы. Я знаю, что кроется за вашими признаниями. У вас на уме одни только обмены телами.

“Неправда”, – хотелось кричать Дмитрию.

Нециния увидела в его глазах несогласие.

– Дмитрий, успокойся, так устроен мир. Ты сойдешь с ума от постоянного разочарования, если не научишься принимать его таким, каков он есть.

– Что нужно сделать для этого?

– Есть много способов.

– Назови их.

– Самые простые средства: апатия, отчуждение, самозащита, можно назвать ещё страх. Гоните их прочь!

– Нециния! – взмолился он. – Это уйти в себя?

– Тогда будь решителен до конца, будь с нами в нашей борьбе!

– Все философствуешь! Ради Бога, послушай меня и ответь, наконец, прямо! Я тебя люблю и могу жениться на тебе. Что в этом плохого? Разве это основание, чтобы выставить меня из своего сознания?

Она попыталась выдернуть руку.

– Мне так надоели люди, которые не хотят брать на себя ответственность, которым нравится говорить, говорить, говорить и ничего не делать. Мне жаль, но я подумала, что ты такой же.

– Как мало надо, чтобы изменить о себе мнение? – воскликнул он.

Кофе от уличного торговца отогрело душу Дмитрию.

– Этого не может быть, не должно быть, – в отчаянии бормотала она. – Ты не можешь на мне жениться.

– Но почему?

Нециния отрешенно смотрела вдаль.

– У тебя есть жених? – ужаснулся Дмитрий.

Нециния оскорбляла своим молчанием.

– Скар? – чуть не кричал Дмитрий. – Но он липовый жених!

– Я уже высказала мнение насчет него.

– Я думал, последние наши отношения и твои со Скарком дают мне повод...

– Не он дает мне право на отказ, это правда.

– А что же?

– Я революционерка. И Скар тоже. Мы настроены против правительства.

– Ты уже говорила!

– Я буду повторять много раз.

– Я все понимаю. Я люблю тебя и готов рисковать чем угодно.

– Дмитрий, мы не имеем права тобой распоряжаться, тем более пренебрегать тобой. Это опасная работа.

– Я готов пожертвовать собой.

Она смотрела, словно затравленное животное.

– Дмитрий, – прошептала она, – если я скажу, что тоже люблю тебя... можешь ты мне пообещать кое-что?

– Все, что захочешь.

Но вдруг она передумала.

– Рано! Ради Бога, сейчас не время!

– Почему не время? – удивился Дмитрий.

– Потому что в этом месяце будет большое потрясение, – прошептала она еле слышно.

Они подошли к фонтанам. Нежная водяная пыль садилась на лица манифестантов, дувший со стороны фонтанов ветерок приносил с собой приятную свежесть и не шевелил укрощенные волосы девушки, которые были забраны назад черепаховыми гребнями, оставляя лицо открытым. Нециния упорно старалась не смотреть на него, и Дмитрий мог любоваться точеным профилем танцовщицы. Её лицо было поразительно красивым и непорочным, что у него даже дух захватило. В её голосе не ощущалось горечи сожаления. Дмитрий чувствовал за собой вину, что в некотором роде подвел её тем, что не спас от революционной борьбы, или, скорее, что не оправдал её надежд.

Но, в таком случае, и надежд Госден, Шарлет и Пуфы и многих других женщин и мужчин Мингалы.

Скар задерживался. Нециния смотрела по сторонам и чувствовала себя как-то неуютно среди толпы.

Рядом происходил символический ритуал заковывания народа в кандалы.

Толпа двинулась вперед, поддавшись внезапному порыву. Выразить свой протест – это минимум того, что человек обязан сделать ради себя и своих детей без страха и оглядки. Толпа завелась. Люди скандировали лозунги, оскорбляли полицейских.

У Нецинии был великолепный сильный голос, и она выкрикнула:

– Вы имеете полное право выражать свое возмущение!

Толпа притихла, услышав её.

– Запреты – вне закона! – закричала Нециния, чувствуя себя великолепно.

– Запреты – вне закона! – подхватили демонстранты и развили мысль дальше. – Законы – вне запретов!

– Когда одни боятся от возможностей, другие влачат нищее существование.

Эти слова Нецинии совсем завели толпу, которая загнула как аэродинамическая труба.

– Слушайте все! Внимайте её словам!

Народ, собравшийся на площади, начал нарастать повторять её имя, вначале тихо, потом всё громче и громче, пока этот крик не перешёл в рёв открытого неповиновения.

– Нециния! Нециния! Нециния! Нециния! Нециния! Нециния!

– Государство, полное лжереформаторами, не в наших интересах, – начала она выступление.

– Ну и кретины, – прорычал возмущенный полицейский.

Розовощекий офицер потащил Нецинию за руку. Она сопротивлялась. Другой полицейский подхватил ноги Нецинии. Она смутилась из-за того, что её юбка задралась значительно выше колен. Стражи порядка бесцеремонно швырнули Нецинию на асфальт лицом вниз.

Дмитрий бросился на помощь и тут же погрузился в темноту.

Он пришел в сознание от боли. Сильнее болела левая сторона тела. В скрещенных руках горела свечка. Странно, так зажигают покойным. Он попытался приподняться на правой руке, а левая рука провернулась вместе с телом, словно мертвый балласт.

Тут он замер. Свет был очень слабый, а глаза болели от усталости. На него смотрели мужские глаза из-под военной фуражки. Глаза Сकारа.

– Ты получил удар тупым предметом... дубинкой по голове, и, падая, повредил плечо. Крепись, необходимо выбраться отсюда.

– Да, надо идти. – Дмитрий оперся на плечо Сकारа.

Раненые лежали прямо на асфальте. Было много “скорых”. Одни солдаты сгружали на асфальт узкие брезентовые носилки, другие разносили их по площади. Уже с ранеными “скорые” уносились.

Оставались лежать трупы. У некоторых в руках от впечатлительных старушек горели свечки. Ветра не было, и они горели ровно.

Везде валялись вырванные из жизни мертвые вещи: шарфики, туфли, шляпки, очки.

Местами струился слезоточивый дым от “зажигалок” и вытекал из них жгутами, как дым заядлого курьщика.

– Где Нециния? – спросил Дмитрий.

– Мы потеряли ее, – ответил Скар.

Дмитрий попытался идти сам, но боль была слишком сильной. Он ещё не привык к ней. Он второй раз почувствовал, как его тело скрутилось штопором, ввинчиваясь в пропасть. Он снова стал падать на асфальт.

Глава 49. Ну и видок у дамочки!

Нециния проснулась в пять утра от неудобной позы и холода, её мучила жажда. Она открыла глаза и не пове-

рила им. Веки были тяжелыми, лицо горело. Осмотревшись по сторонам, она увидела, что находится в маленькой камере. Она медленно привстала и поискала, что можно набросить на себя. Тюремная одежда лежала рядом. Нецинии казалось, что её голова расколется, если она сделает резкое движение.

Ей принесли пищу, и тюремщик наградил её первым тюремным комплиментом:

– Вы уж извините! Как вы должны понимать, мы обладаем весьма полной информацией о вас. В противном случае мы не могли бы как следует выполнять свои полицейские обязанности.

Скар купил свежую утреннюю газету. Передовица трубила о новом законе. Скар покачал головой, надо быть слепым, чтобы не видеть увеличение количества ограждений на улицах и многочисленную охрану. Когда у кого-то из эшелонов власти уши заложены, а все двери заколочены, закон, даже самый распрекрасный, останется законом только на бумаге и для высшего сословия.

Кафе без навеса, в котором Скар остановился, было открыто всем ветрам, и вязаный свитер не спасал. Заказав ветчину с кофе, он откинулся на спинку кресла с намерением пролистать. Его взгляд тотчас упал на фотографию, занимавшую половину первой полосы газеты, которая вышла под шапкой: “Арестована главный организатор беспорядков и руководитель террористической группы “Светлый путь”.

“Ну уж нет. Нециния не хотела представлять себя рыбой – холодной и равнодушной. Похожей на миллионы других рыб в море”, – подумал Скар.

Далее статья совсем ополоумела: “...открылись новые сведения в расследовании её преступлений. Она желала убийство императора и всей его семьи”.

А вот фото... На снимке были изображены два полицейских, которые тащили женщину. Её юбка задралась до трусиков. Волосы закрывали лицо, и одна туфля должна была вот-вот соскочить с ноги.

– Ну и видок у дамочки! – сказал сзади мужчина.

Потрясенный Скар уставился на фото. Без сомнения, это была Нециния. Не веря своим глазам, он покачал головой.

– Так ей и надо, – продолжил другой мужчина за спиной.

Скар со злостью оглянулся. На его запястьях тут же захлестнулись наручники.

Глава 50. Теперь уж вместе навсегда

Нецинию, окруженную вооруженной стражей, медленно вели по всему ряду многочисленных анфилад дворца к Большому залу, где до сих пор происходили заседания Следственной коллегии.

Дверь зала была плотно закрыта. Когда узницу подвели близко, два полковника в своих парадных мундирах с преднамеренным расчетом эффектно распахнули перед ней дверь.

Глазам Нецинии представилось торжественное зрелище: в длинном зале стоял огромный стол, празднично покрытый красным сукном. По обеим сторонам – члены Государственного совета безопасности, кроме того, сидели сенаторы и генералы. С левой стороны преобладали священнослужители, в центре среди них сидели четыре

митрополита с бриллиантовыми сверкающими крестами на белоснежных клобуках. На красном сукне радужно переливалась неизбежная серебряная тарелка космической связи, горело золотом её обрамление. По бокам возле стен расположилась многочисленная армия журналистов, представителей разных слоёв общества. Окна в старинном зале с высоким потолком были сегодня затянуты шторами наполовину. Летнее солнце пекло, и генералы задыхались в своих парадных мундирах.

Из другой двери ввели Скара. Подсудимых выстроили лицом к сенаторам и духовенству. Радость встречи захватила Нецинию и Скара так сильно, что помешала услышать первые слова читаемой вслух бумаги.

Нециния чуть коснулась руки Скара и посмотрела в его постаревшее, измученное заключением лицо с такой пылкой любовью, словно передавала ему свою силу и бодрость. В эти тяжелые минуты она стала мощной поддержкой своему возлюбленному: лицо Скара, совсем было потухшее, опять, как прежде, засветилось отвагой.

Глазами, измученными бессонными ночами, Нециния смотрела на большую тумбу, как аналой вынесенный в церкви для молебна. Тумба была установлена перед столом, за которым восседали блестящие мундиры. Казалось, лиц над этими мундирами вовсе не было.

На судейском аналое лежала огромная стопка томов. Белокурый, щеголеватый чиновник раскрыл верхний из них театральным жестом, и стал читать тот самый приговор, который по воле императора Верховный суд вынес, похоже, ещё в своих кулуарах, и можно сказать, без всякого судебного разбирательства обвиняемых.

Щеголеватый чиновник, как актер перед большой публикой, поглощен был только тем, чтобы отменно сыграть свою роль. С многочисленными паузами, с пафосом оглашал он все виды преступлений каждого из стоящих перед ними подсудимых...

– Нециния своим злодеянием умышляла убийство императора и всей его венценосной семьи. Вовлекла к совершению сего преступления члена тайного общества офицера Скара...

Скар дернулся, поднял голову. Его реплика была неожиданно твердой и решительной для суда:

– Неправда! Я сам вызвался. Никто меня не привлекал. Я хотел совершить подвиг, высший подвиг гражданина, а не разбойничий акт по приказу Нецинии!

Но, окинув горящими глазами всех сидевших вокруг стола, равнодушно отреагировавших на его возглас, он ничего не сказал дальше и только до крови закусил губу.

Лица высшего духовного сана и сенаторы привставали с мест, чтобы лучше разглядеть “преступников”; сверкавшее на столе антенное “чудо” слепило глаза, мешало смотреть. А белокурый чиновник, голосом выражая крайнее негодование, читал о причинах, заставивших суд выделить их из большого списка преступников.

– ...Возносясь к большому рассудку, преобладая, якобы, своим гением, порождая этим тщеславие, выше-названные люди, превосходя других во всех злых умыслах силою тяжести своего недостойного примера, неукротимостью злобы до мелочности противопоставлять себя всему обществу, свирепым упорством в достижении своей никчемной цели, хладнокровною готовностью к императороубийству, стоят вне всякого закона. Суд приговорил их к смертной казни...

Осужденные стояли молча и равнодушно, не проявляя никакого потрясения. Казалось, они не слышали ни одного из этих мертвящих слов.

Скар даже улыбнулся, шепнув Нецинии:

– Теперь уж вместе навсегда.

– Навсегда! – пожала ему руку Нециния.

Она улыбалась в ответ, смотря на него глазами, сиявшими глубоким чувством.

Щеголеватый чиновник, помедлив, с особым удовольствием договорил, растягивая слова:

– Приговорены к смертной казни – по-ве-ше-ни-ем!

Генералы, судьи, сидевшие вдоль стен амфитеатром, и духовенство зашевелились. Были и среди них слабонервные – кто-то охнул...

Осужденные стояли в обнимку, не дрогнув. Они, казалось, недоумевали – так нелепо прозвучало странное слово, прочитанное чиновником. Разум отказывался принимать смысл и значение этого приговора. Просто – это их не касалось.

– Хоть четвертование, – спокойно сказала Нециния.

Только Скар спросил Нецинию:

– На каком юридическом основании произнесен этот приговор? Ведь над нами по сути и суда ещё не было!

Нециния была вся спокойствие.

– Своим жестоким приговором правительство только послужит успеху нашего дела. Оно сделало нас в глазах народа страдальцами за наши убеждения. Это возбуждает всеобщее к нам сочувствие и двинет благородные сердца по нашему пути.

Нециния подумала об отце, старом вояке. Старику было бы легче узнать про благородный расстрел...

А Скар все сильнее сжимал её руку.

Поведение приговоренных не доставило никакого удовлетворения судьям. Ожидаемых рыданий, обмороков и мольбы о пощаде не последовало.

Без всякого дела остались и медики, предусмотрительно вызванные тюремными властями, по высочайшей инструкции обязанные сохранить в целости здоровье государственных преступников, дабы, не дай Бог, казнь была неотвратима, не нарушился порядок и ритуал казни, расписанный самим императором.

Дверь зала закрылась за ними, и их, внешне пребывающих в совершенном спокойствии, стража оторвала друг от друга и отвела обратно в казематы.

После объявления приговора Нециния обвела глазами сырые, в подтеках, стены и под самым потолком крохотное окно, дававшее немного света. Успокоенная, с просветленной душой, она решила написать письмо Дмитрию.

Глава 51. Они схватились за руки

Состояние было ужасное. Дмитрий ещё был слаб, чтобы пуститься в бега из больницы. Он был ранен в голову, и постоянные микро кровоизлияния из-за влажного климата заставляли его думать о здоровье. И тут, вызванные раной, глядя на цветущее состояние мингалетов, его начали посещать предательские мысли, что без обмена телами дни его, как личности, были сочтены.

Жить в раненом теле – значит быть каждое мгновение под угрозой смерти. Выход один: избавиться от этого

ущербного тела и перейти в другое, не знающее что такое болезнь. Здоровые люди этого не понимают. Человек за свою жизнь сколько меняет эргомобилей, телевизоров, квартир? Не перечить. Это он считает естественным. А тел? Это было белое пятно на карте жизни Дмитрия.

Спрятаться в посторонней стране можно было не в пещере, а только в чужом теле. И только неукротимая сила духа Дмитрия и адское терпение не позволили удариться в панику, и не просить обмен телами с кем попало.

– Опять вы в больнице, – услышал он от Пуальфины.

– Лучше быть в больнице, чем на том свете.

– Завидное постоянство, перерастающее в традицию, – отметила она.

Дмитрий включил телевизор и, не отрываясь, смотрел его прямо с больничной койки. Он стал свидетелем вопиющей несправедливости, облаченной в цивильную одежду и превращённой в показательный пример.

Пробил смертный час Нецинии и Скара.

Последние телетрансляции.

Дмитрий наблюдал, как работает государственная машина на полную мощность. Телетрансляции сопровождали каждый их шаг. Словно в тумане их свели в камеры с общей стенкой, тесные, холодные, серые камеры смертников. Здесь были ещё меньше и так крохотные оконца и толще решетки на них. Каждый день согбенные священники бормотали свои молитвы над нежелающими коленапреклонить преступниками. Священники умолкали. Двери камер наглухо затворялись за ними. И было видно, что смерть не пугала Нецинию и Скара.

Через две недели смертников снова провели в Большой зал, хорошо освещаемый софитами и наполненный теми же людьми: сенаторами, духовенством, генералами. Дмитрий, уже оклемавшийся от болезни, находился в этом же зале среди журналистов.

Нециния и Скар были с чёрными кругами под глазами, но каждый в чистой выглаженной робе. Иногда она оживляла своё мёртвое, припухшее лицо растираниями ладонями.

Чиновник выждал паузу для вящего впечатления и торжественно провозгласил “милость” императора “к падшим”:

– Решение о смягчении приговора без права апелляции, сообразуясь с высоким монаршим милосердием, следующее: повешение заменяется электрическим стулом.

Электрическим стулом!..

Нециния как будто не понимала всю важность этого решения.

“Это уже лучше!”

Взгляды её и Дмитрия встретились. Неожиданно у Нецинии, как молния, возникло сильное желание поменяться с Дмитрием телами. Это было бы для неё спасение, избавлением от смерти. Она приостановилась и только умоляющими глазами просила об этом.

И он догадался, понял её с полуслова. Они схватились за руки, успокаивая друг друга словами и сознавая, что эта минута последняя в их жизни.

– Я согласен, – сказал он скороговоркой.

Нецинию толкнули в спину, и рука её обмякла. Её насильно уводили, а она тоскливо оборачивалась на Дмитрия, но пошла упругой уверенной походкой.

Глава 52. Надо уважать высокий суд

Мысль все больше захватывала Дмитрия, решением которой был решительный бросок в поступок, перевернувший бы его жизнь, его существо, скорее всего с элементами потери себя, но, может быть, приобретения недостающего звена?

А каждая просроченная минута была смерти подобна. Дмитрий стремился на прием к премьер-министру и оглядел его уютную золотисто-голубую комнату. Возможно, на диване, у окна, которое выходило на западное крыло дворца, они и должны были начать разговор.

Джаина была несказанно рада встречи.

Дмитрий разглядел в этом некоторую рисовку.

– Кто ты сегодня, Джаина? – с неудовольствием спросил он, чтобы немного перестраховаться от неё.

– Я твой лучший друг, – ответила она.

– Ты ошибаешься. С некоторых пор мы враги.

Джаина торопилась высказаться до прихода главы правительства.

– Ты прав. Однако, в трудный час, мы пригодились бы друг другу. Я это признаю. Надеюсь, что и ты тоже, в своих же интересах...

– Да, признаю. Потому что ни с кем на Мингале не хочу портить отношения.

– Возможно, доктор, мы даже кое-чего набрались друг у друга полезного.

– Я теперь лучше понимаю некоторые вещи. А вот чему на Мингале могли научиться у меня – не знаю.

– Тому, что человек своими действиями, поступками, если хочешь, благодаря своей решимости, способен возвыситься над общепринятыми представлениями.

– Значит, я трус? Камень в мой огород?

– Нет, ты идеальный мужчина, но...

– Получается, меня все оправдывают.

– В данном случае, это осуждение.

– Неужели я вас так допёк?

– Например, настоящий мужчина не потерпит, чтобы женщина страдала.

– Джаина, ты все такая же позерка чистой воды. Я ваших людей не понимаю.

– А ты подумай – и разгадаешь.

– Я так раскусил, что ты из всех людей выбрала мишенью меня, верно?

– Да, я уже не раз говорила, беспокоиться тебе за свою судьбу незачем.

– Тогда поставь на мне крест.

– Дмитрий, это никогда не поздно.

– Джаина, тебе, уж точно, не советую сходить по мне с ума.

– Это ты безумен... Ты бестактен... – у Джаины заплелся язык.

– Ничего подобного! Нет более разумного человека, чем я. И более корректного.

– Напротив! Ты – надутый индюк, самодовольный осел! Тебя мало назвать лабухом и чмо. – Джаина смотрела на Дмитрия в холодной ярости, голос её стегал, как хлыст. – Я открываю тебе глаза на несправедливость. Скажи, сколько раз ты произвел обмен телами, когда люди желают, просто мечтают об этом с тобой. Они устали ждать, они начинают тебя ненавидеть, проклинают, такова плата за их гостеприимство, но наш народ тем и хорош, что готов забывать старые обиды...

Дмитрий в отличие от Джаины был спокоен.

– При некотором задачном условии? Когда мне задают вопросы, чем я объясняю, что до сих пор не обменялся телами, я говорю, что очень уважаю обычаи народа, их право на выбор. Однако со всей ясностью заявляю, что ни в коем случае не могу принимать в этой демонстрации заблуждений участие.

– Параде прописных истин, – напомнила она. – А это почётно.

– Подиум глупостей как-то больше подходит.

Все мингалеты встают на защиту своих завоеваний, вот и Джаина сегодня тоже была с сумасшедшей решимостью на лице.

– Мы находимся перед порогом реальной перспективной революции, – сказала она. – Пора его переступить. До наших нужд тебе нет никакого дела, тебе наплевать на неё. Ты не пытаешься ничего сделать, не продвинул её ни на шаг! Если и пробовал, то не тем путем или недостаточно упорно.

– Кто дал тебе право судить? Я человек посторонний на Мингале!

– Ты ничего не понимаешь! – воскликнула Джаина.

– Твоя практика, семинары сплошная фикция, только для отвода глаз, кому они нужны на Мингале! Народ ждет от тебя решительных действий. – Голос Джаины, испугавшейся прихода премьер-министра, вдруг зазвучал тихо, но, тем не менее, все ещё был жестким и убежденным. – Так вот, мы открыли свои глаза и пытаемся открыть твои. Ты взгляни на народ. Он увидел выход из лабиринта. Он всё понял. И мы людей мобилизовали. Наш союз националистических сил не случаен...

Дмитрий молча смотрел на Джаину. О Боже! С ней невозможно найти общий язык! Скрытый оппозиционер! Как премьер-министр не видит у себя под боком схоронившегося врага? Неужели это так? Неужели действительно так?

– Ты не менее опасна, чем раненая кобра для тигра, – размеренно сказал он.

Джаина не вынесла оскорбления, ответив тем же:

– Ты – страус, спрятавший голову в песок! Это ваше общество на Земле ненормально, судя по тебе! Ты – оторванный ломоть. Народ все равно принудит тебя к обмену телами.

Дмитрий лишился дара речи. Некий страх парализовал его. Он рухнул на диван и устался в пустоту. Неужели... Сколько боли он принес другим, сколько разочарований. И причина всему он. На нём начинается выливаться народный гнев мингалетов.

– Не смей угрожать мне, Джаина!

– С такими результатами тебя признают отщепенцем, а то и дегенератом.

– Мне надоели угрозы! Мне бросили вызов, только кто больше отличается этим: революционеры или националисты?

– Доктор, ты мракобес и ретроград, больше скажу, моральный урод!..

Восклицание повисло в воздухе, Джаина успела только открыть рот для очередного слова. Премьер-министр Джоба был свободен и сам вышел к посетителю, и Дмитрий после приглашения перешел в его кабинет. Премьер-министр, заложив руки за спину, стоял у окна, в который широкоим потоком врвался яркий солнечный свет. Он сказал:

– Поздравляю! С завтрашнего дня старый закон отменяется и вводится новый. – Премьер-министр подал свежий “Парламентский вестник” прежде, чем Дмитрий успел выразить ему всё свое презрение за Нецинию.

Он развернул переданную ему бумагу и начал запоминать её содержание. Изумление появилось у Дмитрия на лице. Ему показалось, что его поразил гром.

– Ваше Высочество, обмен телами с шестнадцатью лет?!

– При некоторых отрицательных тенденциях, мы выходим, наконец, на прямую и ясную дорогу. – Премьер-министр просто светился, когда говорил такое.

У Дмитрия была ненависть к нему, которую необходимо было вылить, но до поры приходилось скрывать.

– Вы знаете, что закон вступает в силу день на день, тогда почему не предотвращаете казнь? – как можно мягче сказал он. – Ещё не поздно! Нециния и Скар ждут от вас справедливости!

– Все люди живут и работают в рациональном режиме плечом к плечу, – ответил премьер-министр Джоба. – Приговор вынесен. Надо уважать высокий суд и труд его исполнителей.

– Обстоятельства вынуждают изменить первоначальное решение! – решительно настаивал Дмитрий.

Премьер-министр тоже имел свою ультимативную точку зрения.

– Планета Мингала не должна расписываться в своем бессилии, в своей беспомощности, что связано с потерей авторитета на всём пространстве вселенной. Перед вашей Землёй тем более. Случился казус в нашей законодательной и исполнительной власти, но в хорошем и сильном государстве казусов не должно быть. Принципиальность и последовательность – вот принципы любого уважающего себя правительства.

– Сильное государство может обойтись без жертв!

– Не может! Любой бунт против государственной машины неукоснительно карается смертью.

– Никакой распрекрасный обмен телами не стоит даже пальчика умерщвленной Нецинии! – высказал свою непримиримость Дмитрий.

Премьер-министр становился мрачнее тучи.

– Революционеры и им подобные – это муть, поднятая со дна, но все же мы возьмем под контроль обмен телами. Мы отделим пену от здоровой субстанции. А то, что обмен телами явление поступательное, докажем на деле. Обмен телами живет и побеждает!

Дмитрий медленно, но закипал.

В последний месяц газеты словно с цепи сорвались. Восстание под предводительством Нецинии и Скара. Их казнь. Мир буквально рушился. Закон “обмен телами с шестнадцати лет” служил для народа умиротворением недовольства ценой нескольких жизней. Ясно, что он даже этим великолепным законом не удовлетворится.

– Больше того, – подлил масло в огонь премьер-министр, – буквально с часу на час после казни планируется следующий закон о полном и безоговорочном обмене телами.

– Это за что боролись Нециния и Скар, за что отдавали свои молодые жизни! – с возмущением воскликнул Дмитрий.

Вошла Джаина с подносом.

– Кофе, доктор.

– Не стоит, – сказал Дмитрий, посмотрев ей в глаза, пытаюсь понять, что за бесы у неё на душе.

– А мне оставьте, – сказал премьер-министр Джоба.

У Дмитрия внутренне подступило отвращение, как можно пить кофе, когда разговор идет о жизни и смерти.

– У меня фантазии не хватает предусмотреть, – сказал он, – какой шаг вы предпримете, скажем, уже в ближайшее время?

Премьер-министр сел за стол и начал делать мелкие глотки, что не мешало ему говорить.

– Надо знать народ. Он никогда не останавливается на достигнутом. Народ призывает и его требования обостранены. Народ провоцирует таких мелких сошек, как Нециния и Скар, как им кажется, на священную борьбу. Другое дело мы не все можем сразу, но мы стараемся изменить законодательную базу, благодаря, кстати, таким неумным людям, как Нециния и Скар.

– Добровольным помощникам, волею судеб попавшим на жертвенный алтарь отечества! – зло сказал Дмитрий.

Премьер-министр отреагировал скупно.

– Так, законодательство Южного штата хочет поставить мощный заслон бесконтрольному обмену телами, использованию его не по назначению. Как прикажете поступить? Это хорошо и одновременно плохо, но всегда есть золотая середина, и мы ищем её. Другое дело, требуется время.

Серая папка с грифом секретности высшей степени, лежащая перед ним, выглядела невзрачно и обыденно. Что-то зловещее таилось в ней. Дмитрия охватило волнение, а премьер-министр схватил папку и какое-то время смотрел на неё пристально.

– Мне стало кое-что известно из близких источников. Вы в самом деле, Дмитрий, готовы к обмену телами с заговорщицей Нецинией?

– Да, если это спасет мир от потрясения и её смерти! – решительно сказал Дмитрий.

Глаза премьер-министра Джобы не были бездушные и пустые.

– Я понимаю, что это наше безумие, – сказал он, – но менять что-либо уже поздно, и остановить казнь на последней её стадии невозможно.

– Вы премьер-министр, вы все можете, – упорствовал Дмитрий.

– Только в одном единственном случае, если заговорщица даст согласие на обмен телами с вами. Обмен телами – превыше всего! И, мы не забываем, дружеские отношения между Землёй и Мингалой! Мы не имеем права вмешиваться в желания сторон. Я вас с Нецинией санкционирую на это.

– В таком случае, я согласен... – с готовностью ответил Дмитрий.

– Да, мы отложим казнь.

Глава 53. Как много он знал о ней... и как мало

Казнь стала темой номер один, темой, которая отеснила на задний план всё остальное – политику, светскую хронику. О казни и только о ней кричали наперебой все без исключения средства массовой информации. Газеты выходили аршинными заголовками на первых поло-

сах, появлялись материалы один сенсационнее другого из жизни Нецинии. “Истеричная развратная цареубийца”, так писала о ней пресса.

“До казни осталось три дня!..” – трубили орудия пропаганды.

Потом:

“До казни осталось два дня!..”

Народ притих. Кто-то ждал казнь с откровенным страхом, кто-то – со смутной тревогой, кто с любопытством.

И в последний момент сенсационное сообщение: “премьер-министр Джоба разрешает обмен телами между Нецинией и землянином!”

Дмитрий торопился в тюрьму как на крыльях.

– Что у вас? – рука дежурного в окошке продолжала заполнять журнал посещений школьным почерком.

– Я относительно демонстрации и взрыва на площади. Я к Нецинии.

– Неположено.

Дмитрий придвинул лицо к решетке.

– Она моя невеста.

– Неположено.

– У меня разрешение...

– О, самого премьер-министра Джобы! – Не отрываясь, дежурный снял трубку. – Идите к четвертому входу.

В комнату свиданий Дмитрия проводил офицер.

– Вам дается пять минут. Ваше счастье, если сумеете решить свои проблемы, – предупредил он.

Нециния появилась в сопровождении двух жандармов. Только это была другая Нециния, в полосатой робе, подчеркивающей её бледность, и коротко остриженная. Её длинные волнистые волосы – предмет восхищения и гордости – были уничтожены. Но в ней была какая-то монументальность на непроницаемом лице.

Она поцеловала Дмитрия один раз. По-настоящему. Дмитрий почувствовал, что погружается в какой-то теплый золотистый туман, откуда ему совсем не хотелось возвращаться.

– Будь осторожен, – прошептала она.

– От кого исходит опасность?

– Пуальфина, Бенигна Клабб – вот главные персонажи.

– Чтобы подобное утверждать, необходимы неопровержимые доказательства.

– А ты не можешь догадаться сам?

– А роль Килин Клера?

– Это случайный резонер.

– Подробнее о Бенигне Клабб?

Ответа не последовало, подошел священник, развернул ладони прямо перед Нецинией и Дмитрием и зашел:

– Клянётесь ли вы оба, что вы по собственной воле, ни под влиянием чужого мнения, ни под воздействием наркотических препаратов пошли на обоюдное решение, что никаких скрытых обязательств и прочих юридических крючкотворов к сотворению обмена телами не существует?

Дмитрий поспешил ответить:

– Препятствий никаких. Да, клянусь. По собственной... не под влиянием... не под воздействием...

Он с надеждой смотрел на Нецинию.

Она задерживалась с ответом, ничего не говорила и этим повергла в смятение не только Дмитрия.

– Молчание – знак согласия, дети мои, – затынул священник.

– Зачем? – коротко спросила Нециния.

Этот вопрос не вязался с её влюбленными глазами.

– Потому что я не могу вынести мысли, что ты уйдешь из моей жизни навсегда. Потому что я жалею, что не встретил тебя раньше. Потому что я больше не найду такую, как ты. Потому что я люблю тебя.

Никогда ещё Дмитрий не говорил так быстро, он выпалил это на одних чувствах, переполнивших его.

Нециния увидела его, Дмитрия, другого человека, протягивающего руку помощи в темноте. Какой-то магнит притянул её, и она прильнула к нему, к его груди.

– Хочу тебя огорчить, – сказала она. – Я осознала, что в решении своей судьбы за счет тебя, Дмитрий, ты погибнешь, а я останусь живой. Возможно, и нет, но жизнь непредсказуема. Поэтому, Дмитрий, извини меня...

Нет, она была фатально до конца настоящей революционеркой, но не бунтаркой, и чужая жертвенность не входила в её планы.

– У тебя минутная слабость! – возмутился Дмитрий.

– Обмена телами не будет, – решительно сказала Нециния.

– Это последняя надежда остаться живой!

Глаза её сверкнули в сторону власти.

– Слышите, не дождетесь! Этого не будет никогда!

Рекламирывать неудачную политику правительства я не позволю!

Она оторвалась от Дмитрия.

– Всего хорошего в твоём праведном деле, – сказал он.

Нециния смотрела на него, словно в последний раз.

– Я знаю, ты, Дмитрий, честный, порядочный человек. Я отвечаю за себя, ты – за себя. Ты вправе моим мнением пренебречь, но слушай свой внутренний голос. Почему все-таки ты не решился на обмен телами с Госден или Шарлет? Они без ума от тебя, они вне себя от неудачи. Я точно знаю. Не носи горе им и нашему народу, поступай, как велит тебе совесть.

– Нециния, неужели ты меня толкаешь в пропасть?

Он ничего не услышал во время завязавшейся паузы, после нее Нециния ответила ему тем, что протянула ещё одну руку.

В ладони у Дмитрия осталась бумажка – это были последние слова Нецинии:

“Я любила тебя как никто всю последнюю часть моей жизни. Твоя Нециния.”

– Довольно! – оборвал их взгляды жандарм. – Уводим преступницу.

Дмитрий, сам не зная почему, зарыдал, оплакивая любовь. Он простер Нецинии вслед руки, он остался один.

Как много он знал о ней... и как мало.

Глава 54. Женский организм сопротивляется смерти сильнее

Накануне, по улицам Миао-Чао прошёл отряд гвардейцев. Барабанный бой напоминал горожанам о разгово-

ре под названием “Дело Нецинии и Скара” и извещал население о предстоящей публичной казни.

Было 12 часов дня.

Погода, как по заказу, выдалась на славу – в чистом небе ни облачка, но в воздухе витала неуловимая тревога – такая тревога ощущается перед грозой.

Люди за несколько часов до начала казни начали собираться на площадях, в парках, на стадионах, где были установлены большие телеэкраны. Люди заняли все подходы, сидели на крышах, на деревьях, на оградах. И это не была неуправляемая толпа – она была крепко-накрепко спаяна единым духом и потому прикована взглядами к экранам, как встречаются взгляды удава и кролика. Людям интересно было наблюдать зрелище. А это было зрелище из зрелищ.

Шарлет в маске прижалась к Дмитрию, и они стояли в ожидании на полуденном солнцепеке, держа ладони козырьком.

– Я завидую Нецинии, – сказала она, – её мужеству.

– Мы должны когда-то выйти из состояния умопомрачения, – Дмитрий поглаживал Шарлет руки.

– Да, да, мы должны думать об оставшихся в живых, сплотиться и направить все наши знания на воспитание нового поколения, сконцентрировать силы и энергию против людей, откровенно пренебрегающих и нарушающих законы.

Разговор остановило засветившееся изображение. Нестройный гул горожан вдруг сменился тишиной.

Олицетворяя незыблемость власти, поражая монолитным фундаментом, появился крупный вид тюрьмы, затем последовательно: высокие стены с колючей проволокой, многочисленная охрана по периметру, мрачные коридоры, жуткие тюремные камеры вдоль них. Шоу, сопровождавшееся редким барабанным боем между сменами кадров, было в полном разгаре. А вот и смертники. Казалось, телекамеры были установлены во всех мыслимых и немыслимых местах, фиксируя каждое их движение.

Священник прочитал последнюю молитву, но уж очень похожую на речь священника на панихиде:

– Милосердию Божьему и Его защите вверяем мы вас. Бог благословит и сохранит вас. Бог обратит к вам Своё сияющее лицо, и прольется на вас Его благодать. Бог примет вас к себе, дабы успокоились души ваши и пребывали в мире сейчас и во веки веков. Аминь.

Нецинии и Скару сковали руки сзади и небрежно повесили плакаты на грудь: “Сокрушители государственных устоев”. Власть умела злорадствовать во всем, даже в том, как отнимать у человека жизнь. Их великими окольными путями, навевающими жуткий страх: по бесконечным по длине гулким подвалам, по преднамеренным тупикам, по рядам казематов с их выходящими из-за решёток серыми лицами, криками поддержки и простирающимися руками узников. Лязганье засовов и дикое уханье железных дверей закладывали уши даже у зрителей.

Всё это время комментатор рассказывал всю подноготную смертников, весь их революционный путь и в заключение сказал:

– Это последний лабиринт Нецинии и Скара, из которого выход есть только один – в зал, напичканный электроникой. Самой передовой убивающей электроникой в мире!

Последнее помещение содержало в себе примерно тридцать на пятьдесят метров, с полом, покрытым синим бетоном. Зал был светлый, правда, без окон, даже элегантный, и совсем не похожий на цех для убивания людей. Большую половину его площади занимали трибуны с чистыми, комфортабельными проходами.

Когда входная дверь захлопнулась, Нециния несколько секунд стояла неподвижно, обозревая два электрических монстра, стоящих рядом, и преисполняясь гордостью за власть, создавшей ей последний уют в пространстве квадратных метров с высокими потолками, когда даже рекреация для прогулок была намного меньше. “Чтобы душа могла не торопясь покинуть тело”, – подумала она. На трибунах среди почётных гостей она увидела весь цвет и блеск властных структур и культурного бомонда. В ложе, выступающей клином, находилась венценосная семья, правда, без детей.

Скар дернулся, желая отпрыгнуть, и Нециния воспользовалась заминкой. Ее голос загремел на весь зал:

– Обмен телами – это не желание власти, а желание народа! Власть хотела необъятной власти! Силы! Влияния! Ваш обмен телами – это фикция, это подачка народу, это прихоть, это возможность вершить чужие судьбы и право безнаказанно мучить чужую плоть? Еще каждый из вас, дрожа, подобно осеннему листу, желал насытиться невинной девичьей плотью! Вы хотели возвыситься над народом, не понимая, что главный смертный грех – грех гордыни, который внутри вас поселился и силу обрел! Вы многое хотели, прикрываясь именем Господа! Но народ думает иначе, он проснется и решит проблемы ваших прогневших душ...

Охранники заломили ей руки высоко и, видимо, сделали это неосторожно.

– Скар, мне больно! – воскликнула она.

– Нециния, Нециния! – простонал Скар, но не смог расцепить крепко стянутые руки.

После чего смертники спокойно, с достоинством, прошли последние метры, равнодушно и даже безучастно сели на электрические стулья.

На мониторе на стене пробежала строка с последними наставлениями. В данный момент мерцали слова: “Суд всегда прав”, затем пошла надпись: “Положение о высшей мере наказания” и далее его разъяснение. В конце постскриптум: “Осужденный имеет право обжаловать...” И тут власть показывала себя гуманной, прибегая к маленькой святой лжи.

Нециния и Скар безразлично и без малейшего сопротивления позволили палачу неторопливо застегнуть ремни на руках и ногах, лениво разложить электроды. Им со знанием дела уже выбривали круглые тонзуры, разрезали снизу штанины, прилаживали электроды на головы. Сознание близкой смерти наложило отпечаток достоинства на весь их облик. Странно, но Нециния совершенно не испытывала предчувствия неминуемо надвигающейся смерти, предвкушая первый глоток свободы на том свете.

Раздался финальный звонок. “Десять, девять, восемь” – на табло начался отсчёт времени.

“Три, два, один”.

“Ноль!”

Они не слышали за незначащими словами телекомментатора приказа включить боль, а потом ничего. Совершенно ничего. Общий рубильник. Смерть на двоих.

Правду говорят, что женский организм сопротивляется смерти сильнее. Скар просто откинул голову назад, как от выстрела, а последняя яркая судорога с высокой амплитудой осталась за Нецинией.

Дмитрий почувствовал такую же судорогу от Шарлет и взглянул ей в глаза, но в прорезях маски стояла темнота, только по щекам бежали слёзы. В округе по принципу домино дико залаяли собаки. Дмитрий оторвался от экрана и посмотрел вокруг. Собаки со всех сторон уже не лаяли, а зловеще выли.

А комментатор бесстрастно говорил:

– Вот она – смерть: медленный, величественный полет души сквозь туманную завесу в глазах, сквозь ничто, сквозь чёрную пустоту, сквозь вечность и бесконечность. Нециния и Скар могли бы смерть разложить на все промежуточные фазы и стадии и со знанием дела о каждой многое рассказать, но теперь никогда не расскажут...

– Мир и покой вам, Нециния и Скар, – прошептала Шарлет. – Мир и покой.

Глава 55. Именем революции!

Из окон своей комнаты Дмитрий видел райский уголок сада – посыпанные песком дорожки, разноцветные кусты, бассейн с морскими черепаками. К аромату цветов примешивалась свежесть раннего утра, доносились крики птиц.

Дмитрий оделся, через силу позавтракал, считая, что пища заменит ему недостающий сон и придаст энергии.

Жизнь движется, считал он, оптимистично, пусть без прикрас, но, можно сказать, без изменений, несмотря на продолжающийся вокруг обмен телами. Для всех постфактум, а для Дмитрия постфикс.

А последние события?

А предупреждение Нецинии перед самой казнью?

А что делать с ней, с Пуальфиной? А с Бенигной Клабб?

Дмитрий вернулся в комнату и, встав у окна, принялся вспоминать и анализировать все жесты, взгляды, слова Пуальфины – с той поры, как он впервые услышал её голос в операционной. Её слезку. Ни одна девушка в мире не сможет так правдоподобно сыграть какую-то роль, хоть в чем-то не выдав себя. Артистка! Воплощаться в персонажи она умела! Нет, винить её ещё до поры нельзя было – ни в большом, ни в малом она не подавала повода. К тому же она ему нравилась, а своей интуиции он доверял.

Если она и выполняла какую-то миссию, то – бесознательно. Но безоговорочно...

В субботу семинар начинался в одиннадцать, так что у Дмитрия оставалось около часа основательно понаблюдать за Пуальфиной. В последнее время она позволяла себе разгильдяйское отношение к работе. Её сбивчивое заполнение журналов желало оставаться быть лучшим. Торопливые и не по существу, и даже чужим почерком, словно ее подменили. Словно не она, а кто-то другой выпускал из рук зажимы, разучился проводить непрямой массаж и искусственное дыхание, путала длинные и короткие иглы. Его колотила мелкая дрожь, и медсестру приходилось все время одергивать, поправ-

лять, тянуть за язык и делать ей взыскания. Сегодня она опять получила большую от него нахлобучку.

Дмитрий усталый прошел к кушетке, буквально упал на нее и закрыл глаза, привалившись к стене. Его по-прежнему трясло. Подошла Пуальфина и протянула стаканчик:

– Выпейте, станет легче.

Он выпил одним махом, не почувствовав вкуса. И дрожь не прошла.

– Это что?

– Разведенный спирт.

– Да, это обыкновенная вода! – возмутился он.

Можно ли винить кого-то, в частности Пуальфину, в смерти Нецинии?

Дмитрий не мог простить себе чужую нелепую смерть, не то что другим, всё объясняя своим обостренным чувством вины.

Маску с его лица снимала другая медсестра. Пуальфины уже не было, когда Дмитрий закончил работу и вышел из операционной. Он проискал её минут десять, пока не догадался открыть дверь в свой кабинет. Пуальфину он обнаружил там, она стояла у шкафа с выдвижными ящиками и перебирала папки в верхнем, в зубах она держала авторучку. Казалось, что она совсем не хотела уходить домой.

Он помыл руки. И снова потерял её из виду. В конце концов, он не обнаружил её ни в процедурной, ни в операционной, она не пила чай как обычно.

В нём закипала злость.

Он отправился на поиски дежурной медсестры.

– Где Пуальфина? – спросил он.

– Она уехала – не так давно.

Подойдя к лифту, с силой нажал кнопку со стрелкой “Вниз”.

После семинара Дмитрий вышел из Медицинского Центра, чувствуя, что ладони вспотели и даже горят. Как он прозевал её. Сначала вернулся в свою гостиницу, а вечером он пошел не в “Нескафт”, желая на время не встречаться с Килин Клером, а в кабаре “Нертли”, отличающимся сильным по составу кордебалетом. На бульваре Гарантин, где оно находилось, сосредоточилась вся деловая финансовая жизнь столицы. В розовых отделах зеркал зданий разместились банки, позолоченные вывески которых блестели в косых лучах вечернего солнца.

Возле Дмитрия околачивались какие-то подозрительные личности, но он не обращал внимание. Через пять минут они разбавились в массу – это народ вывалил на улицы. Люди пели и плясали. Они встретили долгожданный закон об обмене телами с шестнадцати лет как должное, и с великим воодушевлением. И казнь Нецинии на фоне закона в их памяти сошла на нет. Кругом раздавались бесплатные газеты с “Постановлением” премьер-министра, бегущая строка на дворце говорила о свершившемся событии.

Надо было пройти еще Триумфальную площадь. Дмитрий вдруг ощутил тяжесть последних дней. Безвыходную тоску и беспокойство. И в то же время — прилив нового волнения. Оно подступило сразу и загорелось, вспыхнуло. Все внутри его размагничилось, и он опустился на колени. На том самом месте, где схватили Нецинию. С наслаждением поцеловал грязный асфальт, затем еще раз. Проходя фонтан, он оставил цветы на па-

рапете – уж очень всё напоминало о ней. И не только ему.

Кто-то сунул ему зажженную свечку.

– Помяните рабу Божию Нецинию.

– У землянина шок!

– Выпейте, это поможет...

Дмитрий услышал фразы, словно проснувшись, и обхватил чашку с кофе дрожащими руками.

После победы над восставшими – так посчитала власть – император праздновал победу. Фейерверки зажигали не скупясь, так что они порой взрывались в ногах, странным образом не задевая никого. Другие взлетали вверх и медленно падали, рассыпаясь... как показалось Дмитрию в пепел и прах.

Официант подошел к его столику.

– Что хотите? – спросил он у него. – Пиво? Или шипучку?

– Если бы вы смогли организовать пакет молока, было бы вообще великолепно. И большой гамбургер.

– Молока здесь нет. Это кабаре.

Дмитрий увидел Сюэмель, сидящую скромно одну за дальним столиком, эту работоспособную, аккуратную официантку. Лицо как и прежде красивое, но сегодня какое-то изможденное. Безжизненное. Короткое дорогое пальто, под ним несуразно длинная красная юбка и колготки в сетку. Сейчас она была посетительница. Он подошел к ней и спросил:

– Сюэмель, как у тебя дела с Килин Клером?

Она посмотрела на него со спокойствием и любопытством. Но только на секунду.

– Сюэмель, как у тебя дела с Килин Клером? – повторил Дмитрий.

Она глядела на него уже с безразличием, достойным удивления.

– Кто этот человек?

– Твой жених.

– У меня было много женихов, такого не помню.

Это была какая-то другая Сюэмель. Пример той Сюэмель, притягательной внутренним, скрытым магнетизмом, и с внешней динамикой, стоял перед глазами. А сейчас бескровное лицо, никакой трепетности, минимум жестикуляции, максимум равнодушия, без женской гордости...

– Сюэмель, – произнёс Дмитрий, запинаясь, – ты не помнишь меня?

– Нет...

– Но, Сюэмель!..

– Нет-нет...

– Однако именно со мной и Килин Клером мы встречались в ресторане “Нескафт”. Ты разрывалась: любить его или...

– А вы, извольте, кто?

– Ты не узнаёшь Дмитрия Сорокопята с планеты Земля?

– Нет, господин, как вас... С какой Земли?

Странно, она не узнала его! Та, что олицетворяла мир, который теперь исчез...

Дмитрий поразился ее пустым прозрачно-голубым глазам.

– Скажи, что с ним?

– Не знаю...

Голос срывался, она закашлялась.

– Он жив? Он в своем теле? Ну, отвечай!

– Не знаю... Не знаю... Не знаю...

Как и следовало ожидать. Она не узнала его, не потому что ей, по-видимому, приходилось очень круто. Она уже не работала в ресторане с его чаевыми. Из этого он заключил, что она совершила аферу с обменом телами, от которого сама и пострадала, не выиграла, а проиграла, который расстроил её “перспективу”, и она, по-видимому, опускалась все ниже и ниже на дно.

Чтобы представить Сюэмель в чужом теле, надо поработать воображением. Зато дальше пойдет как по маслу. Дмитрий сел за другой столик, достал бумажник и извлек из него мингалы.

– Пожалуйста, передайте пятьсот мингалей той несчастной женщине, которая пришла к вам.

Улыбка официанта уже сама по себе убеждала, что это излишне.

– Зачем же пятьсот? Достаточно и десяти, – сказал он.

– Вы уж отдайте, – настоял Дмитрий.

Официант выполнил его поручение, передав их ей. Как Дмитрию показалось, он нашел способ помочь Сюэмель, послав анонимно деньги, и этим обеспечил ей месяца на три стол и жилье. Да и отвлек от поползновений с другими обмена телами. Этим он хотел успокоить свою совесть. Она удостоила его одним благодарным взглядом, но удивления на её лице не было, сплошное равнодушие. И как даритель, он её не заинтересовал.

Кабаре “Нертгли”, которое Дмитрий посетил, совершенно не похоже на свой русский или американский аналог, главным образом, конечно, благодаря юго-восточным мотивам. Большую часть года оно функционирует на открытом воздухе. Лучше всего вообразить себе большой двор внутри стены из каменной кладки, середина которого покрыта дорогим шимривинским ковром. Вокруг за изящными столиками с мраморными досками на маленьких диванчиках располагаются посетители. Непременный атрибут диванчиков – бархатные подушечки. Ютиться среди них было комфортно, для удобства подтыкая себе слабые места. Среди посетителей попадаются и приближенные к императору, и подчиненные из круга премьер-министра, и известные артисточки в своих дразнящих покрывалах. Иногда исполнительницы танцев, в ошеломляющих костюмах чуть ли не Евы ранней поры развития человечества или последнего крика моды, порхали, флиртуя, среди посетителей, сидящих вокруг. Одна танцовщица откровенно увивалась возле его столика.

Заметив, что все здесь избаловали этих гурий всеобщим поклонением, Дмитрий придал своему лицу выражение каменного равнодушия. Его тактика возымела другой обратный эффект, и маленькие тщеславные танцовщицы не могли вынести такого невнимания к своим особам. Наконец, та, очень настойчивая, после выступления номера подплыла к нему и веером распластала свое платье.

– Я прошу позволения принести личные извинения, что не смог сразу оценить ваше искусство и послать цветы, – встретил он её.

Это была самая музыкальная, пластичная, выразительная артистка в кабаре. Батманы, па и пируэты на пуантах, мощные прыжки и куртуазные шажки потрясали зрителей. Она знала себе цену и поэтому подошла прямо к Дмитрию.

– Я очень устала, – сказала она, – и хочу прокатиться с вами куда-нибудь, предположительно на страусиные бои.

Выбор её был не случаен, потому что это место часто посещалось, и поэтому наименее было способно возбуждать подозрение.

Но его мысли были заняты Пуальфиной.

Усилим воли он выбросил всех женщин из головы.

– Извините, я через пять минут ухожу.

Голос за его спиной неделикатно произнес:

– Все ещё мечтаешь найти свою половину, Дмитрий?

Дмитрий повернулся и увидел Килин Клера. Впечатление было такое, что он вездесущ и везде преследует его. Фигаро здесь, Фигаро там!

– Конечно! – подыграл Дмитрий.

– Но что-то долго.

– А я не тороплюсь.

– А?.. – выразил изумление Килин на удаляющуюся спину Дмитрия.

Пуальфина безуспешно возилась с дверным замком, когда неожиданно появился Дмитрий. Лицо у нее было красивое, но сегодня какое-то изможденное. Лихорадочное. Длинное скромное пальто, узкие декоративно простроченные джинсы и туфли для спортивной ходьбы.

С грубым проклятьем он выхватил у неё ключ и быстро открыл дверь. Затем взял её за плечи и втолкнул в дом.

– Почему вы так сделали? – спросила она с некоторым неудовольствием.

– Зажги свет! – приказал Дмитрий. Он слышал, как она ощупью искала выключатель, затем яркий свет залил прихожую.

– Мне в вас что-то не нравится, вы сегодня неузнаваемо грубы и раздражительны, – не понимала Пуальфина.

Сдвинув шляпу, Дмитрий пристально глядел на неё. Целую минуту они так смотрели друг на друга.

– Все в порядке, – насмешливо сказал он. – Веди меня в свою комнату.

Он шел за ней следом и видел, как покачиваются её бедра. Она переделась и средней длины юбка уже грациозно заворачивалась вокруг её стройных ног. Дмитрий увидел Пуальфину без медицинской униформы, и глаза у него стали как у перепуганного кота. Он был потрясен её походкой. И общей красотой.

Какую-то секунду Дмитрию захотелось поцеловать Пуальфину, но он чего-то – необычно – испугался. Странное желание вообще и в данную минуту. Когда в последний раз это было с ним, у него не было страха.

Тем не менее, он держал себя в руках.

– А ты ещё красивее, чем запечатлелась у меня в памяти, – сказал он нейтральное и не вызывающее подозрение.

Она ввела его в спальню. Он остановился посреди комнаты, внимательно прислушиваясь.

– Ты здесь одна?

Пуальфина уловила желание Дмитрия.

– Конечно, нам никто не помешает. Я так мечтала об обмене телами с вами.

Дмитрий провел рукой по своим чёрным, коротко подстриженным волосам. Она подумала, что он ещё не

решается и ему необходимы буквально несколько минут подготовки. Поэтому она пошла в ванну.

Дмитрий решительно подошел к ванной и постучал:

– Пуальфина, ты скоро?

– Ещё десять минут.

Дмитрий устал ждать и толкнул дверь. Она стояла посреди ванны свежая и излучающая тепло и чистоту. Он раздвинул шире занавеску – девушка радостно прижалась к нему. Он почувствовал, как в нём предательски пробуждается животная страсть, заслонившая у него печальные мысли о гибели Нецинии.

– Я рада, что вы остановили свой выбор именно на мне, – улыбнулась она, обняла и поцеловала его.

“Ну и стерва!” – думал Дмитрий, притворно не сопротивляясь.

Пуальфина сидела на пурпурном диване с бокалом вина в одной руке и с неизбежным веером для всех мингалетских женщин в другой. На ней было облегающее платье из тканного, ворсистого серебра, волосы блестящие, как чёрный шелк.

– Вы должны целовать мне сандалии за моё долгое ожидание и невероятное терпение, – шутливо сказала она. – Я самая уступчивая из всех женщин Мингалы, но только для вас одного.

Дмитрий не понял шутки.

– Ползать перед тобой на коленях?

Она раскатисто рассмеялась:

– Ну уж! Теперь мы одной веревкой связаны в Медицинском Центре.

– Ты что искала в моём кабинете?

– Вы пришли сюда разобраться?

– Да, вырвать у тебя признание!

– А если нет?

– Ты мне всё расскажешь!

– Если честно, то ваш дневник.

– Зачем он тебе?

– Вы ещё покажете мне свой дневник. Пора бы на мою откровенность поделиться своей. Только и всего, ну немножко женского любопытства.

– Вот этого не будет, как и не будет всего остального.

– Вы опять раздражительны, – сделала вновь замечание Пуальфина. – Неужели за сегодняшнюю выволочку? Я получила своё.

– Если бы только это...

– Не сердитесь. А теперь, Дмитрий, расскажите, где дневник, в котором ваши записи. Где вы его прячете?

– Дневник? – Уже произнеся это слово, Дмитрий, понял, что говорит не то, но ничего не мог с собой поделаться. – Дневник существует в твоей разгорячённой домыслами голове, разжиженной больными мозгами! – резко сказал он.

– Так, значит, дневника нет? Нет... свидетельства ваших мыслей, обменов телами, любовных походов, обвинений против вас? Интересно, а где же он? Моё женское любопытство требует удовлетворения!

Пуальфина тихо смеялась. Дмитрий ни разу ещё не слышал у неё такого смеха. Сейчас в нём звучала жестокость, которой никогда раньше не было.

– Сами не идете навстречу. Обмен телами вас не прельщает. Давайте сюда дневник. Я разберусь. Говорят, что вы человек слабохарактерный. Я с самого начала сомневалась в этом. Ещё я слышала, что вы, как нельзя

лучше, устраиваете правительственных чиновников и королевскую семью, ибо у вас нет твердых убеждений.

– Есть.

– Это у вас просто бесхребетность. Говорят, вы умеете только молоть языком – вот и всё. Как все земляне. Довольно типичное явление.

– Пуальфина, ты сегодня не в меру словоохотлива.

– История всегда повторяется – вам ли этого не знать. На Мингале расплзается ткань общества, и оно делится на смертельно враждебные друг другу лагеря. И вы к этому причастны. На первый взгляд, перед вами сонное царство, но стоит только им соприкоснуться – и рекой хлынет кровь. Она уже пролилась. Нецинии и Скара. Но до всего вам нет дела.

– С больной головы на здоровую! Ты в этом больше всех замешана! – Дмитрий уже не мог сдерживать себя.

– Это не я заставляю её литься! – повысила голос Пуальфина.

– Зачем тебе дневник?

– Хочу ещё насладиться сценами ревности, которые устраивали вам Шарлет, Госден, Джаина и Накатен.

– Откуда ты всё знаешь?

– Госден ничуть не лучше других? – Сарказм Пуальфины был невыносим.

– И на этом твое любопытство закончится? – спросил Дмитрий.

А Пуальфина продолжала говорить и её откровенность переливалась через край.

– А эта революционерочка Нециния? Она ненавидела наше общество и боялась его. Как, впрочем, вы сейчас тоже пребываете в двойственности. Но, несмотря на это, я хочу оказать вам любезность. Вы ещё слишком мало видели в нашем мире. Только наслаждались лесами в окрестностях Миао-Чоо...

Дмитрий сдерживал себя, как умел. Когда она закончила с ветчиной, персиками и вином, а он не притрагивался, он решил, что уже пора, хватит с него.

– Ты сотрудница Бенигны Клабб?

Пуальфина удивленно раскрыла глаза.

– Бенигна Клабб! Не знаю такую.

– Без шуток! – Дмитрий скрестил руки.

– Вы меня удивляете. Я не понимаю, о чём вы говорите. Я устала сегодня, да и поздно уже, а мне надо выспаться. Давайте по случаю займемся обменом телами.

– Что ты хотела сказать про Нецинию?

– Я преклоняюсь перед её мужеством!

Дмитрий достал пистолет.

– Именем революции! – сказал он, и Пуальфина с ужасом уставилась в чёрный блуждающий смертельный зрачок.

– Это не я, – закричала Пуфа и повалилась на колени.

– А кто?

– Это всё Бенигна Клабб, самая страшная женщина на свете.

– Где её найти?

– Вам лучше знать.

– Но я её знать не знаю.

– Как же? Она морочит вам голову уже давно.

– Кто?

– Я думаю, что вы способны опознать эту пугающую всех одиозную фигуру. Зачем бы иначе вам так было необходимо упорно избегать с ней обмен телами.

– Смелъга?
 – Нет.
 – Накатен?
 – К сожалению...
 – Она?
 – Нет.
 – Говори, говори, кто?
 – Туфалона. Эта подлая, хитрая лиса.
 – Где она сейчас?
 – Возле дворца премьер-министра мрачное здание, кабинет № 364

– Именем революции! Встань к стенке! – повторил Дмитрий.

Его взгляд пугал её. Она попыталась протестовать. Она увидела его безумные глаза и поняла, что сейчас она умрет. Его пустой безжалостный взгляд парализовал её. У неё едва хватило сил вытянуть перед собой, как заслон, ладони.

Смотревший зрачок пистолета зафиксировал последний ужас на лице Пуальфины. Ее тело слабо дернулось и вытянулось неподвижно на полу. Дмитрий отвернулся, чтобы не смотреть на труп.

Со всей быстротой, на какую был способен, Дмитрий добрался до лифта и сломя голову бросился вон из дома.

Вот и улица. Он остановился и как безумный стал озираться по сторонам в надежде поймать такси. Такси не было, но ему удалось остановить частный эргомобиль.

– Куда? – спросил шофер.

– К дворцу Кор-Кар!

Несколькими минутами эргомобиль перенес его к крепостной стене.

Не обращая внимания на протесты вахтера, желающего провести формальности, а потом махнувшего рукой, Дмитрий протиснулся мимо него, затем пронесся через коридор и вломился в личный кабинет Бенигны Клабб.

Туфалона отодвинула бумаги и взглянула на незваного гостя.

– Господь с вами, Дмитрий! – воскликнула она, увидев его растревоженного.

Он тяжело дышал.

Дмитрий подошел к столу и обеими руками уперся в его сверкающую поверхность. Его губы были крепко сжаты. На его небритом опухшем лице застыло выражение решимости и отчаяния.

– Я пришел вас покарать!

– Дмитрий, Ваша манера вламываться без спроса ни к чему хорошему не приведет.

– Я пришел вас покарать! – повторил он.

– И только-то?

– Вы приговорены к смерти.

– Виновата. Наверное, я рано от вас ушла со свидания?

Туфалона рассмеялась, и на этот раз Дмитрий почувствовал к ней только ненависть, а ее приплюснутый нос и сегодня зверски хрипловатый и жутковато низкий голос неотразимо вызвали отвращение. Туфалона явно не осознавала важности момента.

– Вот, я и пришел, Туфалона, – сказал Дмитрий твердо. – Можно не продолжать игру. Есть время объясниться.

– О чём?

– Что ты – Бенигна Клабб.

Радость, написанная на лице Туфалоны вначале, резко сменилась испугом.

Бенигна Клабб всё поняла. Она увидела оружие в руках Дмитрия. Она выскочила из-за стола и завизжала:

– Охрана!

Дмитрий схватил её за руку и отшвырнул в противоположный конец комнаты. По коридору стали слышны пробегающие каблучки, быстрые шаги мужской обуви. Хлопанье дверей, короткие реплики. Его искали. В следующий момент в кабинет влетела красноглазая телохранительница. Но Дмитрий подждал её. Подскочив сзади, он ударил её ребром ладони по шее и, когда женщина ничком повалилась на пол, наступил ей на спину.

– Ну, рассказывай всё начистоту. Зачем ты арестовала Нецинию? – крикнул он Бенигне Клабб, не обращая внимания на слабую возню распластавшейся на полу красноглазой.

– О чём вы говорите? – взвизгнула Бенигна Клабб.

Красноглазая, видимо, приходила в себя. Она нечленораздельно мычала и, стараясь освободиться, уже извивалась всем телом и царапала его ногу. Ещё один удар ребром ладони и Дмитрий снова вырубил её.

– У тебя хватает невозмутимости об этом спрашивать? – Его оружие не спускалось с Бенигны Клабб. – Ты умеешь читать мысли. Вот и прочитай их по своим кровавым следам!

– Никак не возьму в толк, о чём это вы, Дмитрий. Не пойму я, о чём вы толкуете...

– Я заявляю о твоём немедленном завершении гнусной карьеры, Туфалона-Бенигна!

– Мне нравится работа...

– Речь о неотвратимом крахе, о постигшем тебя наказании.

– Очень приятно!

Она выдавила из себя мучительную улыбку и тут же почувствовала неудобоваримый ледяной холодок в груди.

Это была горячая пуля от всей души.

Глава 56. Я ещё больше буду любить его... то есть тебя

На следующее утро Дмитрий проснулся свежим и отдохнувшим. Это было странно после произошедших событий. Слишком много их напластовалось за один вчерашний день. Но, может быть, сатисфакция привела его душу к спокойствию.

Весь день он работал с утроенной энергией, наигранно удивляясь перед коллективом Медицинского Центра отсутствием Пуальфины. Прежде устававшее от трудных операций, на этот раз его сильное тело забыло неудобную в наклон позу и запах больничных анестези-ков.

Это был звонок от Джаины. На аппарате вспыхнул сигнал вызова. Дмитрий поспешно вытерся и спросил медсестру:

– Кто это?

– Пресс-секретарь премьер-министра Джобы.

Дмитрий удивленно уставился на экран.

Экран заполнило лицо Джаины. Дмитрий внимательно рассматривал его, слегка улыбаясь. Её нос выделялся углами при таком увеличении.

Она как будто тоже это сообразила: во всяком случае, повернула ручку настройки, и её лицо уменьшилось до нормальных размеров и сгладилось. Джаина выглядела прекрасно, и смотреть на неё было очень приятно. Теперь была видна и окружающая обстановка с голыми стенами и массивным столом посередине комнаты. Скорее всего, новый кабинет.

– Это я, – произнесла пресс-секретарь.

– Джаина! Здравствуйте! Что случилось? Вот уж не ожидал увидеть! – Восклицание означало, что он забыл былые обиды.

– Здравствуйте, Дмитрий. – Она прижала руку к сердцу и несколько секунд молча смотрела на него испытывающе, а потом сказала:

– Доктор, надо встретиться.

– К сожалению, работа в Медицинском Центре отнимает у меня слишком много времени.

– Как может человек с вашим знанием торчать в каком-то госпитале!

– Извините, это мои проблемы.

– От проблем надо убегать.

– Предположим, я освою вашу профессию пресс-секретаря с грехом пополам...

– О! И я вашу. Легко и непринужденно.

– Существенно – я не сомневаюсь, но у вас всё равно ничего не получится.

– Конечно, я не смогу вас превзойти, но буду не хуже.

– А что вы будете делать в рамках моей профессии – медицины?

– Что и вы.

– Даже как знатоку медицины, вам все равно не доверяют больных.

– Зарежу пару-тройку больных и тоже научусь.

– Неужели хотите попробовать?

– Да, меня движет ваша слава непревзойденного хирурга.

– Одни хотят быть врачами, другие уходят из медицины. Причины разные...

– Это естественный процесс.

– Джаина, вы только это хотели узнать?

– Да, я частично удовлетворила свое нетерпение.

– И воспользовались правительственной связью?

– Мне сказали передать, чтобы вы готовились к вызову премьер-министра.

– Я всегда готов.

– Доктор, и меня не забывайте.

– Каким образом?

– Пригласите на приём.

– Нет-нет, мы принимаем только больных.

– Я придумаю болезнь.

– Не хочется тратить время на её разгадывание.

– А я укушу себя до крови.

– Джаина, не превращайте всё в клоунату – у вас серьёзная должность.

– А я серьёзно.

– Давайте, Джаина, отложим этот разговор на неопределенное время. – Дмитрий из операционной направился в свой кабинет.

А вот и сюрприз. Императрица ждала его там. Когда она увидела его, она не смогла скрыть довольного взгляда. Его сильная, мускулистая фигура действительно производила впечатление. С первого взгляда было видно, что доктор происходит из другого мира, чем местные жители с их мягкими, почти женскими чертами и тонкокостными, малотренированными телами.

– Дмитрий, – неожиданно сказала она, – я принесла тебе добрую весть. Мой муж преодолел иммунитет недоверия к тебе.

– Что-что? – изумился он. – По-моему, это и раньше между нами не было дефицитом.

– Но ты не все понял.

– Почему же? Спасибо за доверие.

Госден внимательно и серьезно смотрела на Дмитрия.

– Довожу до твоего сведения, Его Величество Государь Император Люстиг Мост делает тебе честь и желает не далее как завтра без церемоний и прочих предварительных переговоров обменяться с тобой телами.

Она выглядела бледной и усталой, словно не спала в эту ночь. Видимо, состоявшийся накануне разговор королевской четы был этому причиной. Но бледность только сильнее подчеркивала её красоту.

– Что?!!

– Он счел в порядке исключения, что ты имеешь полное право присоединиться к Великим мира сего, что ты достоин его высочайшего титула.

Дмитрий недоверчиво уставился на неё.

– Я – император! Это смешно! А как же он? Снизойдет до простого семейного врача?

– Он будет врачом и останется немного императором.

– Как?!!

– Не забывай, у тебя будет его тело, ну и власть в меру. Остальная, следовательно, у него...

Внезапно Дмитрию все стало ясно.

– Понимаю! Это ты взбаламутила его на это!

– Подумай! Что ты говоришь, Дмитрий!

Дмитрий понял, что Госден выбрала новое развитие в своих отношениях с ним.

– Ты нечистоплотна, ты используешь мужа как транзит для тройного обмена телами! – выкрикнул он.

– Неправда, император Люстиг Мост сам пожелал это, – ответила она.

– Вы разберитесь между собой сами!

– Мы уже...

– Ты, наверное, приставала часто к мужу с обменом телами?

– Мы муж и жена. Супругам легче меняться телами, на то они и супруги. Но незачем. Нам достаточно того, что мы можем меняться ролями и проиграть подобную ситуацию в приближенной к реальным условиям обстановке.

– И я буду твоим мужем?

– Насколько этому позволит семейная жизнь.

– Вторым или первым?

– Основным...

– В глазах придворных мы станем – император и императрица?

– Конечно.

– А как же бывший муж? Ваша взаимная сдержанная любовь на виду у всей страны полная достоинства

никогда не разбавлялась какой бы то ни было фривольностью.

– Дмитрий, неплохо сказано. Я так поняла, что теперь ты нашёл вдруг фривольность у меня?

– А как же расценить резкий поворот от него ко мне?

– В любовном треугольнике останется без изменений один угол, то есть я. Вы исключительно поменяетесь углами.

– А если меня такой статус не удовлетворит.

– Это только простых людей гложут всякие сомнения, чтобы не продешевить, и они боятся, что кто-то захочет обратного обмена.

– А всякие наследственные, имущественные споры...

Щеки императрицы густо покраснели, но она, сдержавшись, ответила:

– Никакого раздела не будет.

– Это как же?

– Богатым философия нищеты не грозит, поэтому никто не будет ущемлен.

– Выигрываешь в одном – проигрываешь в другом.

– Ты прав в одном, Дмитрий. Не забывай, что я жена императора. И, конечно, желала бы обмена телами со многими. Но мой муж знает меня лучше, чем я сама. Когда я просила его об обмене телами с очередным мужчиной, от которого я легкомысленно была без ума, он каждый раз наотрез отказывал, зная мое непостоянство и то, что мое желание не продлится долго. Но на этот раз он иного мнения, он верит в истинность моей цели. Ты тот самый человек, кого он считает достойным меня и престола.

– Вот ты о чём? Начала – договаривай.

– Есть для страховки и второй и третий варианты, если первый не пройдет.

– Какие?

– Мои дочки в восторге от нового закона и от тебя.

Дмитрий пожал плечами.

– Я прибыл на вашу планету совсем не за этим.

Госден желала увидеть все что угодно, только не отказ.

– Я знаю.

– Тогда зачем все эти умозрительные разговоры?

– Почему ты, Дмитрий, по годам столь омерзительно рассудителен?

– Я больше уважаю ваших мужчин...

– И ненавидишь женщин?

– Мужчины галантны, особо не надоедают, не настаивают, но своего шанса не упустят.

– Неужели все?

– Конечно, есть исключения.

– Ты отказал мне, но не имеешь права отказать императору. Теперь я буду знать, что император – это ты. Я ещё больше буду любить его... то есть тебя.

Она несколько секунд ждала ответа, затем повернулась и побежала прочь, прежде чем Дмитрий успел сказать хоть слово.

– До свидания, я возвращаюсь в дом моего мужа! – услышал он издали.

Станный ультиматум!

Он проводил её взглядом. Его разум протестовал. Обмен телами с их Величествами? Как же? Какое недоразумение, он – Его Величество Государь Император, и

он же – Её Величество Государь Императрица! На выбор. В нём будут его королевское влияние, послушание к нему народа, или её неземная красота, её негибкая гордая душа, её демонический дух! Жаль, что ограниченная, а не глобальная власть императора, простирающаяся над всей планетой!

Глава 57. Беременные часто становятся очень раздражительными

Дмитрий потешался над идиотской мыслью императрицы и осторожно пошел за ней. Она шла быстро, скорее убежала, не оглядываясь, и затем села в эргомо-биль. Дмитрий почти влетел в другой, который понесся следом, только однажды пришлось пробиваться через пробку из манифестантов. Кажется, процесс протестов был нескончаемым.

Угрюмый манифестант кричал:

– Должна восторжествовать справедливость. Недавно родившийся закон в очередной раз оказался с изъяном, и народ выражает свое несогласие с ним. Сегодня на обмен телами необходимо обоюдное согласие, но это тормоз, демократия не совсем победила. Но она диктует свои правила. Теперь нам нужен закон о том, что достаточно желание одной из сторон. Тогда не надо будет иметь дело с несговорчивым партнером...

– Пусть обмен телами порождает обмен телами не в арифметической, а геометрической прогрессии! – не менее решительно призывала женщина.

Выступление продолжила девушка. О радикальности говорили её горящие глаза.

– Этот закон перенести ещё бы и на любовь, чтобы одновременно жёсткой рукой навести порядок в интимной сфере! И тогда не надо будет ходить за три квартала, чтобы, например, набраться смелости юноше подойти к девушке с объяснением в любви. Все упрощается. А все простое – в массы!..

Дмитрий догнал Госден у южной башни дворца, где находилась короткая взлетная полоса. Это было безопасное место, где не распространялось право на обмен телами. На полосе стоял ракетолет. Он был меньше, чем те ближне- и дальнемагистральные корабли, которые бороздили небо, всего на два-три посадочных места и тени гигантских платанов перекрывали его. На серебристом корпусе красовалось название “Милсдарыня”.

– Мой личный, – обернулась к нему Госден. – Я часто на нём совершаю небольшие путешествия, отвожу душу. А название, спасибо, пошло от вас.

Дмитрий проследовал за ней в молчании, любя её походкой, прямой и величавой для её небольшой фигурки. Голова с тяжелой копной волос на высоком затылке держалась гордо на стройной шее.

Она забралась в кабину.

– Ну что – боишься? – Её смеющееся лицо за фонарем сняло все напряжение.

– Не думаю...

– Ты когда-нибудь испытывал ужас?

– Конечно.

– Перед чем?

– У меня защита срабатывает, когда кто-нибудь лезет мне в душу с обменом телами.

– Ах, вот ты о чём?

Дмитрий несмело, даже робко внес себя в овальную дверцу. Когда он протиснулся в кресло, Госден коснулась стартовой кнопки.

– А вот я практически не знаю страха, – сказала она.

Город Миао-Чао в считанные секунды превратился в миниатюрный, а облака, меняя очертания, постепенно опускались все ниже и ниже и становились все мельче и мельче, превращаясь в точки. Но появлялись новые облака. Из всех точек образовался массив, за которым растворился город. Неровная поверхность планеты под ними сначала топорщилась и проминалась, а затем стала выгибаться в сглаженную плоскость круга.

– Мы проходим озоновый пояс, – сказала она. Изпод её шлема выбились несколько светлых прядей, глаза были широко раскрыты и при поворотах головы доверчиво смотрели на Дмитрия.

– У вас пояс на какой высоте? – спросил он.

– Сорок пять километров.

– На Земле ниже.

Дмитрий покачал головой и бросил взгляд на указатель высоты. Шестидесят километров над поверхностью Мингалы. А они поднимались все выше. Внизу были одни облака, окутавшие планету, которая приобретала все более ясно видимую шарообразную форму. Небо потемнело, появилась одна звезда, другая, высыпали тысячи звезд. Теперь небо стало черным, солнце стало пылающим бело-голубым диском, звезды блестели миллионами никогда невидимых свечей.

– Вышли в стратосферу. Поднимаемся ещё выше! – предупредила Госден, а руки её так и шарили по кнопкам. Она была похожа на безрассудно гонящего по улицам раллиста.

Резкая дробь дождя об обшивку заставила Дмитрия непроизвольно вздрогнуть.

– Метеоритный рой, – спокойно сказала она и нажала ещё на одну кнопку. – Не волнуйся – у нас защита.

– Броня? – спросил Дмитрий.

– Силовое поле, – ответила она.

– Какие сложности ещё подстерегают впереди?

– Ничто нас не сдерживает, кроме высоты.

– Тогда я спокоен.

– Рано радоваться, космос таит в себе массу непредсказуемого.

– В этой массе, случайно, нет ничего таинственного? – с иронией спросил Дмитрий.

Его вопрос застрял на полпути, не дошел до адреса та.

Странно для этой целеустремленной женщины.

– Мне тридцать пять лет, пора устраивать свою жизнь, – неожиданно сказала Госден.

Дмитрий удивился:

– Как? Хочешь сказать, что ты – императрица, которой всё дозволено, замужняя женщина, которой все завидуют, и говоришь о каком-то кризисе доверия в сознании.

– Всегда хочется чего-то иного.

– От добра добра не ищут.

– Уж не хочешь ли сказать, что это все мои эгоистические мистификации? Тогда зачем ты появился из глубин моего сознания? Ты... ты самая приятная из моих галлюцинаций. Было бы добрым знаком, если бы она ещё претворилась в жизнь, если бы при этом голова так не разламывалась. – Она сжала ладонями виски. – Я ведь

призналась тебе во всем, с того самого дня, когда увидела тебя. Мое признание в любви и желание обмена телами просто недостойно подвергать сомнению.

При этих словах она почувствовала, как внутри неё все оборвалось, затрепетало. Она испытала почти сексуальное наслаждение оттого, что, наконец-то, выговорила.

Они молча летели ещё пять минут.

– Дмитрий, – спросила Госден, – у тебя кто-то есть на примете?

– Нет, и ты это прекрасно знаешь.

– Тогда в чем дело?

– Лучше не будить во мне зверя, – предупредил он.

– Неужели ты не можешь понять, что мне просто осточёртело разыгрывать из себя императрицу, тогда как на самом деле в мыслях я – уже ты!.. – она возвысила голос.

– Госден!

– Не пытайся заговаривать мне зубы. Я устроена не так, как ваши приземленные земные женщины. Я устала ждать, я просто не могу больше терпеть, как они!

– Госден, у меня своя голова на плечах!

– А у меня своя!

– Тем не менее...

– Ты не понимаешь меня, Дмитрий...

– Я не заговариваю тебе зубы. Просто хочу, чтобы ты подумала.

– Я все окончательно решила.

Дмитрий видел, как в ней начало закипать нетерпение, а то и гнев.

– Я не могу понять, что происходит. Что на тебя нашло?

– Это в порядке вещей, Дмитрий, – уже спокойнее ответила она. – Беременные часто становятся очень раздражительными.

– Беременные? – вскричал он. – Ты беременна?

– Ну, разумеется. Разве муж тебе не сказал.

– Нет.

– И в газетах не читал?

– Нет.

– Информация к размышлению всех подданных, которые не знают, что творится в империи. Обычно даже о зачатии мысль бежит впереди ликования.

– А срок?

– Приличный.

– Его Величество Государь Император Люстиг Мост счастливый человек.

– Не совсем...

– Мать быстрее осознаёт, что она мать. Отец через какое-то время...

– Это не его ребёнок!

– Тогда каждый подданный, хотя бы в мыслях, может представить себя отцом. Вот и я попробую. Случайно, не от меня?

– Случайно, от тебя.

– Что?! – Дмитрий изменился в лице.

– Приготовься быть хорошим отцом.

– Вот будет скандал из скандалов!

– Да кому сейчас это интересно, когда всех захлестывают обмены телами. Это всеобщая эйфория. Вот что злободневно.

– Трудно понять, как же тогда предлагаемый тобой обмен телами? Не обременён ли он теперь новым существом?

– Одно другому не мешает.

Дмитрий протестующе посмотрел на императрицу.

– Но я хочу, предположим, стать тобой, но не хочу быть беременной.

– А что тут плохого?

– Я не пуританин, поэтому не нахожу ничего дурного.

– Тогда о чём разговор? Дмитрий, ты сделаешься, возможно, лучшей матерью, чем я.

– А вы подумали с Его Величеством о наследнике, он станет предметом раздора, спора, раздела.

– Никакого спора. Все подчиняется нынешнему законодательству.

Дмитрий задумался.

– Ну что же ты, Дмитрий медлишь? Мир распластался у наших ног, все радости жизни ждут нас. Ну же! – Госден по-прежнему вызывала нетерпение.

Дмитрий напряженно молчал. Он представил себя роженицей с туго выходящим плодом. Боль, кровь и желание жить.

– Дмитрий, Дмитрий! – воскликнула императрица. – Ты для меня больше значишь, чем император Люстиг Мост. Дороже всего на свете. Я буду тебе настоящим другом!

– А я подругой?

– Не кощунствуй в такой нешуточный для меня момент.

– Прости, Госден, что я влез с ненужными разговорами, – сказал Дмитрий. – Правду сказать, я мало смысла в таких вещах, у меня не умещается в голове.

– А на Земле?

– На Земле я ходил в школу, учился в университете, и не было времени...

– Для этого время не нужно.

– Это было не моего ума дело.

– Я добьюсь, что это будет твоего ума дело.

Дмитрий не сомневался сейчас, что Госден решительная женщина, но ответил:

– Спасибо, не надо, не хочу.

– Нет, надо! – воскликнула она. – Хватит о меня вытирать ноги!

Глядя на Госден, он не хотел отстранять её от себя, она нужна была ему, но лицо его стало мрачным, невыносимым, а глаза – холодными, как лед. Он сказал с натугой:

– Госден, для меня решить этические, моральные и психологические аспекты того, чего ты хочешь, за чёртой возможностей.

Это был ей окончательный приговор.

Императрица понимала, что возвращение ни с чем в город будет для неё большим потрясением, её самолюбие подмято, опорочено, и кем, но ей и в голову не приходило, что душевное смятение окажется столь значительным, едва ли не физически ощутимым, а достоинство растоптанным. Фантом посетил её. Казалось, будто властная рука отбросила её назад во времени, или она так и продолжает жить в прошлом, в безысходности, без перспектив.

Они находились в пятистах километрах над планетой. И тогда она резко вдавила пальцем кнопку. Гудение

двигателей смолкло и корабль опрокинулся вниз так резко, что Дмитрий чуть было не вылетел из своего кресла.

Госден демонически рассмеялась.

– Можно спросить о причине твоего смеха? – жестко осведомился Дмитрий.

– Я, Госден Линен Стракон Вистли Мост, – напряженным голосом начала она говорить нарастающую свою подноготную, как бы давая понять, что решительно налагает на себя всякую ответственность.

Сейчас Дмитрия не интересовала её богатая родословная.

– Мы в пике? – спросил он.

– Да просто решила покончить с нами, – весело ответила она. – С тобой и со мной. – Лежавшие на пульте руки Госден мелко подрагивали. – Надоело жить, прозябая.

Сумасбродка! Сердце Дмитрия так и екнуло.

– Не зря о тебе идет молва, – зло продолжила она, – что тебя может соблазнить только человек, решивший свести счеты с жизнью.

– И ты поверила?

– Как видишь, мы падаем на планету.

Тем временем Госден продолжала давить на кнопку. Головокружение и дурнота охватили Дмитрия, между тем, эти несколько “g” были для неё сущим пустяком. Он еле успевал бросать взгляды то на планету, то на указатель высоты. Представилось, что он падает в бездонную пропасть.

– Немедленно прекрати шутку! – крикнул Дмитрий.

Он ни разу не видел, как подобные летательные аппараты взрываются, но слышал, что взрыв всегда сопровождается яркой вспышкой, в мгновение ока распускающей свой бутон на бело-голубые раскаленные лепестки.

О, из их тел тоже!!

– Уже двести, – усмехнулась Госден. – Потом будет сто, затем двадцать... и все... конец! – Решительные искры летели из её глаз.

Несмотря на грозящую опасность, он не мог отвести взгляда от её сатанинского лица. Она никогда ещё не казалась ему такой омерзительной и... привлекательной, такой отвратительной и... неотразимой, как в это мгновение. Странный огонь полыхал в её зеленых глазах.

– Если ты не послушаешь меня, я умру и ты тоже, – спокойнее не бывает, сказала она. – Вместе умрём, как любящие супруги, о которых говорят: жили они долго и умерли в один миг.

Это было не похоже на простой шантаж.

Дмитрий почувствовал, что его сознание потихоньку входит в обычную колею рассудочного человека с многочисленными вариантами. Он будет Госден, императрицей. В конце концов, он может быть кем угодно! Но и тем, кем он не хочет быть... Парадокс!

Он чуть не взвыл.

В конце концов, все ещё не так опасно. Пусть страх затуманил ему мозги, а ей каприз ограничил рассудок, но секунды есть. Он должен сохранить ясную голову и попытаться дойти до истинных причин её поведения. Теперь понятно, что нужно делать. Все не так плохо, как ему померещилось. Быть императрицей – предел мечтаний, – что ещё нужно простому человеку? А свободному неподкупному гражданину?..

Дмитрий мучительно боролся с собой. Хорошо, Госден безумно влюблена в него, не исключено, что во имя любви она идет на все, а что дальше? По прошествии некоторого, пусть даже очень незначительного периода, она поймет, что, хоть он ей очень нравится, она не любит его. Как поступить в этой ситуации? Сдать назад? Обратный ход? Не исключено, что тогда, когда она или он сделает подобное открытие, это будет потерянное время.

Снаружи все сильнее нарастал вой, словно вокруг корабля бушевал ад. Соприкосновение с воздухом! Они влетели обратно в атмосферу! Металлический пол стал пыхать жаром, и Дмитрий непроизвольно поджал ноги.

– Прекрати пике! – Он горел ненавистью к Госден, но он сидел привязанный в кресле пассажира и не мог дотянуться к кнопкам.

Они стремительно приближались к океану. Удар об воду столь же убийственный по силе, как если бы они врезались в бетонный парапет. В этом было мало утешительного.

Госден повернулась к Дмитрию.

– Ну что, даешь согласие?

Вой снаружи усилился, превратившись в мощный грохот протуберанцев обшивки. На его лице уже не было страха, он только молча сжимал губы.

– Или император Люстиг Мост, или я. Говори! Не молчи! – продолжала она давить на кнопку. – Или моя дочка, – вдруг добавила она полузабытое.

Различия между предложениями он не видел, как и другие понятия уже не играли значительной роли.

– Пойми, ты постареешь, твоё сильное тело станет вялым и морщинистым, волосы и зубы выпадут, твой труп опустят в могилу на зависть недругам. Как и любого, который отрёкся от обмена телами. Ты этого хочешь?

Дмитрий хотел остаться самим собой при любых обстоятельствах.

– Я понимаю твоё беспокойство по поводу обмена телами, – спокойно сказал он.

– Ты забываешь об одном моменте. Вопрос стоит так: или ты подчиняешься, или...

– Что – или?

– Вот так-то лучше. Наконец в тебе проглянуло что-то похожее на человеческие чувства.

– Я вовсе не торгуюсь.

Капли пота ещё скатывались с лица Дмитрия, но он уже не подавал признаков страха – будь что будет. И прикрыл глаза.

Госден заметила это.

– Бесчувственное бревно! – бросила она слова и у самой поверхности перевела полет в горизонтальный. Ветер волновал поверхность воды, и они чуть не цеплялись за барашки волн.

Императрица снова украдкой взглянула на Дмитрия, явно пораженная его стойкостью.

– Все люди как люди, а на Земле такие же все упёртые бараны, как ты? – спросила она, и в её голосе против её воли прозвучало восхищение.

Дмитрий только пожал плечами.

– Есть слабые, есть сильные.

– Значит, нет ничего, что заставило бы тебя испытать страх?

– Я нормальный человек.

Госден горько усмехнулась:

– Я сделала вывод. Все-таки есть кое-что, чего ты боишься пуще смерти. Сказать?

Дмитрий смотрел прямо в её глаза и пытался рассмотреть в её дьявольском, непредсказуемом характере. Не ответишь, и в любую минуту в ней снова проснется холодная властительница. Но этот вопрос для ненормального ума, из разряда неберущихся мячей для голкипера. Человек или всё боится, или ничего не боится.

– Не знаю, ну и чего? – лишь эти слова он смог выдать из себя.

– Меня.

– Гмм... – только и произнёс он удивление и сказал: – А вообще-то я не боюсь никого кроме себя.

Госден опустила “Милсдарыню” на то же место, с которого они стартовали.

– Иди и говори всем, что ты овладел мною, и что ты единственный человек, отвергший императрицу. Хвастайся этим! Скажи, что Госден не смогла тебя воспламенить, не смогла согреть! – голос её почти срывался. – Скажи всем эту новость, кто совсем не знает, и ты приобретёшь ещё немалые дивиденды.

Дмитрий уже винил себя во всём.

– Госден... – примирительно начал он.

Но она быстрым шагом отправилась в свои покои, не удостоив Дмитрия даже взглядом.

На следующий день Госден во дворце первая подошла к нему.

– Надеюсь, я не надоедаю? Я не отнимаю у тебя драгоценное время.

– Все в порядке.

– Хочешь мороженое?

– Нет, большое спасибо! – с некоторым раздражением ответил Дмитрий.

– Я хочу извиниться за вчерашнее.

– Забыть об этом? Я уже забыл.

На этот раз она выглядела, совсем как маленькая пай-девочка.

– Нет, я серьезно, – упорствовала она, – я вела себя точно избалованное дитя. Я была последней женщиной. Я не имела права ни просить тебя о таких вещах, ни подвергать твою жизнь опасности.

– Понимаю, перехлест через эмоции... – сказал Дмитрий.

– И чувства тоже! – ответила Госден.

– У вас на Мингале это в порядке вещей.

– А у вас на Земле как будто нет?

– У нас тоже не всё в порядке.

– Мне бы не хотелось, чтобы этот случай отразился на наших отношениях.

– Не отразится.

– Честно?

– Замётано.

Дмитрий подметил у неё на лице выражение облегчения и одновременно затаенного торжества.

Ещё, или ему показалось, в её бездонных глазах стояли слёзы.

Глава 58. Стихи оказались знакомыми

“Усложняет или упрощает ситуацию, но уж слишком демонизирует отношения”. Госден не выходила из

головы. “И всю правду говорить не хочет. Это было все, что он мог выжать из неё. А может она из него?”

Дмитрий торопился. Полиция была поднята на ноги в поисках убийцы Бенигны Клабб и Пуальфины, круг вокруг него сужался. Пришло письмо с повесткой, где вежливо писалось: “Дмитрий Сорокопьятов, в связи с тем, что в день убийства Бенигны Клабб, руководителя отдела ТОГ (Террористического Обмена Телами), вы посещали Управление Национальной Безопасности, вам рекомендуется в удобное для вас время зайти в УНБ для дачи свидетельских показаний”. Он в раздумье собирался домой на Землю. Сборы были скромные и недолгие. Вещей набралось немного, тянула в основном коллекция бабочек. Остальное он загрузил заблаговременно.

Каким-то образом об отъезде узнала одна Шарлет. Прямо возле стартовой площадки она перегородила ему дорогу. Волосинки на лице составляли несколько фонариков, как несколько косичек. Дмитрий был польщен – эту немудреную конструкцию она посвятила ему – сразу видно!

– Шарлет! – Дмитрий пошёл навстречу; она запрокинула лицо и показала пальчиком – куда, и он осторожно коснулся губами её щеки.

– И да поможет тебе в твоих поисках и желаниях обмен телами, – сказала Шарлет напутствие. – Жаль, что мингалеты так и не добились от тебя обмена телами. Очень, очень жаль.

– Спасибо за сочувственные слова, – поблагодарил Дмитрий.

– Но ты сам виноват.

– Извини, обмелчал! – съязвил он.

– Ты сам затянул время там, где промедление нежелательно.

– Мне надо на Землю.

– Зачем ты уезжаешь?

– У вас в разработке закон о всеобщем и поголовном обмене телами, – с тоскливостью сказал он. – А это для меня смерти подобно.

– Ну, почему же? Надо пробовать и пробовать, глядишь, не так страшен чёрт, как его малюют.

– Риск, конечно, дело благородное.

– Мы все в хорошем преддверии, но ты иностранец, для таких, как ты, напишут дополнительный закон, еще лучше.

– Пока напишут, много воды утечёт и обменов телами...

– Напишут, и я приложу все силы для этого. Иностранцы тоже должны безболезненно интегрироваться в наше общество.

– Ты меня не поняла...

– Поняла, поняла...

– Наоборот, я хотел, чтобы иностранцев не трогали, чтобы они остались за областью закона.

– Но зачем?

– Иностранцы хотят остаться сами по себе.

– Но так невозможно!

– Живёте по принципу: чем чёрт не шутит! А если у вас семь пятниц на неделе?

– Неизвестно, что у нас в голове? Ты этого боишься? – спросила Шарлет.

И тут Дмитрий совсем её огородил:

– Шарлет, чистосердечно признаюсь, что на Земле не существует обмена телами. Я сторонился вас всех на

Мингале, но вы почему-то не остерегались меня, желая произвести его со мной.

– Обмен телами – фикция? На Земле? А мы то думали? – Она смеялась вдрызг. – Вот тебе и родоначальники обмена телами! А мы-то рассчитывали на землян, что они научат нас чему-то. Мы не хотели отставать ни на шаг.

– Извини меня за эту профанацию.

– Не расстраивайся, Дмитрий.

Она в задумчивости прочитала стихи:

– “Меж упований, забот, между страхов кругом и волнений

Думай про каждый ты день, что сияет тебе он последним;

Радостью снидет тот час, которого чаять не будешь”.

Стихи оказались знакомыми. Он ошеломленно смотрел на Шарлет.

– Это древнеримский поэт Гораций, – сказала она.

– Откуда ты знаешь его стихи?

Шарлет замялась.

– Эти стихи от тебя.

– Я их не читал тебе.

– Вспомни, кому ты читал их.

– Не помню, хоть убей.

– Императрице...

И тут Дмитрий все понял.

– Госден! – воскликнул он. – Неужели...

Это было потрясение для него.

Шарлет увидела его недоумение.

– Итак, кто я, по-твоему, такая?

– Стоп! Понимаю. Я сам займусь установлением твоей личности!

Она не шелохнулась.

– Ты меня слышишь, Шарлет? Теперь я сам. Я сумею узнать твоё имя.

– Ты сможешь это, Дмитрий?

– Постараюсь.

– По каким признакам?

– Не только по косвенным.

– А если нет прямых?

– Ты – Госден... – задумчиво замялся Дмитрий.

Размышлять о невозможном не хотелось.

– Да, я Госден, но на самом деле я теперь Шарлет.

– О Господи, ты – это Госден! Это удивительно!

– Но, впрочем, я не Госден, – обиделась Шарлет.

– Ты меня водишь за нос!

– Воспринимай мир, как он многомерен на самом деле.

– О мои глаза! – совсем запутался Дмитрий.

– По родословной я Госден, но мои корни теперь от Шарлет.

– Так ты на самом деле Шарлет?

– Да, на данный момент. Мы на время обменялись телами. С позволения супругов. Так нам лучше.

Солнечные лучи припекали лицо Дмитрия.

– А та, что сейчас во дворце осталась, Госден?

– Ты прав, Дмитрий, но отчасти. Я – это я. Госден – это Госден. Каждый сейчас живет своей маленькой жизнью, своим новым телом.

Это был удар для Дмитрия. Уже успокоившись, он задумчиво сказал:

– Шарлет, передай своему народу наказ от меня: мингалеты, будьте бдительны, обмен телами – опиум для народа.

– При чем здесь опиум для народа?

– Ну, есть у нас на Земле такое крылатое выражение насчет всего неприемлемого.

– Это было ваше очередное заблуждение, – с твердостью сказала Шарлет.

Дмитрий добавил:

– Мы прошли неудачный этап в своей истории, а теперь, я вижу, вас посетила тоже эйфория.

– Также как шпиономания?

– Ваш опиум ослепительно своеобразен и многозначителен.

– Дмитрий, эти опиумы всегда чего-то преследуют, скажи, чем они характерны, для чего они возникали в масштабе всей страны?

– Чтобы увести народ от революций.

– А у нас – чтобы привести к ним?

– Выходит так.

– Насколько нам известно, вы на Земле не смогли уберечься от них.

– Благое желание не всегда приводит к положительному результату. Получилось действие прямо противоположное задуманному.

– Наши люди не допустят это.

– Предпосылки говорят обратное.

– Дмитрий, мы идём другим путём.

– А как же участвующие именно в этом процессе Пуальфина, Бенигна Клабб, Нециния?

– Я слышала, что с первыми двумя поступили, как с предательницами. С ними свел счеты настоящий революционер. Нециния до мозга костей тоже была революционеркой, её слова не расходились с делами. Она хотела привилегии только для народа, и в этом была до конца последовательна. Относительно Пуальфины, то убили на самом деле Бенигну, а вместо Бенигны – Пуальфину. И правильно сделали. Бенигна все равно бы привлеклась к суду за использование должностным лицом своего высокого положения в корыстных целях, в частности, за принуждение сотрудников к действиям, выходящим за рамки их должностных инструкций. Она хотела спрятаться за чужим телом, но у неё не получилось.

– Все. Пора, – сказал Дмитрий.

– Мне будет очень не хватать тебя, – сказала Шарлет, больно стиснув ему руку.

– Я буду очень скучать по тебе, – сказал он и чуть притронулся губами к её виску.

– Увидимся? – спросила Шарлет.

– Конечно, увидимся! – воскликнул Дмитрий. – Когда-нибудь...

– До скорого! – сказала Шарлет, методично повесившись ему на грудь. Обильные слезы лились из её глаз.

После чего Дмитрий вошел в корабль, чтобы через пять минут оказаться за чёртой видимого горизонта. Люк закрылся.

В это время к причалу подъехал эргомобиль. Открылась дверца, и из машины вышла элегантно одетая дама. На её длинных красивых ногах блестели тончайшие, шелковые чулки; ярко-розовый шерстяной костюм был явно от императорского кутюрье. Ветер трепал лисий мех на плечах дамы. Изящная, украшенная перьями шляпка была лихо заломлена. Дмитрий вздрогнул. Там, внизу, стояла она. Те же пышные, сегодня дымчатые, волосы, крупные губы — только в другой, скрещенной, уже улучшенной копии.

Госден опоздала совсем на немного.

Дмитрий старался не думать о том, насколько беззащитные, уязвимые и вместе с тем увлеченные люди Мингалы. Когда огромная серебряная птица приготовилась взмыть в небо, он взглянул в иллюминатор и задержался взглядом на женщинах: Госден, она же Шарлет, и Шарлет, она же Госден, махали руками. Корабль был объемистым, тем не менее, ему показалось, что он находится в гробнице, а кругом бурлит жизнь, и ему захотелось по лестнице спуститься вниз.

К ним!

Дмитрий пересилил себя и нажал на “пуск”, и пока шла продувка и проверка систем, считывание с приборов, услышал два знакомых голоса:

– Ты допустил большую ошибку, не совершив обмен телами.

– Этот опыт тебе бы пригодился на Земле. Он связал бы две наших планеты в единое целое.

Дмитрий был не в состоянии им отвечать. Он уже наглухо запечатался в сосуде, чтобы никто не видел, как он скрывает смущение. Над Миао-Чао сияло солнце. В синем небе прямо перед иллюминатором стрелой сновали ласточки друг за другом.

Фонарики волос на лицах женщин блеснули отсветом пламени.

Корабль уже оторвался от земли и пошел на виток, потом сделал второй, а Дмитрий был в нерешительности...



ПЕРСОНАЛИИ



МИЛЬКОВ Алексей Леонтьевич
(смотри библиографическую справку в "УЛ" № 1)



1953 г. село Боговарово Костромской обл. Автор в центре.

1959 г. 6 класс. Автор на картошке с одноклассниками. Крайний слева.



2000г. “Шепси”. С женой Раисой Сергеевной.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей МИЛЬКОВ

ЧТО В ТЕЛЕ МОЕМ ТЕБЕ

(научно-фантастический роман)

Глава 1 На лихачей должной управы нет	3	Глава 29 У вас глаза разведчицы	75
Глава 2 Мингала! Это было начертано в Книге судеб	4	Глава 30 Сегодня я оперирую вросший ноготь	78
Глава 3 Ваши желания опережают самые дерзновенные мечты	7	Глава 31 Обмен телами необходим как божий день	79
Глава 4 Нигде в мире у женщин нет столь энергичных и атлетически волнистых подвижных губ, как у этой мингалки	12	Глава 32 Я в вас, вы во мне	82
Глава 5 Нет, это квинтэссенция разума	13	Глава 33 Прекрасный день, когда черные вдовы едят своих пауков-ухажеров	83
Глава 6 Разрешать обмен телами с шестнадцатилетнего возраста, вместо восемнадцатилетнего	16	Глава 34 Э-ге-гей!!	86
Глава 7 Униформа отделяет от мира, но не от себя самой	18	Глава 35 Это может стать началом конца	88
Глава 8 Обмен телами запрещается на пешеходных переходах, в тоннелях, на мостах, путепроводах, эстакадах, на железнодорожных переездах, на стартовых площадках, на взлетных полосах	20	Глава 36 Мне мало сердца, мне надо твое тело	89
Глава 9 Я училась в балетной школе	21	Глава 37 Не надо проходить курс молодого бойца	90
Глава 10 Он настаивает на женитьбе, я - на обмене телами	23	Глава 38 Я не бухгалтер	92
Глава 11 Утвердить прилагаемые Правила обмена телами	29	Глава 39 Вы должны побыть в шкуре каждого из нас	94
Глава 12 Женщины нанизывали на дубинки кумачовые лоскутки	33	Глава 40 На Мингале все с виду солидные люди	97
Глава 13 Вы не доктор, а патологоанатом	35	Глава 41 Подается на первое, на второе, и на десерт	102
Глава 14 Как, вы еще в своем теле?	38	Глава 42 Все простое - гениальное!	103
Глава 15 Здесь исторический центр нашей демократии	42	Глава 43 Неизбежно и фатально черный шар не упадет в лузу	104
Глава 16 Превращение в крестьянина - факт не обмена телами	45	Глава 44 Женщине всегда кажется, что у нее воруют друзей, мужчин и еще не подаренные подарки	106
Глава 17 Удивительно, на Мингале тоже есть свое средневековье	46	Глава 45 Мы относимся к непримиримым	108
Глава 18 Эгоизм развивает понятие "я" до ущербности	48	Глава 46 Ты со смертью давний враг!	110
Глава 19 Иллюзорное существование нас не устраивает	52	Глава 47 Как женщине, я ей не завидую	112
Глава 20 Этот парень с Земли не так уж плох, если числится по секретному ведомству	54	Глава 48 Я готов рисковать чем угодно	113
Глава 21 Пусть депутаты сидят на треногих табуретках	56	Глава 49 Ну и видок у дамочки!	115
Глава 22 Вы сегодня вульгарно сумасшедшая!	57	Глава 50 Теперь уж вместе навсегда	115
Глава 23 В данном случае на карту поставлена монархия	63	Глава 51 Они схватились за руки	116
Глава 24 А если сначала любовь, а потом обмен телами?	65	Глава 52 Надо уважать высокий суд	117
Глава 25 Я обратил внимание на частое подмигивание	68	Глава 53 Как много он знал о ней... и как мало	119
Глава 26 У вас квакерский взгляд на проблему обмена телами	71	Глава 54 Женский организм сопротивляется смерти сильнее	120
Глава 27 Мне далеко до роли предводителя	72	Глава 55 Именем революции!	121
Глава 28 В газетах упоминается группа "Цетрион"	73	Глава 56 Я еще больше буду любить его... то есть тебя	125
		Глава 57 Беременные часто становятся очень раздражительными	127
		Глава 58 Стихи оказались знакомыми	130

ПЕРСОНАЛИИ

133 стр.

Литературно-критический журнал "Ухта литературная"

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков	тел.	1-74-91
Игорь Терновский		6-12-46
Валерий Жуков		4-52-95
Тамара Новикова		5-17-70



Отпечатано при содействии

ЗАО "Гента-Север"

Директор Нарбеков Н.А.



СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ...

В этом ресторане очень остроумно сервировали клубнику. Ее приносили прямо плотными кустиками в серебряных горшках аккуратные официантки. Высшая степень утонченности. Тут же они подавали сливки. Остается срывать свежие ягоды и макать в блюдечко. Одного кустика достаточно для среднего посетителя.

Рыжая официантка подала клубнику с каким-то равнодушием. Похоже было на то, что сейчас она не в духе, что ее распирают неприятные чувства. Дмитрий решил вывести ее из гнетущего состояния.

– О, как я завидую вашему мужу. Он самый счастливый мужчина в мире.

– У меня жених.

– Ему мои симпатии, что у него такая красивая невеста.

– Я постоянно напоминаю ему об этом. – Видимо ей открылась приятная страничка в их отношениях, и она обворожительно улыбнулась.

– Как вас звать?

– Сюэмель.

– Имеются ли в вашем распоряжении какие-нибудь средства воздействия, которыми вы могли бы заставить его жениться на вас?

– Кроме обмена телами, никаких.

– Вы перед дилеммой?

– Да, надо выбирать: или брак или обмен телами.

– Нет взаимности?

– И она есть.

– А чего нет?

– Решительной воли идти навстречу с его стороны.

– Возможно, у него грандиозные планы. И вы не вписываетесь в их круг...

– Если бы...

– Испытайте его ценой освобождения от собственного тела в одностороннем порядке.

– Мудрено говорите...

– Попробуйте шантажировать его.

– Я об этом еще не думала.

– А чего он больше всего боится?

– Видите ли, его, как офицера, война интересует больше всего.

– Вот и используйте его слабость.

– Каким образом?

– Война хороша, когда происходит на импровизированном поле сражения.

– Не хотите сказать, что будуар – поле сражения между женщиной и женщиной?

– Да, что-то в этом роде.

– Эти сражения ни в счет, когда сознание общества поражено болезнью, называемой обменом телами.

Через пять минут она принесла новый заказ. Дмитрий хотел переменить тему разговора, но Сюэмель сама первая произнесла:

– Он настаивает на женитьбе, я – на обмене телами. Уступить мне, женщине, он не хочет ни на вот столечко. – Она показала на конец своего мизинца. – Я ненавижу его. С этой минуты обмен телами – это моя форма протеста. – Она, окрыленная, скрылась от Дмитрия, не попрощавшись.

Навстречу проносились громадные щиты рекламы:

“Человек тяготеет телом своим!”

“Вам не наскучило собственное тело?”

“Обмен телами – решение всех ваших проблем!”

“Как? Когда? Где? Ответ один – всегда и везде!”

Дмитрий засмотрелся на последнюю фразу.

– Это и есть ваша социальная гармония?

Но премьер-министр предупредил:

– Не доверяйтесь первому впечатлению. Эпатаж. Обмен телами запрещается на пешеходных переходах, в тоннелях, на мостах, путепроводах, эстакадах, на железнодорожных переездах, на взлетных полосах, на стартовых площадках. Везде, где создается аварийная ситуация для транспорта. В других местах, пожалуй, никакими правилами не регламентируется.